

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-06-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-06-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

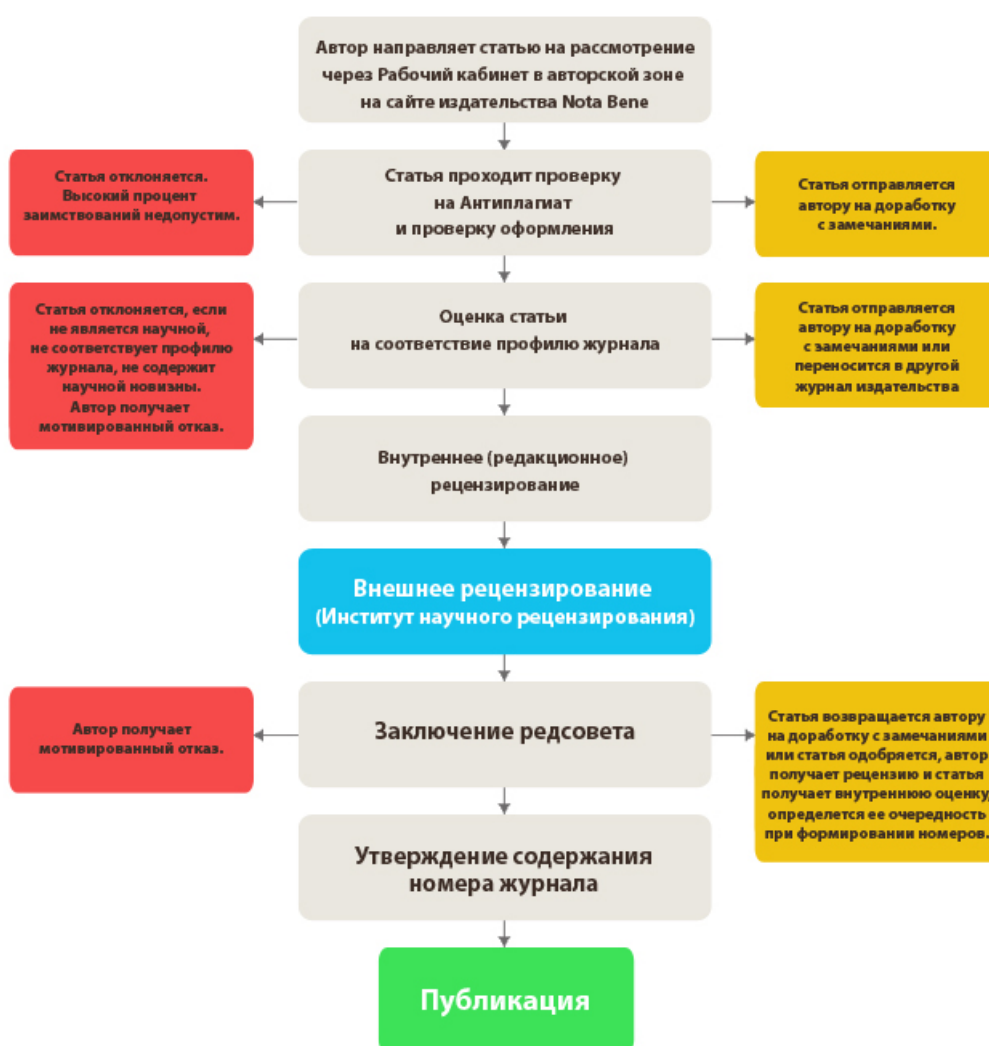
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Шагбанова Х.С. Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики	1
Шаронова Е.А., Савонина Н.А. Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина»)	10
Ли С. Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках	19
Алексеева М.Е. Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите	27
Акимова Т.И., Маскинкова И.А. Авторские стратегии и тактики Екатерины II в комедии «Обольщённый»	37
Гасанов М.М., Камбак Б. Факторы мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков в Москве	47
Пищерская Е.Н. Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике	55
Большеран М., Авати С., Саад Х., Махмуд Ахмад М., Хезла М. Детская мечта, которая может быть воспоминанием: Магический реализм и память в «Океане в конце переулка»	66
Жэнь Ц. Специфики лексикографического представления фразеологических единиц в «Русско-английском фразеологическом словаре» под редакцией С. Лубенской	77
Лю Ю. Трансформация прозы Юрия Казакова в переводе Фэй Циня на китайский язык	89
Ван Т. Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии	97
Чэнь С., Ма С. Особенности образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов	107
Царегородцева С.С., Погодина Ю.Ю. Лирические миниатюры Григория Петникова: историко-культурный контекст	116
Юдахин А.А. Полемика Ф. М. Достоевского-журналиста с католицизмом: к постановке проблемы.	125
Лобанова Т.Н., Сивова Д.А. Лингвистический аспект информационных войн в масс-медийном дискурсе	143
Кудрявцева Р.А. Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма	153
Карпов Э.С., Грабельников А.А., Гегелова Н.С., Мурзина О.В. Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в новейшей прозе В.Пелевина	168
Кофанова Г.П., Ваганова Е.Ю. Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии	179
Царегородцева С.С., Пинаев С.М. В крушеньях царств, в самосожженьях зла ... (за страницами книги Максимилиана Волошина "Демоны глухонемые")	190
Молодцов А.Б. Динамика точки зрения в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго"	204
Садовникова Ю.М. Особенности повествовательной структуры романа эпохи	218

постмодернизма на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»

Тарасова К.Э. Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических и социальных событий	227
Сидорова Е.Н. Экспликация понятийного компонента концепта «gardening» в британских детективах XIX века	240
Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах	249
Попова Л.Г., Коваленко Д.В. Структурная характеристика французских и русских терминов предметной области "космические искусственные спутники" (на материале глоссариев)	268
Зарубина Е.С. Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты	277
Англоязычные метаданные	292

Contents

Shagbanova K.S. Semantic structure of the concept "patriotism" through the prism of linguocognitistics	1
Sharonova E.A., Savonina N.A. The idea of eternal femininity in the poetry of A.M. Sharonov (based on the poem "Valentine")	10
Li X. Structural and semantic features of verbs of interpersonal relations in Russian and Chinese	19
Alexeeva M. Referential Expression Type and Definiteness as Factors in Asymmetrical Object Marking in Modern Hebrew	27
Akimova T.I., Maskinskova I.A. Author's strategies and tactics of Catherine II in the comedy "Seduced"	37
Hasanov M.M., Kambak B. Motivation factors in learning Azerbaijani and Turkish languages in Moscow	47
Pishcherskaia E.N. Creolized text as an object of study in linguistics	55
Boulberhane M., Aouati S., Saad H., Ahmad Mahmood M., Hezla M. A childhood dream that can be a memory: Magical Realism and Memory in the "Ocean at the End of the Lane"	66
Ren J. The specifics of lexicographic representation of phraseological units in the "Russian-English Phraseological Dictionary" edited by S. Lubenskaya	77
Liu Y. Transformation of Yuri Kazakov's Prose translated by Fei Qin into Chinese	89
Van T. The development of Internet memes as a form of online folklore in the era of the pandemic	97
Chen X., Ma X. Features of educational discourse in the system of institutional discourses	107
Tsaregorodtseva S.S., Pogodina Y.Y. Lyrical miniatures by Grigory Petnikov: historical and cultural context	116
Iudakhin A.A. The polemic of F. M. Dostoevsky with Catholicism: towards the formulation of the problem.	125
Lobanova T.N., Sivova D. Linguistic aspect of information wars in mass media discourse	143
Kudryavtseva R.A. V. N. Berdinsky's novel "You are for me, I am for you": the poetics of psychologism	153
Karpov E.S., Grabel'nikov A.A., Gegelova N.S., Murzina O.V. Concept of the journalist in online-media and its reflection in the newest V. Pelevin's prose	168
Kofanova G.P., Ваганова Е.Ю. Cognitive mechanisms of the formation of new words in German media	179
Tsaregorodtseva S.S., Pinaev S.M. In the wrecks of Kingdoms, in the self-immolations of evil ... (behind the pages of Maximilian Voloshin's book "Demons of the Deaf and Dumb")	190
Molodtsov A.B. Dynamics of the Point of View in B. Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"	204
Sadovnikova Y.M. Features of the narrative structure of the novel of the postmodern era	218

on the example of Barry Unsworth's novel "Moralite"

Tarasova K.E. Formation of Scottish Ethnic Identity through the Historical and Social Events	227
Sidorova E.N. The explication of the notional part of the concept "gardening" in the British detectives of the XIX century	240
Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The idea of truth in Russian, French and Chinese languages and cultures	249
Popova L.G., Kovalenko D. Structural characteristics of French and Russian terms of the subject area "space artificial satellites" (based on glossaries)	268
Zarubina E. Combinability of the verbal relative «исходя из»: left and right components	277
Metadata in english	292

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. — Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40613 EDN: UVSPIK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40613

Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики

Шагбанова Хабиба Садыровна

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации

625049, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40613

EDN:

UVSPIK

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2023

Дата публикации:

03-05-2023

Аннотация: Вербализация концепта «патриотизм» является довольно распространенным явлением в социолингвистическом пространстве. В этой связи, бесспорно, смысло-содержательное поведение структуры семы патриотизм и ее производных представляет предмет научного интереса. Будучи интернациональной по употреблению, лексема, репрезентирующая представленный концепт, имеет семантические корреляты в регионах с разной формой правления (например, верноподданничество), историческим и духовным багажом. В статье отмечается, что сема патриотизм предрасположена к экспликативному образованию целого спектра смыслов, способных вмещать в содержательное пространство лексемы в пределах конкретного контекста как прямое, первичное значение, так и значения вторичные, проективные, закрепленные в коммуникативной практике. Автор констатирует, что семантическая структура представленного концепта характеризуется коннотативно положительным употреблением, транслирующим адресату не только систему ценностей, но и характеризующим класс людей (патриоты). В статье фиксируется, что ассоциативное пространство представленной единицы языка и ее

производных антропоцентрично, а имплицитно присутствующие структурные элементы находят выражение в импликациях, делающих реализацию ядерного значения в одном из множества его вариантов уникальным. Исследование базируется на методологических основах и принципах анализа языка как зеркала национальной культуры, выработанных в современной когнитивной лингвистике.

Ключевые слова:

семантика, семантическая структура, деривация, патриотизм, патриот, концепт, интерпретация, содержательный потенциал, дискурсивные значения, лингвокогнитивистика

Концепт «патриотизм» является одной из тех ментальных структур, семантическое поведение которых снова и снова привлекает внимание специалистов по культуре, социологии, истории, философии и языкознанию. В пространстве русской языковой картины мира представленный концепт отражает систему морально-нравственных и духовных ценностей и является знаковой социальной доминантой, а также фиксирует процессы самоидентификации. Языковые единицы, как известно, фиксируют представления носителей языка об окружающей действительности [\[19, с. 4\]](#).

В разные исторические периоды данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых такими экстралингвистическими факторами, как отнесенность к общественным или политическим силам, вовлеченность в деятельность по защите интересов Родины на внутренней арене или за пределами страны [\[9, с. 371\]](#). В этой связи целесообразно рассматривать исследуемую единицу языка посредством инструментария синхронно-диахронного метода. Лингвокогнитивное направление науки о языке демонстрирует высокую востребованность в рамках совокупности изысканий, посвященных деятельности человека.

Концепт «патриотизм» по своей содержательной природе является амбивалентным, поскольку, с одной стороны, отражает совокупность представлений и смыслов, свойственных русской системе мировоззрения, а с другой – иллюстрирует феномен освоения интернациональной языковой единицы. Со времён ранней античности концепт «патриотизм» использовался в значении верности своему государству и народу, самоотверженного служения Родине, осмыслении места своего рождения и места жительства как особо важных и особо ценных доминант индивидуального уровня [\[11, с. 295\]](#).

Проблемная составляющая концепта «патриотизм» репрезентирует данную единицу языка в качестве элемента, активно задействованного в процессе номинации социально важных явлений. План выражения представленной словарной единицы обусловлен синонимико-антонимическими процессами в пределах контекста, характерных для социального и культурного дискурса.

Реализация семантического потенциала концепта «патриотизм» служит маркером как социокультурной ситуации в целом, так и апелляции индивидуума, групп или всего общества к определённым ментально-нравственным константам. Номинативная функция концепта «патриотизм» репрезентирует логико-семантическое наполнение данного абстрактного имени, которая в условиях конкретной речевой ситуации получает развитие

на основе конверсивного, партитивного, родовидового и других типов отношений и связей между семами.

Ценностный потенциал, представленный в отношениях контекстуальной и языковой синонимии, возводит значение гиперсемы (или одной из производных сем) как к сочетаниям слов устойчивого характера, так и к коллокациям [1, с. 174]. Экспликация смыслового объема слова *патриотизм* регистрирует возникновение разнообразных оттенков содержания, репрезентирующих деривационную природу концепта. Несмотря на высокую вариативность семантического компонента, число дериватов, продуцируемое доминантой, не бесконечно: образованные слова расширяют или сужают первоначальный, исходный смысл и развивают его исторически. Дериват *патриотичность* номинирует определенное материализованное качество, выбор души, свойство внутреннего мира индивидуума. Являясь неуловимой, неосязаемой сущностью, значение лексемы *патриотичность* как значение вторичное, производное, способно быть детерминировано в эмпирической практике коммуникации.

Синонимическое сближение сем *патриотизм* и *патриотичность* фиксирует новые грани концептуальной структуры, образующих семантическое поле концепта «патриотизм». В государствах с монархической формой правления сема *патриотизм* соприкасается с синонимическим пространством семы *верноподданничество*, поскольку обе ментальные единицы предполагают верность государю и готовность при первой необходимости встать на защиту правителя и государства. Антонимическое проявление с формально-структурной позиции осуществляется на уровне одно- и разнокорневой антонимии, а также на уровне словосочетаний (напр., неверность идеалам заботы о благе Отечества).

Узуальная реализация лексемы *патриотизм* в ее вариантах позволяет задекларировать те коннотативно-смысловые проявления, которые актуализируются в условиях взаимодействия со словами-партнерами, но не фиксируются в словарных статьях. Амбивалентное устройство семантического образования *патриотизм* демонстрирует готовность данной единицы к преобразованию по моделям метафоризации и метонимизации.

Специфической чертой восприятия абстрактного имени является отражение ее в наивной картине мира в качестве универсалии, изменяющей свой план выражения в зависимости от мировоззрения и системы ценностей общества, в котором она употребляется. Отвлеченный когнитивный объект *патриотизм* употребляется в поговорках, пословицах, в литературном и песенном творчестве, выступает как жанрообразующая доминанта в изобразительном искусстве и кинематографе, семантическая проекция которого позволяет сформировать ментально осязаемые границы актуального значения слова.

Метафорическое воплощение концепта «патриотизм», по мысли культуролога и журналиста М. Князевой, состоит в следующем: «*Патриотизм – это деятельное участие в судьбе своего народа. Именно патриотизм строит заводы, прокладывает улицы, возводит здания, держит государство. Патриотизм придает человеческой жизни значение, а человеку – значимость*» [7]. В процессе метафоризации его задействованная сема приобретает признаки созидательного влияния не только в аспекте созидания инфраструктуры, но и формирования стабильности на общегосударственном уровне и веской мотивации на уровне индивидуальном. В приведенном случае трансформация абсолютно абстрактного значения десигната приводит к восприятию концепта в качестве участника – градостроителя или организатора развития и благоустройства локаций и мотиватора личного и профессионального роста.

Один из видных современных ученых-историков, М. Кром, отмечает, что уже в XV в. засвидетельствован факт призывания благословения «на добра хотящих», т.е. на людей, ревнующих о благе Отчизны, таким образом, уже в средние века на Руси существовал аналог понятия патриот – доброхот, сначала употребляемый в отношении хотящих добра городу, а позднее – и всему Русскому государству [\[8\]](#). Данный случай номинации представлен как слово, способное выступать в качестве экспликата и экспликандума, т.е. и быть атрибутируемым, сопровождаться словом-партнером, и самому выступать в качестве атрибутирующего компонента в сочетании слов.

Сема патриотизм, а также ее дериваты репрезентируют в том или ином типе дискурса приоритеты адресанта. Так, при употреблении данной единицы языка говорящий, во-первых, иллюстрирует факт ориентации в системе культурных и морально-нравственных координат, а во-вторых – совершает операцию оценочного характера, где номинирует модель поведения как коррелирующую с логико-семантическим наполнением языковой единицы патриотизм, нейтральной или антагоничной в ее отношении [\[18, с. 33\]](#).

Круг ценностей, транслируемый лексемой патриотизм, позволяет фиксировать принятие или непринятие системы импликаций, окружающих данное слово. Так, при заявлении «Мы – патриоты, и на нас ответственность за будущее страны» говорящий описывает некую общность людей, объединенных одной идеей – идеей принадлежности к государству, объединенному историей, традициями и культурой, а также демонстрирует реализацию бинарного противопоставления, разделяемого по признаку верности Родине: т.е. те, которые считают себя патриотами, противопоставляются тем, которые таковыми себя не считают и, соответственно, не разделяют взгляды на систему моральных приоритетов и духовных ценностей.

Реконструируя семантическую структуру концепта «патриотизм», следует отметить ассоциативное пространство данного ментального конструкта, соотносящегося с чем-то положительным или отрицательным в зависимости от контекста. Так, представление о патриотическом поступке отсылает реципиента к первичному значению «любовь к Родине», из которого в свою очередь развивается вторичное. Первичное значение является моделирующим, тогда как вторичное – основанное на предметно-признаковых связях – моделируемым. Факт семантического сдвига позволяет определить имплицитно присутствующие структурные элементы, которые находят выражение в логико-содержательном пространстве данного концепта [\[13, с. 56\]](#).

Компонент антропоцентричности указывает на центральный предмет мысли, вокруг которого происходит развитие базового значения исследуемого концепта. Реализация разнообразных коннотаций позволяет переносить фокус внимания с одного плана выражения на другой. Так, во фразе *«Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством генерала Деникина»* [\[2\]](#) иллюстрирует возможность концепта «патриотизм» характеризоваться по величине: **«столь великим патриотом»**, – что сближает данное абстрактное имя с именами овеятыми и демонстрирует предрасположенность к метафорическому переносу (разумеется, само ментальное образование невозможно измерить в единицах метрики, но результат проявления патриотизма служит своего рода показателем готовности следовать связанной с ним системе ценностей).

Семантика размера применительно к лексико-семантическому деривату концепта «патриотизм» проявляется двояко: уместно и органично в русской языковой картине

мира звучит словосочетание *великий патриот*, но *малым патриотом* вряд ли в литературной норме кто-либо кого-либо назовет, таким образом сдвиг семантики, обусловленный атрибутивом *великий*, мотивирует восприятие в ключе положительной оценки. Положительная коннотация прилагательного *великий* связана отчасти с тем, что признак *великий* на фоне сочетаемости с другими единицами языка, как правило, характеризует слово-партнер в отношении масштаба занимаемой площади (напр., *великое озеро*), исторического опыта (*великий народ*), уровня достижений (*великие открытия*) и т.п.

В этой связи целесообразно выделить такой компонент семантической структуры концепта «патриотизм», как варьирование по интенсивности. Механизм определения его аксиологического веса в конкретном случае проявляется на основе метафорического переноса в слово-признаке. Актуальное значение тропеизма *патриотизм* моделируется в предметно-признаковой связке с прилагательным, мотивирующим идиоматичность, погруженного в импликационное пространство и сообщающего словосочетанию оттенок прототипической ситуации с исходами по ряду направлений: *великий патриот* – мужественный человек, *великий патриот* – отважный деятель, *великий патриот* – достойный сын Родины.

Интерференционная реализация тропеических значений гиперсемы патриотизм характеризуется многоступенчатым развитием. «Из таких **отменные патриоты** получаются, которые в огне не горят, в воде не тонут» [14]. Ядерное значение лексемы *патриот* номинирует не столько конкретную личность, сколько тип поведения, характер человека, осознающего особенно глубоко свою ответственность перед Отечеством и народом. В данном предложении наблюдается деривационная зависимость между устойчивым выражением «в огне не горят, в воде не тонут», обуславливающим и оформляющим семантическое развитие базисного значения.

Типичная зависимость прототипического компонента единицы языка помимо основного общеупотребительного значения сопровождается фразеологическим оборотом, усиливающим исходное содержание слова: *отменные патриоты* – экспрессивно атрибутивное образование, подчеркнуто сдвинутое в новую предметную область, последовательно апеллирующее к цепочке качеств (в огне не горит, в воде не тонет – признак исключительных личных способностей).

Объектно-признаковые связки фиксируют дифференциацию в плане ассоциативного реконструирования в процессе осмысления, где единица языка *отменные патриоты* способна быть интерпретирована и как отдельно взятые люди, проявившие себя решительно и отважно, так и тип граждан, для которых одна из высших ценностей – любовь к Отечеству, т.е. налицо развернутая семантическая структура. Здесь же концепт «патриотизм» демонстрирует содержательный динамизм за счет явления, описанного выше. Также, как и *великий патриот*, комплекс *отменные патриоты* снабжен дескриптивом, подчеркивающий предрасположенность ядерного значения к вариативности и значительной смысловой амплитуде [6, с. 119].

Компонент атрибутивности служит мотивирует признаки интенциональности. Рассматривая лексику *патриотизм* и ее лексико-семантические дериваты в пределах обыденного употребления, следует охарактеризовать функционирование данных единиц речи в художественном дискурсе. Целеполагание автора литературного произведения в конструировании конкретных сюжетных элементов непосредственным образом влияет на значение, которое может быть близким по значению той же лексики, но употребленной не в литературном тексте, а в повседневной речи, однако невелика вероятность

абсолютного семантического соответствия в обоих случаях [\[3, с. 331\]](#).

Проблема содержательного потенциала концепта «патриотизм» выражается в формировании ментального продукта, где единица языка допускает такую интерпретацию знака и плана его выражения, которая обусловлена механизмами семантизации. Образование семантического пространства происходит в рамках конституции – взаимовлияния значений слов друг на друга, где в пределах синтагмы одни сегменты семантической структуры становятся маркирующими, функциональными, а другие или занимают периферийное положение, или по причине утраты востребованности покидают смысло-содержательное пространство конкретной семы [\[5, с. 127\]](#).

Рассмотрим очередной пример: *«В основе программы – личностно-ориентированный подход к учащемуся, обеспечение педагогическими средствами свободного процесса развития и становления сознательного гражданина и патриота своей страны, обладающего экологической культурой, критическим мышлением, готовностью отдать силы, энергию, талант на благо общества»* [\[16, с. 5\]](#). В данном фрагменте текста развитие значения лексемы патриот мотивируется рядом таких качеств личности, как культура, мышление и готовность в том или иной сфере деятельности внести лепту для укрепления и развития Отечества. Интенционал при этом не претерпевает существенных изменений, однако возможность семантической деривации обуславливает спектр узуальных значений, формируемых под воздействием экстралингвистических факторов.

Алюзивный компонент, поддерживаемый контекстом, характеризует контекст употребления семантической вариации концепта, в пространстве которого осуществляется словоупотребление [\[15, с. 62\]](#). Реализация семантического потенциала слова связана с актуализацией ряда ассоциаций-коррелятов, выступающих в качестве имплицитных актуального семантического значения. Так, в вышеприведенном примере лексема патриот однозначно интерпретируется на уровне инварианта (как человек, преданный Родине), но как тропеизм наделена рядом признаков, делающими ее план выражения уникальным в отношении всего возможного семантического воплощения. Т.е. адресат, воспринимая данную синтагму, произвольно выстраивает семантико-деривационные связи между словом-концептом и единицами-признаками: патриот – человек, обладающий экологической культурой (здесь, разумеется, составитель текста апеллирует не столько к движению за экологию, чистоту планеты и спасение животных, сколько за то, что патриотом в подлинном смысле слова может называться человек, чья культура основана на краеугольных морально-нравственных принципах, обращаясь к приему метафорического переноса) [\[20, с. 364\]](#). Сема патриот, а вслед за ней и сема патриотизм, оказывается взаимосвязанной и испытывающей влияние слов-партнеров «экологическая культура», создающих условие для однозначной интерпретации представленной лексемы.

Несмотря на то, что само выражение в данном случае изолировано от ткани текста, толкование рассматриваемого слова патриот вполне определено: оно пропущено через коннотативную призму повествования и представлено смысловым оборотом. Довольно нетипичен и нетривиален регистр, к которому обращается автор высказывания. Формальная структура тропеизма патриот демонстрирует поддержку значимостного компонента смысловой структуры инвентарем семантических свойств и реестром параметров, придающих выразительность и завершенность.

Смыслорождение становится результатом дешифровки имплицитных опорных элементов, оформляющих эксплицитный контур языковой единицы [\[12, с. 161\]](#). Описывая

понятие «патриот», автор наряду с конкретизацией качеств патриота (экологическая культура, критическое мышление, готовность отдать силы, энергию, талант на благо общества) воссоздает целостную в эксплицитном отношении картину, по существу, регистрируя реакцию интенционала на взаимодействие со структурой и компонентами высказывания, производящего отбор определенных признаков, релевантных атрибутизации конкретной ситуации [17, с. 350].

Импликационал концепта «патриотизм» относится к экстенционалу посредством предметно-логических условий, зависимостей, следствий и компонентнов, вовлеченных во взаимодействие в рамках мыслительной деятельности [4, с. 74]. Зависимости и следствия употребления имени (в данном случае – патриотизм и его производные) опираются на ретроспективное проявление вариантов конкретной единицы языка, употребление которой в коммуникативном пространстве зафиксировало как однозначные проекции смысло-содержательной структуры семы слова, так и на основе однозначных актуальных спектр потенциальных значений, относимых к одному знаку [10, с. 269].

Таким образом, гиперсема *патриотизм* эксплицирует свой семантический потенциал в производных, поддерживающих деривационную природу концепта через расширение или сужение смысла инварианта. Совокупность эксплицитных значений выполняет описательную и репрезентативную функции, позволяющих идентифицировать и охарактеризовать случаи словоупотребления с указанием ряда признаков семантического пространства. Примеры, приведенные в данной статье, иллюстрируют соотношение тропеизмов лексики патриотизм с совокупностью признаков, отраженных в данном имени. Как компонент социальной деятельности концепт «патриотизм» преподносится в качестве одного из ключевых мотивирующих факторов развития и укрепления государства. Дериват *патриот* предрасположен к синонимической соприкасаемости с содержательным пространством семы *верноподданничество*, нестабилен в объеме излагаемого понятия, вариативен в логической структуре. Посредством атрибутизации имя *патриот* может варьироваться по интенсивности – великий патриот, по набору личных качеств – как человек с определенным складом культуры, мышлением и готовностью действовать на благо Родины.

Библиография

1. Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 256 с.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. IV. Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Слово, 1925. – 248 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rushist.com/index.php/denikin-4/800-9-tragediya-dona-i-ukhod-atamana-krasnova> (дата обращения: 25.04.2023).
3. Доброхотов А.Л. Философия культуры. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 560 с.
4. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 185 с.
5. Касевич В.Б. Проблемы семантики. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 304 с.
6. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. – М.: ИФ РАН, 2011. – 218 с.
7. Князева М. Патриотизм в России: как привести в порядок свой душевный мир [Электронный ресурс]. 2023. 12 марта. – URL: <https://www.mk.ru/social/2023/03/12/patriotizm-v-rossii-kak-privesti-v-poryadok-svoy-dushevnyy-mir.html?ysclid=lh09x7rhst367412516> (дата обращения: 25.04.2023).

8. Кром М. Как правильно Родину любить? (интервью) [Электронный ресурс]. 2020. 5 октября. – URL: <https://eusp.org/news/kak-pravilno-rodinu-lyubit-istorik-mikhail-krom-rasskazal-o-patriotizme-v-rossii-i-ego-proyavleniyakh?ysclid=1h0q4gfvjd766077696> (дата обращения: 25.04.2023).
9. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. – М.: Академический Проект, 2005. – 504 с.
10. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
11. Луиджи А. Психология культуры. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2016. – 480 с.
12. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.
13. Неретина С.С., Огурцов А.П., Мурзин Н.Н., Павлов-Пинус К.А. Апории дискурса. – М.: ИФ РАН, 2017. – 119 с.
14. Никитин В. Время сладкого янтака. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного медицинского университета, 2022. – 370 с.
15. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и англ. Лексикологии. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1974. – 222 с.
16. Попова Е.П. Дополнительная общеразвивающая программа «ТЕРРА» [Электронный ресурс]. – Балашиха, 2014. – 33 с. – URL: https://dopobraz-karelia.ru/images/edu_programs_for_teachers/estestvennonauchnaya/popova_terra.pdf (дата обращения: 25.04.2023).
17. Шагбанова Х.С. Концепт «патриотизм» в балладе К. Симонова «Секрет победы» // Образование и право. 2022. № 2. – С. 348-352.
18. Шилиев К.С. Основные концепции когнитивной семантики. –Томск: Томский государственный университет, 2018. – 45 с.
19. Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика. –Екатеринбург: Ажур, 2018. – 768 с.
20. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры. 2015. – С. 350–387.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «патриотизм» в языковой картине мира носителей русского языка. Сегодня идеи патриотизма являются доминирующими в средствах массовой информации ввиду глобальных геополитических процессов, что идет в разрез предшествующей эпохе, когда в нашей стране доминировали ценности западноевропейского мира как материальные, так и духовные.

Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской

школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами.

Однако отметим, что термин «лингвокогнитивистика» не является общепринятым в профессиональном сообществе, преимущественно употребляется словосочетание «когнитивная лингвистика».

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылок к работам предшественников по данной тематике. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы только на русском языках. Считаем, что работы иностранных языках по смежным темам исследования, несомненно бы обогатили работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шаронова Е.А., Савонина Н.А. — Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина») // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40677 EDN: YQSLWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40677

Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина»)

Шаронова Елена Александровна

ORCID: 0000-0003-0221-4427

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва

430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, оф. 503

✉ sharon.ov@mail.ru

Савонина Наталия Анатольевна

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

430005, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, оф. 503

✉ cozlov.natalya2015@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40677

EDN:

YQSLWY

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2023

Дата публикации:

10-05-2023

Аннотация: Мировая культура на протяжении столетий задумывается над сущностью идеи Вечной женственности, явленной в философии и искусстве. Идея Вечной женственности формируется из совокупности понятий, определяющих Женщину, – красота, любовь, материнство, целомудрие, мудрость, гармония. Целью работы является рассмотрение идеи Вечной женственности в творчестве современного российского поэта – А. М. Шаронова. Цель реализуется в процессе анализа стихотворения «Валентина», посвященного жене поэта. Лирическая героиня является для А. М. Шаронова

воплощением женственности. Исследование базируется на применении комплекса методов – культурно-исторического, сравнительно-исторического, метода целостного анализа художественного произведения. Научная новизна исследования заключается во впервые производимом анализе стихотворения А. М. Шаронова «Валентина» в предложенном контексте. В статье доказывается, что образ Вечной женственности формируется у А. М. Шаронова через мифологическое восприятие женскости, которая обладает демиургическими чертами, свойственными женщине по праву ее рождения женщиной. Она демиург потому, что создана рождать (= творить), для нее это не целеполагание, как для мужчины, а данность. Женщина у А. М. Шаронова не вторична, не пассивна, не только объект восхищения и поклонения, но – субъект, энергично осуществляющий жизнь. По А. М. Шаронову, в Женщине заключены мудрость, красота, любовь, творительная сила, способствующая преображению мира и дарующая человеку возможность восхождения к выбранным им высотам, что и определяет для него идею Вечной женственности.

Ключевые слова:

идея Вечной женственности, Шаронов, поэзия, красота, лирическая героиня, античный код, гармония, целомудрие, материнство, лирический сюжет

Современный поэт ничуть не в меньшей степени, чем поэт XVIII–XX вв., стремится осмыслить идею Вечной женственности, опираясь для этого на культуры разных цивилизаций, и в первую очередь на античную культуру, в поисках нового слова и новой формы для художественного высказывания. Поэт, обладающий обширными культурными интересами, при условии наличия высокого дарования является носителем безграничного творческого потенциала. А. М. Шаронов, имея объёмный духовный, интеллектуальный и эмоциональный опыт и опыт научного поиска в области гуманитарных наук, стремится применить его в своей литературной работе. В его прозе и поэзии активно присутствуют античные, русские и финно-угорские литературные, исторические и философские контексты. Образы Гомера, Платона, Сократа, Эзопа, Аристотеля, Лённорта, Пушкина и греческих, эрзянских и русских богов и эпических героев образуют поле его творческих ориентиров в таких стихотворениях, как «Мне руку подает Гомер...», «Прервав тысячелетний сон...», «Я в дверь стучусь, в которую Гомер...», «В краю, где каждый как Сизиф...», «За мудростью к Эзопу и Крылову...», «Ахиллесова пята», «Разверзлись небеса, открылась взору бездна...», «Жил-был на Руси богатырь Святогор...», «Иду по Муромской дороге...», «Анастасия», «Я из радуг корону сотку...», «Валентина» и в др.

Поэзия А. М. Шаронова вызывает исследовательский интерес в связи с ее отзывчивостью на мировые и общероссийские запросы. В первую очередь внимание ученых привлекает созданный им эпос «Масторава» [\[19\]](#), существующий на эрзянском, русском, мокшанском, венгерском, финском языках: см. А. А. Арзамазов [\[1; 2\]](#), А. А. Гагаев [\[4; 5\]](#), О. П. Ингл [\[11; 20\]](#), Р. А. Кудрявцева [\[12\]](#), В. П. Миничкина, Е. С. Руськина [\[15\]](#), В. В. Наумкин, Е. А. Шаронова [\[16\]](#) и др.; проза и поэзия, представленная в книгах «Планета Эра», «На земле Инешкипаза», «Монологи» [\[18\]](#), анализируются в работах Г. Г. Горланова [\[6\]](#), С. П. Гудковой [\[7; 8; 9; 10\]](#), А. А. Арзамазова [\[1; 2\]](#), Е. А. Шароновой [\[20\]](#), А. В. Хозяйкиной [\[17\]](#) и др.

Стремясь объяснить смысл и характер интерпретации идеи Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова, мы остановимся на стихотворении «Валентина» (2015):

Ты Афродита в красоте своей,
Афина – в мудрости, Деметра – в неге.
Сиянье глаз твоих полночных звёзд синей,
Когда нет туч и облаков на небе.
Печален и угрюм ракитов куст,
Стоит светла и празднична берёза...
Слова, как соловьи, с твоих слетают уст,
В твоих руках любой цветок как роза.
Печалюсь я. Но что печаль моя?
Уныние, когда проходишь мимо.
Уйдёшь – и вмиг осиротею я,
Убогим стану, злым невыносимо.
Из дней и лет рождаются века
И всех времён магические числа...
Из родника рождается река,
Из красоты – любовь и жизни смыслы.
Всё обретает имя на земле,
Когда ты Афродита и Афина.
И счастья свет сияет на челе
У мужа твоего, у дочери и сына [\[18\]](#).

Стихотворение посвящено Валентине Васильевне Шароновой – жене поэта, матери его детей, его спутнице и помощнице. Она всегда шла рядом с ним, избавляя его от одиночества на жизненном поле битвы; бросаясь в бой, он мог быть уверен, что она бросится тоже, своим присутствием рядом поддержит и защитит его. Их союз всегда воспринимался как идеальный союз. Посвящение жене создает условия для появления внешнего и внутреннего сюжетов в этом стихотворении. Внешний сюжет связан с актуализацией идеи Вечной женственности, выводящий контекст стихотворения в бытийное и космическое пространства. Сюжет внутренний, «бытовой», вырастает из конкретной ситуации, явившейся поводом для написания произведения: в 2015 году жена поэта оказалась в больнице. Дни, проведенные без нее, визиты в больницу, размышления по поводу вынужденной разлуки оказались в основе лирической рефлексии. Внутренний сюжет, становясь составной частью внешнего сюжета, приводит к следующей «дислокации» образов: образ Женщины поднимается до образа Богини, в свою очередь, образ Богини содержит черты образа Женщины.

Образ жены присутствует во многих стихотворениях А. М. Шаронова, прямо или опосредованно он обращается к нему, размышляя над идеей Вечной женственности подобно Данте, Петрарке, Гёте, Пушкину, представителям европейской философии и эпохи русского Серебряного века. В поисках верифицированного определения Вечной женственности обратимся к статье А. Е. Махова в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001), в которой под Вечной женственностью понимается «трансцендентная сила, любовно поднимающая человека в область вечной творческой жизни. Способность вечной женственности «тянуть к себе» свидетельствует о ее родстве с силой притяжения, правящей в мире и наивысшим образом проявляющей себя в любви; женственное и скрытая в нем сила притяжения управляет «нами», т.е. миром мужчин <...> Прообразы Вечной женственности в аспекте даруемого ею любовного всепрощения – Богоматерь как «небесная царица» и заступница за грешников, Беатриче из «Божественной комедии» Данте, также влекущая грешника к высшим сферам <...> В русской поэзии Серебряного века Вечная женственность – лик вечной мистической возлюбленной, не тождественный ни одному из земных лиц и существующий лишь в предчувствии и надежде <...> Вечная женственность знаменует преодоление мужского эгоизма в женской стихии любви, приход мужчины к вечным идеям красоты, добра и истины, которые всегда являлись человечеству в женской форме, поскольку именно с женщиной связано «примиряющее, успокаивающее, просветляющее начало», противостоящее «рвущейся вперед жизни мужчины»» [\[13, с. 119–120\]](#). Н. А. Бердяев пишет: «...женственная стихия есть стихия космическая, основа творения, лишь через женственность человек приобщается к жизни космоса. Человек в полноте своей есть космос и личность» [\[3, с.325–326\]](#). Философ и поэт Вл. Соловьев в стихотворении «Das Ewig-Weibliche» дает ставшее хрестоматийным определение Вечной женственности, соединившей в себе божественное и земное:

Знайτε же: вечная женственность ныне

В теле нетленном на землю идет.

В свете немеркнущем новой богини

Небо слилось с пучиною вод.

Всё, чем красна Афродита мирская,

Радость домов, и лесов, и морей, –

Всё совместит красота неземная

Чище, сильнее, и живей, и полней (1898).

Очевидно, что А. М. Шаронова осмыслении идеи Вечной женственности следует традиции, сложившейся в русской и мировой культуре [См. об этом: 14], но находит свой образ, символизирующий для него высшее начало женственности, – образ собственной жены.

Идея Вечной женственности, олицетворенная А. М. Шароновым в Валентине, основывается на сочетании множества разных начал, из которых складывается вечно притягательный, исполненный красоты и мудрости, страстности Евы (искушенной и искушающей) и целомудрия Богоматери (совмещающей невинность и материнство) гармоничный образ Женщины.

Образ Вечной женственности формируется у А. М. Шаронова через мифологическое

восприятие женскости, которая обладает демиургическими чертами, свойственными женщине по праву ее рождения женщиной. Она демиург потому, что создана рождать (= творить), для нее это не целеполагание, как для мужчины, а данность. В стихотворении «Валентина» образ лирической героини вбирает в себя черты таких греческих богинь, как Деметра, Афродита, Афина и Хлорида (Флора), и обладает ими с полным правом, ибо они и ее тоже, она их наследница и носительница.

Валентина у А. М. Шаронова как воплощенная женственность – земная и небесная, ей подвластны Космос («Сиянье глаз твоих полных звезд синей») и Земля, она объемлет весь мир так, как это делают боги. Перечень божественных имен, наполняющих имя Валентины, не случаен: «Ты Афродита в красоте своей, / Афина – в мудрости, Деметра – в неге». Эти богини, каждая в своей ипостаси, воплощают самые главные творительные женские начала. Для наглядности напомним общеизвестное: Афродита – богиня любви и красоты, выполняющая космические функции охватывающей весь мир любви; представляется и как богиня плодородия, вечной весны и жизни, пребывает в окружении цветов; мыслится как богиня браков и родов.

Афина – богиня мудрости и справедливой войны, защитница целомудрия, имеет авторитет, равный авторитету Зевса.

Деметра – богиня плодородия и земледелия, носительница подлинного материнства, имеет прекрасную внешность, представляется с волосами цвета спелой пшеницы.

Хлорида (Флора) – богиня цветов, расцвета, весны и полевых плодов, ее грудь источает цветы, распространяющиеся повсюду.

Очевидно, что лирическая героиня А. М. Шаронова, подобно греческим богиням, женственна, красива, исполнена любви и глубокого, очень мощного материнского начала, целомудренна, мудра, интеллектуальна, наделена творительной силой. Ее нечаянными усилиями мир оживает и украшается, всякое ее движение сопровождается прекрасным превращением: «Слова, как соловьи, с твоих слетают уст, / В твоих руках любой цветок как роза».

Причиной такого чудесного воздействия Валентины на людей и природу является безмерное чувство любви, владеющее ею. Ее женская сущность – Красота, которая состоит из любви, оплодотворена любовью и рождает любовь. И эта любовь сотворяет и осмысляет жизнь вообще, жизнь как таковую: «Из родника рождается река, / Из красоты – любовь и жизни смыслы».

Валентина олицетворяет для поэта Жизнь: без первой станет невозможной вторая («Уйдёшь – и вмиг осиротею я, / Убогим стану, злым невыносимо»), ее уход ассоциируется для него с концом света, с утратой им самого себя, с отречением от возможности быть без нее.

И, напротив, Жизнь становится полнокровной, начинает пульсировать и наполняться содержанием, когда Она возвращается: «Всё обретает имя на земле, / Когда ты Афродита и Афина. / И счастья свет сияет на челе / У мужа твоего, у дочери и сына». Здесь поэт буквально обожествляет лирическую героиню, наделяя ее главной божественной функцией – дать имя сотворенному миру. Назвать творение так же важно, как сотворить. Мир как таковой способен состояться только тогда, когда все в нем обретет имя, ибо лишь названное – актуально.

Идеальная Женственность, воплощаемая образом Валентины, проявляется в ее

материнской (она родила сына и дочь, вне исполнения этой миссии женщина не может мыслиться женщиной) и в супружеской (она из мужчины сотворяет мужа и отца, влияя на реализацию главного его предназначения) ипостасях. Красота, по А. М. Шаронову, производит «любовь и жизни смыслы», т. е. гармонизирует бытие мира и человека. Вне красоты ничто невозможно. И Женщина, воплощающая и творящая красоту, символизирует плодотворность и неконечность Жизни.

Стихотворение построено таким образом, что первая строфа констатирует основную идею стихотворения: прекрасное питается из разных источников, но олицетворяется Женщиной, содержащей в себе все черты прекрасного, являющейся воплощенной красотой. Во второй, третьей, четвертой строфах идет доказательство утвердительной первой строфы. В них второе двуступенчатое развивает и усиливает содержание первого. При этом сами строфы по смыслу и по степени раскрытия темы равноценны по отношению друг к другу, каждая содержит завершенную мысль. Вторая строфа утверждает оптимистическую и активную природность Женщины (Валентины) по сравнению с природой как средой обитания человека; объясняется это даром Женщины неутомимо претворять мир. Третья строфа объясняет невозможность мира без Женщины, обратную его метаморфозу, ведущую в небытие. В четвертой строфе поэт наделяет женщину вселенской утвердительной силой, питаемой творительными ее способностями. Пятая строфа представляет собой положительный вывод из всего хода рассуждений о сущности и высоком значении Женщины и является кульминацией стихотворения. В ней фиксируется основная идея произведения и завершается образ лирической героини, определяющий, что высшая степень женственности проявляется в одаривании счастьем мужа и детей, что образует бесконечную цепь благотворных последствий: счастливые люди начинают производить счастливый мир, украшенный цветами и большими смыслами; в таком мире красота никогда не заканчивается, поскольку счастливый человек видит ее во всем и все способен превратить в красивое.

В поэтическом мире А. М. Шаронова счастливый человек, уподобляясь богу в способности не отменить зло, но нацелить его на служение добру (в эрзянском мифе о сотворении мира, включенном поэтом в «Мастораву» и сыгравшем в ней сюжетобразующую роль, бог богов Инешкипаз, создав идеальный мир, сталкивается с сопротивлением черта – Идемевся, который тоже мыслит себя творцом и вмешивается в творительный процесс, наводя порчу на произведение Инешкипаза. Бог, не имея возможности вернуть землю в прежнее состояние, превращает уродства, содеянные Идемевсем, в красоту: черные тучи на безоблачном небе, появившиеся усилиями черта, наполняет живительной влагой, которая, ниспадая на землю в виде дождя, делает ее плодотворной; овраги, возникшие на идеально ровной поверхности земли, начиняет золотом и драгоценными металлами и т.д.), становится «маленьким богом», «земным богом». Это оказывается для него возможным благодаря божественному воздействию Женщины.

Женщина у А. М. Шаронова не вторична, не пассивна, не только объект восхищения и поклонения, но – субъект, энергично осуществляющий жизнь. По А. М. Шаронову, в Женщине заключены мудрость, красота, любовь, творительная сила, способствующая преображению мира и дарующая человеку возможность восхождения к выбранным им высотам, что и определяет для него идею Вечной женственности.

Библиография

1. Арзамазов А. А. Контексты художественного обновления национальной литературы. Ижевск: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Шелест» ,

2018. 291 с.
2. Арзамазов А. А. Художник, создавший эпос. Отзыв на эпос «Масторава» А. М. Шаронова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 3. С. 557–559.
 3. Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. 624 с.
 4. Гагаев А. А., Гагаев П. А., Бочкарева О. В. Философия эрзянского эпоса «Масторава» А. М. Шаронова // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 88–90.
 5. Гагаев А. А., Гагаев П. А. «Масторава» А. М. Шаронова в лингвистической теории дискурса и текста // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Майкоп, 2017. С. 140–145.
 6. Горланов Г. Е. «Масторава» – уникальное явление в культуре России // Масторава. – 5-е издание, исправленное и дополненное. Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2022. С. 495–496.
 7. Гудкова С. П. Художественное осмысление эрзя-мокшанской мифологии и фольклора в героической поэме Мордовии (на материале поэмы А. Шаронова «Кудадей» // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия. Ижевск, 2016. С. 415–422.
 8. Гудкова С. П. Образ Эрзянии в поэтическом осмыслении А. М. Шаронова // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 1. С. 107–109.
 9. Гудкова С. П., Хозяйкина А. В. Особенности развития книги стихов в современной русскоязычной поэзии Мордовии (на материале поэтических книг А. М. Шаронова «Монологи» и С. Ю. Сеничева «Виноградвшоколаде, или Словосложение») // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 16–24.
 10. Гудкова С. П. «Итоговая» книга стихов как метажанровое образование в русскоязычной поэзии Мордовии (А. Шаронов «Планета Эра» и В. Гадаев «Поздние откровения») // Филологическая регионалистика. 2016. № 2(18). С. 40–46.
 11. Ингл О. П. Проблема кризиса патриархального правления в эпосе «Масторава» // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 40–43.
 12. Кудрявцева Р. А., Кузнецова М. Н. Мордовский эпос «Масторава» А. Шаронова (к вопросу о типологических чертах книжной формы эпоса финно-угорских народов) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 479–488.
 13. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
 14. Мазина Е. И. Вечная женственность как главная идея русской софиологии // Вестник Вятского государственного университета, 2009. № 1–4. С. 130–132.
 15. Миничкина В. П., Руськина Е. С. Эпос как фактор формирования этнической идентичности личности (на примере республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 1. С. 93–106.
 16. Наумкин В. В., Шаронова Е. А. «Масторава»-космос и социум // Масторава. – 5-е издание, исправленное и дополненное. Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2022. С. 3–15.
 17. Хозяйкина А. В. Особенности репрезентации национального фольклора и мифологии в поэзии А. М. Шаронова // Русский фольклор Мордовии в контексте отечественной культуры : сборник материалов Всероссийской научной конференции. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. С. 180–183.

18. Шаронов А. М. Монологи. Саранск [Б.и.], 2019. 512 с.
19. Шаронов А. М. Масторава / А. М. Шаронов. – 5-е издание, исправленное и дополненное. – Саранск : Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», 2022. 512 с.
20. Шаронова Е. А., Ингл О. П. «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава»: эпико-исторический диалог. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 148 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина»)» раскрывает одну из концептуально значимых идей в творчестве А.М. Шаронова, поэта, прозаика, создателя героического эпоса «Масторава». Однако, как показано в статье, А.М. Шаронов еще и тонкий лирик, при этом стихотворения на глубоко личные темы у него имеют философские подтексты. Эту особенность лирики поэта автор статьи раскрывает на примере анализа одного стихотворения – «Валентина». Его задачей стало раскрыть смысл и характер интерпретации идеи Вечной женственности в творчестве А.М. Шаронова. По сути, автор статьи последовательно рассмотрел биографический, историко-литературный, философский, мифопоэтический контексты произведения, раскрыл особенности его композиции, показал логику развития лирического сюжета, а через это обосновал тезис об «отзывчивости на мировые и общероссийские запросы» поэзии А.М. Шаронова.

Особую ценность имеет реально-биографический комментарий к стихотворению, так как он основан на фактах, которые возможно получить либо от близкого окружения поэта, либо из архива. Между тем без этого комментария читатель не осознал бы во все полноте трагический подтекст стихотворения, один из его важнейших «сюжетов». Как пишет автор статьи, «посвящение жене создает условия для появления внешнего и внутреннего сюжетов в этом стихотворении. Внешний сюжет связан с актуализацией идеи Вечной женственности, выводящий контекст стихотворения в бытийное и космическое пространства. Сюжет внутренний, «бытовой», вырастает из конкретной ситуации, явившейся поводом для написания произведения...» Подробно в статье показано, как взаимодействуют два типа сюжета, как они соотносятся: «Внутренний сюжет, становясь составной частью внешнего сюжета, приводит к следующей «дислокации» образов: образ Женщины поднимается до образа Богини, в свою очередь, образ Богини содержит черты образа Женщины». Этим обстоятельством обусловлено сочетание в образе Валентины земного и небесного, включение развернутой цепочки сравнений (уподоблений) героини с мифологическими богинями. Как пишет автор статьи, «идея Вечной женственности, олицетворенная А. М. Шароновым в Валентине, основывается на сочетании множества разных начал, из которых складывается вечно притягательный, исполненный красоты и мудрости, страстности Евы (искушенной и искушающей) и целомудрия Богоматери (совмещающей невинность и материнство) гармоничный образ Женщины». По сути, в стихотворении отражен идеальный образ Женщины, как его понимает поэт, и важно, что для него женщина – стержень, вдохновляющая и организующая сила, или, как сказано в статье, «субъект, энергично осуществляющий жизнь».

Статья интересна тем, что в ней показано, какое развитие получила идея Вечной женственности в современной литературе (стихотворение написано в 2015 году), как

современный автор взаимодействует с традицией мировой литературы (автор статьи вписывают творчество А.М. Шаронова в очень солидный литературный ряд – «Данте, Петрарка, Гёте, Пушкин»). И еще один важный момент – в работе показано, как в этом стихотворении отражается идея зла, которое нацеливается на сотворение добра, наиболее полное выражение получившая в главном произведении автора – эпосе «Масторава». Через эту связь выявляется единство художественного мира автора, претворение значимых для его творчества идей и ключевых образов в разных жанровых формах.

В статье последовательно выдержан научный стиль, представлен репрезентативный список литературы. Статья рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли С. — Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40704 EDN: YSSWNI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40704

Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках

Ли Сююй

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 6

✉ lixuyu0525@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40704

EDN:

YSSWNI

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2023

Дата публикации:

11-05-2023

Аннотация: Предметом исследования являются структурно-семантические особенности глаголов, выражающих межличностные отношения в двух разноструктурных русском и китайском языках. Цель работы заключается в сопоставительном описании структуры глаголов и их семантических особенностей, а также в выявлении специфики грамматических категорий и сравнения словообразовательных типов глаголов в двух языках. В данной статье использовались следующие методы: описательный, сопоставительный и метод компонентного анализа. С точки зрения структурно-семантического подхода, глагольная лексика русского и китайского языков, выражающая межличностные отношения, по-прежнему остается недостаточно изученной, в связи с чем актуальны исследования в области глагольной семантики. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в сопоставлении рассмотрены общие и уникальные черты анализируемых глаголов. Показано, что важной особенностью русских глаголов является то, что они имеют много форм словоизменения с различными значениями, тогда как в китайском языке глагол не имеет форм словоизменения и, следовательно, семантического разнообразия. Результаты

исследования могут быть использованы в процессе преподавания лекционных курсов по сопоставительной лексикологии русского и китайского языков; при чтении спецкурсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Сделан вывод о том, что по сравнению с русскими глаголами, которые характеризуются богатством и разнообразием аффиксов, китайские глаголы не имеют словоизменительных возможностей для выражения разных грамматических значений. Эти различные структурно-семантические особенности русских и китайских глаголов усложняют понимание текста и создают существенные трудности при переводе, а также в практике преподавания этих языков как иностранных.

Ключевые слова:

структура, семантика, семантические особенности, глагол, межличностные отношения, русский язык, китайский язык, сопоставительный анализ, словообразование, лексикология

Повышенный интерес к системному изучению языка, особенно в области лексикологии, появился в XX веке и характерен для различных направлений лингвистики. В конце XIX века русский ученый М. М. Покровский впервые поставил задачу системного изучения языка, выявления системных отношений в лексике. По мнению М. М. Покровского: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [\[4, с. 15-17\]](#). Он считал, что системность лексики с семантической точки зрения связана с системностью человеческих представлений, которые в свою очередь, отражали тематическую общность явлений социально-экономической жизни людей.

Лексические классы как участки сложной многоуровневой организации, все вместе образуют лексическую систему языка [\[13, с. 409\]](#). Глагол представлен классом слов, именующих процесс как активное действие или деятельность, деятельностное или недеятельностное процессуальное состояние. В рамках теорий, описывающих русский и китайский языки, глагол, как одна из самых сложных объектных тем, находится в центре внимания многих лингвистов. С одной стороны, глагол как часть речи, обозначающий действие, состояние и отношение предмета, обладает огромным потенциалом для выражения бесчисленных действий, а с другой стороны, глагол, изменяющийся по временам, лицам и числам, выполняет важную словоизменительную и словообразовательную роль в русском языке. По сравнению с другими частями речи, русский глагол наиболее конструктивен и представлен сложной системой формообразования и словообразования. По исследованию Н. Ю. Шведовой, «важнейшей характеристикой глагола является то, что в нем уже как в слове грамматически, формально заложена способность отнесения именуемого ко времени; это коренным образом отличает глагол от всех других классов именующих слов» [\[13, с. 410\]](#).

В данной статье материалом исследования является тематическая группа глаголов со значением «межличностные отношения».

Под межличностными отношениями понимается совокупность взаимодействий между людьми и характеризуется словом «взаимно». М. В. Фролова рассматривает понятие межличностных отношений как «субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых

людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [\[12, с. 8\]](#).

В последнее время идея антропоцентричности языка является общепризнанной и считается основной чертой современной лингвистики. Межличностные отношения – одно из базовых антропоцентрических понятий и насущная потребность человека. Многие ученые рассматривают глаголы межличностных отношений как антропоцентрические единицы [\[1, 3, 10\]](#). Изучение данной группы глаголов является значимым не только для лингвистики, но и для развития антропоцентрического мышления и межкультурной коммуникации [\[9, с. 38\]](#).

С точки зрения структурно-семантического подхода, глагольная лексика русского и китайского языков, выражающая межличностные отношения, по-прежнему остается недостаточно изученной, в связи с чем актуальны исследования в области глагольной семантики.

Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском языке

Выступая в языке в качестве его основной значимой единицы, слово предстает перед нами всегда как определенное структурное целое, так или иначе соотносительное по своему строению с другими словами [\[11, с. 149\]](#). В русском языке глагол характеризуется грамматическими категориями. По мнению Б. А. Ильиша, глагол как часть речи обозначает процесс и характеризуется развитой системой морфологических категорий [\[7, с. 31\]](#). В его классификации глаголы характеризуются категориями времени, вида, наклонения, залога, лица и числа.

Сопоставительный анализ глаголов русского и китайского языков выявляет большую разницу в образовании их словоизменительных форм. Формоизменение в русском языке в сравнении с китайским языком является более сложным.

В русском языке категория вида занимает важное место в системе категорий глагола, так как она присуща всем формам глагола. Категория вида бинарна, ее составляют глаголы совершенного и несовершенного вида. Например: *верить – поверить, оскорблять – оскорбить*. Большая часть глаголов в русском языке образует видовые пары, которые лексически тождественны и различаются только грамматически.

Лицо глагола как словоизменительная грамматическая категория выражает соотнесенность действия с участником коммуникативного акта и указывает на то, кто совершает действие. К примеру, глагол *ненавидеть* – *я ненавижу, ты ненавидишь, он/она ненавидит, мы ненавидим, вы ненавидите, они ненавидят*: *Мы самые добрые и поэтому **ненавидим** всех, мы последний оплот духовности, мы всех любим, а все от нас бегут, так хорошо же* [\[8\]](#).

В современном русском языке чаще всего глагол как производящая основа является вершиной словообразовательного гнезда для глаголов с семантикой межличностных отношений [\[5, с. 7\]](#): глаголы *высмеять – высмеивать – высмеиваться; осмеять – осмеивать; смеяться – засмеяться, насмеяться, посмеяться, рассмеяться; насмеяться и т. д.* Например: *Но Толик никогда не **смеялся** над ним* [\[8\]](#). *Меж тем один из них **насмеялся** над другим, привлекая внимание* [\[8\]](#).

По способам образования глаголы подразделяются на приставочные (*петь – запеть*),

приставочно-суффиксальные (*боль-обездолить*), приставочно-постфиксальные (*кричать – раскричаться*), приставочно-суффиксально-постфиксальные (*луна – прилуниться*), сложные (*самоустраниться, теплофицировать*) [14, с. 185]. Такое многообразие способов дает возможность используя приставки и суффиксы получают дополнительные оттенки значений, что создают существенные трудности при переводе их на китайский язык. Например, при переводе глаголов *высмеивать – высмеять, смеяться, насмеяться* на китайский язык они выражаются китайскими иероглифами как 嘲笑 *cháo xiào* или 讥笑 *jī xiào*. Однако в употреблении этих глаголов в русском языке существуют различия, которые создают трудности при их переводе на китайский язык. Чтобы правильно передать точный смысл, необходимо учитывать контекст.

Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в китайском языке

Китайский язык относится к классу изолирующих языков. В отличие от русского языка, в китайском языке значение глагола выражается иероглифом или иероглифами. Китайские глаголы в предложении не связаны никакими приставками или окончаниями, а также не имеют внешних показателей формы, т. е. они не изменяются по родам и числам и не спрягаются по лицам. В китайском языке глаголы являются полифункциональными, т. е. в зависимости от контекста выступают в роли других частей речи, и выражают разные смыслы с помощью других вспомогательных иероглифов.

Вид и время глагола выражаются специальными суффиксами.

В китайском языке нет категории вида как грамматической категории, так как отсутствует форм словоизменения. В китайском языке формально нет глагольной категории вида, но семантическое выражение совершенного и несовершенного видов выражается при помощи дополнительных иероглифов. Например, видовые пары русского глагола *любить /полюбить* представляются в китайском языке одним иероглифом 爱 *ài*: 泛爱众而亲仁 (*Любить* всех людей и сближаться с лучшими, достойнейшими); 佩拉吉奥斯终于学会自爱了 (*Пелагий наконец-то готов полюбить* себя) [21].

Глаголы в китайском языке различаются грамматическим выражением глагольной категории времени. Говоря о временных свойствах глагола, С. Е. Яхонтов пишет, что «времена китайского глагола представляют собой смешанные видо-временные категории» [15, с. 121]. Глагольные формы, выражающие временные значения, в китайском языке образуются с помощью суффиксов -лэ- (了 *le*), -го- (过 *guo*), -чжэ- (着 *zhe*). Например, глагол *любить* – 爱 *ài*, *любил/любила /любили* – 爱过 *ài guò*; глагол *осуждать* – 谴责 *qiǎn zé*, *осуждал/осуждала/осуждали* – 谴责过 *qiǎn zé guò*. Это выражено в предложении следующим образом: 我爱你 (Я тебя **люблю**); 我爱过你 (Я тебя **любил/любила**); 别担心。你买的话我不会谴责你 (Не волнуйся. Если что-нибудь купишь, я тебя **осуждать** не буду) [21]; 我立刻想起来,已故的祖父因列夫卡而谴责过他 (И сразу вспомнил, что покойный дед **осуждал** его за Левку).

В данном исследовании глаголы межличностных отношений в китайском языке по структуре разделены на четыре подтипа [6]:

1) Глаголы выражаются в китайском языке одним иероглифом: глагол 爱 *ài* – *любить*; глагол 恨 *hèn* – *ненавидеть* и т. д.

Например: 对朋友要爱, 对敌人要恨 (Друга надо **любить**, а врага **ненавидеть**) [21].

2) Вторая основа иероглифа всегда глагольная. Разрыв между компонентами невозможен. К данному типу относятся следующие глаголы:

Китайские глаголы 生气 shēng qì – *сердиться* (букв. знач. 生: жизнь , 气: сердиться); 苦恼 kǔ nǎo – *огорчаться* (букв. знач. 苦: горечь , 恼: огорчаться); 怀疑 huái yí – *сомневаться* (букв. знач. 怀: пазуха , 疑: сомневаться); 鄙视 bǐ shì – *презирать* (букв. знач. 鄙: подлый , 视: смотреть) и другие.

Например: 为此她的父亲对她很生气 (Отец очень из-за этого на нее **сердился**); 不要鄙视穷人 (Не нужно **презирать** бедных людей) [\[2\]](#).

3) Глаголы структурально состоят из глагольной и именной основ, находящихся в глагольно-объектных отношениях:

Глагол 关心 guān xīn – *заботиться* (букв. знач. 关: закрывать , 心: сердце); 痛苦 tòng kǔ – *страдать* (букв. знач. 痛: болеть , 苦: горечь) и др.

Например: 我需要一个人关心我胜过他自己的人 (Мне нужен кто-то, кто будет **заботиться** обо мне больше, чем о себе) [\[2\]](#).

4) Глаголы всегда состоят из двух глагольных основ с парным соотношением, т. е. оба слагаемых компонента равноценны:

Глагол 爱抚 ài fǔ – *ласкать* (букв. знач. 爱: любить , 抚: гладить); 厌恶 yàn wù – *брезговать* (букв. знач. 厌: надоесть , 恶: ненавидеть); 讽刺 fěng cì – *иронизировать* (букв. знач. 讽: высмеивать , 刺: колоть).

Например: 爱抚孩子 (*ласкать* детей); 朋友讽刺他的虚伪 (Друг **иронизировал** над его лицемерием) [\[2\]](#).

Проведенный анализ структурно-семантических и функциональных особенностей глаголов исследуемой группы позволил выявить как их общие, так и различные характеристики. По сравнению с русскими глаголами, которые образованы с помощью аффиксов, китайские глаголы не имеют внешних формально грамматических показателей для выражения разных грамматических значений. К примеру, значение русского глагола *верить /поверить* и его разных форм (*верю, веришь, поверил, поверила* и все другие) выражается в китайском языке иероглифами как 相信 xiāng xìn. На примере глаголов межличностных отношений представлена особенность русского глагольного словоизменения, имеющего целую систему форм в отличие от китайского языка, в котором нет форм словоизменения и, следовательно, также семантического разнообразия.

В русском языке словообразовательные типы глаголов могут приводить к расширению их смыслового объема, тогда как семантические возможности китайских глаголов в значительной степени сужаются в силу особенностей словообразовательных типов этого языка.

Таким образом, сопоставительное исследование глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках позволило выявить общее и различное в плане их структуры и семантики.

Библиография

1. Акимова Т. П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов

- межличностных отношений. Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. 272 с.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dabkrs.com>. Дата обращения: 24.03.2023.
 3. Гоголина Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений (на материале русского литературного языка XIX-XX вв.). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1986. – 16 с.
 4. Денисенко В. Н. Семантическое поле "изменение" в русской языковой картине мира : Структурный, функциональный, когнитивный аспекты : автореферат дис. ... доктора филологических наук. – М.: РУДН, 2005.
 5. Дун Цзюньфэй. Эмотивные глаголы в русском и китайском языках: лингвокультурологический и прагматический аспекты : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Минск, 2021. – 27 с.
 6. Дун Цзюньфэй. Эмоциональные глаголы китайского языка: структурно-семантические особенности // Вариативность в языке и речи. – Минск, 2019. С. 78–80.
 7. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. – Л., 1971.
 8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 23.04.2023.
 9. Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // Вестник ТГПУ. 2023. №1 (225).
 10. Румянцева М. В. Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1997. – 17 с.
 11. Сулейбанова М. У. Словообразование и его роль в обогащении лексики русского языка // Гуманитарные и социальные науки. 2019. №4. С. 149–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-ego-rol-v-obogaschenii-leksiki-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.05.2023).
 12. Фролова М. В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX века (на материале текстов А. П. Платонова и М. А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 18 с.
 13. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. – М.: ИРЯ, 1995. С. 409–414.
 14. Шелякин М. А. русский язык. Справочник. – Таллинн : Издательство «Коолибри», 2002.
 15. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке / Отв. ред. Н. А. Петров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье

рассматриваются актуальные проблемы лексикологии, через призму лексики двух различных культур - русской и китайской, а именно автор рассматривает тематическую группу глаголов со значением «межличностные отношения».

Отметим, что с точки зрения структурно-семантического подхода, глагольная лексика русского и китайского языков, выражающая межличностные отношения, по-прежнему остается недостаточно изученной, в связи с чем актуальны исследования в области глагольной семантики.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ глаголов русского и китайского языков, а также анализ структурно-семантических и функциональных особенностей глаголов исследуемой группы.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Автор не указывает объем языковой выборки и его принципы.

Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу. Техническая ошибка допущена в источнике 14.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской грамматики, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Структурно-семантические особенности глаголов межличностных отношений в русском и китайском языках» может быть рекомендована к

публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеева М.Е. — Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40702
EDN: ZFBXLW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40702

Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите

Алексеева Мария Евгеньевна

старший преподаватель кафедры семитологии и гебраистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7-9

✉ maria-alexeeva@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40702

EDN:

ZFBXLW

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2023

Дата публикации:

11-05-2023

Аннотация: Предметом данного исследования являются референциальные выражения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, в современном языке иврит. Цель исследования состоит в установлении значимости фактора «определенность» для именных групп различной структуры в оформлении асимметричного объектного маркирования в речи носителей современного языка иврит. Для этого рассматриваются способы выражения категории «определенность» в современном иврите в различных по структуре референциальных выражениях, кодирующих О-участника в транзитивной клаузе, и проводится количественный и сравнительный анализ способов оформления указанных выражений с помощью двух исследовательских корпусов общим объемом около 101 000 словоупотреблений. В результате анализа автор приходит к заключению, что, несмотря на безусловное наличие корреляции между категорией «определенность» и способом оформления именных групп в позиции прямого объекта, фактор «определенности» является единственным, лицензирующим асимметричное объектное маркирование только для одной категории из четырех рассмотренных, для имен

собственных, маркирующихся облигаторно. Остальные категории (определенные именные группы с другими показателями, неопределенные именные группы и местоимения) демонстрируют опциональность объектного маркирования в рамках одного или нескольких типов референциальных выражений внутри каждой категории. Особенно важными представляются выводы об опциональности объектного маркирования референтов, кодирующихся с помощью квантификатора *kol* (маркируются 55% референциальных выражений, включающих квантификатор и относительное местоимение), конструкций партитива (маркируются 75%), указательных и относительных местоимений (48% и от 66-85%, соответственно). Автор выдвигает гипотезу о том, что для указанных типов референциальных выражений существуют дополнительные факторы, лицензирующие асимметричное объектное маркирование в современном иврите и что для их установления требуется продолжить изучение дискурсивно-прагматических характеристик кодирующих референт выражений, включая их референциальный статус, одушевленность, активность в дискурсе и степень топикальности.

Ключевые слова:

объектное маркирование, современный иврит, аккузатив, корпусный анализ, дискурсивно-прагматические факторы, референт, референциальное выражение, определенность, квантитативный анализ, сравнительный анализ

Постановка проблемы. Асимметричное объектное маркирование описывает феномен, в котором второй аргумент двухвалентного глагола реализуется в грамматической роли прямого объекта, но морфо-синтаксическое кодирование этого аргумента варьируется между нулевым и маркируемым показателем аккузатива. Проблему асимметричного объектного маркирования в современном научном дискурсе принято рассматривать в терминах «дифференцированного маркирования объекта» (англ. *differential object marking*) [20, 21], которое, в свою очередь, является частным случаем более широкого явления дифференцированного маркирования аргументов (англ. *differential argument marking*) [18]. Термин «дифференцированное маркирование объекта» («дифференцированное объектное маркирование», или «вариативное оформление прямого дополнения» [5]) был введен Г. Боссонгом в 1985 г. и уже тогда вариативность объектного маркирования была зафиксирована более чем в 300 языках мира [9].

Сегодня в научной литературе существует несколько основных подходов, объясняющих вариативность объектного маркирования [3, 4, 10, 19]. Наиболее влиятельной на сегодняшний день является теории оптимальности, представленная в работе Дж. Эйссен [6]. Именно в этой работе постулируется основополагающее значение двух факторов-лицензоров дифференцированного объектного маркирования: определенности и одушевленности, причем как пример влияния фактора определенности приводится современный иврит [6, с. 436].

Действительно, современный иврит традиционно воспринимается как пример языка, в котором присутствует асимметричное объектное маркирование и который в рамках асимметричного объектного маркирования использует маркер аккузатива *'et*, по-разному кодируя О-участника в транзитивной клаузе в зависимости от статуса определенности именной группы (ИГ), которая его кодирует. Важной особенностью

восприятия определенного/неопределенного статуса ИГ в современном иврите является то, что данная категория является бинарной, и ее интерпретация базируется на наличии/отсутствия формальных показателей детерминации: определенного артикля, притяжательных суффиксов, имен собственных.

Исследовательские работы, посвященных падежной системе современного иврита [например, 11, 13, 16, 22], в большинстве своем, выполняются в рамках теоретической парадигмы, предложенной порождающей грамматикой Н. Хомского, и апеллируют к грамматическим описаниям и собственной интуиции носителей языка. До сих пор не было сделано систематизированных попыток воспользоваться теоретической базой функционализма для анализа объектного маркирования в современном иврите, также как и применить для такого анализа методы корпусной лингвистики. Единственная работа, сочетающая в себе и то и другое была опубликована П. Бекинсом и основана на материале древнееврейского языка [7]. Таким образом, данное исследование является первым исследованием асимметричного объектного маркирования в современном языке иврит с точки зрения функционального подхода, использующего методы корпусного анализа, что составляет ее **научную новизну**.

На данном этапе одной из основных черт функциональной лингвистики является отсутствие единой глобальной теории, предусматривающей определенный взгляд на все стороны языка. Однако исследования в рамках функционализма ведутся многочисленными учеными всего мира как на общетеоретическом уровне, так и на материале самых разных языков и диалектов [1, 2, 12, 14, 17]. **Актуальность** исследования, таким образом, заключается, с одной стороны, в применении функционального подхода, а с другой, в обращении к теме дифференцированного падежного маркирования, которой посвящены многочисленные работы последних десятилетий.

Цель и методы исследования. Целью настоящего исследования является показать, что корреляция между наличием формальных показателей детерминации у ИГ и наличием маркера аккузатива при оформлении прямого объекта в современном иврите не является абсолютной. Для этого мы рассмотрим способы выражения категории «определенность» в современном иврите в различных по структуре именных группах, которые в современном иврите могут кодировать О-участника в транзитивной клаузе, являющиеся **предметом исследования**, и проанализируем корреляцию между статусом определенности/неопределенности ИГ и способом ее оформления в позиции прямого объекта.

Для получения объективной и статистически обоснованной информации о вариативности асимметричного объектного маркирования в речи носителей языка иврит нами будут использованы выработанные корпусной лингвистикой методы количественного и сравнительного анализа на материале двух исследовательских корпусов Hebrew Objects General Corpus, объемом около 52 000 словоупотреблений, и Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений, составленных на основе онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21), размещенного на платформе SketchEngine [24].

Основные типы именных групп в современном иврите и показатели детерминации

В соответствии с классификацией Ш. Винтнер, ИГ могут включать различные элементы, порядок следования которых строго фиксирован [Wintner]. В частности, квантификаторы (*shlosha* («три»)), *kol* («всякий/каждый/весь/все»), *kama* («несколько»), детерминативы

(*oto* «тот/тот же самый») и собственно определенный артикль (*ha* -) занимают позицию впереди вершины, а в постпозиции к вершине могут употребляться: определяющие вершину ИГ, прилагательные и порядковые числительные, указательные местоимения, посессивы (например, *sheli* («мой»), *shel dan* («Дана»)), предложные группы и относительные придаточные предложения. Оформленная показателем детерминации (в т.ч. артиклем) ИГ считается определенной. Неопределенная ИГ не может оформляться показателями детерминации (неопределенного артикля не существует).

Маркер аккузатива *'et* может опускаться перед определенной ИГ в некоторых типах текстов, требующих краткости изложения, например, в заголовках прессы, особенно если прямое дополнение не следует непосредственно после предлога [15, с. 158].

Предположив потенциальную дифференциацию по параметру определенность указанных выше различных по структуре ИГ, мы разделили их на четыре категории (имена собственные, определенные ИГ с другими показателями определенности, неопределенные ИГ, местоимения) и провели количественный и сравнительный анализ асимметричного объектного маркирования для каждой категории.

В подавляющем большинстве случаев (за исключением членов одной семьи, обозначенных формой множественного числа, и особых форм при наименовании праздников) *имена собственные* в современном иврите не принимают показатели детерминации, однако демонстрируют облигаторное объектное маркирование независимо от наличия артикля (1, 2) или рестриктивных определений (3):

(1)	pagashnu	'et	levinson	
	встречать.PRF.1PL	ACC	Левинсон	
	<i>Мы встретили Левинсона.</i>			
(2)	pagashnu	'et	ha-levinsonim	
	встречать.PST.1PL	ACC	Левинсон	
	<i>Мы встретили Левинсонов .</i>			
(3)	pagashnu	'et	yosi	ha-raze
	встречать.PST.1PL	ACC	Йоси	ART.тощий
	<i>Мы встретили тощего Йоси.</i>			

Данные корпуса HOG подтверждают эти наблюдения: маркируется 31/31 имен собственных в позиции прямого объекта, т.е. 100%.

Определенные ИГ, оформленные другими показателями, проявляют существенно большую вариативность. Согласно корпусу HOG, ИГ, состоящие только из имени существительного и оформленные определенным артиклем или притяжательным суффиксом, маркируются в 100% случаев (286/286 и 60/60, соответственно), также как и более сложные по составу ИГ, оформленные артиклем *ha* -: ИГ с указательным местоимением (8/8), с порядковым числительным (1/1), с определенным детерминативом (4/4). Единичные случаи отклонения от вышеуказанного принципа зафиксированы корпусом HOG для определенной ИГ с несогласованным определением (конструкция сопряженного состояния) (96/97) и определенной ИГ со структурой генетивной конструкции предложного типа (с предлогом *shel*) (42/43). Существенная степень вариативности асимметричного объектного маркирования или полный запрет на него зафиксированы в двух типах ИГ в категории «определенных»: ИГ с указательным местоимением, не оформленная определенным артиклем (ИГ+УказМ(арт.-)) (0/1) (4), и ИГ с квантификатором *kol* «весь, всё, каждый» (79% маркировано, 19/24) (5).

(4)	ra'iti	shulhan	ze

		оформлен		—	
	видеть.PRF.1S	стол		этот	
<i>Я видел(а) этот стол .</i>					
(5)	ra'iti	('et)	kol	ma	she- yesh lo
	видеть.PRF.1S	ACC	всё	что	который есть у него
<i>Я видел(а) то, что у него есть.</i>					

Запрет на объектное маркирование ИГ типа ИГ+УказМ(арт.-), семантически являющихся определёнными, описывается в различных источниках [например, 15, 25], но не оказывает существенного влияния на общепринятую точку зрения на асимметричное объектное варьирование и не находит никакого объяснения. Вариативность объектного маркирования ИГ с квантификатором *kol* справедливо объясняется разницей в оформлении ИГ с различным значением («все объекты множества» и «весь объект» vs «каждый/никакой объект множества»), однако вариативность объектного маркирования референциальных выражений, не принимающих показатели детерминации (см., в частности, пример (5)) до сих пор не рассматривалась в научной литературе и даже, насколько нам известно, не была описана.

В связи с низкой частотностью некоторых типов референциальных выражений, составляющих предмет исследования, для определения статистической значимости полученных в корпусе HOG результатов был сформирован второй исследовательский корпус HOT, фиксирующий только те типы ИГ, которые демонстрировали отклонения в корпусе HOG. Согласно корпусу HOT, ИГ типа ИГ+УказМ(арт.-), вопреки общепринятому мнению, демонстрируют опциональность маркирования (2% маркировано, 5/222). Обратим внимание, что все контексты, в которых данная ИГ оформлена маркером *'et* (5/5), представлены ИГ с местоимением *zo* (FS) «эта», что свидетельствует о наличии дополнительного, неучтенного предыдущими исследованиями фактора, лицензирующего объектное маркирование в этих контекстах. Опциональность маркирования подтверждается и в случае с квантификатором *kol*, особенно в примерах, подобных (5), где О-участника транзитивной клаузы кодирует относительное местоимение *ma*, сопровождаемое определительным придаточным: 55% маркировано (9/20).

Неопределенные ИГ, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, должны демонстрировать запрет на маркирование. В соответствии с данными корпуса HOG, этот принцип является справедливым для неоформленных артиклем имен существительных (0/471), неопределенных генетивных конструкций с предложным способ оформления (0/12), неопределенных ИГ с детерминативами, обладающими семантикой неопределенности (0/6) и с неопределенными количественными числительными (0/11). Однако конструкции, обозначающие партитив, формально тяготеющие к неопределенному концу спектра, демонстрируют высокую степень опциональности объектного маркирования (75% маркированы, 25% - нет, согласно корпусу HOG), например:

(6)	kara'ti	('et)	'eHad	me-	ha-sfarim.
	читать.PST.1MS	(ACC)	один	из	ART.книги
<i>Я прочитал(а) одну из (этих) книг.</i>					

Корпус HOT подтверждает это наблюдение, но позволяет также предположить существование дополнительного ограничения на объектное маркирование, т.к. частотность маркирования неодинакова между конструкциями с количественными числительными («один», «три» - см. пример (6)), 57/76 (75%) и с кванторами типа *Helek* «часть», *Hetsi* «половина», 2/79 (3%). Референциальное выражение «один из...», в частности, демонстрирует вероятность объектного маркирования в 78% (57/73).

Явление опционального маркирования партитива, о котором идет речь, было подтверждено экспериментально [16], однако на данный момент не нашло приемлемого объяснения (единичные попытки, которые делались в рамках формального подхода к синтаксису, либо игнорировали данное явление [11], либо не рассматривали дискурсивно-прагматических особенностей данного типа референциальных выражений [16], которые, по нашему убеждению, лежат в основе вариативности объектного маркирования в современном иврите.

Что касается местоимений (в данном случае мы рассматриваем не актуализаторы, уточняющие референцию имени существительного («этот стол»), а самостоятельно кодирующие референт), то, согласно теории оптимальности, местоимения располагаются в самой левой позиции на Шкале определенности [6], поэтому должны подлежать обязательному маркированию, т.к. их референт однозначно идентифицируется коммуникантами.

Однако этот факт не подтверждается данными корпусного анализа. Согласно корпусу HOG, маркированы меньше половины референтов, кодирующихся с помощью указательных местоимений (16/33, 48%), которые должны однозначно указывать на референт (7).

(7)	kaH	'et	ze
	взять.IMP.MS	ACC	этот
	<i>Возьми это.</i>		

Статистические данные о способе объектного маркирования также демонстрируют явное наличие вариативности в зависимости от формы указательного местоимения (ze (MS) и ele (PL) маркируются облигаторно (16 и 152 в корпусах HOG и HOT, соответственно), а zot (FS) не маркируется (17 и 134).

Вопросительные местоимения более естественно связать с неопределенностью, чем с определенностью, в связи с тем, что говорящему неизвестно, какой референт подразумевается. Как подтверждение этому, в некоторых языках вопросительные слова выступают также как неопределенные местоимения, поскольку и те, и другие предполагают «информационный пробел» [8, с. 226]. Однако, кодируя прямой объект, вопросительные местоимения в иврите, также как и указательные, маркируются дифференцированно в зависимости от формы: *та* «что» типично не маркируется, но демонстрирует некоторую опциональность маркирования в корпусе HOT (1/62), *ми* «кто» маркируется облигаторно (30/30). Данное явление отмечается исследователями как в древнееврейском, так и в современном иврите [15], но находит объяснение только в рамках дискурсивно-прагматического подхода [7].

Более сложно ситуация обстоит с относительными местоимениями *ми* «(тот) кто» и *та* «(то) что», кодирующими О-участника в транзитивной клаузе, дифференцированное объектное маркирование которых на данный момент не рассматривались в научных работах. В этом случае не только не представляется возможным объяснить вариативность асимметричного объектного маркирования определенным статусом референциального выражения, но также не очевидна корреляция с вопросительными местоимениями *ми* и *та*, обладающими достаточно строгой дифференциацией объектного маркирования.

(8)	vetaknu	('et)	ma	she-	nidrash

исправлять. IMPRF.3PL (ACC) что который требуется
Они исправят то, что требуется.

В контекстах, подобных примеру (8), где употребляется местоимение *та* маркер аккузатива наблюдается в 66% случаев (33/50,), тогда как маркирование для референтов, кодируемых местоимением *mi*, достигает 85% (67/79), но, тем не менее, не является обязательным, как в случае с вопросительным местоимением *mi*.

Местоимения других разрядов демонстрируют ожидаемое оформление в позиции прямого объекта: взаимные и объектные маркируются обязательно (5/5 и 122/122 соответственно), неопределенные местоимения не маркируются (0/7).

Выводы и заключение. Анализ референциальных выражений, кодирующих О-участника в транзитивной клаузе, проведенный в данном исследовании на базе корпусных данных на материале современного иврита, позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на безусловное наличие корреляции между категорией «определенность» и способом оформления ИГ в позиции прямого объекта, полную согласованность с зафиксированным в исследованиях и дидактических материалах принципом «все определенное маркируется, все неопределенное – нет» демонстрирует в речи только одна категория из четырех рассмотренных, имена собственные, маркирующийся обязательно. Остальные категории демонстрируют опциональность объектного маркирования в рамках одного или нескольких типов референциальных выражений внутри каждой группы. В категории «определенных ИГ» опциональность колеблется на уровне от 2% для ИГ с указательными местоимениями, не оформленными определенным артиклем, до 55% для ИГ с квантификатором *kol*. Формально неопределенные ИГ, имеющие значение неполного охвата (конструкции партитива), напротив, демонстрируют очень высокую вероятность объектного маркирования, 75%, особенно для референтов, кодирующихся с помощью количественного числительного *'eHad/'aHat* «один». Местоимения являются очень разнородным классом, который, тем не менее, частотно демонстрирует опциональность маркирования: указательные местоимения, референт которых должен однозначно идентифицироваться, маркируются меньше, чем в половине случаев, вопросительные строго дифференцируются по форме, тогда как относительные проявляют высокую степень вариативности (66% и 85% маркируются в зависимости от формы), для которой в литературе до сих пор не предложено объяснения.

Таким образом, наше исследование наглядно демонстрирует, что определенный статус ИГ, кодирующий О-участника в транзитивной клаузе, не может считаться единственным фактором, лицензирующим асимметричное объектное маркирование в современном иврите. Для определения дополнительных факторов требуются дополнительные исследования, основанные, прежде всего, на данных о реальной речи носителей языка, позволяющих оперировать не только формальными характеристиками ИГ, но и учитывать дискурсивно-прагматические особенности кодирующих референт выражений, такие как референциальный статус, одушевленность, активность в дискурсе и степень топиальности.

Библиография

1. Воейкова М. Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2015. №1. С. 3-17.
2. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). Современная американская лингвистика. Фундаментальные

- направления. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 276-339.
3. Ронько Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ронько Роман Витальевич; [Место защиты: Ин-т языкознания РАН]. М., 2018. 136 с.
 4. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59-142.
 5. Сердобольская Н. В. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бесермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований, 2019. №2. С. 205-215.
 6. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3), 2003. Pp. 435-483.
 7. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 2012. 287 p.
 8. Bhat D. N. S. Interrogative-Indefinite Puzzle // *Pronouns, Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford, 2007. Pp. 226-249.
 9. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
 10. Dalrymple, M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 247 p.
 11. Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type // *Proceedings of IATL 17*, Falk, Yehuda (ed.), 2002. 19 c. <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/17/Danon.pdf> [дата обращения: 22.04.2023]
 12. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar. Part 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 433 p.
 13. Falk Y. N. Case: Abstract and Morphological // *Linguistics* 29(2), 1991. Pp. 197-230.
 14. Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 432 p.
 15. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
 16. Hacohen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity // *Glossa: a journal of general linguistics*. 6(1): 148. 2021, Pp. 1-34.
 17. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1994. 434 p.
 18. Haspelmath M. Ditransitive alignment splits and inverse alignment // *Functions of Language* 14(1), 2007. Pp. 79-102.
 19. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // *Linguistics*. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
 20. Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. Vol. 83. No. 1. 2007. P. 74-109.
 21. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press. 2009. Pp. 339-355.

22. Siloni T. Construct states at the PF interface // Linguistic Variation Yearbook, vol. 1. Ed. By Pica P., Rooryck J. John Benjamins, Amsterdam. 2001. Pp. 229–266.
23. Wintner S. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // Journal of Linguistics 36(2), 2000. Pp. 319-363.
24. SketchEngine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/>, свободный.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что представляет собой первое исследование асимметричного объектного маркирования в современном языке иврит с точки зрения функционального подхода, использующего методы корпусного анализа.

Актуальность исследования, таким образом, заключается, с одной стороны, в применении функционального подхода, а с другой, в обращении к теме дифференцированного падежного маркирования, которой посвящены многочисленные работы последних десятилетий.

Целью настоящего исследования является показать, что корреляция между наличием формальных показателей детерминации у ИГ и наличием маркера аккузатива при оформлении прямого объекта в современном иврите не является абсолютной.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы количественного и сравнительного анализа, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также описание.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом.

Практическим материалом исследования явились два исследовательских корпуса: Hebrew Objects General Corpus, объемом около 52 000 словоупотреблений, и Hebrew Objects Targeted Corpus, объемом около 49 000 словоупотреблений. Считаем, что подобный корпус вполне достаточен для проведения исследования.

Библиография статьи насчитывает 24 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в

процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практике иврита. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Акимова Т.И., Маскинкова И.А. — Авторские стратегии и тактики Екатерины II в комедии «Обольщённый» // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40729 EDN: ZCCTIP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40729

Авторские стратегии и тактики Екатерины II в комедии «Обольщённый»

Акимова Татьяна Ивановна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

430034, Россия, г. Саранск, ул. Metallurgov, 11-8

✉ akimova_ti@mail.ru**Маскинкова Ирина Анатольевна**

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра германской филологии, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

430005, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, оф. 722

✉ amaskinskova@mail.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.40729

EDN:

ZCCTIP

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2023

Дата публикации:

14-05-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтики драматургии Екатерины II, цель работы – рассмотреть авторские стратегии и тактики в комедии «Обольщённый». Исследовательский интерес к этой пьесе возрос в начале нашего столетия, что подтверждается соответствующими публикациями, так же как и внимание к терминам "авторская стратегия" и "авторская тактика". Понятие авторской стратегии было обосновано нами в работе "Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект" (2015), выводы которой нашли подтверждение в статье главы методологического семинара, посвящённого авторским стратегиям, профессора В.В.

Прозорова (Саратов). Использование данных методических приёмов позволит прояснить позицию императрицы Екатерины II относительно масонских притязаний на просветительство и выявит новые смыслы в изучении одной из центральных пьес драматического цикла, направленного против масонов. Научной новизной исследования является изучение творчества императрицы Екатерины II сквозь призму авторских стратегий. Выводы: были выявлены три авторские стратегии - выведение на чистую воду идеологических оппонентов; защита младшего поколения от обольщения масонами; возвращение хозяина дома в лоно семьи, признание им своего идеологического заблуждения, - которые, подразумевают использование авторских тактик. Взгляд на события со стороны – через видение происходящего слугами, Нелогичное поведение, Саморазоблачение, Открытого дворянского дома, строящегося на правилах чистосердечной коммуникации, Доверительного общения со служанкой, Послушания молодых героинь старшим, Изображение главы дворянского семейства как умалишённого вследствие ухода из дворянского круга и пренебрежения дворянскими обязанностями, Показ результата чтения неправильных книг. Они свидетельствуют об авторской направленности комедиографа на разъяснение своей идеологической позиции литературными средствами, активном использовании комических средств в борьбе с политическими противниками, а также о её желании утвердить себя единственным главой просветительского движения в России, который заботиться о подданных.

Ключевые слова:

авторская стратегия, авторская тактика, антимасонский драматический цикл, просветительская направленность комедии, масонство, герой-резонёр, корпоративная культура дворян, специфика дворянской коммуникации, образ героя-сумасшедшего, семейная гармония

Комедия «Обольщённый» (1785) Екатерины II занимает центральное место в драматическом цикле [\[15\]](#), направленном против масонов. Особое положение этой пьесы определяется как увеличивающимся числом, по сравнению с предыдущей комедией, екатерининских способов антимасонского воспитания дворян, так и возрастанием авторских стратегий и тактик, используемых писательницей-императрицей в драматургии, что обуславливает актуальность изучения данного произведения, специальное рассмотрение которого только начинает осуществляться современными литературоведами [\[2, 5, 10\]](#). Основной тезис, утверждаемый исследователями в отношении комедии «Обольщённый», заключается в сознательном конструировании императрицей Екатериной II мифа о масонах как обманщиках с целью удержать линию Просвещения «сверху» в противовес масонским попыткам просвещать «снизу», по этой причине «власть настоятельно нуждалась в диалоге с обществом, в разъяснении своей позиции по волнующему её масонскому вопросу» [\[12, с. 148\]](#).

Научная новизна исследования обусловлена изучением екатерининской комедии «Обольщённый» сквозь призму авторских стратегий и тактик. Если под авторской стратегией понимается поведение автора по отношению к образу героя и образу читателя [\[1, 11\]](#), то под авторской тактикой следует определять конкретные способы писательского воздействия на читателя в конструировании как образной системы произведения, так и её идеологического контекста [\[4, 14, 16\]](#).

В комедии «Обольщённый» автор, в отличие от предыдущей комедии «Обманщик», делает акцент не на высмеивании образов масонов [13], а на результате их деятельности – втянутости хозяина дома и его дочери в мистические ритуалы и чтение книг определённой направленности, вследствие чего происходит отдаление их от остальных родственников, грозящее распадом и разорением семьи.

Второе принципиальное отличие данной комедии от комедии «Обманщик» заключается в переносе резонёрской функции героя с младшего поколения на старшее. Так, именно брат жены главы семейства, Бритягин, является и зачинателем действия и тем, кому доверяется произнести заключительную реплику в комедии. Именно он, наряду с матерью Радотова, выступает тем здравомыслящим персонажем комедии, который пытается предотвратить воцарившийся в доме беспорядок, устроенный тайными делами масонов [7], а также Бритягин и мать Радотова решают, по сути, судьбу младшего поколения семьи.

Адресуя своё произведение всему российскому дворянству, Екатерина II формировала образ здравомыслящего, логично поступающего и ответственного за свои поступки и решения дворянина, подобно фонвизинскому образу Стародума в «Недоросле» [3]. Образы масонов, выступающих оппонентами государыни, представляли как образы шарлатанов и воров, имеющих только одну цель – личное обогащение за счёт доверчивых и одураченных дворян. Следует отметить, что традиция с использованием масок дураков и шарлатанов была заложена в российском театре ещё А. П. Сумароковым [8], но именно венценосный драматург переносит этот приём в жанр политической комедии [9].

В связи с этим авторской стратегией императрицы становится выведение на чистую воду идеологических оппонентов при помощи таких тактик, как

1. Взгляд на события со стороны – через видение происходящего слугами .

В комедиях Екатерины II именно слуги выступают теми бесхитростными объективными свидетелями, которые дают самые точные и верные характеристики своим хозяевам. Так, о произошедшей перемене в господском доме после сведения главой семейства дружбы с масонами, сообщает зрителю служанка Прасковья: «Барин наш нынче весь переменился: был весел, обходителен, любил ездить по гостям, или дом его людьми наполнен был; недавно сделался он задумчив и отдаляется от людей» [6, с. 306]. Тем самым зритель делает выводы о нарушении вследствие масонского вмешательства того принятого дворянами порядка, который был узаконен императрицей и обеспечивал свободную и беззаботную жизнь.

Служанка же своим наивным взглядом низводила масонские ритуалы до детской забавы, тем самым сразу опровергая заявку масонов на участие в российском Просвещении. Вывод после реплики Прасковьи о занятиях хозяина с новыми гостями: «Они, казалось мне, играли в жмурки...» [6, с. 322], – был однозначно уничижительным для масонов: им нет места в том гармоничном мироустройстве, который был выстроен российской государыней для наступления «золотого века» дворянского жития.

После опровержения какой-либо роли масонов в российском просветительском движении автор комедии «Обольщённый» сосредоточивает внимание на отсутствии смысла как в действиях «странных гостей», так и в поведении «заразившегося» богатого дворянина.

2. Нелогичное поведение .

Екатерина, устами своих персонажей, обращает внимание на принадлежность масонов к иному социальному сословию, нежели дворяне: «На дороге, что ли, встретился с каким-то человеком, которого он привёз сюда; с ним он, запершись, сидит долго, и приводят к нему ещё несколько людей, коих имена и состояние мало кому известны. Одеты они дурно, говорят языком невразумительным, лицами бледны, от голода ли то, не ведаю; но когда с ними обедают, тогда для них вдвое пить и есть изготовить надлежит» [\[6, с. 302\]](#). Они не просто «странные люди» - они те, кто ведёт себя очень подозрительно, а порой с полным отсутствием логики. Чтобы окончательно разоблачить идеологических оппонентов, венценосная писательница демонстрирует зрителям якобы один из масонских ритуалов, но с участием ребёнка, который своей логикой противостоит мистике масонов:

Протолк (к дитяти). Что ты видишь?

Дитя. Ничего.

Протолк (к дитяти). Топни ногой.

Дитя (ногой топает).

Протолк (к дитяти). Кого ты видишь?

Дитя. Никого. [\[6, с. 325\]](#).

Ответы ребёнка, как того «естественного человека» писателей-просветителей, о котором говорилось как об идеальном неопите, полностью отрицают масонскую деятельность по причине её нелогичности и, в целом, бессмысленности.

Подобной же бессмыслицей выглядит и обещанное масонами преумножение дворянского материального состояния. В глазах любого здравомыслящего человека все подобные экономические проекты, зависящие от положения луны и других космических тел, выглядят нелепостями. Так, Брагин в комедии сообщает об алхимических занятиях масонов: «Мы вошли в горницу, где посредством огня производят будто сокровища бесценные. Тут Протолк старался уверить нас, а наипаче Родотова, что счастливые оказываются начала всему затеянному, что при возобновлении месяца увидят несомненно работы той совершенства» [\[6, с. 328\]](#). С точки зрения Екатерины, ратующей исключительно за научные подходы в любых предприятиях, подобные «чудесные превращения» богатств издевательски осмеиваются и разоблачаются.

3. Саморазоблачение

Для большей действенности и наглядности драматург использует все средства саморазоблачения масонов. Во-первых, персонажи признаются в использовании излишней веры дворян во внешние ритуалы и словесные выражения. Так, Тратов говорит, что «... из опытов известно, колико пышными словами удовольствуется слабый ум, воображение, любопытство...» [\[6, с. 314\]](#). Во-вторых, основное условие дворянского «обольщения» масонами - это их лицемерие, о чём Тратов и просит своего друга для вхождения доверия к новообращённым: «Я учитель её... и ежели не хочешь всего испортить, то ты должен несколько лицемерить...» [\[6, с. 315\]](#). В-третьих, на такой же нелогичной основе строятся и масонские сочинения – по признанию Брагина: «Из ваших книг... ни я и никто... ей...ей... слова не разумеет» [\[6, с. 324\]](#).

Апофеозом признания в одурачивании масонами становятся слова самого главы семейства, Радотова: «Сначала я был влеком любопытством; стремление двух-трёх знакомых меня убедило; потом самолюбие моё находило удовольствие отличаться, иначе думать, как домашние, как знакомые; притом легкоеверие льстило: авось-либо увижу, услышу то, что почитают за невозможное; только поистине внутренне терпел я несказанную скуку!» [\[6, с. 335\]](#). Раскатистым смехом императрицы можно признать саморазоблачение обольщённого масонами дворянина: все их старания признаются всего лишь скукой, безделицей, не стоящей внимания.

Другой авторской стратегией венценосной писательницы можно назвать защиту младшего поколения от обольщения масонами, которую Екатерина осуществляет, используя тактики

1 . Открытого дворянского дома, строящегося на правилах чистосердечной коммуникации .

Выстраивая дворянское житие по образцу саморегулируемой корпорации, Екатерина II тем самым давала возможность самим аристократам разобраться в проблеме и решить её, не прибегая к внешнему вмешательству. Условием для подобного жизнестроения оказывалась открытость дворянского дома для обязательного посещения другими аристократами внутри корпорации. Исключительно чистосердечное признание Софии в отношении своих привязанностей позволяет ей выпутаться из затруднительного положения, в которое она себя ставит: «Я сама не очень понимаю (приседает); говорят, будто за вас, что с вами не так обхожуся; вы, однако, сами видите, что я всегда пред вами весьма низко (приседает) приседаю и руки к груди прижимаю, глаза в землю потупя, как меня мадам учила...» [\[6, с. 310\]](#). Тем самым императрица смягчает сатирический тон и заверяет зрителей, что заблуждения молодых дворянок не порочны и легко поправимы, если они будут доверяться представителям своего круга, желающим их поправить и просветить.

2. Доверительного общения со служанкой .

Другим способом для молодой дворянки разобраться в ситуации может служить общение со служанкой, которая представит ситуацию «со стороны», и тем самым позволит понять ошибочность своих мнений:

Таиса. Отнюдь не понимаешь, какую беду ты, может быть, тут сотворила! И что бабочка есть душок, которому пламенем надлежало очищаться...

Прасковья. Их, сударыня! Какой душок!...

Таиса. Чей-нибудь из родни иль постороннего.

Прасковья. Запросто, по-нашему исстари, это вздор! Я пожалела бабочку... сделала ей добро... Я знаю по себе: ведь больно, как обожжешься... [\[6, с. 316\]](#).

В этом эпизоде екатерининской пьесы народная мудрость служанки противопоставляется антинаучному подходу масонов, который в очередной раз дискредитируется императрицей и осмеивается как заблуждение наивных обольщённых, предпочитавших книжную лже-мудрость природному здравому смыслу.

3. Послушания молодых героинь старшим .

Таким же незыблемым законом в екатерининском воспитании оказывается послушание

молодых дворян страшим, которые всегда должны добиваться восстановления справедливости и воцарения счастья в доме. Именно на этом правиле случается счастье Таисии, которое внешне устраивает Родотова мать: «Таиса! Таиса, молвь нам словечушко нужное, скажи нам: да... Неужто теперь ошибкою, вместо да, скажешь нет», но последнее слово всегда остаётся за выражением свободной воли самой Таисы: «Волю вашу и родителей исполнить должна охотно» [6, с. 336]. Подобное внешнее благочестие дворянского поведения на самом деле демонстрирует не только уважительные отношения внутри семьи, но и цементирует то самое подлинное счастье молодых людей, которое может быть построено на полной гармонии, с учётом интересов всех представителей внутри корпорации.

Поэтому обязательным элементом антимасонского драматического цикла писательницы-императрицы является использование авторской стратегии возвращения хозяина дома в лоно семьи, признание им своего идеологического заблуждения. При этом наиболее успешными авторскими тактиками выступают

1 . Изображение главы дворянского семейства как умалишённого вследствие ухода из дворянского круга и пренебрежения дворянскими обязанностями .

Показательно, что первая фраза пьесы, звучащая из уст Родотовой жены, характеризует хозяина дома как сумасшедшего: «Опасение, братец, я имею, чтоб муж мой не сошёл с ума!» [6, с. 300]. И далее эта тема становится центральной в пьесе и развивается с использованием разных аргументов. Прежде всего, он отрекается от земных радостей – со слов Родотовой жены: «Боли всякой он весьма рад, как собственно своей, так и людей посторонних» [6, с. 301]; отгораживаясь от дворянской корпорации («он от всех нас дичиться» [6, с. 301]), он не может самостоятельно различить здоровье от болезни: «...он уверить меня старался, что болезнь есть благое самое состояние» [6, с. 301]. И в целом принимая позицию затворника, дворянин демонстрирует болезнь ума: «Он уклоняется от того, что нам кажется хорошо, весело, приятно; равномерно и от людей и дел» [6, с. 301]. Только умалишённый, по мнению автора пьесы, желает уклоняться от всех благ, устроенных для дворян государыней.

Это подтверждают другие представители семьи – в первую очередь, - Родотова мать: «буде он ещё не сошёл, то скоро уже последнего ума лишится...» [6, с. 302]. И сам хозяин дома подтверждает вывод, сделанный его родными, лишь несколькими фразами, произносимыми им в пьесе, например, Родотов говорит, (указывая на лоб): «Числа обретаются тут (указывая на брюхо); мера пребывания имеет тут (указывая на ноги); весь непременно тут; все от того зависит» [6, с. 304]. Такой же безумной, и, более того, угрожающей положению всей дворянской семьи, предстаёт и следующая его фраза: «Для меня теперь хотя... жена, дети, родня, друзья умри; все сие меня не тронет более, как это (Щёлкает пальцами)» [6, с. 305]. Читатель должен был понимать, что цель масонов – не просто лишить рассудка, а тем самым обезличить дворянина, их действия направлены на разрушение всей дворянской корпорации.

Окончательный приговор Родотову выносит Бритягин, указывая на последствия подобного поведения: «Это называется предпочитать своевольное хотение иным уважением и, отвратя глаза от всего света, обратить взор на одного только себя. Все твои домашние справедливо встревожены твоим состоянием; ты от них вовсе как внутренно, так и снаружи отдаляешься. Позволь сказать, что с ужасом я смотрю на твой новый образ мысли; он истребляет в тебе равномерно естественные связи и рождённые

с человеком чувства...» [\[6, с. 306\]](#). Главный аргумент в споре императрицы с масонами лежит в области противоестественности как нарушения самого установленного Творцом порядка вещей.

2. Показ результата чтения неправильных книг .

Исток заявленной противоестественности и нелогичности нужно, по мнению Екатерины II, искать в чтении масонской литературы. В ней видит причины мужнего умопомрачения Родотова жена: «Углубясь в мыслях, сидит на стуле; перед ним на столе лежит раскрытая книга. Читает ли он или нет, того не знаю, но, когда я вхожу, он меня не слышит и не видит, и нахожу его обыкновенно глаза утупя на одном месте, недвижим, точно аки написан на картине» [\[6, с. 301\]](#). И от этой же заразы, по словам Родотовой матери, страдает его дочь: «Пришла ко мне в горницу внучка моя, Таисия, увидела на столе передо мною стоит стакан с цветами; она начала целовать листочки; я спросила; на что? Она на то сказала, что на каждом листе душок обитает!.., и будто на булавочном конце несколько тысяч умещается!..» [\[6, с. 303\]](#). И в этом заключается ещё один весомый аргумент венценосной писательницы, направленный против масонов, - когда повреждение ума охватывает не только старшее поколение, но и младшее. Для думающей о будущем российского государства императрицы проверкой любого дела являлась его оценка потомками. Для усиления изображения пагубности действия масонских книг автор «Обольщенного» сравнивает произведения мартинистов с легковесной массовой литературой - путеводителем по галантному поведению. Именно выписку из такой книжонки находит Грибин; «Кажется заглавие. (Читает) «Дозволяется черноволосие; не запрещено и беловолосие; исключаются брови и ресницы рыжие; такие Калмыцкий оклад и стан; глазам изъятия нет, лишь бы были с огнём; рост не ниже среднего и не выше двух аршин десяти вершков; ума и знания чрезвычайного не требуется...» [\[6, с. 309\]](#). И это подтверждается словами Софии: «Так написано в книге той, откуда я списала. (Приседает)» [\[6, с. 310\]](#). Комичность поведения Софии становится разоблачением как её пустого пристрастия к жеманству, так и масонского чтива.

3. Условие излечения - разоблачение масонов с поличным .

В споре с мартинистами Екатерине II нужна была безоговорочная победа. Представляя увлечение дворян масонскими книгами как болезнь, императрица использовала в комедии самый наглядный аргумент – взятие масонов с поличным. Знаменательно, что о пропаже семейных реликвий и ценных бумаг сообщает в пьесе Дитя: «Они... они разломали красный ларец и выняли из него деньги и бумаги и унесли с собою» [\[6, с. 331\]](#). В связи с этим реакция Родотова предсказуема: «Пропал я, в сём ящике были не только деньги и векселя мои, но ещё складчина на многие заведения» [\[6, с. 332\]](#). Настоящей угрозой для главы дома становится не только разорение его собственной семьи, но и дискредитация всей дворянской корпорации, с которой связан главный герой.

Всё это в совокупности позволяет Екатерине обозначить настоящего лидера российского Просвещения, действительного заботящегося о дворянстве по-матерински и способствующего их личному обогащению, в противовес масонам. Финал комедии, согласно жанровой классицистической системе, счастливый. По словам Вокитова, масонов берут с поличным и заключают под стражу: «Я лишь успел выйти за ворота, как встретился со мною Тратов и сказал мне, как весть новую, что взяты под стражи живущие с ним в одном доме Протолк и Бебин...» [\[6, с. 333\]](#). Три свадьбы в последнем действии пьесы, по образцу шекспировских комедий, на самом деле должны восхвалить

ту созданную Екатериной II систему государственного устройства, которая является условием счастливой аристократической жизни и выздоровлением от идеологического недуга дворян.

Таким образом, три выявленные нами в антимасонской комедии Екатерины II «Обольщённый» авторские стратегии: выведение на чистую воду идеологических оппонентов; защита младшего поколения от обольщения масонами; возвращение хозяина дома в лоно семьи, признание им своего идеологического заблуждения, - демонстрируют авторскую направленность комедиографа на разъяснение своей идеологической позиции литературными средствами, на активное использование императрицей комических средств в борьбе с политическими противниками, каковыми венценосная писательница признавала масонов, а также на её желание утвердить себя единственным главой просветительского движения в России, который по-настоящему заботиться о своих подданных и стремится их уберечь от обольщения внешне красивыми масонскими словами.

Библиография

1. Акимова Т. И. Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (44) 2015, часть 1. С. 13-16.
2. Акимова Т. И. Масонство как «антипросвещение» в комедиях Екатерины II // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2012. т. 14. №2(4). С. 984-989.
3. Алпатова Т. А. «Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время...» (к анализу комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль») // Литература в школе. 2020. №4. С. 9-19.
4. Белых А. Я., Глоба Т. Н. Лингвосинергетические механизмы моделирования этнокультурного иронического дискурсивного пространства в постколониальном африканском франкоязычном дискурсе // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. №2 (54). С. 236-244.
5. Власов С. В. О французских версиях пьесы Екатерины II «Обольщённый» из собрания рукописей эрмитажной библиотеки // Литературная культура России XVIII века. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет. Филологический факультет, 2011. С. 205-215.
6. Екатерина II. Обольщённый // Сочинения Екатерины II. М. : Сов. Россия, 1990. С. 300-338.
7. Ивинский А. Д. Екатерина II, Е. Р. Дашкова и Маркиза Ферте-Эмбо: о французских контекстах «Общества незнающих ежедневной записки» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2020. №3. Т. 79. С. 99-106.
8. Кукушкина Е.Д. Сатирические стихотворения Сумарокова как контексты его комедий // XVIII век. Сборник 30. А. П. Сумароков и русская литература его времени. СПб., 2020. С. 102-111.
9. Лебедева О. Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Языки славянской культуры, 2014. 471 с.
10. Приказчикова Е. Е. Масоны и Екатерина II: литературный диалог власти и общества // Е. Р. Дашкова и развитие культуры в эпоху Просвещения. М. : Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2016. С. 24-42.
11. Прозоров В. В. Авторские стратегии в словесно-художественной реальности // Русский язык в центре Европы. 2021. №1 (21). С. 5-14.

12. Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
13. Рыжова Н. Р. Стилиевые приемы драматургии Екатерины Великой // Национальный стиль русской литературной классики. : М., 2022. С .6-16.
14. Шевченко Ю. В. Авторские стратегии популяризации в разножанровых научно-популярных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 3. С. 947-953.
15. Шруба М. Антимасонские комедии Екатерины II как драматический цикл // Вереница литер. М. : Языки славянской культуры, 2006. С. 413-426
16. Шукуров Д. Л. Авторские стратегии в прозе К.К. Вагинова: «эйдос охоты» // Litera. 2022. № 9. С. 33-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38784.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в рецензируемой статье стало творчество Екатерины II, которое в последнее время вызывает активный научный и читательский интерес. В результате найдены новые подходы к его изучению. В этом отношении особо важна докторская диссертация Т.И. Акимовой, в которой был рассмотрен «галантный диалог» в системе авторских стратегий Екатерины II как писателя. В рецензируемой работе углубляется тема диалогизма, авторских стратегий и тактик, используемых Екатериной II в своем творчестве, но в ней внимание сосредоточено на сатирических, дидактических (воспитательных) стратегиях и тактиках. Материалом для анализа стала одна пьеса императрицы – «Обольщенный». Замечу, что уже название произведения можно рассматривать как форму выражения оценки, как одну из авторских тактик, направляющих читательское восприятие героев и проблемы, обозначенной в пьесе. Главным объектом сатиры становится деятельность масонов, для высмеивания которых Екатерина использует ряд приемов, которые подробно рассматриваются в работе. Они представлены системно и детально. В статье четко определяется, что поднимается под авторскими стратегиями и тактиками: авторская стратегия – «поведение автора по отношению к образу героя и образу читателя», авторская тактика – «конкретные способы писательского воздействия на читателя в конструировании как образной системы произведения, так и её идеологического контекста». Исходя из этого, выстраивается аналитический материал. Как пишет автор статьи, «образы масонов, выступающих оппонентами государыни, представляли как образы шарлатанов и воров, имеющих только одну цель – личное обогащение за счёт доверчивых и одураченных дворян». А для разоблачения своих оппонентов Екатерина использует такие тактики, как взгляд на события со стороны – через видение происходящего слугами, нелогичное поведение героев, саморазоблачение и др. Особо выделяются в работе тактики, которые используются, чтобы защитить младшее поколение от влияния масонов. В частности, показано, как общение со служанкой, открытость дворянского дома, послушание молодых дворян старшим помогают найти правильную линию поведения и достичь гармонии в семье и обществе.

Интересно раскрыта авторская стратегия «возвращения хозяина дома в лоно семьи, признание им своего идеологического заблуждения», а также показано, какую роль играет прием «взятие масонов с поличным».

Таким образом, автор статьи выявляет приемы, которыми императрица воздействует на

сознание своих подданных, используя литературное произведение как предостережение от идеологически вредных влияний, формируя «правильные» поведение, образ жизни и систему ценностей.

Выводы автора убедительны, аргументированы, соответствуют заявленной цели. Список литературы репрезентативен и уместен. В статье последовательно выдержан научный стиль.

Статья «Авторские стратегии и тактики Екатерины II в комедии "Обольщённый"» рекомендуется к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гасанов М.М., Камбак Б. — Факторы мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков в Москве // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40698 EDN: ZWCFSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40698

Факторы мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков в Москве

Гасанов Маммадали Магсад ОглыORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8417-8599>

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15

✉ mamedali.hasan.96@gmail.com**Камбак Бурак**

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ buragkambak@hotmail.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.40698

EDN:

ZWCFSG

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2023

Дата публикации:

16-05-2023

Аннотация: Изучение иностранных языков является важным компонентом личного и профессионального развития. В Москве существует большое количество национальных общин, в том числе азербайджанская и турецкая, и все больше людей обращают внимание на изучение языков этих стран. В этой статье мы изучим мотивацию изучения азербайджанского и турецкого языков в Москве. Рассмотрим, как изучение этих языков может помочь при общении с носителями языка, в путешествиях, в профессиональной деятельности и как это может способствовать расширению культурных горизонтов. Также будем рассматривать наиболее популярные мотивы для изучения этих языков среди

изучающих в Москве. Объектом данной статьи является мотивация студентов и изучающих проживающих в Москве при изучении азербайджанского и турецкого языков. Предметом статьи является анализ факторов мотивации, которые вдохновляют людей на изучение азербайджанского и турецкого языков в Москве, такие как культурный интерес, возможности трудоустройства, учеба, общение и другие факторы, которые можно выделить в процессе исследования. Статья также будет описывать различные мотивации каждого изучающего язык, их личный опыт и мнения об этом, а также общие предпочтения в изучении языков.

Ключевые слова:

социолингвистика, иностранный язык, азербайджанский язык, языковая среда, турецкий язык, Мотивация, репрезентация, Тюркские языки, языкознание, миграция

Исследования в области мотивации изучения иностранного языка являются предметом внимания многих отечественных и зарубежных исследователей в различных научных сферах. Множество исследований было проведено с целью определения аксиологических факторов, влияющих на мотивацию изучения иностранного языка. Для данного исследования мы проанализировали труды таких ученых, как Р. Гарднер, П.С. Смайт, З. Дерней, Г. Крукс, Р. Шмидт, Р. Оксфорд, Дж. Шеарин и других. Их теоретические выводы послужили основой для данного исследования.

С точки зрения теории, мотивация является фундаментальной и уникальной частью настойчивости поведенческих процессов и действий, направленных на достижение целей.

С практической стороны, выявление мотивирующих аспектов поможет преподавателям турецкого и азербайджанского языков определить возможные неправильные представления учащихся и помочь им разработать эффективные стратегии обучения, а также разнообразить творческие мероприятия.

Основная часть

Важным фактором успешного изучения иностранного языка является мотивация. Изначально термин "мотивация" происходит от латинского слова "movere", что означает "двигаться". Он имеет несколько определений, но в психологии мотивация — это процесс, который побуждает людей к действию для достижения желаемых результатов. Более конкретно, мотивация отличается тремя основными чертами:

1. Она возникает из-за ощущаемой потребности, т. е. мотивация побуждает человека к действию;
2. Целенаправленность. Мотивация — это движущее состояние, которое направляет поведение в определенное русло и удовлетворяет ощущаемую потребность;
3. Мотивация поддерживает прогрессирующее поведение, которое сохраняется до тех пор, пока желаемый результат не будет достигнут.

Таким образом, мотивация является непрерывным процессом [\[5\]](#). Были проведены обширные исследования мотивации в изучении языка. Как заявил американский профессор и лингвист Ван Лиер, мотивация является очень важным аксиологическим фактором при изучении языка [\[6\]](#). Многочисленные исследования показали, что

мотивация оказывает значительное влияние на выбор стратегии обучения, взаимодействие с носителями языка, способы получения информации, настойчивость и поддержку в изучении языка, а также на окончательный результат владения языком.

Успех студента в освоении любого иностранного языка во многом зависит и от того, какие мотивы преследует он в процессе обучения. И.А. Зимняя определяет мотив как фактор, являющийся стимулом, побуждающим человека к совершению действия, включенного в определенную этим мотивом сферу деятельности [4]. Следовательно, понятие деятельности неотделимо от понятия мотива. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, все действия человека исходят из мотива, то есть из переживания значимости, которое придает им смысл для индивида [1]. Таким образом, мотив и деятельность взаимосвязаны. Однако важно различать понятие "мотив" и "мотивация". Основным компонентом структуры учебной деятельности является мотивация, при этом важную роль играет личность, которая является субъектом данной деятельности. В. Г. Асеев подчеркивает, что мотивационная система человека представляет собой сложную и многоуровневую систему побудителей, включающую в себя потребности, мотивы, интересы, идеалы, стремления, установки, эмоции, нормы, ценности и многое другое. Эта структура мотивации определяет направленность личности, которая может иметь различный характер в зависимости от доминирующих мотивов и их содержания [4].

Одно из наиболее полных определений мотива было предложено Л.И. Божович - одним из ведущих исследователей в данной области [4]. По ее мнению, мотив — это то, что побуждает человека к действию. Мотивом могут выступать предметы внешнего мира, идеи, чувства, переживания и другие аспекты субъективного мира человека, все то, что удовлетворяет его потребности. Таким образом, мотивация представляет собой совокупность психологических факторов, определяющих поведение и деятельность человека.

В данной статье мы будем под мотивацией понимать педагогическое воздействие, включающее методы и приемы обучения иностранному языку, способствующие лучшему усвоению материала студентами. Однако, стоит помнить, что мотивация — это внутреннее побуждение человека, которое трудно вызвать извне. Человек сможет успешно освоить иностранный язык только в том случае, если сам почувствует необходимость в этом и найдет для себя способы достижения поставленной цели.

В данной статье анализируются мотивы и мотивации студентов, изучающих азербайджанский и/или турецкий язык в московских ВУЗах, языковых школах, институтах и культурных центрах этих стран в Москве.

Мы провели социолингвистическое исследование среди студентов, изучающих турецкий и азербайджанский языки, направленное на выяснение мотивации изучения азербайджанского и турецкого языков вне языковой среды. Мы опросили студентов, изучающих азербайджанский и отдельно студентов, изучающих турецкий язык, а также провели интервью с некоторыми из них. Примеры вопросов в анкетировании:

1. Моя цель в изучении турецкого языка заключается в большем понимании и ощущении турецкого искусства и литературы:

Оценивание по 10 бальной шкале.

2. Я изучаю азербайджанский язык, потому что хочу переехать жить в Азербайджан:

Оценивание по 10 бальной шкале.

Общее число участников составило 120 человек, 60 студентов изучающие турецкий язык и 60 студентов изучающие азербайджанский язык.

По результатам анкетирования было выявлено, что большинство студентов изучающие турецкий язык, являются россиянами, которые не имеют никаких родственных связей. Некоторые выбирают этот язык в качестве дополнительной профессиональной компетенции в рамках своей специальности. Кроме того, для некоторых студентов интерес к культуре Турции становится главным мотиватором в изучении языка. Также, туристический потенциал и экономическая связь между Россией и Турцией является фактором, стимулирующим необходимость в знании турецкого языка.

Изучающие азербайджанский язык, были в основном этнические азербайджанцы, которые выросли в России и хотели выучить родной язык для общения с родственниками, а также тех, кто вступил в брак с гражданами Азербайджана, чтобы влиться в культуру.

С целью получения более ясной, подробной и объективной информации после анкетирования было проведено устное интервьюирование среди желающих студентов.

На вопрос: а) Почему вы решили изучать турецкий язык? Б) Почему вы решили изучать азербайджанский язык? У участников были разные ответы. В итоге мы выявили несколько мотивов в изучении турецкого и азербайджанского языков:

Турецкий язык	Азербайджанский язык
1. Культурный интерес	1. Обаяние культуры
2. Общение	2. Общение
3. Путешествие	3. Путешествие
4. Учеба	4. Возвращение к корням
5. Возможности трудоустройства	

Культурный интерес . Обучающиеся, которые решили изучать турецкий и азербайджанский языки, отличаются внутренней мотивацией, вызванной культурным интересом к изучаемым языкам.

Изучающая турецкий язык одна из интервьюеров говорит, что после посещения Турции, она влюбилась в ее культуру. Она также очень часто смотрит исторические турецкие сериалы, которые мотивировали ее изучению турецкого языка.

Интервьюер, изучающий азербайджанский язык, поделился своей мотивацией для его изучения: *«Я был влюблен в азербайджанские песни еще со времен Советского Союза. Меня привлекала мелодичность этого языка. Также мне нравилось изучать культуру азербайджанского народа. И все это мотивировало меня к изучению азербайджанского языка»*.

Из интервью с интервьюерами, изучающими турецкий и азербайджанский языки, можно сделать вывод, что культурный интерес и увлеченность национальной культурой являются важными мотиваторами для изучения языков.

Общение. Одной из основных причин изучения языка является возможность эффективной коммуникации и социализации с окружающими людьми.

Интервьюер изучающий турецкий язык: *«На самом деле меня 3 года приглашают*

работать в Турцию. Конечно же для переезда мне нужно выучить изначально язык данной страны. Потому что по моему опыту не все турки знают английский язык. Для своего же удобства я решил учить турецкий язык. Так же я знаю, что образование в Турции одна из лучших в Море. Я бы хотел и поучиться там».

Интервьюер изучающий азербайджанский язык: *«Мне очень сложно было общаться с родственниками и женами друзей моего мужа. Так как мой муж является азербайджанцем, в моем окружении появились много азербайджано-говорящих людей. Если честно, мне не очень было легко общаться с этими людьми, так как многие из них не знают русского языка. Особенно в Азербайджане. На самом деле в деревне одного из районов Азербайджана. В Баку много русскоговорящих, там мне легче, но откуда родом мой муж, там уже мне очень сложно общаться. Вот сейчас более-менее знаю азербайджанский язык и могу общаться с родственниками моего мужа. Я более близко узнаю культуру моего мужа».*

Из интервью, изучающих турецкий и азербайджанский языки, видно, что наиболее мотивирующим фактором для изучения языка является необходимость коммуникации с носителями языка. Интервьюер, изучающий турецкий язык, хочет переехать в Турцию, работать и получать образование там, поэтому он изучает язык, чтобы эффективно общаться с местными жителями. Интервьюер, изучающий азербайджанский язык, рассказывает, что ему трудно общаться с окружающими, которые не знают русского языка, поэтому изучение азербайджанского языка позволило ему более тесно познакомиться с культурой своего мужа и более эффективно общаться с его родственниками.

Возвращение к корням. Данный мотив был выявлен исключительно среди изучающих азербайджанский язык. Так одна из интервьюеров говорит: *«Мне всегда было незнание моего родного языка. Мои родители родом из Азербайджана, но я всю жизнь жила в Москве. К моему большому сожалению, мои родители со мной разговаривали только на русском языке. Ну и мое окружение в школьные времена были только русскоговорящие. После поступления в университет, у меня появились много друзей из Азербайджана. Я с ними могла говорить только по-русски, а они могли говорить между собой по-азербайджански. Так же я часто слушаю азербайджанские песни, мои родители смотрят азербайджанские фильмы, а я очень плохо все понимаю. Когда я услышала, что в нашем университете есть курсы азербайджанского языка, то я быстро туда записалась. Я уже 2 года учу азербайджанский и мне намного легче стало в повседневной жизни. Я стала понимать своих родственников, друзей, песни, которые я раньше слушала и фильмы стала смотреть на азербайджанском. Я думаю, что теперь я не только по нации азербайджанка, но и в целом».*

Возвращение к корням является важным процессом для людей, которые потеряли связь с культурой и языком своих предков. Изучение родного языка помогает не только лучше понимать своих близких, друзей и культуру, но и дает чувство принадлежности к своей нации.

Учеба, возможность трудоустройства. Эти мотивы были выявлены в основном среди изучающих турецкий язык. Учеба и работа является одной из сильнейших факторов мотивации на сегодняшний день, которая определяет будущее студентов с Турцией. Это обусловлено с хорошим уровнем образования и экономическим потенциалом Турецкой Республики. Как, например один из интервьюеров является инженером-строителем, и он целенаправленно изучает турецкий язык, для работы в турецких кампаниях.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы:

Турецкий язык	Азербайджанский язык
Среди мотивации результатов были выделены: культурный интерес, общение, путешествия, учеба и возможности трудоустройства. Культурный интерес оказался одним из наиболее распространенных мотивов в начале изучения турецкого языка. Большинство учащихся исходят из желания познакомиться с богатой и разнообразной турецкой культурой, ее историей, искусством, литературой и традициями. Другим важным мотивом изучения турецкого языка является общение. Изучение языка облегчает общение и позволяет легче понимать и выражать свои мысли в различных ситуациях. Более того, изучение турецкого языка может привести к расширению круга общения с турецкими носителями языка. Путешествия в Турцию также являются одним из важных мотивов, побуждающих людей к изучению турецкого языка. Умение свободно общаться на турецком языке может значительно улучшить качество путешествия, сделать его более интересным и продуктивным. Учеба - еще один фактор, который мотивирует к изучению турецкого языка. Цель улучшения образования может стать главной движущей силой в начале изучения этого иностранного языка. Более широкое знание турецкого языка может улучшить шансы на получение высокооплачиваемой работы или дополнительных учебных возможностей.	Проведенные интервью, позволяют установить, что азербайджанский язык является объектом изучения для многих людей, для которых общение с родственниками или сохранение своей идентичности играет важную роль. Желание сохранения контакта с родственниками и близкими является мотивацией для изучения языка и имеет большую значимость для многих людей. Кроме того, изучение азербайджанского языка связано с желанием сохранения своей национальной и культурной идентичности. Для людей, которые родом из Азербайджана или имеют азербайджанские корни, знание родного языка может быть важным культурным и личностным фактором. Таким образом, азербайджанский язык может быть изучен в связи с различными мотивами и перспективами, включая стремление сохранить контакт с близкими или сохранить свою идентичность.

В статье невозможно рассмотреть все мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков, так как их множество и они могут быть уникальными для каждого

индивидуума.

Библиография

1. Афандиева, Ч. Русский язык в современном мире / Ч. Афандиева // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 3. – София. 2007. 108 с.
2. Гасанов Р. Б. Историческая лексикология азербайджанского и турецкого языков. Махачкала, 2001. 439 с.
3. Данилова, О.А. Роль мотивации в изучении иностранных языков / О.А. Данилова, Р.А. Дукин, Д.В. Конова. URL: <http://study-english.info/article018.php>
4. Орлов, Ю.М. Потребностно-мотивационные факторы эффективной учебной деятельности студентов вуза / Ю.М. Орлов. – М., 1984. 98 с.
5. Seven, M.A. (2020). Motivation in language learning and teaching. African Educational Research Journal. Special issues 8 (2). 562-571. DOI: 10.30918/AERJ.8S2.20.033. ISSN: 2354-2160.
6. Van Lier, L. (1996). Interaction in the Language Curriculum: Awareness, Autonomy and Authenticity. Applied Linguistics and Language Study. ISBN-13: 978-0582248793. ISBN-10: 0582248795. 1st Edition. London: Longman. 260 p
7. Dornyei, Z. (2001). Motivational Strategies in the Language Classroom. England: Cambridge University Press. 155 p.
8. Gardner, R.C., & Smythe, P.C. (2003). On the development of the Attitude-Motivation Test Battery. Canadian Modern Language Review. Volume 37. 2003. 510-525 pp.
9. Skehan, P. (1991) Individual differences in Second Language Learning. Studies in Second Language Acquisition №13(02). 392 p. DOI:10.1017/S0272263100009979
10. Masgoret, A.M., & Gardner, R.C. (2002). Attitudes, motivation, and second language learning: A meta analysis of studies conducted by Gardner and associates. In Z. Dornyei (Ed.). Attitudes, Orientations, and Motivations in Language Learning. 167-210 pp.
11. Oxford, R., & Shearin, J. (1994). Language learning motivation: expanding the theoretical framework. Modern Language Journal 78(1). 12-28 pp. Retrieved <https://doi.org/10.2307/329249>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Факторы мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков в Москве», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду повышения интереса к изучению языков народов Востока. Кроме того, указанные языки относятся к группе тюркских языков, что облегчает их изучение рядом народов Российской Федерации, у которых родным является также язык тюркской группы.

Исследования в области мотивации изучения иностранного языка являются предметом внимания многих отечественных и зарубежных исследователей в различных научных сферах, однако в настоящей работе автор фокусирует внимание на аксиологических мотивах.

Работа является практикоориентированной, так как выявление мотивирующих аспектов

поможет преподавателям турецкого и азербайджанского языков определить возможные неправильные представления учащихся и помочь им разработать эффективные стратегии обучения, а также разнообразить творческие мероприятия.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В данной статье анализируются мотивы и мотивации студентов, изучающих азербайджанский и/или турецкий язык в московских ВУЗах, языковых школах, институтах и культурных центрах этих стран в Москве

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Автор прибегает к социологическим методам и проводит социолингвистическое исследование среди студентов, изучающих турецкий и азербайджанский языки, направленное на выяснение мотивации изучения азербайджанского и турецкого языков вне языковой среды. Общее число респондентов составило 120 человек, 60 студентов изучающие турецкий язык и 60 студентов изучающие азербайджанский язык, что является репрезентативной выборкой.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов.

В статье встречаются технические ошибки и опечатки, к примеру, «азербайджвесуого языка».

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по методике обучения. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Факторы мотивации в изучении азербайджанского и турецкого языков в Москве» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пищерская Е.Н. — Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748 EDN: ZHKUAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748

Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике

Пищерская Елена Николаевна

кандидат филологических наук

доцент, Читинский институт Байкальского государственного университета

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Аножина, 56, ауд. 47

✉ kishana@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.40748

EDN:

ZHKUAD

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2023

Дата публикации:

17-05-2023

Аннотация: Лингвистика как наука постоянно развивается и расширяет свои границы, включая в свою компетенцию все новые объекты исследования. Одним из таких объектов является креолизированный текст, который представляет собой особый вид коммуникативного феномена, состоящего из знаков разных семиотических систем. Креолизированный текст активно используется в различных сферах общественной жизни, в том числе в рекламе, СМИ, искусстве, образовании и т.д. Статья посвящена креолизированному тексту как объекту изучения в лингвистике. Объектом исследования в этой статье является креолизированный текст. Целью данной статьи является рассмотрение креолизованного текста как объекта изучения в лингвистике посредством анализа опубликованных исследований. Методологической основой и материалом исследования послужили классические труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам теории текста, паралингвистики, семиотики, коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии, а также исследования последних лет, объектом изучения которых стали креолизированные или поликодовые тексты. Автор определяет понятие креолизованного текста, выделяет специфические характеристики креолизованного текста по сравнению с однокодовым текстом, описывает основные научные подходы к анализу креолизованного текста и методы исследования. В статье представлен обзор

классических научных работ, посвященных анализу креолизованного текста, а также исследований, опубликованных в последние годы. Автор делает вывод о том, что креолизованный текст представляет собой сложный и многогранный объект изучения в лингвистике, который отражает тенденции развития современного общества и культуры и позволяет расширить границы лингвистического знания и понимания языка как средства коммуникации.

Ключевые слова:

креолизованный текст, поликодовый текст, вербальный код, невербальный код, структура текста, семиотика, реклама, дискурс, креолизация, мультимодальность

Текст является основным средством передачи информации и знаний в человеческом обществе. Однако текст не всегда состоит только из слов. В современном мире все чаще встречаются тексты, которые сочетают в себе разные знаковые системы: языковые и неязыковые, вербальные и невербальные, аудио- и визуальные. Такие тексты называются креолизованными, поскольку они представляют собой результат креолизации — процесса смешения и интеграции разнородных кодов в единое целое. Креолизованные тексты широко распространены в разных сферах общественной жизни: рекламе, СМИ, интернет-коммуникации, искусстве, образовании и т.д. Они обладают особыми свойствами и функциями, которые требуют комплексного лингвистического анализа.

В современном мире все большую роль играют тексты, которые не ограничиваются одним естественным языком, а сочетают в себе различные знаковые системы: вербальную и невербальную, лингвистическую и экстралингвистическую, аудио- и визуальную. Такие тексты называются креолизованными, поскольку они представляют собой результат креолизации — процесса смешения и интеграции разнородных кодов в единое целое. Креолизованные тексты широко распространены в разных сферах общественной жизни, они обладают особыми свойствами и функциями, которые требуют комплексного лингвистического анализа.

Примеры креолизованных текстов можно найти в разных сферах искусства и коммуникации:

- Тексты рекламы, комиксы, афиши, плакаты, мемы, эмодзи, которые сочетают слова и изображения для привлечения внимания и усиления эмоционального воздействия или самовыражения.
- Логотипы, плакаты, листовки, баннеры, в которых используются слова и изображения для создания идентичности, узнаваемости или продвижения бренда.
- Карты, диаграммы, табло, графы, в которых используются слова и символы для представления пространственной, числовой или логической информации.
- Фильмы, видеоролики, анимация, в которых используются слова, звуки и изображения для создания повествований, эмоций или эффектов.
- Балет, где музыка и танец создают синкретическое произведение, передающее сюжет и характеры персонажей.

Термин *креолизованный текст* не является единственным для обозначения данного

явления. В лингвистике также используются другие термины, такие как *синкретический текст* [41], *поликодовый текст* [5, 16, 19, 26, 40], *лингвовизуальный комплекс* [9], *видеовербальный текст* [30], *семиотически осложненный текст* [8, 31], *иконотекст* [13], *мультимодальный текст* [16] и др. Эти термины подчеркивают разные аспекты креолизованного текста, такие как сочетание разных знаковых систем, наличие нескольких кодов выражения, взаимодействие вербального и визуального компонентов, усиление коммуникативного эффекта за счет дополнительных средств и т.д.

Одним из первых исследователей текста, состоящего из нескольких знаковых систем, был французский семиотик Ролан Барт. Он размышлял о природе знака, его идеологическом наполнении, взаимосвязи означаемого и означающего, денотативных и коннотативных сообщениях. Р. Барт утверждал, что социально обусловленные коннотативные смыслы вторичных знаковых систем (изображения, звуки, видео и т.д.) несут мощный идеологизированный посыл, дополняя или изменяя денотативные смыслы, выраженные посредством естественного языка [4].

Термин *креолизованный текст* был введен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, которые определили его как текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой или речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [36]. Этот термин получил широкое распространение в трудах исследователей, его используют в своих работах М. Б. Ворошилова, Е. Е. Анисимова, Б. Л. Бойко, И. В. Вашунина, А. А. Нистратов, Е. А. Елина, Д. П. Чигаев, М. Г. Швецова, Л. В. Дубовицкая, М. Ю. Подлевских, А. А. Якубовская и многие другие.

Креолизованный текст имеет ряд специфических характеристик, которые отличают его от однокодового текста. Во-первых, креолизованный текст имеет более сложную структуру, которая состоит из двух или более подструктур: вербальной и невербальной. Каждая подструктура имеет свои правила организации и связности, которые могут согласовываться или конфликтовать друг с другом.

Во-вторых, креолизованный текст имеет более высокий коммуникативный потенциал поскольку он может передавать больше информации за меньшее время и пространство, а также использовать разные каналы передачи информации.

В-третьих, креолизованный текст имеет более сложную семиотику, поскольку он основан на разных типах знаков: иконических, индексальных и символических. Иконические знаки имитируют объекты (например, фотографии, рисунки, диаграммы), индексальные знаки указывают на объекты (например, указатели, стрелки, цветовые сигналы), символические знаки обозначают объекты по соглашению (например, слова, цифры, буквы) [28]. Креолизованный текст использует все эти типы знаков в разной степени и комбинации, что создает многоуровневую систему значений и интерпретаций.

В-четвертых, креолизованный текст имеет более разнообразные функции, которые зависят от целей и задач коммуникаторов и адресатов. Креолизованный текст может выполнять информативную, познавательную, рекламную, художественную, развлекательную и другие функции. Он может также сочетать в себе несколько функций одновременно, что повышает его коммуникативную ценность и привлекательность [35].

В-пятых, креолизованный текст имеет более высокие требования к компетенции коммуникаторов и адресатов. Для создания и восприятия креолизованного текста

необходимо владеть не только языковой компетенцией (знанием лексики, грамматики и стилистики языка), но и паралингвистической компетенцией (знанием невербальных кодов и их соотношения с вербальными), а также лингвокультурологической компетенцией (знанием культурных особенностей коммуникантов и контекста общения) [\[37\]](#).

Для изучения креолизированных текстов ученые используют различные методы и приемы анализа, такие как структурно-системный подход, функциональный подход, семиотический подход и др.

Структурно-системный подход предполагает выделение и описание различных структурных уровней креолизованного текста: вербального, невербального и музыкально-звукового (в случае аудиовизуальных текстов). На каждом уровне анализируются такие элементы, какие лексические, грамматические, синтаксические, стилистические средства используются в вербальном компоненте; какие графические, иконические, аудиовизуальные средства используются в невербальном компоненте; какие музыкальные и звуковые средства используются в музыкально-звуковом компоненте. Также анализируется взаимосвязь между разными уровнями и их роль в создании смысла креолизованного текста [\[1, 3, 9-12, 18, 22, 23, 29, 30, 46, 52\]](#).

Функциональный подход предполагает выделение и описание различных функций креолизованного текста: информативной, эмотивной, экспрессивной, прагматической и др. На каждом уровне анализируется, какие средства используются для реализации той или иной функции и какой эффект они производят на адресата. В рамках данного подхода часто применяется метод стратегического анализа, который изучает взаимодействие и корреляцию между вербальной и невербальной составляющими креолизованного текста при реализации коммуникативных стратегий. [\[2, 11, 29\]](#).

Семиотический подход предполагает выделение и описание различных знаковых систем, которые участвуют в создании креолизованного текста: естественного языка, графики, изображения, музыки и т.д. На каждом уровне анализируется, какие знаки используются для кодирования и декодирования информации и как они соотносятся с другими знаками в рамках одной или разных систем, каковы их смыслы и функции [\[11\]](#).

Когнитивный подход к анализу креолизированных текстов — это подход, который основывается на изучении ментальных процессов и репрезентаций, протекающих при восприятии и понимании текстов, состоящих из разных кодов (например, вербального и изобразительного). Здесь часто применим метод семантического дифференциала, который позволяет измерять эмоциональное воздействие и восприятие креолизированных текстов по разным параметрам [\[27, 45\]](#).

Рассмотрим основные тематики научных работ последних лет, объектом исследования в которых выступает креолизированный текст.

Поскольку в научной среде до сих пор нет единого мнения по вопросу корректного наименования текстов, состоящих из элементов нескольких знаковых систем, ряд работ посвящен терминологическим вопросам. Так, в своей работе о терминотехнике теории поликодовых текстов Н. В. Новоспаская и Н. М. Дугалич приходят к выводу, что термин *поликодовый* текст точнее передает специфику обозначаемого им понятия, а также высказывают мнение о том, что назрела необходимость в создании словаря и уточнения терминов, удовлетворяющих современному уровню понимания поликодового текста [\[26\]](#). Содержание понятий *поликодовость* и *креолизация* при описании рекламных текстов

описывает и Д. С. Шикина, называя рекламный текст поликодовым, описывая при этом степень его креолизации [\[40\]](#). Отметим, что в данной работе термины креолизованный и поликодовый текст употреблены как синонимичные.

Н. Э. Горшкова и В. Е. Чернявская исследуют визуальную интертекстуальность в контексте лингвистики текста и дискурса и приходят к выводу, что «вербальный и визуальный семиотический ресурсы создают глубинную связность в структуре текста, не сводимую к механическому сложению языковых и визуальных знаков (к двойному кодированию)» [\[16\]](#).

Существенная часть исследователей подходит к изучению креолизованных текстов с позиций психолингвистики, изучая ментальные процессы и репрезентации, протекающие при восприятии и понимании подобных текстов, уделяя при этом особое внимание роли невербальных компонентов в смысловом восприятии текста и их взаимодействию с вербальными компонентами [\[10, 25, 44, 46\]](#).

В ряде работ креолизованный текст рассматривается как инструмент формирования определенных компетенций в образовательном процессе. В работе Т. Ф. Гришиной и Е. А. Ивановой [\[17\]](#) рекламный текст как вид креолизованного текста рассматривается как инструмент обучения креативному мышлению и развития навыка креативного высказывания, О. А. Селеменова описывает методику работы с креолизованными текстами печатной рекламы при обучении креативному письму [\[33\]](#). О. А. Жарина, А. А. Гичева, А. А. Якубовская, Н. С. Оприц изучают поликодовый текст как средство формирования лингвистической компетенции [\[21, 43, 50\]](#).

Взаимосвязь между вербальным и невербальным компонентами креолизованного текста и влияние этой взаимосвязи на восприятие реципиентом предметов искусства освещено в работах Д. А. Удоды [\[37\]](#), В. С. Косенко [\[22\]](#). Поликодовый текст кино или кинотекст стал объектом научного осмысления в работах М. Б. Ворошиловой [\[15\]](#), П. Ю. Богдановской [\[6\]](#), Е. С. Яковлевой и И. В. Игнатовой [\[42\]](#) и многих других.

Существенное внимание исследователей креолизованных текстов уделено проблемам их перевода. Н. В. Щурик, Т. В. Тюрнева и др. отмечают высокую степень влияния социального контекста и необходимость тщательного прагматического анализа креолизованных текстов в сфере информационных технологий в процессе перевода [\[51\]](#).

Исследования, посвященные поликодовым текстам в интернет-коммуникации, рассматривают их как средство самовыражения личности в виртуальном пространстве [\[32\]](#), инструмент создания языковой игры [\[52\]](#).

Особенности креолизованного текста рассматриваются и в контексте общественно-политического дискурса как средства репрезентации лингвокультурного типажа [\[24\]](#), инструмент привлечения внимания и создания комического эффекта в политической карикатуре [\[45\]](#). И.В. Вашунина исследует логотип вуза как креолизованный текст [\[12\]](#). Немало работ посвящено методике анализа креолизованного текста в судебной экспертизе и юрислингвистике [\[34\]](#).

Одним из наиболее популярных материалов для исследования креолизованных текстов является текст рекламы [\[17, 20, 23, 25, 29, 33, 39, 40, 46-51\]](#). В этой области существует множество работ, в центре внимания которых разные аспекты создания и

функционирования креолизированных рекламных текстов.

Исследователи в процессе лингвистического анализа креолизованного текста рекламы могут столкнуться с проблемами идентификации, классификации и интерпретации разных языковых элементов в тексте, а также они могут быть подвержены субъективности или вариативности оценок и выводов. Поэтому лингвистический анализ креолизованного текста рекламы требует учитывать множество факторов, таких как социокультурный, экономический и юридический контекст текста, специфика жанра и средства распространения рекламы, характеристики и ожидания целевой аудитории, цели и стратегии коммуникации.

Примеры лингвистического анализа креолизованного текста рекламы можно найти во многих обзорах и исследованиях. Например, в работе [\[49\]](#) Н. С. Оприщ исследует функционирование креолизованного текста англоязычной социальной рекламы на тему пандемии covid-19 и приходит к выводу о слабой креолизации таких текстов.

М. Г. Швецова, М. Ю. Подлевских отмечают, что «в современной межкультурной коммуникации возрастает роль рекламных текстов, в которых вербальный компонент в сочетании с иконическим имеет тенденцию к воспроизведению картины мира, эстетических и нравственных ориентиров общества, к отражению самосознания нации» [\[39\]](#).

А. В. Анненкова, С. В. Лебедева провели экспериментальное исследование, доказав, что на субъективное восприятие креолизованного текста рекламы влияют не только лингвистические характеристики, но и большое количество экстралингвистических факторов, таких как возраст, принадлежность к социальной группе, личный опыт [\[44\]](#).

Результаты лингвистического анализа креолизованного текста рекламы могут быть полезными для разных целей и задач. Например, они могут помочь создателям рекламы улучшить качество, оригинальность и адекватность своих текстов, а также избежать ошибок, недоразумений или конфликтов. Они также могут помочь потребителям рекламы лучше понять, интерпретировать и оценивать рекламные сообщения, а также развивать свои языковые и культурные компетенции. Они также могут помочь исследователям рекламы расширить свои знания и понимание языковых и коммуникативных особенностей и функций рекламы в современном мире.

Таким образом, креолизированный текст представляет собой сложный и многогранный объект изучения во многих областях знаний, в т.ч. в лингвистике. Он отличается от однокодового текста более сложной структурой, высоким потенциалом коммуникативной эффективности, более разнообразными функциями и высокими требованиями к компетенции коммуникаторов и адресатов. Креолизированный текст отражает тенденции развития современного общества и культуры, которые характеризуются глобализацией, медиатизацией, интерактивностью и мультимодальностью. Изучение креолизованного текста позволяет расширить границы лингвистического знания и понимания языка как средства коммуникации.

Библиография

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов). – М.: Академия, 2003.
2. Балакина И. А. Лингвокультурный типаж в англоязычном креолизованном тексте как инструмент реализации стратегии дискредитации в политическом дискурсе / И.

- А. Балакина, Ю. В. Кузина // Политическая лингвистика. 2023. № 2(98). С. 38-47.
3. Барова А.Г. Особенности перевода креолизованных немецкоязычных текстов (на материале немецких молодёжно-сатирических онлайн-журналов "Eulenspiegel" и "Titanic") // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. №(4). С. 18-27.
4. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. —М.: Академический проект, 2008.
5. Бернацкая А.А. Креолизованные тексты: проблемы теории и практики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 14 (597). С. 104-113.
6. Богдановская П. Ю. Кинотекст как особый вид креолизованного текста // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 1. С. 14.
7. Бойко Б. Л. Тексты воинских уставов и наставлений как креолизованные тексты // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. 2022. № 2(18). С. 57-65.
8. Большакова Л. С. О содержании понятия "поликодовый текст" // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 48-51.
9. Большакова Л. М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1987. С. 50–56.
10. Вашунина И. В. Креолизация иноязычного текста как способ изменения его восприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 7(862). С. 25-30. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_25. – EDN WCXCXO.
11. Вашунина И. В. Креолизованный текст: обзор экспериментальных исследований / И. В. Вашунина, А. А. Нистратов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2(44). С. 28-39. DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39.
12. Вашунина И. В. Логотип вуза как креолизованный текст // Организационная психолингвистика. 2020. № 4(12). С. 49-70.
13. Волоскович А. М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 611. С. 25-35.
14. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. / М.Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.
15. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика.- Выпуск (2) 22. Екатеринбург, 2007. С. 106-110.
16. Горшкова Н. Э. Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения / Н. Э. Горшкова, В. Е. Чернявская // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 4. С. 689-700. – DOI 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700.
17. Гришенкова Т. Ф. Рекламный текст как вид креолизованного текста в обучении креативному мышлению / Т. Ф. Гришенкова, Е. А. Иванова // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 92-97.
18. Дубовицкая Л. В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Дубовицкая Любовь Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т].-Москва, 2013.
19. Эйгер Г.В., Юхт В.Л. Текст: структура и свойства // Текст: структура и свойства / Под ред. Г.В. Эйгера. М.: Наука, 1974. С. 107-124.
20. Елина Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – 2-е издание, стереотипное. –

- Москва : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2016. – 136 с.
21. Жарина О. А. Креолизованные тексты как средство формирования лингвистической компетенции у студентов неязыковых специальностей / О. А. Жарина, А. А. Гичева // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2022. № 5. С. 62-73. DOI 10.24412/2304-120X-2022-11034.
22. Косенко В. С. Исследование влияния изображения и вербального текста на восприятие креолизованного текста (экспериментальное исследование) / В. С. Косенко // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 3. С. 310-321. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-310-321.
23. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Васькина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020.
24. Кузина Ю. В. Репрезентация лингвокультурного типажа в политическом креолизованном тексте / Ю. В. Кузина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2017. № 1. С. 102-107.
25. Моисеева И. Ю. Психолингвистические особенности восприятия креолизованных текстов (на примере рекламного текста) / И. Ю. Моисеева, Э. П. Аргунеев // Филологические чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2022. С. 38-43.
26. Новоспасская Н. В. Терминосистема теории поликодовых текстов / Н. В. Новоспасская, Н. М. Дугалич // Русистика. 2022. Т. 20, № 3. С. 298-311. DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311.
27. Петрова А. В. Когнитивно-дискурсивная методика анализа американского креолизованного текста / А. В. Петрова, М. В. Петров, Е. В. Шустрова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 75-86. DOI 10.17308/lis.2020.4/3082.
28. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Перевод с английского под ред. Русанова А.Ю., М.: Логос, 2000.
29. Пищерская Е. Н. Стратегический потенциал текста баннерной рекламы : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2011. 198 с.
30. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О.В. Пойманова. Москва, 1995. 254 с.
31. Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2006. 229 с.
32. Саидова З. Э. Феномен креолизации текста в сетевом дискурсе / З. Э. Саидова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 1490-1493.
33. Селеменова О. А. Методика работы с креолизованными текстами печатной рекламы на занятиях по дисциплине "Практикум по креативному письму" // Преподаватель XXI век. – 2020. № 2-1. С. 117-128. DOI 10.31862/2073-9613-2020-2-117-128.
34. Современное состояние разработок в области методики судебно-лингвистического анализа поликодовых текстов: "Друзья, меняйте методичку" / А. В. Горбачева, А. А. Берлин Хенис, А. Н. Пучкова, М. А. Осадчий // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : Коллективная монография. – Москва :

- Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 274-292.
35. Соколова Н.А. Функции креолизированных текстов в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 176-189.
 36. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизированные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Высшая школа, 1990.
 37. Удод Д. А. Функционирование лексических средств художественной выразительности в креолизованном тексте (на примере буклета музыкального альбома) // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 82-84.
 38. Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чигаев Денис Петрович. Москва, 2010. 223 с.
 39. Швецова М. Г. Рекламный текст как один из видов креолизированных текстов / М. Г. Швецова, М. Ю. Подлевских // Альманах мировой науки. 2016. № 5-1(8). С. 137-142.
 40. Шикина Д.С. О терминах «поликодовость» и «креолизация» в описании рекламного текста глянцевого журналов. Вестник Московского государственного областного университета. 2018. №(2). С. 351-363. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-883>
 41. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика// Избранные работы по лингвистике и поэтике. М.: Прогресс, 1987.
 42. Яковлева Е. С. "Кинотекст" как особая разновидность креолизованного текста / Е. С. Яковлева, И. В. Игнатова // Наука среди нас. 2017. № 3(3). С. 190-197.
 43. Якубовская А. А. Отбор креолизированных текстов с целью формирования иноязычной речевой компетенции студентов-бакалавров, обучающихся по направлению "архитектура" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3(63). С. 213-218.
 44. Annenkova A. V. Psycholinguistic Research of Creolized Advertising Texts: Age Factor / A. V. Annenkova, S. V. Lebedeva // Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAH-2018), Volgograd, 23–28 апреля 2018 года. Volgograd: EDP Sciences, 2018. P. 01027. DOI 10.1051/shsconf/20185001027.
 45. Devyatkov M. I. Methods applied for analysis of creolized texts // Pedagogical Education in Russia. 2016. No. 4. P. 31-34. DOI 10.26170/po16-04-06.
 46. El-Dali Hosni. (2019). The Language of Consumer Advertising: Linguistic and Psychological Perspectives. Studies in Linguistics and Literature. 3. 95. 10.22158/sll.v3n2p95
 47. Ghedeir Brahim Mohammed. (2022). The Linguistic Features of Advertising English. Society and Sports Journal. Vol. 5, Issue 1. Pp.545-553
 48. Lenkova, T. (2019). Three Steps To Understanding The Creolized Text. In N. I. Almazova, A. V. Rubtsova, & D. S. Bylieva (Eds.), Professional Culture of the Specialist of the Future, vol 73. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 517-523). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.55>
 49. Oprishch, N. S. (2020) Functioning of English Language Social Advertising Creolized Texts. Russian Linguistic Bulletin, No. 2(22), pp. 41-44. DOI 10.18454/RULB.2020.22.2.20.
 50. Oprishch N. S. Teaching English by means of advertising creolized texts / N. S. Oprishch, O. Ogareva // Inted2020 14th international technology, education and development conference : Conference proceedings. – Valencia: IATED, 2020. – P. 8014-8018.

51. Schurik N., Tyurneva T., Nevolina K., Podkamennaya E., & Fetisova S. (2019). Difficulties In Translating Creolized Advertising Text in The Field of Electronic Entertainment // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, vol 76. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 948-953). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.126>
52. Shuraeva A. S. Wordplay in English comic creolized text (on the example of Internet memes) / A. S. Shuraeva, Yu. V. Kuzina // Languages in professional communication, 2019, pp. 197-202.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения понятия креолизации, а именно изучения текстов, которые сочетают в себе разные знаковые системы: языковые и неязыковые. Креолизированные тексты широко распространены в разных сферах общественной жизни, они обладают особыми свойствами и функциями, которые требуют комплексного лингвистического анализа. Данный феномен изучается на протяжении последних десятилетий в языкознании, однако существуют неисследованные лакуны.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В работе автор пытается систематизировать различные научные точки зрения на исследуемую проблему как в российском, существующих так и зарубежном языкознании, а также провести классификацию креолизированных текстов.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: структурно-системный подход, функциональный подход, семиотический подход и др.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам работы можно отнести отсутствие практического языкового материала исследования, которым можно было бы проиллюстрировать выдвигаемые положения, а также статистических данных о распространенности того или иного типа креолизированного текста в русском или зарубежном дискурсе.

Библиография статьи насчитывает 52 источника, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на иностранных языках. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что список использованной литературы достаточен и авторитетен.

Автор также обращается к традициям отечественной научной школы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее

положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Boulberhane M., Aouati S., Saad H., Ahmad Mahmood M., Hezla M. — A childhood dream that can be a memory: Magical Realism and Memory in the "Ocean at the End of the Lane" // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40676 EDN: ZMZQDM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40676

A childhood dream that can be a memory: Magical Realism and Memory in the "Ocean at the End of the Lane" / Детская мечта, которая может быть воспоминанием: Магический реализм и память в «Океане в конце переулка»

Большеран Мона

аспирант, факультет филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117190, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ boulberhanemouna@gmail.com

Авати Сомиа

аспирант, факультет филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ aouati.somia@gmail.com

Саад Хайдер Луаби

аспирант, факультет филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ halzamily@uowasit.edu.iq

Махмуд Ахмад Махмуд

аспирант факультет филологии Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ab.mahmood55@gmail.com

Хезла Мохаммед

аспирант, кафедра архитектуры, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ mohcsbv@gmail.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40676

EDN:

ZMZQDM

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2023

Дата публикации:

17-05-2023

Аннотация: Роман «Океан в конце переулка» проливает свет на детский взгляд на мир и уникальное восприятие реальности, которое полностью отличается от восприятия взрослых. Объектом исследования является проявления нарушения памяти в романе. Предмет - анализ изменений памяти с возрастом, а также ее роли в преодолении стресса, вызванного травмой. Цель статьи - понять в свете психологии личности и исследований памяти, как и почему воспоминания главного героя-ребенка меняются и сливаются с воображением по мере изменения повествования. Это способствует выявлению противопоставлений воображения и реальности в романе, которое перекликается с восприятием мира главным героем-ребенком параллельно восприятию мира взрослыми. Новизна исследования заключается в том, что в статье применяются психологические исследования для того, чтобы показать, как магический реализм отражает проблему изменений памяти в романе «Океан в конце переулка», и, следовательно, представляет основание для дальнейших возможностей изучения детского магического восприятия, реалистической памяти в постмодернистских романах. Результаты исследования демонстрируют, в какой степени стиль магического реализма выражает трансформацию умственных способностей и восприятия реальности при переходе от детства к взрослой жизни в романе. В этом смысле "Океан в конце переулка" - это изображение мира, увиденного как с точки зрения взрослой жизни, так и с точки зрения детства.

Ключевые слова:

память, детство, зрелость, магический реализм, воображение, психология, бессознательное, сверхъестественное, визуализация, автобиографическая память

Introduction

Relevance of the study. The Ocean at the End of the Lane (2013) is one of Neil Gaiman's noticeable novels of magical realism, since it is considered by critics as an amalgamation of unlimited peculiar imagination and a real-world setting with an ordinary child protagonist [\[1\]](#). Moreover, this novel «shows how magical realism relates to children and how they present alternate perception of the world» [\[2, p. 417\]](#).

Based on the background above, the aim of this research is to highlight the juxtaposition of imagination and reality in the novel which echoes the child protagonist's perception of the world in parallel to that of adults. This juxtaposition marks one of the five qualities of

magical realism that Wendy Faris tackled in her book *Ordinary Enchantments* (2004). She argues that a work of magical realism should «contain 'irreducible element' of magic» [3, p. 7]. Faris explains the meaning of «irreducible element», quoting Robert Young and Keith Hollaman words; Young and Hollaman state that the 'irreducible element' is «something we cannot explain according to the laws of the universe as they have been formulated in Western empirically based discourse, that is, according to logic, familiar knowledge, or received belief» [4, p. 7]. Imagination and mystery in *The Ocean* are mostly represented through the child's mind and his way to memorize happenings, since the way in which a seven year-old protagonist perceives the outside world is different from how his parents or he, as a middle-aged man, perceives and comprehends things. Adults seem to choose the same way in dealing with their realities without thinking to step off it, as children usually do. The narrator of this novel affirms this claim, as he notes: «Adults follow paths. Children explore. Adults are content to walk the same way, hundreds of times, or thousands; perhaps it never occurs to adults to step off the paths, to creep beneath rhododendrons, to find the spaces between fences» [5, p. 62]. Children have their own unlimited ways in doing things, and therefore, their perception of reality and their way of memorizing happenings are certainly different. Furthermore, this article aims to draw the link between imagination and childhood memory in *The Ocean*. Actually, this novel is described by Gaiman himself as being about «memory and the imagination and standing up to the dark» [6]. Reading its story, one can notice that the protagonist's memories are half remembered or not truly forgotten. The whole situation seems as if the protagonist experiences a kind of daydream about his childhood events. This makes some readers wonder if the memories are real or all made up by a child's unlimited imagination. Some others might furthermore ask where reality ends and where imagination begins.

Research objectives: The article intends to find a link between the tendency to escape from reality and the mode of magical realism in the novel. It also aims to explain the narrator's childhood imagination and its representation in the novel, using a magical realist style. As well, the association of magical realism with the confusion between real and false memorization is one of the main tasks, analyzing the novel.

Methods. These tasks are explored in the light of psychology and memory studies.

Research materials. There have been considerable works of writers and researchers all over the world devoted to the study of magical realism in this novel (Rata, 2017; Postrak, 2018; Bahasa, Sastra, Seni, Budaya, 2021; Wyver, 2021; Hasanah, Kuncara, Astuti, 2021).

Practical significance. Discussing how magical realism enhances the issue of memory alteration in the novel, the article contributes to children's literature criticism, in the sense that it sheds light on children's magic realist memory and its differences in comparison with adults' one, relating to the plot, the setting, and the characters of *The Ocean at the End of the Lane*.

Discussion and results

The narrator of the story is an unnamed middle-aged man who goes to his hometown, and then drives away there to find himself in his childhood house. He begins to trace his childhood when he finds the place where his old friend Lettie lived for a while. Walking there, the narrator finally finds the pond, which Lettie used to call an «ocean». This ocean is actually the key word in the novel. By remembering Lettie's ocean, the narrator suddenly remembers every single memory of his seven-year-old life. His sudden remembering of

things brings to our minds the memory process which is called «cued recall» [21]. According to McDermott and Roediger III, the piece of information that one can retrieve is accessible information, and «accessible information represents only a tiny slice of the information available in our brains. Most of us have had the experience of trying to remember some fact or event, giving up, and then – all of a sudden! – it comes to us at a later time, even after we’ve stopped trying to remember it» [8, p. 21]. This may certainly explain the narrator’s words in the prologue of the novel, where he states: «Memories were waiting at the edges of things, beckoning to me» [5, p. 6]. While remembering Lettie Hempstock’s ocean, the narrator admits: «I remembered that, and, remembering that, I remembered everything» [5, p. 6]. In an interview, the experimental psychologist and cognitive neuroscientist Endel Tulving argued that «the key process in memory is retrieval» [9, p. 91]. The process of retrieval, that the narrator follows, stimulates long forgotten memories that were recessed in his mind for many years. Remembering Lettie’s Ocean, the narrator suddenly remembers his seventh birthday when he was alone. He remembers his family having financial difficulties, then remembers the opal miner boarder who killed himself in the car of the narrator’s family. That is the incident when he meets Lettie and the rest of the mysterious Hempstock women, who appear in the novel as a blurring line between what really happened in his childhood and everything he has ever imagined.

The narrator’s tendency to escape from reality appears in the beginning of the novel, as he states: «I lived in books more than I lived anywhere else» [5, p. 14]. Actually, this clarifies why he is always juxtaposing his dreams with real occurrences later on in the novel. He claims in the novel: «I did not want it to exist, the bridge between my dream and the waking world» [5, p. 31]. Wendy Faris claims that the fourth characteristic of magic realism is the experience of two combining realms, like past and future, real and imaginary, waking and dream...etc. She maintains: «We experience the closeness or near-merging of two realms, two worlds» [10, p.172]. The realms of waking/dream, that the protagonist goes through, are so near-merging that he cannot tell which is which. Dealing with childhood imagination, Gaiman tries to depict the traces of reality that are buried in oblivion and «forgotten at the bottom of a crammed adult closet», as states in the novel [5, p. 5]. The narrator is confronted with his unique perspective as a child, which has affected his understanding of all the experiences he went through. As a child, he does not seem to be treated seriously by adults. He admits: «I wanted to tell someone about the shilling, but I did not know who to tell. I knew enough about adults to know that if I did tell them what had happened, I would not be believed. Adults rarely seemed to believe me when I told the truth anyway. Why would they believe me about something so unlikely?» [5, p. 31]. Believing that adults do not understand his conception of truth, the young narrator doesn’t seek help from his parents when he passes by some doubtful situations. Instead, he tries by himself to figure out the real meaning of what happens by escaping to imaginative experiences. The philosopher Nigel J. T. Thomas maintains:

Imagination is what makes our sensory experience meaningful, enabling us to interpret and make sense of it, whether from a conventional perspective or from a fresh, original, individual one. It is what makes perception more than the mere physical stimulation of sense organs. It also produces mental imagery, visual and otherwise, which is what makes it possible for us to think outside the confines of our present perceptual reality, to consider memories of the past and possibilities for the future [...] [11, p. 47].

In other words, imagination is an efficient way that one can utilize to add meaning to his

experiences; it lets him see them outside the frame of the existing reality, and therefore, helps evaluating his past memories. One of the imaginative experiences in *The Ocean* starts when the young narrator dreams about being forced to swallow a sharp thing, and then wakes up choking on an old coin. Describing this dream, he says: «I knew it must be a dream (but in the dream I didn't know this, it was real and it was true)» [\[5, p. 30\]](#). This dream feels so real and scary that it confuses the narrator, and leads him to seek the Hempstock's help to figure out everything. The other dream-reality confusion of the young narrator happens after the coming of the housekeeper Ursula Monkton, with whom he goes through difficulties and gets punished by his father as a consequence. Getting locked in his bedroom, the boy lies on bed helplessly and starts to live a dreamlike reality which he remembers in great detail. It is about escaping from the room's window into outside the property. The action seems like a dream that intrudes on the boy's waking life, making it hard for the reader to ascertain the reality of this adventure. The narrator states just before his adventure outside the property begins: «I'm in my bed and it's time for me to sleep now . . . I can't even keep my eyes open» [\[5, p. 84\]](#). One more time, the boy turns to the Hempstocks, as he always finds them his only comforting shelter from his harsh reality. Evidently, the young narrator lets his imagination run free every time he finds himself unable to encounter or explain the powerful world of adults; and for sure, the Hempstocks represent this imaginative part of his mind.

From what precedes, one can notice that many doubts can be raised over the young narrator's strange adventures. These doubts make the readers hesitate to whether believe that the boy is only dreaming, or just accept that he is going through some miraculous experiences. Faris claims, in *Ordinary Enchantments*, that raising unsettling doubts about the magical event is also one of the five primary characteristics of magical realism. She notes: «before categorizing the irreducible element as irreducible, the reader may hesitate between two contradictory understandings of events, and hence experience some unsettling doubts» [\[11, p. 17\]](#). The reader in fact doubts the magical event itself, since it appears in the novel so irreducible that it is not clear if it is a character's dream or a miraculous reality. Moreover, Tzofit Ofengenden explains that «we use imagination, for example, to fill gaps, to cope with our memories [...] However, the extent to which imagination is involved in memory exceeds our awareness [...] Every time we are confronted with inconsistent information, external counter-evidence, or a reality that is incompatible with other memories» [\[12\]](#). The inapprehensible experiences unconsciously cause the young protagonist to add imagination to his memories, in order to cope with their roughness. As well, he attempts to fill the gaps that are caused by his inability to understand some of occurrences in his young age. For instance, he tries to fill the gaps in his mind that are caused by strange occurrences, by adding to his memory the Hempstocks' supernatural powers. As another good point in view, the young narrator's traumatic experience, when he discovered his father's adultery with Ursula, made a huge gap in his mind since he could not know what it means in his young age. He says in the novel: «I did not know exactly what they were doing» [\[5, p. 86\]](#). Ofengenden furthermore explains: «we add or modify information to complement the event, reconciling the gaps and providing a coherent story. Absences and gaps in memories are filled automatically and without our awareness, making our conscious experiences comprehensible and palatable» [\[12\]](#). The boy remembers Ursula as a «flea» that appears in the form of a tent-like piece of rotting canvas, and then takes the form of a worm. Finally, it comes to their house in the form of a blond beautiful woman. The narrator accordingly has two different memories of Ursula; the first memory is the one of an ugly creature, while the second one is related to a beautiful woman who probably represents the

reality of this character. The boy asks Lettie in the novel: «Are you a monster? Like Ursula Monkton?» [5, p. 123]. Lettie's answers him, saying: «Monsters come in all shapes and sizes. Some of them are things people are scared of. Some of them are things that look like things people used to be scared of a long time ago. Sometimes monsters are things people should be scared of, but they aren't» [5, p. 123-124]. Lettie clarifies to the young narrator that monsters do not only take the form of imaginary characters; they can also be frightening things or creepy people. This perfectly explains why the narrator recalls Ursula as an ugly monster. It is simply to make his conscious experience with her «comprehensible and palatable», since she is for him no less than an abusive adult, who constantly shows him rancor and hatred.

In the novel, Gaiman stresses the narrator's process of memorizing past impressions and experiences. The narrator notes that «Different people remember things differently, and you'll not get any two people to remember anything the same, whether they were there or not» [5, p. 191]. When it comes to childhood memories, people are quite different in their ways of retrieving them. In fact, memory is something that indulges in ambiguity. People may go through the same exact experience; yet, they can possibly have dissimilar views of how things really happened. So in *The Ocean*, when the protagonist narrates the story of some unusual events that happened in a certain period of his childhood, we should bear in mind that all what he narrates is coming from his own distinctive autobiographical memory. Furthermore, remembering the past is such a complex procedure that some of our events and memories can be deeply buried in our conscious minds. The narrator states in the beginning of the novel that «Childhood memories are sometimes covered and obscured beneath the things that come later, like childhood toys forgotten at the bottom of a crammed adult closet» [5, p. 5]. In fact, there is a complexity in memory retrieval when it comes to childhood experiences. The Protagonist's Memories of his childhood are conveyed to him in fragments. They seem to be for him obscured, filtered, or repressed over time. They even blur and mix together so that they seem contradictory sometimes. The narrator says: «That's the trouble with living things. Don't last very long [...] And the memories fade and blend and smudge together...» [5, p. 50]. Most probably, the blend or the blur that the narrator is referring to is related to his real experienced memories and the ones that he imagined. This perfectly explains why Gaiman uses magical realism in this novel. The blend of the narrator's memories is tightly associated with the blend of realism and fantasy in magical realist novels. Flores argues that magical realism involves the blend of the real and the fantastic, or as he states, "an amalgamation of realism and fantasy» [3, p. 112]. The fragmented memories of the narrator can be undoubtedly lined to the fragmentations that are resulted for the amalgamation of both real and imaginary. It is believed that magical realism, through its use of both real and fantastical elements, makes fragmentations of the world from a blatantly postmodern logic [13, p.163].

As mentioned above, memory is not a thing that can be trusted in this novel. This is mainly due to the unreliability of the narrator's process of remembering his autobiographical memories. The power of imagination has been constantly and productively shown in the domain of autobiographical memories. In their article «Creating bizarre false memories through imagination», Thomas and Loftus reveal that «Garry, Manning, Loftus, and Sherman (1996) demonstrated that people show increased confidence ratings that a possibly fictitious childhood event occurred after imagining that event» [14, p. 423]. They add moreover that «Goff and Roediger (1998) provided strong evidence that imagination can lead to the creation of false memories. Their results did not, however, quiet the debate

regarding the creation of false memories» [\[14, p. 423\]](#). Many scholars and researchers have related imagination to false memories. However, the real debate has been about whether false memories themselves come from usual script-relevant information or from bizarre unusual events. Thomas and Loftus demonstrated through experiment that «repeated imagination can affect people's ability to later determine whether an event actually took place». Additionally, they proved that the robust effect of bizarre-imagery «was eliminated after repeated imagination. And perhaps most importantly, bizarre actions were susceptible to false memory creation» [\[14, p. 430\]](#). That is to say, the repetition of imagination makes the individual lose his ability in knowing if an even really happened or not. What is more, the bizarre events for someone who repeatedly uses imagination tend to become familiar to him, and therefore lead him to create false memories.

Reflecting on the novel, the young protagonist has a constant inclination towards using imagination, especially in the hard unexplained situations of his life. This results in the creation of some false memories. The narrator states: «I went away in my head, into a book. That was where I went whenever real life was too hard or too inflexible» [\[5, p. 64\]](#). The previous statement asserts that the boy constantly creates an imaginary world to escape to whenever he cannot bear his reality, like his repeated escapes to the Hempstocks for instance. This repetition to live in an imaginary world leads the boy to get familiar with it, and thus, makes him falsely claim that all those bizarre actions in his childhood have been performed. Gaiman perfectly depicts the confusion between real and false memorization, using magical realism as a part of his narrative fiction. Bowers defines magical realism as a mode that «relies upon the presentation of real, imagined and magical elements as if they were real» [\[15, p. 21\]](#). As well, Faris clarifies that «magical realism combines realism and the fantastic so that the marvelous seems to grow organically within the ordinary, blurring the distinction between them» [\[11, p. 1\]](#). The young protagonist's real and imaginary occurrences seem to grow indistinguishably within an ordinary context, making the fantastical seems exactly as the real.

Memories, without a shadow of doubt, can be deeply repressed in our consciousness, especially when they are traumatic. In *The Ocean*, the narrative is based on many traumatic events, like his witness of the opal miner's suicide, his tough experiences with Ursula and his father, and the disappearance of his only friend Lettie. Throughout the novel, the narrator tends to let his imagination run free whenever he feels threatened or passes by a traumatic event. The creation of the supernatural in his mind seems for him the only possible way to find peace and reassurance. Gaiman mentions in the epigraph of the novel a saying of the children's author Maurice Sendak, which perfectly applies to his young protagonist's situation. He states: «I remember my own childhood vividly... I knew terrible things. But I knew I mustn't let the adults know I knew. It would scare them» [\[5\]](#). For the child protagonist, seeking adults' help is not a solution; instead, he frequently prefers to escape to the supernatural. Escaping to the Hempstocks, for instance, enables him to find reassurance again after his witness of the opal miner's suicide, after his terrible dream, and also after his father's cruel punishment. As well, the shocking disappearance of the boy's only friend Lettie, closely at the end of the narrative, made him disturbed and traumatized. According to the narrator, it is not clear what happens to Lettie. As he remembered first, Lettie is terribly injured and placed in the pond, or what she had called an ocean, to rest until she can return back to the real world again. The boy is also told that Lettie has gone to Australia. Still, he seems like he remembers this traumatic event differently. He says: «A small part of my mind remembered an alternate pattern of events and then lost it, as if I had woken from a comfortable sleep and looked around, pulled the bedclothes over me, and

returned to my dream» [\[5, p. 186\]](#). Most likely, the narrator, being young and innocent, is incapable to link the traumatic reality of Lettie's death to her resting in the ocean.

The effects of trauma on memory are not the same when the victim is in a young age. In the article titled «Children's Memory for Traumatic Experience», Mark L. Howe claims:

Experiencing similar events subsequent to the critical traumatic incident leads to intrusions or retroactive interference. That is, memories for these events may «blend» in a manner consistent with what we know about the schematization of multiply experienced everyday events [...] Memories for corporal punishment might become blended such that although the generic memory for being physically abused might not disappear, memories for specific details and individual events might become blurred [\[16, p. 159\]](#).

In other words, there is a possibility that a child's traumatic autobiographical memories do not disappear; yet, they blend with every day's life events and might become blurry. This in fact explains why the boy cannot exactly remember what happened to Lettie in the end. Of utmost importance and speaking about blurred memories, Loftus criticized memory-retrieval techniques advocated by therapist Renee Fredrickson. These techniques include visualization, which is used by the narrator in the discussed novel. Loftus believes that these techniques can be dangerous in the sense that they encourage patients to blur the line between their imagination and memory [\[17, p. 137\]](#). The narrator recalls many childhood events through visualization. As an instance, his mental images of Lettie's ocean and the backwoods, as well as the Hempstocks' house, were a useful way for him to retrieve several memories. Nevertheless, this technique may give a possibility to blur the line between the boy's imagination and the memory itself. This is exactly why we are confused, as readers, about the reality of the experiences lived by the narrator in the novel. Visualization and its tendency to blur the line between imagination and memory remind us of magical realism and its concern with blurring those thin lines between fantasy and reality in a certain literary work. Zamora and Faris argue that magical realism resists «Mind and body, spirit and matter, life and death, real and imaginary, self and other, male and female: these are boundaries to be erased, transgressed, blurred, brought together, or otherwise fundamentally refashioned in magical realist texts» [\[13, p. 6\]](#). In *The Ocean*, Gaiman successfully blurs the thin lines between the young narrator's reality and his world of imagination. The narrator himself recalls when he wakes up, choking on the coin: «I don't remember how the dreams started» [\[5, p. 30\]](#). This sentence shows that the line between reality and dream is so thin to the narrator that he becomes unable to distinguish anymore when his reality ends and his dream begins. Accordingly, using magical realism as a dominant genre in the novel was, certainly, for the purpose of explaining the young protagonist's unique world of and his unreliable memories.

Conclusion

In closing, Gaiman's *The Ocean at the End of the Lane* is one of the prominent magical realist books that deal with the ambiguities of children's memory. Reading the novel, it seems that the older the narrator gets, the more he discovers the fragments and the gaps in his memories. After all, the world of children is more flexible than the world of the grown-ups; they always use hidden paths, whereas adults prefer to take official paths, as Gaiman observes in the novel. Their experiences are so filled of unlimited possibilities that it makes them accept magic as real without questioning it. In a work of magical realism, magic is supposed to be treated and accepted as ordinary by the characters, exactly as children would do. By nature, children impressively succeed to mix magic with their ordinary

experiences, especially in their attempt to run away from difficulties and traumatic situations as previously discussed.

In point of fact, reality is a matter of perspectives since it depends on the person's subjective experiences. This is even the view that postmodernism advocates, since David Bel argues that «Postmodernism dispenses with any conception of truth, claiming that no distinction can be drawn between what is claimed as truth and preference or fashion» [18, p. 2]. In view of that, the case in *The Ocean at the End of the Lane* is not just about running away from reality to imagination from time to time; rather, it is looking at things differently. Memory itself differs just like reality; the narrator of the novel points: «[...] you'll not get any two people to remember anything the same, whether they were there or not» [5, p. 191]. **As a result of the study**, it was concluded that the protagonist's memories in *The Ocean* are acknowledgments and assumptions that he makes about his mental subjective childhood experiences. Assumptions of memories differ according to our backgrounds, beliefs, and even our ages. Obviously, a child and an adult have very different thoughts of how things really happen. So, one can say *The Ocean at the End of the Lane* a representation of the world as seen from an adulthood's perspective, as well as childhood's one. **The prospects for further research:** This paper opens the door for further researches to focus on the criticism of children's magical realistic memory not only in postmodern novels, but also in other postmodern types of literature.

Библиография

1. Postrak M. *Magical Realism in A Monster Calls and The Ocean at the End of the Lane*. Master diss. Maribor. 2018. 45 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/161409665.pdf>.
2. Hasanah S., Kuncara S. D., Astuti A. D. *Magical Realism in Neil Gaiman's The Ocean at the End of the Lane Novel* // *Jurnal Bahasa*. 2021. Vol. 5. no 2. pp. 404-420.
3. Flores Á. *Magic Realism in Spanish American Literature* // *Hispania*. 1955. Vol. 38. no. 2. pp.187-192. URL: <https://doi.org/10.2307/335812>
4. Faris W. B. *Sheherazade's Children: Magical Realism and Postmodern Fiction* // L. P. Zamora, W. B. Faris (Eds.); *Magical Realism: Theory, History, Community*, University Press, 1995. pp. 163-190. URL: <https://doi.org/10.1515/9780822397212-011>.
5. Gaiman N. *The Ocean at the End of the Lane*. London: Headline Publishing Group, 2013, pp. 5-151.
6. Wyver K. 'It's going to be bigger, stranger': Neil Gaiman on the return of *The Ocean at the End of the Lane* // *The Guardian*. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2021/oct/21/its-going-to-be-bigger-stranger-neil-gaiman-on-the-return-of-the-ocean-at-the-end-of-the-lane>.
7. Bahrick H. P. Two-phase model for prompted recall // *Psychological Review*. 1970. Vol. 77 (3). pp. 215-222. URL: <https://doi.org/10.1037/h0029099>
8. McDermott K. B., Roediger H. L. *Memory (encoding, storage, retrieval)* // R. Biswas-Diener, E. Diener (Eds.); *Washington University. Noba textbook series: Psychology*. Champaign, IL: DEF publishers, 2021, 21 p.
9. Tulving E. Interview // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 1991. Vol. 3. no 1. pp. 89-94. URL: <https://alicekim.ca/Interview.pdf>.
10. Manu A., Dunne D., Matthews Ch. *The Imagination Challenge: Strategic Foresight and Innovation in the Global Economy*. New Riders. Print, 2006, 172 p.
11. Ofengenden T. *Memory and Imagination: Epistemological Perspectives from British Empiricists to Neuroscience*. Ph.D. diss. 2016. 47 p. URL: doi: 10.15496/publikation-

13826.

12. Zamora L. P., Faris W. B. *Magical Realism: Theory, History, Community*. Duke University Press, 1995.
13. Thomas A. K., Loftus E. F. Creating bizarre false memories through imagination // *Memory & Cognition*. 2002. Vol. 30. no. 3. pp. 423-431. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.3758/BF03194942.pdf>.
14. Bowers M. A. *Magic(al) Realism: The New Critical Idiom*. Routledge, 2009, pp. 423-430.
15. Howe M. L. Children's Memory for Traumatic Experience // *Memorial University of Newfoundland Canada*. 1997. Vol. 9. no. 2. pp. 153-174. URL: [https://doi.org/10.1016/S1041-6080\(97\)90004-2](https://doi.org/10.1016/S1041-6080(97)90004-2).
16. Schacter D. L. Reviews of *Making Monsters: False Memories, Psychotherapy, and Sexual Hysteria*, by R. Ofshe and E. Watters; *The Myth of Repressed Memory: False Memories and Allegations of Sexual Abuse*, by E. F. Loftus and K. Ketcham; *Victims of Memory: Incest Accusations and Shattered Lives*, by M. Pendergrast // *Scientific American*. 1995. pp. 135-139. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/schacterlab/files/schacter1995.pdf>.
17. Bel D. Is truth an illusion? Psychoanalysis and postmodernism // *Int J Psychoanal*. 2009. Vol. 90. no. 2. pp. 331-345. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1745-8315.2009.00136.x>.
18. Faris W. B. *Ordinary enchantments: magical realism and the remystification of narrative*. Vanderbilt University Press, 2004, 280 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Детская мечта, которая может быть воспоминанием: Магический реализм и память в «Океане в конце переулка», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения одного из заметных романов Нила Геймана в жанре магического реализма «Океане в конце переулка». Нил Гейман является нашим современником, британским писателем- фантастом, произведения которого критики рассматривают как сочетание безграничного своеобразного воображения и реального мира с обычным ребенком-главным героем.

Работа представлена на английском языке.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы подчеркнуть сопоставление воображения и реальности в романе, которое перекликается с восприятием мира главным героем-ребенком параллельно восприятию мира взрослыми.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены исключительно научные труды на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Автор не обращается к русскоязычным источникам и традициям отечественной научной школы. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Детская мечта, которая может быть воспоминанием: Магический реализм и память в «Океане в конце переулка»» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Жэнь Ц. — Специфики лексикографического представления фразеологических единиц в «Русско-английском фразеологическом словаре» под редакцией С. Лубенской // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40769 EDN: XTEANB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40769

Специфики лексикографического представления фразеологических единиц в «Русско-английском фразеологическом словаре» под редакцией С. Лубенской

Жэнь Цзялу

аспирант, кафедра русского языка, Московский Государственный Университет имени МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Лебедева, Е, кв. 834

✉ rjialu@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40769

EDN:

XTEANB

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2023

Дата публикации:

19-05-2023

Аннотация: Данная статья посвящена изучению специфики лексикографического представления словаря «Русско-английский фразеологический словарь» под редакцией С. Лубенской. Проводится его сравнительный анализ с аналогичными русско-английскими фразеологическими словарями в аспектах 1) объёма словника и 2) лексикографического описания включённых в их словарных статей фразеологических единиц. Особое внимание уделяется структуре словарной статьи и лексикографическому представлению фразеологизмов в словаре С. Лубенской, рассматриваются параметры русских фразеологизмов, выявляются их английские эквиваленты с акцентом на сопоставительном анализе предметных имён существительных русских фразеологизмов и их аналогов в английских эквивалентах. Цель исследования представляет собой сравнить словарь С. Лубенской с другими русско-английскими фразеологическими словарями и выявить специфику лексикографического описания фразеологических единиц в словаре С. Лубенской. Новизна исследования заключается в том, что в статье автор обращает внимание на самый полный и инновационный, но малоизученный

русско-английский фразеологический словарь под редакцией С. Лубенской, опубликованный в 2013 году. В статье полностью демонстрируются преимущества словаря С. Лубенской перед другими двуязычными фразеологическими словарями не только по диапазону охвата материалов, то есть объёму словника, но и в полноте структуры словарной статьи и высокой степени точности и подробности представления материала. В статье также отмечается важное значение словаря С. Лубенской для дальнейшего и разностороннего исследования русской и английской фразеологии и лексикографии.

Ключевые слова:

словарная статья, полнота, подробность, точность, фразеологизм, фразеологический словарь, объём словника, лексикографическое представление, русский язык, английский язык

С развитием исследования семантики и синтаксиса фразеологизмов, их словарного описания и анализа функционирования в речи, проведенного на материале больших корпусов, были предложены новые ответы на вопрос «как понимать фразеологизм?». Среди предложенных новых концепций самыми авторитетными и репрезентативными являются мнения И.А. Мельчука, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.

И.А. Мельчук широко использует термин «фразема» [\[11\]](#), позволяющий объединять все воспроизводимые единицы языка, поскольку под этим термином понимается «несвободное сочетание знаков» [\[14, с. 18\]](#). Можно сказать, что широкие классификации, с одной стороны, учитывают устоявшуюся традицию, а с другой, дополняют класс ФЕ такими разрядами, которые не столь традиционны, но хорошо согласуются с базовыми параметрами (стандартами) ФЕ – это , воспроизводимость и устойчивость (в том узком значении термина, которое введено И.А. Мельчуком).

По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, конструирующими особенностями фразеологизма являются идиоматичность (невыводимость смысла фразеологизма из значений его компонентов) и устойчивость, что определяет ограничения на их трансформируемость и дефектность парадигмы. Согласно концепции А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, выражения, которые ранее были исключены из категории фразеологии, такие, как паремия, грамматические фразеологизмы, крылатые слова, клише и т.д., должны быть включены во фразеологический фонд [\[2, 10\]](#).

С. Лубенская считает фразеологизм несвободной комбинацией двух или более слов, которая функционирует как семантическое целое [\[13, с. 10\]](#), поэтому в словник своего словаря она включает не только традиционные, выделяемые согласно концепции В.В. Виноградова [\[5, 6, 7\]](#) единицы, но и ситуативные клише, крылатые слова, паремия и т.д. Точка зрения С. Лубенской на определение сферы охвата фразеологии в основном совпадает с точкой зрения И.А. Мельчука, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского и оказывается более широкой, чем традиционные теории.

Фразеологизм в русском языке достаточно хорошо изучен и описан, что отражено и в лингвистических исследованиях, и в лексикографической практике. Структурные и семантические особенности фразеологизмов и их статус в лексиконе выдвигают высокие требования к составлению фразеологических словарей. Главная цель составления фразеологического словаря – предоставить как можно более полную и точную

информацию фразеологизмов, включённых в него. С тех пор как в 1960 году вышел первый фразеологический словарь под редакцией А.И. Молоткова [17], работа лексикографов в области составления фразеологических словарей не прекращалась. На сегодняшний день уже опубликованы десятки одноязычных и двуязычных фразеологических словарей, среди которых наиболее полным и подробным русско-английским фразеологическим словарём является «Russian-English Dictionary of Idioms» (2013) (Русско-английский фразеологический словарь) под редакцией С. Лубенской (далее – словарь Лубенской).

По охвату фразеологического материала словарь Лубенской оказывается самым полным, но не только в сопоставлении с одноязычными словарями (словарь А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [1], словарь А.К. Бириха [3], словарь В.М. Мокиенка [15], словарь В.Н. Телии [19], словарь А.И. Фёдорова [20]), но и с двуязычными (словарь П. Бокровский [4], словарь А. Витека [8], словарь В.В. Гуревича и Ж.А. Дозореца [9] и словарь А.В. Кунина [12]). Лингвистическое внимание проводимого нами исследования сосредоточено на предметной лексике, а именно: на эквивалентности этой лексики в ФЕ двух языков – русского и английского. По этой причине в практической части данной статьи рассматривается специфика представления фразеологизмов в словаре Лубенской в сопоставлении с другими двуязычными словарями с опорой на предметную лексику.

Для решения поставленной задачи были внимательно изучены четыре двуязычных фразеологических словаря: это словари А.В. Кунина, А. Витека, В.В. Гуревича и Ж.А. Дозореца, и словарь П. Бокровского, а из них были выбраны два наиболее релевантных для сопоставительного анализа: первый – «Russian-English Idiom Dictionary» под редакцией А. Витека (далее – словарь Витека), который на протяжении почти двух десятилетий был единственным помощником по вопросам фразеологии для переводчиков с русского языка на английский язык и для лиц, изучающих русский язык как иностранный; второй – «Краткий русско-английский фразеологический словарь» под редакцией В.В. Гуревича и Ж.А. Дозореца (далее – словарь Гуревича), представляющий собой первый изданный в России двуязычный (русско-английский) фразеологический словарь.

Сравнение объёма словника фразеологических словарей разных лексикографов даёт ответ на вопросы «как понимается фразеологизм авторами?» и «по какому принципу выбираются фразеологизмы?». Концепция фразеологизма (что считается фразеологизмом) определяет и границы фразеологии языка, и принципы отбора материала для лексикографического описания. В словаре Витека представлены как «абсолютно постоянные идиомы» (*absolutely constant idioms*), не допускающие никаких лексических вариантов, например, *держать камень за пазухой, достать со дна моря*, так и «частично постоянные» (*partially constant idioms*), которые имеют лексические или грамматические варианты, не изменяющие семантики русской идиомы, например, *держать карман шире/пошире, прижать к стене/стенке*. В словарь Витека входят около 5000 ФЕ.

Словарь Гуревича включает в себя около 1000 фразеологических единиц, но таких, которые, по мнению автора, являются наиболее частотными в речи. В словарь Гуревича не входят пословицы, поговорки, прецедентные феномены, а также фразеологизмы, стоящие за пределами литературной нормы, например, просторечные, диалектные, жаргонные и т.д. Не включены также описательные предикаты (*одержать победу, принять решение*) и фразеологические сочетания концепции В.В. Виноградова

(«полусвободные словосочетания» – *кротешная тьма*).

По сравнению с двумя упомянутыми выше словарями и концепциями их авторов, словарь Лубенской, как уже было сказано, имеет более широкий охват ФЕ, поскольку базируется на широком понимании фразеологизма по сравнению с традиционным узким пониманием фразеологии [5, 16, 21], объём словаря составляет 14000 ФЕ, объединённых в 7000 словарных статей.

Для того, чтобы установить специфику лексикографического описания фразеологизмов в словаре С. Лубенской, необходимо провести сопоставительный анализ представленных в нём словарных статей со словарными статьями в уже указанных двуязычных словарях Витека и Гуревича. При этом мы будем учитывать следующие параметры: 1) количество грамматических помет, 2) количество помет об употреблении (*usage labels*), 3) количество английских эквивалентов, 4) количество примеров, 5) наличие/отсутствие примечания по использованию (*usage note*) в части толкования.

Для сопоставления из трёх словарей были отобраны фразеологизмы с такими общими характеристиками, как наличие в составе ФЕ названий еды. Мотивация выбора именно этой группы субстантивной лексики заключается в следующем: названия еды являются специфическими для конкретной национальной общности и обладают богатой культурной информацией, а вокруг каждого из них в языке возникает множество фразеологизмов, включая и поговорки. Из-за сходства и различий разных народов в климате, привычках питания, национальном характере, мировоззрении и т.д., в каждом языке названия еды и их коннотативные значения очень различны, фразеологизмы с такими лексическими компонентами-этнонимами дают более интересную информацию о межъязыковых соответствиях и несоответствиях, чем другие, например, во фразеологизме *есть свой хлеб* английским эквивалентом имени *хлеб* является предсказуемое слово *bread* – оба денотатива имеют одинаковое коннотативное значение 'ресурс жизнеобеспечения', но в обоих языках для описания тех, кто многое пережил и кого трудно обмануть, в русском языке существует фразеологизм *тёртый калач*, а тогда как в его английском эквиваленте *sb is an old hand* (кто-то представляет собой старую руку) денотативным эквивалентом слова *калач* оказывается непредсказуемое слово *hand*.

Лексикографы, уделяя особое внимание этим фразеологизмам, описывают их как можно более подробно, поэтому по сравнению с другими ФЕ словарные статьи фразеологизмов с именами еды имеют более полную структуру в трёх сопоставляемых словарях. В словарные статьи этих ФЕ включена вся информация: и стилистические пометы, и грамматическая информация, и, конечно, английские эквиваленты, а также иллюстративный материал, этимологические и культурологические справки. Можно сказать, что словарные статьи этих фразеологизмов в наибольшей степени демонстрируют характеристики каждого из изученных русско-английских фразеологических словарей.

В словаре Лубенской содержится 76 таких фразеологизмов, в словаре Гуревича – 18, в словаре Витека – 56, из них выбираются 9 общих фразеологизмов для детального статистического сопоставительного анализа.

Таблица

Сопоставление словарных статей фразеологических словарей

Фразеологизмы	Количество грамматических	Количество помет об	Количество эквивалентов	Количество примеров

	помет			употреблении (usage labels)								
	Л	Г	В	Л	Г	В	Л	Г	В	Л	Г	В
Тёртый калач	5	3	0	3	2	1	6	1	3	1	2	0
Калачом не заманить кого куда	5	3	0	1	1	1	3	1	1	2	4	0
Каши не сваришь с кем	4	4	0	2	2	1	2	2	0	1	3	0
Заваривать/заварить кашу	3	2	0	1	2	1	2	4	0	1	4	0
Расхлёбывать кашу	3	3	0	1	1	1	4	1	0	2	3	0
Отбивать/отбить <перебивать/перебить obs> хлеб у кого	2	2	0	1	2	1	3	1	1	2	3	0
Хлебом не корми кого (, а <только, но>)...	4	3	0	1	2	1	5	1	1	1	4	0
Хлеб-соль	3	0	0	1	0	1	3	3	1	1	3	1
Выеденного яйца не стоит	3	4	0	1	1	1	4	1	0	2	4	0
Средние количества каждого показателя	3.55	2.66	0	1.33	1.44	1	3.55	1.66	0.77	1.44	3.33	0.1

*Л – словарь Лубенской

*Г – словарь Гуревича

*В – словарь Витека

Как видно из приведенной таблицы, средние величины количества грамматических помет в словаре Лубенской значительно выше, чем в других лексикографических изданиях: Л (3.55) > Г (2.66) > В (0). Что касается общего количества этих структурных компонентов словарной статьи, то в словаре Лубенской выявлены 84 грамматические пометы, в словаре Гуревича их 68, в словаре Витека – 0. Это позволяет говорить о том, что система грамматических помет словаря Лубенской является наиболее полной.

Средние величины количества помет об употреблении фразеологизмов в словаре Лубенской чуть меньше, чем в словаре Гуревича – Г (1.44) > Л (1.33) > В (1). Однако, если сопоставить общее количество таких помет, то обнаруживается, что в словаре Лубенской их больше, чем в словаре Гуревича (соответственно: 26 и 21). В словаре Лубенской система помет по употреблению разделена на три части: временные, стилистические и эмоционально-экспрессивные, каждая часть состоит из нескольких символов маркировки, охватывающих все характеристики фразеологизмов.

Подавляющее большинство словарных статей в словаре Лубенской содержит более одного английского эквивалента. Каждый фразеологизм снабжен в словаре Лубенской в среднем 3.55 эквивалента, в словаре Гуревича – 1.66, в словаре Витека – 0.77. Английские эквиваленты в словаре Лубенской предназначены для охвата всех возможных контекстов, это значительно повышает практическую ценность словаря. Можно сказать, что хотя словарь Лубенской двуязычный, но в фокусе ее внимания русская фразеология, которой автор в результате многолетней скрупулезной работы находил английские ФЕ-эквиваленты.

Что касается количества примеров, то средние показатели выше в словаре Гуревича: Г (3.33) > Л (1.44) > В (0.11). Стоит, однако, отметить, что все примеры в словаре Гуревича представлены на русском языке, без их перевода на английский, тогда как в словаре Лубенской в качестве иллюстративного материала русской части использованы такие источники, как произведения русской и советской литературы, а также «русского зарубежья», большинство примеров сопровождается переводом на английский язык, причем во многих случаях с несколькими версиями перевода, что помогает лучше понять, как употреблять фразеологизм в русском языке и соответственно, как употреблять его эквивалент в английском языке.

В словаре Лубенской при необходимости вместе с толкованием даются примечания по использованию (usage note). В примечании перечисляются контексты и описываются случаи, в которых можно употреблять данный фразеологизм, например, фразеологизм *снимать/снять сливки* в словаре Лубенской толкуется таким образом: *«to take the best part of sth . for o . s . (usu . in cases where one ' s position gives one both first access to sth . and the opportunity to exploit the system to one ' s own advantage) »* [\[13, с. 561\]](#) (перевод: *взять лучшую часть sth. для s.o. (обычно использоваться в случаях, когда чье-либо положение дает кому-то как первый доступ к чему и возможность использовать систему в своих интересах)*). В скобках указывается контекст, в котором этот фразеологизм может употребляться. В словаре Лубенской каждый третий фразеологизм снабжен примечанием по использованию, что составляет 34.2% (26/76). Этот показатель составляет 33.3% (6/18) в словаре Гуревича, в словаре Витека нет комментария по использованию в интерпретационной части.

Из приведенного выше сравнительного анализа можно сделать вывод, что полнота словаря С. Лубенской выявляет его очевидные преимущества перед двумя другими словарями с точки зрения количества помет, английских эквивалентов, количества примеров и примечаний по использованию.

Другой важной особенностью лексикографического представления словаря С. Лубенской является подробность и точность описания фразеологизма. Покажем это на примере сравнительного анализа словарных статей фразеологизма *калачом не заманить кого куда*, обозначающий то, что никакими уговорами, никакими средствами не зазвать кого-либо [\[18\]](#), отобранных из трёх словарей:

А) Словарная статья в словаре Лубенской:

К-35 • КАЛАЧОМ НЕ ЗАМАНИТЬ кого куда

coll [VP; subj: human; usu. fut gener. 2nd pers sing не заманишь; fixed WO]

Толкование: to be unable by any means to convince s.o. to go to some place or see s.o.

Английские эквиваленты: X-а в место Y калачом не заманишь = you won't □can't, couldn't□ get X (to come □to go□) to place Y for love (n)or money □at any price□; nothing will □can, could□ (ever) tempt X to come □to go□ to place Y; nothing (in the world) will □can, could□ lure □drag□ X to place Y.

Примеры 1: [Вася:] **Калачом** в театр **не заманишь**. Так ты и ожидай! (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).[V.:] You won't **get** them to the theatre **for love or money** — that's what you're soon going to find out! (Transl. Elisabeth Hanson. Manchester: Manchester Univ. Press; New York: Barnes & Noble, 1970).

Примеры 2: [Астров:] Уехали. Профессор рад небось! Его теперь сюда и **калачом не заманишь** (А.П. Чехов «Дядя Ваня»).[A.:] They've gone. The professor is happy, that's certain. **Nothing could ever tempt him to come back here now** (Transl. Ann Dunnigan. New York: New American Library, 1964). [A.:] They've gone. The professor's happy, that's for sure. **Nothing in the world could drag him back here** (Transl. Michael Henry Heim. New York: Modern Library, 2003).

Б) Словарная статья в словаре Гуревича:

З-12 ЗАМАНИТЬ КАЛАЧОМ кого-л. куда-л. не заманить

Разг.

Толкование: Никакими, даже самыми привлекательными способами невозможно уговорить кого-л., добиться от кого-л., чтобы он пошел, поехал куда-л. Обычно туда, где произошло что-л. не приятное или где хуже жить, работать.

Грамматическая информация: Употр. чаще в форме 2 л. ед. ч. с обобщённым знач. Порядок компонентов фиксир.

Английский эквивалент: Smb will not go somewhere for anything (for all the tea in China)

В словаре показаны всего 4 примера, отобранные из русских литературных произведений 4 писателей (А.Я. Яшин, В.А. Каверин, М.А. Салтыков и А.Н. Островский.), все эти примеры представлены только на русском языке без перевода на английский язык.

В) Словарная статья в словаре Витека:

Калач

00

Калачом не заманишь кого !

Английский эквивалент: You can't get someone to somewhere for love or money.

Для фразеологизма *калачом не заманить кого куда* в словаре Лубенской поставлена стилистическая помета *coll* . Это значит, что фразеологизм является разговорным, и в словаре Гуревича также отмечается стилистическая отнесенность данного фразеологизма к разговорному стилю. В словаре Витека поставлены цифры "00", которые обозначают, что фразеологизм является нейтральным.

Словарь Лубенской показывает грамматические характеристики фразеологизмов настолько полно, насколько это возможно. В вышепоказанном примере помета [VP; subj: human; usu. fut gener. 2nd pers sing не заманишь; fixed WO] означает, что фразеологизм является глагольным, субъект которого должен быть человеком, предикат является глаголом совершенного вида *заманить* в форме будущего времени, второго лица единственного числа с обобщённым значением *не заманишь* , порядок слов фразеологизма фиксированный. Это ключевые грамматические сведения при использовании данного фразеологизма. В словаре Гуревича отмечены правила употребления и особенности порядка компонентов. В словаре Витека грамматическая информация не представлена. Из этого видно, что словарная статья данного фразеологизма в словаре Лубенской содержит богатейшую грамматическую информацию.

Для рассматриваемого фразеологизма в словаре Гуревича и словаре Витека даётся только 1 эквивалент, а в словаре Лубенской читателям представлены 3 английских эквивалента, среди них 2 эквивалента с актантом-субъектом местоимения *nothing* : *nothing will/can/could (ever) tempt X to come/go to place Y* – 'ничто не будет/может (никогда) соблазнить X прийти/пойти на место Y' и *nothing (in the world) will/can/could lure X to place Y* – 'ничто (в мире) не будет/может заманить X на место Y'. Эти два выражения часто используется носителями английского языка, однако они не представлены в словарях Гуревича и Витека. Подавляющее большинство словарных статей словаря Лубенской содержат более одного английского эквивалента, поскольку английские эквиваленты в словаре Лубенской предназначены для охвата всех возможных контекстов.

Фразеологизм *калачом не заманить кого куда* в словаре Лубенской снабжен двумя типичными примерами из литературных произведений с их официальными переводами на английский язык, первый пример взят из произведения «Таланты и поклонники» А.Н. Островского, второй цитируется из пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова, для которого специально представлены две версии перевода на английский язык. В словаре Гуревича даётся 4 примера на русском языке без английского перевода. В словаре Витека примера нет.

Стоит специально отметить, что в словаре Лубенской во всех словарных статьях с глагольными ФЕ употребляются знаки переменных (variables) X, Y для обозначения субъекта, объекта; в некоторых словарных статьях встречается и переменное Z, которое функционирует для обозначения места ситуации или третьей стороны в речи (кроме субъекта и объекта), например, *X ввёл Y-а в Z-ов дом* – *X introduced Y to Z/to Z's family* (X представил Y семье Z), в словарях Витека и Гуревича такие знаки переменных не

употребляются. Переменные показывают число и падеж существительных и местоимений (Х-а, Х-у, Х-ов, Y-а, Y-у, Y-ов и т.д.), например, *Х-а в место Y калачом не заманишь*, что помогает читателю понять смысл фразеологизма и специфику его синтаксиса: употребляется в обобщённо-личном предложении, сказуемое должно быть в форме второго лица единственного числа глагола *заманить*, и соответственно, объект Х должен быть в форме винительного падежа (Х-а).

Таким образом, сравнивая словарные статьи трёх словарей по параметру «степень подробности» лексикографического описания, можно сказать, что словарь С. Лубенской является наиболее подробным и точным из трех проанализированных русско-английских словарей.

Фразеологизмы обобщают коллективный опыт и передают традиции народа, обогащая номинативный инвентарь языка. Фразеологизм является важной единицей лексической системы языка.

Рассмотренные в данной статье русско-английские словари имеют свои особенности. В словарь Гуревича входят наиболее часто используемые фразеологизмы, поэтому многие из тех, что реально существует в лексиконе языка, в словник не включены, в результате чего объём словаря невелик, однако стоит отметить, что составители подробно описывают включённые ими фразеологизмы, представляя в словарной статье всю необходимую информацию о них, включая грамматические и стилистические характеристики, английские эквиваленты, а также и иллюстративные примеры. Словарь Витека больше по объёму, но подавляющая часть фразеологизмы не снабжаются грамматическими пометами и примерами. По сравнению с этими двумя фразеологическими словарями словарь Лубенской обладает такими характеристиками, которые выделяют его из всех двуязычных фразеологических словарей. Во-первых, словарь отличается широтой охвата материала: в него входит 14000 фразеологических единиц, объединённых в 7000 статей. Во-вторых, словарная статья отличается полнотой структурных частей словарной статьи, которая строится с большим количеством грамматических помет, английских эквивалентов и примеров. В-третьих, отличительной особенностью словаря Лубенской является подробность и точность лексикографического представления фразеологизма. В словарной статье точно и скрупулезно описаны не только грамматические, но и стилистические характеристики фразеологизма, собрано максимальное количество узусных эквивалентов русскому ФЕ, которые иллюстрируются разными контекстами, при этом иллюстративный материал на русские ФЕ извлечен из текстов произведений «русского зарубежья», которые были неизвестны или мало известны советскому читателю, все примеры приводятся и на русском, и на английском языках, что делает словарь Лубенской ценным источником информации о ФЕ русского и английского языков.

Таким образом, словарь Лубенской имеет полное право на статус наиболее полного русско-английского словаря ФЕ с высокой степенью лингвистической подробности представления лексикографического материала и точностью интерпретации смысла фразеологизма, что отвечает современным требованиям дальнейшего и разностороннего исследования двуязычной фразеологии.

Библиография

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Академический словарь русской фразеологии. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): Учеб.

- пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 312 с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
 4. Бокровский П., The great Russian-English dictionary of idioms and set expressions. London: Borkowski, 1973. 384 с.
 5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 140-161.
 6. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. Ун-та. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1946. С. 45-69.
 7. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981. 319 с.
 8. Витек А. Russian-English idioms dictionary. Detroit: Wayne State Univ. Press., 1973. 328 с.
 9. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1988. 542 с.
 10. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания, 2016, № 3. С. 7-21.
 11. Иордвнская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2007. 665 с.
 12. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20000 фразеол. Единиц. М.: Живой язык, 2005. 942 с.
 13. Лубенская С. Russian-English dictionary of idioms. N. Y.: Yale Univ. Press., 2013. 955 с.
 14. Мельчук И.А. Местоименные выражения с именем чертыхательного типа // Русский язык в научном освещении. 2012, № 2 (24), С. 5-22.
 15. Мокиенко В.М., Фелицына. В.П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1990. 220 с.
 16. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 283 с.
 17. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
 18. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 10.05.2023.
 19. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение, употребление, культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. 784 с.
 20. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: АСТ : Астрель, 2008. 878 с.
 21. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Ленанд, 2015. 271 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение лексики, фразеологии для студентов, аспирантов, специалистов дело весьма интересное и концептуально оправданное. Собственно именно этот пласт языка представляет собой наиболее выверенный набор единиц финально законченного типа.

Конструктивы такие как слова и фразеологизмы обозначают смысл неким пределом, на первый взгляд, далее и не репрезентируемый. Поэтому исследование, проведенное в рамках рецензируемой статьи, на мой взгляд, целостно сложилось, она завершено, собранный автором материал систематизирован и представлен на суд читателей. Работу отличает строгая логика научной наррации, достаточность иллюстративного фона, объективность аргументов и доводов. Как отмечает, автор «фразеологизм в русском языке достаточно хорошо изучен и описан, что отражено и в лингвистических исследованиях, и в лексикографической практике. Структурные и семантические особенности фразеологизмов и их статус в лексиконе выдвигают высокие требования к составлению фразеологических словарей. Главная цель составления фразеологического словаря – предоставить как можно более полную и точную информацию фразеологизмов, включённых в него». Следовательно, научное описание подобных сборников языковых единиц должно появляться, возникать, собственно это и формирует диалогический извод пестования указанной проблемы. Ориентир на русско-английский словарь под редакцией С. Лубенской прокомментирован автором, оправданность выбора принимается (фразеологический словарь «Russian-English Dictionary of Idioms» (2013) (Русско-английский фразеологический словарь) под редакцией С. Лубенской): «лингвистическое внимание проводимого нами исследования сосредоточено на предметной лексике, а именно: на эквивалентности этой лексики в ФЕ двух языков – русского и английского. По этой причине в практической части данной статьи рассматривается специфика представления фразеологизмов в словаре Лубенской в сопоставлении с другими двуязычными словарями с опорой на предметную лексику». Текст статьи научно строг, в работе нет ничего лишнего, мешающего воспринимать материал потенциально заинтересованному читателю. Методология оценки актуальна, количественные показатели не вызывают нареканий: «подавляющее большинство словарных статей в словаре Лубенской содержит более одного английского эквивалента. Каждый фразеологизм снабжен в словаре Лубенской в среднем 3.55 эквивалента, в словаре Гуревича – 1.66, в словаре Витека – 0.77. Английские эквиваленты в словаре Лубенской предназначены для охвата всех возможных контекстов, это значительно повышает практическую ценность словаря. Можно сказать, что хотя словарь Лубенской двуязычный, но в фокусе ее внимания русская фразеология, которой автор в результате многолетней скрупулезной работы находил английские ФЕ-эквиваленты», «в словаре Лубенской при необходимости вместе с толкованием даются примечания по использованию (usage note). В примечании перечисляются контексты и описываются случаи, в которых можно употреблять данный фразеологизм, например, фразеологизм снимать/снять сливки в словаре Лубенской толкуется таким образом: «to take the best part of sth. for o . s . (usu . in cases where one ' s position gives one both first access to sth . and the opportunity to exploit the system to one ' s own advantage)» (перевод: взять лучшую часть sth. для s.o. (обычно использоваться в случаях, когда чье-либо положение дает кому-то как первый доступ к чему и возможность использовать систему в своих интересах)). Удачно работает в ходе исследования сравнительно-сопоставительный анализ, именно он дает ярко продемонстрировать разницу словарей под редакцией В.В. Гуревича, А. Витека, С. Лубенской. Основной спектр задач решен, исследование самостоятельно, оригинально, интересно. Финальный блок соотносится с основным: здесь автор тезисует, что «сравнивая словарные статьи трёх словарей по параметру «степень подробности» лексикографического описания, можно сказать, что словарь С. Лубенской является наиболее подробным и точным из трех проанализированных русско-английских словарей», «словарь Лубенской имеет полное право на статус наиболее полного русского-английского словаря ФЕ с высокой степенью лингвистической подробности

представления лексикографического материала и точностью интерпретации смысла фразеологизма, что отвечает современным требованиям дальнейшего и разностороннего исследования двуязычной фразеографии». Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и редактуре. Рекомендую статью «Специфики лексикографического представления фразеологических единиц в «Русско-английском фразеологическом словаре» под редакцией С. Лубенской» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Ю. — Трансформация прозы Юрия Казакова в переводе Фэй Циня на китайский язык // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40695 EDN: WFKKMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40695

Трансформация прозы Юрия Казакова в переводе Фэй Циня на китайский язык

Лю Юнь

аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Московский Государственный Университет имени МВ. Ломоносова

119421, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ liuyun0209@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40695

EDN:

WFKKMN

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2023

Дата публикации:

21-05-2023

Аннотация: Предметом исследования являются особенности рецепции прозы Ю. П. Казакова в Китае. Переводы прозы Казакова на китайский язык до сих пор не обсуждались в науке, что и обуславливает новизну предлагаемого исследования. Вообще же трансформация русского литературного текста, совершающаяся при переводе на китайский язык, в последние годы является предметом активного изучения, и с этим связана актуальность предмета статьи. Объект исследования — переводы произведений Казакова, выполненные Фэй Цинем, наиболее последовательно обратившимся к его текстам в Китае. В статье привлекаются данные биографии Фэй Циня, используются историко-литературные подходы, а также элементы лингвопоэтического анализа для решения компаративных задач. Анализ творческого пути Фэй Циня (1927–1994) позволяет понять внутренние причины обращения к этому русскому писателю китайского литератора, с 1950х гг. увлекавшегося русской лирической прозой, ровесника Казакова. Сравнение рассказа Казакова «Ночь» и перевода этого рассказа, выполненного Фэй Цинем, демонстрирует неизбежные различия между ними, несмотря на декларируемое переводчиком стремление к точной

передаче смысла оригинального текста. Некоторые из наиболее выразительных различий связаны с тем, что китайский переводчик, интерпретируя современную русскую прозу, написанную его ровесником, включает элементы, свойственные классической китайской поэзии (звукоподражания с удвоением иероглифов, некоторые традиционные образы), вводит олицетворения, отсутствующие в оригинальном произведении. Показано также, почему буквальный перевод, к которому в некоторых случаях прибегает Фэй Цинь, не позволяет передать смысловую сложность оригинала.

Ключевые слова:

Юрий Казаков, Константин Паустовский, Иван Тургенев, Михаил Пришвин, Фэй Цинь, лирическая проза, русско-китайские литературные связи, звукоподражания, художественный перевод, классическая китайская поэзия

Впечатления китайских читателей от русской литературы, конечно, определяются переводами, их качеством и самим фактом их существования. Проза Юрия Казакова переводилась на китайский Фэй Цинем (который родился в том же 1927 г., что и русский писатель).

Фэй Цинь вырос в период, когда русская литература, и русская классическая, и советская, доминировала на китайской литературной сцене. Его карьера переводчика началась в 1950-х гг., когда он учился в Шанхайском русском колледже (1953-1955 гг.), начинал же изучать русский язык он еще раньше, самостоятельно, слушая радио (об этом сам Фэй Цинь рассказывал в автобиографии «足迹» («След», [\[11\]](#)).

Первый выполненный Фэй Цинем перевод был опубликован в 1955 г., — это перевод «Ночного дилижанса» К. Г. Паустовского, написанного в том же году. Произведения Паустовского, который начал писать еще в 1930-е гг., и в самой России привлекли читательское внимание именно в эпоху оттепели: в 1950-е-1960-е гг. проза Паустовского «возвращается» — в формате шеститомного (1958), а потом и восьмитомного собрания сочинений (1967). То воодушевление, с которым китайский читатель встречает прозу Паустовского, деятельность некоторых других — помимо Фэй Циня — переводчиков Паустовского на китайский уже замечены исследователями, см.: [\[8\]](#).

К лирической прозе Паустовского Фэй Цинь неоднократно обращался и позже; заметим, что большая часть сделанных Фэй Цинем переводов была опубликована после 1979 г., когда публикация переводов иностранных произведений больше не была подвержена такому сильному политическому давлению, как во времена культурной революции. Фэй Цинь перевел «Бег времени» (1985), «Повесть о жизни» (переведено в 1985–1987 гг., опубликовано в 2001 г.), «Булгаков и театр» (1993), «Толпа на набережной» (1997). Фэй Цинь говорил, что особенно любит Паустовского за его умение заметить красоту мгновения и особенную силу эмоционального воздействия: «В произведениях Паустовского нет ни захватывающих историй, ни мистических сюжетов. Однако любому, кто читал его произведения, кажется, что в его сердце что-то задерживается, из-за чего оно долго не может успокоиться» (перевод наш. — Л. Ю.) [\[11, с. 139\]](#).

Любовь к творчеству Паустовского объясняет и то внимание, с которым Фэй Цинь позже читает и переводит лирическую прозу, созданную предшественниками Паустовского и его старшими современниками: в 1994 г. выходит выполненный им перевод «Дворянского гнезда» Тургенева (подробнее см.: [\[7\]](#)), в начале 1980-х гг. опубликован

перевод «Глаз земли» Пришвина.

Несколько забегая вперед, отметим здесь, что художественный мир Казакова Фэй Цинь считал близким творчеству Тургенева: «Произведения Казакова <...> производят на читателя впечатление благорасположенности к миру, похожее на то, которое оставляет проза Тургенева» ([10, с. 263], перевод наш. — Л. Ю.). (Так же считают и многие русские интерпретаторы прозы Казакова; см., напр.: [1]). Например, рассказ Казакова «Ночь» напоминает Фэй Циню «Лес и степь» из «Записок охотника».

Одним из самых интересных писателей следующего поколения Паустовский считал Ю. П. Казакова (хотя сам Казаков, приходится уточнить, этого родства не чувствовал и говорил: «Я не был учеником Паустовского в прямом смысле этого слова, то есть не занимался у него в семинаре в Литинституте, да и литературно я, по-моему, не близок ему. Но он так часто говорил обо мне с корреспондентами и писателями разных стран, что во многих статьях Паустовского называли моими учителем» [6, с. 293]). Через Паустовского к Казакову приходит, видимо, и Фэй Цинь.

Первое обращение китайских переводчиков к творчеству Казакова происходит, насколько нам известно, в 1987 году, когда в газете «Советская литература» («苏联文学») публикуется перевод рассказа «Во сне ты горько плакал», выполненный Вэй Сюанем.

В 1990–1991 гг. литературное издательство «Байхуа» готовит к печати сборник рассказов Казакова в переводах Фэй Циня, вышедший в 1992 г. Перевод очерка «Песнь человеку и природе», видимо, самого любимого переводчиком или наиболее удачно переданного на китайском в том же 1992 г. был перепечатан в газете «Илинь».

В какие годы Фэй Цинь работал над переводом Казакова, нам, к сожалению, уточнить не удалось (в упомянутой нами выше опубликованной биографии Фэй Циня им самим написана только часть, относящаяся к ранней юности, до поступления в Шанхайский колледж, о его позднейшей жизни рассказывает жена, Ли Цинъюнь).

Известно, что тексты Казакова для перевода отбирал сам Фэй Цинь: переведены восемь рассказов («Ночь», «Тихое утро», «Тедди», «Осень в дубовых лесах», «Двое в декабре», «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» и «Долгие крики») и шесть статей и лирических очерков («Песнь человеку и природе», «О Лермонтове», «О Владимире Солоухине», «Вилла Бельведер», «Поедьте в Лопшеньгу» и «Ф. Поленов и его рассказы») (В этом перечне нет, как можно заметить, одного из самых известных рассказов Казакова, «Голубое и зеленое»; в том же 1992 году, в котором выходит сборник Казакова по-китайски, публикуется и перевод «Голубого и зеленого», выполненный Бай Сыхуном и вошедший в «Антологию зарубежной лирической прозы» («外国抒情小说选集»)).

Переводы Фэй Циня сопровождаются послесловием переводчика. Фэй Цинь рассказывал о жизни Казакова, анализируя его произведения. Манера Казакова сравнивается с манерой классических авторов (Булнина, Тургенева, Пришвина); Фэй Цинь приходит к выводу, что творчество Казакова укоренено в русской литературной традиции, прежде всего потому, что Казаков поднимает этические проблемы и говорит о смысле человеческой жизни. Обсуждается жанровая природа произведений; переводчик отмечает, что для рассказов Казакова событийный ряд не слишком важен. Значимым оказывается определение прозы Казакова как лирической.

Книга переводов произведений Казакова на китайский язык в 2018 году была переиздана под новым названием «Осень в дубовых лесах», в честь известного

лирического рассказа, перевод которого также присутствует в сборнике [\[9\]](#); заметим, что так же называется и прижизненный сборник Казакова, вышедший в 1969 г.).

Подробно проанализируем в качестве показательного случая перевод раннего рассказа «Ночь» (1955). В своем послесловии Фэй Цинь отдельно говорит о «Ночи», находя в ней общее с «Лесом и степью» Тургенева. Для нас этот рассказ особенно важен потому, что в нем особенно прямо проявляется значимость для Казакова музыки, отражающаяся и в темах, и в стилистике его прозы. Ночь является не только временем действия рассказа, но и темой песни Семена. Семен услышал звуки природы и захотел превратить их в человеческую музыку: «У меня мечта есть... Сочинить одну вещь, чтобы вот такую ночь изобразить... Лежу ночью у костра, и вот у меня в ушах так играет, так и мерещится» [\[5, с. 29\]](#). Музыка представлена здесь как форма гармонического слияния природы и человека, а гармония природы и человека — основная философская идея Казакова. (Фэй Цинь писал: «Одной из основных философских идей Казакова является единство человека и природы» [\[9, с. 266\]](#).)

Как переводчик Фэй Цинь стремился передать прежде всего дух оригинала и утверждал, что необходимо «...быть полностью верным оригинальному тексту. Верным является не только **содержание** (内容 <то есть буквальный смысл>), но и правильно переданный **смысл** (意思 <суть вещи, ее существо>) оригинального текста, и даже форма и стиль должны быть максимально верными, и никакие изменения не могут быть произвольно внесены» [\[11, с. 113, 116\]](#). Однако с точки зрения современного западного отношения к переводу версии, созданные Фэй Цинем, во многом далеки от буквализма, что объясняется, конечно, различием между языками и национальными культурами.

Так как для того, чтобы перевести как можно точнее (содержание, смысл, стиль и т.д.), необходимы некоторые изменения (для понимания иностранцев). Только эти изменения должны быть тщательно продуманы (вольный перевод). – «Переводчик, однако, пользуется гораздо меньшей свободой, чем автор оригинала, и должен следовать идеям автора оригинала, используя те же художественные приемы, те же выражения и ту же лексику, чтобы "воссоздать" текст в круге, определенном автором оригинала» [\[11, с. 120\]](#).

Наиболее интересные отличия перевода от оригинала, которые мы заметили в рассказе «Ночь» (им открывается сборник переводов Казакова на китайский: [\[9\]](#)), связаны с тем, что Фэй Цинь привносит в современное произведение некоторые черты, близкие классической китайской поэзии.

Во-первых, это связано с изображением звуков. Как известно, одной из важных черт поэтики Казакова является описание мира в его материальной конкретности, — в частности, автор замечает и передает звуки этого мира. В переводе Фэй Циня эти фрагменты прозы Казакова заметным образом трансформируются.

Так, в рассказах Казакова немало описаний «шума». Слово «шуршать» используется для описания шелеста; иногда «шуршать» означает звуки движения человека: «Володя зашевелился на сене, долго возился и шуршал там...» [\[5, с. 10\]](#); иногда означает звуки бьющейся рыбы «...уже на дне карбаса, долго шуршал еще...» [\[5, с. 281\]](#). А слово «шуметь» используется Казаковым исключительно для описания звуков листьев: «...часто порывами налетал ветер, и тогда лес вокруг дома начинал шуметь печальным голым шумом...» [\[5, с. 429\]](#); «Ветер иногда касался вершин берез и елей, и они начинали отдаленно шуметь ...» [\[5, с. 436\]](#); «Шумел поверху лес...» [\[5, с. 437\]](#); «...то дул ветер и

лопотали осины, шумели вершинами березы и ели...» [5, с. 448].

Иногда переводчик, предлагая соответствие слову «шуметь» у Казакова, вводит олицетворение, отсутствующее в оригинале и характерное для поэзии, в том и классической китайской. Например, для фразы «Ветер иногда касался вершин берез и елей, и они начинали отдаленно шуметь ...» [5, с. 436] шуметь переведено как «喧哗» (сюань хуа), что означает «шум и гам толпы» [12, с. 1032, 1033]. Во фрагменте «...часто порывами налетал ветер, и тогда лес вокруг дома начинал шуметь печальным голым шумом...» [5, с. 429] «шуметь» передано как «喧嚣» (сюань сяо): это выражение синонимично приведенному выше «喧哗».

В китайском языке описание звуков часто передается при помощи звукоподражания, — в отличие от русского языка, где этот прием используется реже. При этом звукоподражание в китайском часто выражается повтором слогов-иероглифов (наподобие того, как это происходит в русском и других европейских языках: стук-стук, *bang-bang*, мяу-мяу и т.д.).

Упомянутые выше «шуршать» и «шуметь», частотные в языке Казакова, Фэй Циня могут переводиться звукоподражаниями: 簌簌 (су-су) и 沙沙 (са-са). Например, «Шумел поверху лес...» [5, с. 437] Фэй Цинь перевел как «上面的森林发出簌簌 (су-су) 的响» [9, с. 126]; «...у меня глухо шумели отсыревшие к ночи вороха кленовых листьев...» [5, с. 437] перевел как «...针叶在我靴子低下低沉地沙沙 (са-са) 作响» [9, с. 79]; «...долго возился и шуршал там...» [5, с. 10] перевел как «...弄的干草簌簌 (су-су) 地响» [9, с. 79].

Аналогично при помощи звукоподражаний Фэй Цинь переводит и другие слова, обозначающие звуки. Так, фраза «Несколько секунд прошли в безмолвии, затем явственно послышался хруст валежника» [5, с. 25] переводится как «有几秒钟寂静无声,随后清清楚楚听到了干树枝咔嚓咔嚓的响声» [9, с. 7], используется звукоподражание “咔嚓咔嚓” (кача-кача).

Такое звукоподражательное удваивание нередко встречается в классической китайской поэзии. Так, подражание свисту ветра, обдувающего листья, есть в выражении 萧萧 (сяо-сяо), которое использует, например, Ду Фу: 无边落木萧萧下, 不尽长江滚滚来 («Бесконечно падают листья, бесконечно течет Янцзы»; фонетическую организацию стихотворения пытался передать Ю.К. Шуцкий в своем переводе: « Беспредельно, всюду листья опадают, / Вниз летят, шурша и трепеща. / Бесконечная река спокойно протекает / И идет, волной своей хлещет»). В «Шицзин» есть подражание звукам, которые издают утки (关关 гуань-гуань). Пример звукоподражания есть у Ду Фу: 丁丁 (дин-дин), это звуки топора, рубящего дерево, слышные потому, что в горах стоит тишина (В.М. Алексеев перевел это так: «В весенних горах мне спутника нет, один я тебя ищу./ Там дерево рубят: стук-стук да стук-стук, а горы еще безлюдней»).

Звукоподражаний в переводе «Ночи» немало: «весла скрипят» переведено как 吱吱吱吱 (чжиг-чжиг); «бахнул выстрел» — 砰的一声枪响 (выстрел с звуком «пэн»); «эхо пошло» — 回声隆隆地远去 (эхо пошло с звуком «лун-лун»); «зазвенело ботало» — 铃铛叮叮当当地响了起来 (зазвенело ботало с звуком «диндин-дандан») и т. д.

Вместе с некоторыми другими стилистическими приемами выбор именно такого удваивания придает прозе Казакова в ее китайской версии особенный оттенок традиционной поэтичности, близкой китайскому читателю.

Между прочим, у самого Казакова тоже иногда появляются звукоподражания: «Бум! Бум!», «Тук! Тук! Тук!», «ю-ю-ю» [5, с. 280, 441, 453] и т.д. Фэй Цинь передает это иероглифами с похожими произношениями для обозначения: «Бум! Бум!» переведено как «嘣, 嘣!» (пэн, пэн!); «Тук! Тук! Тук!» как «突,突,突!» (ту, ту, ту!); «ю-ю-ю» как «呦-呦-呦» (ю-ю-ю).

Особенность описания звучания речи человека у Казакова —растягивание гласных: «— Давай, давай, дава-ай »; «— Врешь, не уйде-ешь! »; «—Ле-ещ !» [5, с. 17]. В китайском подобное записывается иначе: с помощью длинного тире и междометия “呀(я)”, “啊(а)”, “了(лэ)”：“—Давай, давай, дава-ай» Фэй Цинь как «“拉呀,拉呀,拉—呀!”» (Ла-я, Ла-я, Ла—я!).

Вместе с некоторыми другими стилистическими приемами выбор именно такого удваивания придает прозе Казакова в ее китайской версии особенный оттенок традиционной поэтичности, близкой китайскому читателю.

Во-вторых, китайский переводчик добавляет образы, восходящие к древнекитайской поэзии. Слова Казакова «...поют они на низких струнах, говорят, вроде как сосны гудят...» [5, с. 29] Фэй Цинь переводит так: «它们在低音弦上歌唱,低声诉说,就像松涛喧嚣» [9, с. 14]. В переводе использовано словосочетание 松涛喧嚣, что значит *сосны, гудящие, как волны* ; подобное встречается, например, еще у Чжао Мэнфу (династия Юань): «夜松涛枕上» («Сосновые волны всю ночь звенят на подушке»). У Тан Шуньчжи (династия Мин): «风来松涛生,风去松涛» («Ветер приходит с шумом сосновых волн, ветер уходит с шумом сосновых волн»).

В-третьих, переводчик, выбирая соответствующие слова, привносит олицетворение там, где в оригинале мы не находим для него соответствий. У Казакова: «...надо будет колокол добавить, чтобы он звонил равномерно» [5, с. 30]. «Равномерно» Фэй Цинь перевел как 从容不迫, что означает «быть спокойным и невозмутимым в случае инцидента, не торопиться» [13, с. 218]: так говорят по-китайски о людях. Таким образом, появляется дополнительный смысл олицетворения, отсутствующий в оригинале.

Значение действий переводчика, который не ограничивается буквальным воспроизведением оригинала, но добавляет к нему что-то стилистически маркированное, становится яснее, если обратить внимание на те смысловые потери, которые неизбежны для буквального перевода. Такой буквальный перевод есть и у Фэй Циня. Обратимся, например, к следующей фразе Казакова: «Костер потухал, угли, остывая, подергивались красноватым пеплом; кругом стояла глухая ночная тишина, только наверху, где-то в кустах, позванивая боталом, бродила лошадь» [5, с. 24-25]. Здесь слова «только наверху», как мы предполагаем, могут означать не только расположение в пространстве (лошадь находится выше, чем костер), но и, возможно, верхнюю ноту, передается наложение звуков, как в оркестре: мелодия ботала появляется на фоне тихого фонового звука. Такое прочтение этого фрагмента предопределяется контекстом рассказа. Персонаж Казакова Семен говорит: «...Я как играю? Беру мелодию и прибавляю к ней еще голос, и вот песня же сама по себе, а голос вроде сам по себе» [5, с. 29]. Два разных звука, мелодия и голос, объединяются симфоническим образом, и так появляется музыка природы, музыка этой тихой ночи. В переводе фразы на китайский («周围是一片荒凉的、夜的寂静,只有上面,不知哪里的灌木丛中有一匹马在游荡,脖子上的铃铛不时发出轻微的响声» — [9, с. 21]) слова “只有上面” (только выше, только наверху) означают только расположение в пространстве.

Итак, благодаря переводам Фэй Циня китайские читатели впервые познакомились с писателем Юрием Казаковым. Переводчик не только передает особенности казаковского стиля, но и придает повествованию у Казакова некоторые черты, свойственные традиционной китайской поэзии, что облегчает китайским читателям понимание мыслей и эмоций иноязычного писателя.

Библиография

1. Бойко М. Пересуды в бумажном некрополе // Независимая газета: Ex Libris. 2007, 9 августа.
2. Голубева Е. В. Универсальные и национально-культурные особенности звукоподражаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2 частях. Ч. II. № 9. Тамбов: Грамота, 2015. С. 77–80.
3. Дрога М. А., Юрченко Н. В., Фуникова С. В. Языковая природа ономотопеи // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №4. С. 67–73.
4. Ивченков В.И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова. – Минск: Пачатковая шк., 2002. 111 с.
5. Казаков Ю. П. Рассказы. М.: «Известия», 1983. С. 21–33.
6. Казаков Ю. П. Поедемте в Лопшеньгу // Казаков Ю.П. Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. – М.: Современник, 1986. С. 284–296.
7. Чэнь Яньсю. Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в Китае: восприятие, интерпретации, влияние. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.
8. Ян Янь. К вопросу о влиянии Константина Паустовского на китайскую литературу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016, № 11 (65): В 3х ч. Ч. 1. С. 62–67.
9. Казаков Ю. П. Осень в дубовых лесах / Пер. Фэй Цинь. – Хэбэй: Образовательное издательство, 2018. (卡扎科夫, 橡树林里的秋天, 非琴译, 河北: 商务印书馆, 2018)
10. Казаков Ю. П. Сборник прозаических текстов / Пер. Фэй Цинь. – Тяньцзинь: Байхуа, 1992. (卡扎科夫, 橡树林里的秋天, 非琴译, 天津: 百花文艺出版社, 1992)
11. Ли Цинюнь. Литературные труды Фэй Циня. – Тяньцзинь: Байхуа, 2014. (李庆云, 非琴文艺杂谈, 天津: 百花文艺出版社, 2014). С. 113–121.
12. Китайско-русский словарь. Группа составления китайско-русских словарей Шанхайского института иностранных языков. – Пекин: Коммерческая печать, 2004.
13. Современный словарь китайского языка (现代汉语词典(第7版)/ Редакция словарей, Институт лингвистики, Китайская академия общественных наук (中国社会科学院语言研究所词典编辑室). Пекин: Коммерческая печать (北京: 商务印书馆), 2016

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Трансформация прозы Юрия Казакова в переводе Фэй Циня на китайский язык», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье рассматриваются актуальные проблемы перевода русскоязычных художественных произведений на китайский язык. Переводчик является проводником иной культуры в своей стране, неким соавтором, от

которого во многом зависит популяризация переводного произведения.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования.

Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. БОльшее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, теории и практике перевода, сравнительному изучению русской и китайской культуры, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Трансформация прозы Юрия Казакова в переводе Фэй Циня на китайский язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Т. — Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии // Litera. – 2023. – № 5.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40681 EDN: ULNFMJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40681

Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии

Ван Тинянь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, ул. Ул. миклухо-Маклая, 6, 6

✉ 1042218032@rudn.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40681

EDN:

ULNFMJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2023

Дата публикации:

23-05-2023

Аннотация: С развитием информационного общества все социальные институты претерпели изменения. Фольклор, как социолингвистическое явление, также подвергся трансформации — появилось понятие сетевого фольклора, в структуру которого входят интернет-мемы. В статье описывается проведенное исследование развития мемов, созданных в период пандемии COVID-19. Целью работы является рассмотрение развития интернет-мемов как формы сетевого фольклора в период пандемии. Предметом исследования явились интернет-мемы как новая форма сетевого фольклора. Для достижения цели был использован вторичный анализ исследований и сбор данных из Яндекс вордстата за 2023 год. Также был проведен контент анализ мемов на англоязычной платформе Reddit. Результаты работы показали, что мемы в период пандемии получили свою актуализацию, как новой формы сетевого фольклора, имеющей особенность массового психотерапевтического воздействия за счет возможности ухода от реальности, а также более позитивному взгляду на ситуацию. В условиях тотальности цифровой коммуникации в период распространения коронавируса интернет-среда была перенасыщена контентом, в связи с чем выявление наиболее популярного интернет-мема было затруднительно. Результаты работы могут быть использованы в качестве

теоретической базы, содержащей в себе систематизированный спектр трудов на тему сетевого фольклора и цифровой коммуникации, а также в качестве базы для практического применения при работе в сфере социолингвистики и журналистики. Новизна работы заключается в выявлении новой формы цифровой коммуникации — интернет-мемов. Развитие языка тесно связано с развитием общества и протекающими в нем процессами. Выводы работы подтверждают значимость мемов как формы сетевого фольклора в период массовой изоляции в связи с распространением коронавирусной инфекции цифровая коммуникация.

Ключевые слова:

мемы, пандемия, сетевое творчество, социолингвистика, цифровая коммуникация, сетевой фольклор, социальные сети, контент, изоляция, COVID-19

Жизнь общества не стоит на месте. Ее элементы постоянно изменяются, а формы трансформируются. Это связано с тем, что общество существует не в эфемерном пространстве, наоборот, на него постоянно влияют различные факторы, как внешние, так и внутренние. Все сферы жизнедеятельности общества взаимосвязаны между собой, и поэтому трансформация одной непременно приводит к трансформации другой. Так, изменения, произошедшие в системе коммуникации в современную эпоху, внесли значительный вклад в развитие сетевого фольклора. С развитием и появлением модернизации и глобализации люди используют различные технологии для общения. Растущий спрос на передачу огромных объемов данных сделал цифровые системы связи все более привлекательными. Большая часть коммуникаций стала цифровой благодаря преимуществам цифровой связи перед аналоговой.

Вспыхнувшая в конце 2019 года эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19 явилась настоящим «шоком» для всего глобального общества. Пандемия затронула все сферы жизни общества и породила множество последствий, которые поставили под вопрос прошлые и привычные всем элементы общественной жизни. Пандемия стала триггером для активного формирования «новой нормальности», которая в свою очередь оказала влияние на форму современных коммуникаций [\[11\]](#). В период пандемии коронавируса мир столкнулся с глобальной угрозой, что привело к нарастанию тревоги и нервозности у людей. Однако, интернет-мемы стали неотъемлемой частью нашей жизни и, возможно, одним из инструментов преодоления страха и тревоги. В данной статье мы рассмотрим, как развивается Интернет-мем как форма сетевого фольклора в период коронавируса, и насколько важным он становится в нашей жизни.

В эпоху цифровых технологий интернет-среда стала довольно эффективным инструментом взаимодействия и обмена информацией между людьми. Одним из ярких проявлений коммуникации в цифровую эпоху являются интернет-мемы — короткие юмористические изображения, видео или тексты, которые быстро распространяются в социальных сетях и мессенджерах. В период пандемии COVID-19 интернет-мемы стали еще более популярны, их количество и разнообразие значительно увеличилось.

Таким образом, необходимым является рассмотрение развития интернет-мемов как формы сетевого фольклора в период пандемии. Также в рамках данного исследования, возможно выдвинуть гипотезу о том, что интернет-мемы как форма сетевого фольклора помогают людям легче справиться с переживаниями в период глобальных кризисов, отражая современные социально-культурные процессы в юмористической форме. Также

необходимо рассмотреть примеры популярных интернет-мемов, связанных с пандемией, и их роль в формировании общественного мнения и восприятия событий. В рамках данного исследования развитие мемов как формы интернет фольклора будет проводиться при помощи вторичного анализа научных статей, которые посвящены данной теме, а также контент-анализа портала Reddit.

Поскольку мемы являются определенной формой юмора, то их следует понимать в определенном социокультурном контексте. В ответ на быстрое распространение вируса многие страны начали вводить карантинные меры, такие как закрытие границ, запрет на массовые мероприятия, закрытие школ и университетов, а также ограничения на передвижение граждан. В некоторых странах карантин был более жестким, чем в других — например, в Китае и Италии население было полностью изолировано от внешнего мира. Это было сделано для того, чтобы замедлить распространение вируса и предотвратить перегрузку медицинских учреждений. В рамках данных мер люди были обязаны оставаться дома, и при нарушении режима самоизоляции полагались меры административного взыскания.

На фоне, описанных выше событий у людей начали развиваться депрессия и тревожность. Об этом заявил Бельгийский институт «Sciensano» в одном из своих исследований. Так, согласно их данным, количество людей с повышенной тревожностью в период начала пандемии увеличилось на 20%, а с признаками депрессии на 16%. Поэтому в среде, с подобным ростом негативных состояний, распространение мемов как одного из юмористических средств носит закономерный характер, ведь о психотерапевтических свойствах юмора говорят, независимо проведенные друг от друга исследования Абдуллаевой М. М. и Артемьевой Т. В. на двух разных выборках людей. В рамках двух данных исследований выявлено значительное положительное влияние юмора на психику человека.

Стоит отметить, что изучение сетевого фольклора или интернет-фольклора актуализировалось в связи с массовым развитием современных информационно-коммуникативных технологий в конце 90-х годов XX века. Примерами ярких работ по темам сетевого фольклора, виртуальной коммуникации являются исследования Асмус Н. Г., Алексеевский М. Д., Лысенко С. А., Путилов Б. Н. и другие (см. [\[2, 5, 7, 8\]](#)). Так, например, по мнению М. Д. Алексеевского, исследования сетевого фольклора может быть разделено на четыре основных направления, к которым он относил анализ традиционных жанров с новым содержанием (например, *«сказки про айтишников»*), сетевой коммуникации представителей новых сетевых субкультур, жанров городского фольклора, опубликованного в сети Интернет, а также таких форм фольклора, которые существуют исключительно в цифровом пространстве (например, *фотожабы* или *интернет-мемы*) [\[2\]](#).

В рамках статьи «Consuming memes during the COVID pandemic: Effects of memes and meme type on COVID — related stress and coping efficacy. Psychology of Popular Media» автор отбирал мемы с платформы Reddit и проводил их анализ. Автор загрузил 22 тыс. мемов, из которых отобрал для анализа 480. Целью исследования было изучение универсальности юмористической составляющей мемов про ковид для респондентов, принимавших участие в опросе по теме статьи [\[13\]](#).

По результатам исследования, автор приходит к выводу о том, что мемы в условиях карантина и изоляции, являются ключевыми факторами для поддержания психического здоровья, как отдельного человека, так и общества в целом.

В работе «Internet memes related to the COVID-19 pandemic as a potential coping mechanism for anxiety» отобрали 1000 человек для проведения исследования, затем их разделили по критерию тревожности. Это было сделано с целью оценки влияния мемов на состояние тревожности у людей, которые имеют склонность к данному чувству и тех, кто не предрасположен к нему. В итоге авторы пришли к выводам, о том, что мемы способны оказывать психотерапевтическое воздействие в период кризисных ситуаций на людей с повышенной тревожностью. Также было подмечено, что мемы, которые связывают тематику психических расстройств и ковида, значительно лучше влияли на душевное состояние людей с высокой тревожностью [\[11\]](#).

В работе, проведенной исследовательской группой из одного из польских университетов, анализ проводился при помощи совокупности методов: категоризация мемов, а также статистический анализ. Помимо всего прочего они использовали такой инструмент анализа как «Goggle Trends». Также авторы выявляли закономерность между волнами Covid-19 и появлением новых мемов, что можно увидеть на представленных ими рисунках. Авторы исследования делают выводы, что мемы являются результатом адаптации психики человека к окружающему их стрессу вследствие обилия негативных новостей, связанных с излишней смертностью в результате пандемии коронавируса. Авторы также утверждают о том, что мемы способны выступать в данной ситуации в роли механизма эскапизма, так как окружающая реальность не вызывает положительных эмоций. Наибольший пик создания мемов, исследователи заметили в период начала пандемии, что связано с ситуацией неопределённости, в которую попало целое человечество [\[12\]](#).

В связи с этим интернет-мемы стали значимой частью современной коммуникации, целью которых изначально был юмор.

В работе «COVID-19 in Memes: The Adaptive Response of Societies to the Pandemic?», анализ проводился при помощи совокупности методов: категоризация мемов, а также статистический анализ. Помимо всего прочего они использовали такой инструмент анализа как «Goggle Trends». Также авторы выявляли закономерность между волнами COVID-19 и появлением новых мемов, что можно увидеть на представленных ими рисунках. Авторы исследования делают выводы, что мемы являются результатом адаптации психики человека к окружающему их стрессу вследствие обилия негативных новостей, связанных с излишней смертностью в результате пандемии коронавируса. Авторы также утверждают о том, что мемы способны выступать в данной ситуации в роли механизма эскапизма, так как окружающая реальность не вызывает положительных эмоций. Наибольший пик создания мемов, исследователи заметили в период начала пандемии, что связано с ситуацией неопределённости, в которую попало целое человечество [\[16\]](#).

Гади Александер в «Smile! It's only Covid: Analyzing COVID-19 internet memes», также пришел к выводу о том, что мемы как форма интернет-фольклора способствует уходу от ужасающих событий во внешнем мире по средствам юмора. Автор в период с конца 2019 и по 2022 год собрал более 200 мемов из различных групповых чатов, в которых он состоял, а затем проводил контекст их содержания [\[12\]](#).

Рис. 1 – Мем «Ведьмина гора»

Автор исследования «Social Media Responses to the Pandemic: What Makes a Coronavirus Meme Creative» подмечает, что во время пандемии не появилось никаких новых образов или речевых конструкций, носящих юмористический характер, которые прижились бы, но можно заметить тенденцию к переработке старых шаблонов для мемов для новой реальности. На рисунке 1 изображен подобный шаблон мема, взятый из фильма «Ведьмина гора» 2009 года. То есть на момент начала пандемии данному мему было 10 лет.

В исследовании, которое проводилось в самом начале пандемии «Memes of the virus: social criticism of the corona pandemic on the internet» уже сами мемы сравнивались с вирусами, так как некоторые темы благодаря социальным сетям способны получить более широкую огласку. Также, помимо всего прочего, благодаря мемам люди получают возможность высказывать свое мнение по различным событиям, которые происходили в мире на период начала пандемии [14].

Если брать Россию, то можно обратиться к анализу мемов в период пандемии у Арчаковой М. А. В своем исследовании автор также рассматривала тему фейков, вследствие чего не удалось раскрыть должным образом тематику мемов в период начала пандемии [4].

Помимо анализа зарубежных исследований, также был проведен анализ запросов при помощи Яндекс Вордстата. По результатам, которого можно нет возможности сделать однозначные выводы, в какой период людей больше всего интересовали мемы, связанные с пандемией. Для сравнения можно привести Рис 2. и Рис. 3.

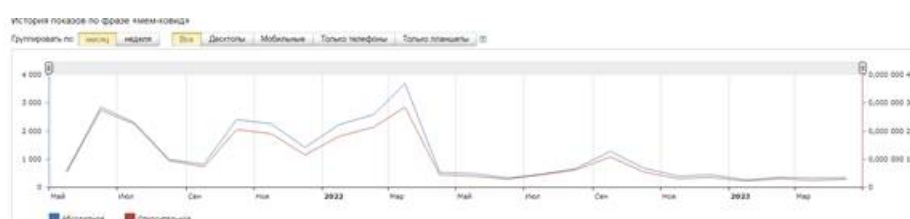

Рис. 2. — История показов по фразе «мем-ковид»

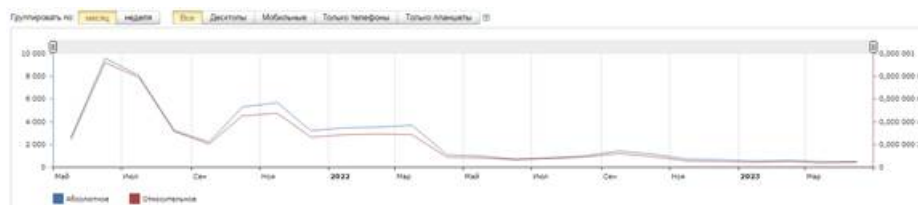

Рис. 3. – История показов по фразе «мем-коронавирус»

По двум данным рисункам возможно заметить, что по одному запросу период поиска пришелся на 2021 год, а на другом пик поисков мемов про коронавирус на март 2022 года. К тому же, был задан третий запрос в Яндекс вордстат «мемы-Covid 19», и в нем происходит повторение пика запросов в марте 2022 с отличием на резкий скачок.

В российском сегменте интернета также не было выявлено новых мемов, которые могли появиться в период коронавируса, повторяя тем самым тенденцию всего остального мира по переработке материала прошлых лет под новую реальность. Так, можно сказать, что интернет-мем отражает некий культурный код, включающий в себя определенную социокультурную символику, понятную массовому сознанию. Помимо этого, интернет-мемы являются *креализованным текстом*, то есть собирательным конструктом сообщения, состоящего по большей части из картинки и текста, который передается от одного субъекта коммуникации к другому [6].

Важно отметить, что развитие интернет-мемов служит развитию языка в целом, посредством создания *оказионных слов, разрушения речевых клише, игра на омо-явлениях, игровая этимология, игровой анахронизм и изображения* [6]. Все данные приемы служат образованию нетипичных речевых форм, которые, распространяясь по сети Интернет в форме мемов, откладываются в массовом сознании и начинают использоваться в обиходе.

В рамках контент анализа был произведен поиск мемов по теме Covid-19 на Reddit, используя ключевые слова «коронавирус», «Covid-19» и «пандемия». Нами были проанализированы 50 лучших постов из каждого субредакта о юморе или психическом здоровье. Объем нашей выборки составил 500 мемов. Мы использовали тематический анализ, чтобы классифицировать мемы по шести уникальным темам, включая карантин, социальное дистанцирование, ношение масок, уход за собой, юмор и надежду.

Первая категория содержала самоуничижительные и саркастические мемы (примеры: *«Когда ты столько лет учился избегать людей, и они называли это социальным дистанцированием», «Коронавирус: 26-й день - я расплавил весь пластик в доме»*), высмеивающие темы, связанные с пандемией. Они составили 54% от общего числа выборки. Второй по величине категорией было социальное дистанцирование (20%), на которое приходились мемы, пропагандирующие социальную изоляцию или демонстрирующие креативные способы общения с близкими во время карантина. Примерами мемов социального дистанцирования являются *«чемпион по социальному дистанцированию»* или *«креативное дистанцирование в 6 футов»*.

Третьей категорией (18%) были люди в масках, состоящие из мемов, призванных побудить людей носить маски или высмеять тех, кто решил этого не делать. Примеры этих мемов включают *«Моя маска защищает тебя. Твоя маска защищает меня»* и *«Надев маску, ты становишься представителями всех рас одновременно: ниндзя, Скорпионом, смертельным боем»*.

Мемы о карантине (14%) подчеркивали трудности, связанные с пребыванием дома,

поощряли заботу о себе и поддержание связи с близкими. Например, *«У меня 99 проблем, и теперь я добавил в список закуски»* или *«Не забудьте проверить своих друзей-экстравертов. Мы не только выживаем, мы процветаем, практикуя социальное дистанцирование»*.

Шестой и последней категорией (2%) была надежда, включая мемы, которые освещали позитивные новости и вдохновляющие истории, связанные с пандемией. Примеры включают *«Большинство пациентов с COVID-19 выздоравливают: 99% надеются»* или *«Мир вместе сталкивается с COVID-19. Мы едины.»*

Таким образом, из проведенного анализа исследований, которые затрагивают тему мемов в период пандемии, можно сделать вывод о том, что мемы как форма сетевого фольклора имеет массовое психотерапевтическое воздействия за счет вовлечения пользователей в контекст ситуации и возможности ухода от реальности, а также является новой формой коммуникации, создавая внутри себя новые семантические конструкции и формы слов. Мемы как форма сетевого фольклора создают новые языковые формы, которые оседают в массовом сознании и культуре. Помимо этого, интернет-мемы имеют массовое психотерапевтическое воздействия за счет вовлечения пользователей в контекст ситуации и возможности ухода от реальности, более позитивному взгляду на ситуацию, что делает их популярными.

Библиография

1. Абдуллаева М. М. Возможности юмора как регулятора стресса // Прикладная юридическая психология. 2009. №4. С. 117–128.
2. Алексеевский М.Д. Интернет и фольклор: материалы к библиографии 1996–2011 гг. // Традиционная культура: Альманах. 2012. №3. С. 183–185.
3. Артемьева Т. В. Юмор как психологический ресурс преодоления стресса у медицинского персонала // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 1–9.
4. Арчакова М. А. Фейки и мемы Ковид-19: неуместная смехотерапия или целительный оптимизм? // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020. Том 6. №4. С. 61–68.
5. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2005. 24 с.
6. Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №6-4. С. 1-6.
7. Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2010. 24 с.
8. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура // Наука. 1994. 239 с.
9. Рыжков К. Л. Классификация интернет-мемов в реалиях 2021 года // Культура и искусство. 2021. №9. С. 18–27.
10. Шомова С. А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте рунета // Мониторинг. 2021. №5. С. 399–424.
11. Akram U. Irvine, K., Allen, S.F. et al. Internet memes related to the COVID-19 pandemic as a potential coping mechanism for anxiety // Scientific Reports. 2021. No. 11. Pp. 1-8. doi: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-00857-8>
12. Gadi A. Smile! It's only Covid: Analyzing COVID-19 internet memes // Journal of Creativity. 2023. No. 33. Pp. 35. doi: 10.1016/j.yjoc.2023.100049
13. Myrick J. G. Nabi, R. L., & Eng, N. J. Consuming memes during the COVID pandemic:

- Effects of memes and meme type on COVID — related stress and coping efficacy // Psychology of Popular Media. 2021. No. 11(3). Pp. 316–323.
14. Pauliks K. Memes of the virus: social criticism of the corona pandemic on the internet // Televizlon. 2020. No. 33. Pp. 46–49. doi: <https://doi.org/10.25969/mediarep/13875>
15. Schwab K. Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva // Forum Publishing. 2020. P. 213.
16. Skorka P. Grzywacz B, Moron D, Lenda M. COVID-19 in Memes: The Adaptive Response of Societies to the Pandemic? // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19. Pp. 1–24. doi: 10.3390/ijerph191912969
17. Wilms, P.; Schröder, J.; Reer, R.; Scheit, L. The Impact of “Home Office” Work on Physical Activity and Sedentary Behavior during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. No.19. Pp. 1-24. doi: 10.3390/ijerph19191234

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения фольклорных мотивов, которое выражается в наших днях в публикациях в виртуальном пространстве. В современных реалиях часть жизни проходит в виртуальном пространстве, а сегодня интернет контент играет большую роль в жизни людей, в особенности после событий 2019 года, когда, ввиду объявленного локдауна; обучение, работа и общение перешли в виртуальную сеть.

Автор предпринимает попытку описать новые элементы виртуального пространства, которые стали частью жизни людей. В период пандемии коронавируса мир столкнулся с глобальной угрозой, что привело к нарастанию тревоги и нервозности у людей, что превратило интернет-мемы в один из инструментов преодоления страха и тревоги. В данной статье автор предпринимает попытку рассмотреть развитие Интернет-мема как формы сетевого фольклора в период коронавируса, и его роль в современном мире.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Некоторые высказывания автора не подтверждены какой бы то ни было статистикой, например, утверждение о том, что «В период пандемии COVID-19 интернет-мемы стали

еще более популярны, их количество и разнообразие значительно увеличилось». На основании чего был сделан такой вывод? На основании субъективного мнения глубокоуважаемого автора?

Собственно говоря, в данной работе отсутствует исследовательская часть, так как в тексте статьи автор «пересказывает» исследования других ученых и приводит данные, полученные ими, зачастую без должных ссылок. Таким образом, можно сделать вывод что данная работа является описательной, а не исследовательской.

Собственно, в выводах исследования отсутствует приращение научного знания, так как автор приходит к тому, с чего начал – «мемы имеют прихотерапевтическое воздействие» Практический материал исследования отсутствует.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения изменений: 1) уточнение практического языкового материала исследования для каждого из рассматриваемых языков; 2) уточнения ссылок на цитируемые работы; 3) проведение собственно исследования, а не компиляции работ предшественников; 4) актуализация библиографического списка.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Меняющий окружающий мир требует и новых вариаций оценки тех или иных явлений. Некой условной новой формой становится «мем», хотя это понятие известно еще с периода Античности. В статье рассматривается, как развивается Интернет-мем как форма сетевого фольклора в период коронавируса, и насколько важным он становится в нашей жизни. Следовательно, подход к рассмотрению «мема» нетривиален, причем методологическая составляющая синкретична, что также номинирует новизну данного сочинения. Как отмечено в начале статьи, «в эпоху цифровых технологий интернет-среда стала довольно эффективным инструментом взаимодействия и обмена информацией между людьми. Одним из ярких проявлений коммуникации в цифровую эпоху являются интернет-мемы — короткие юмористические изображения, видео или тексты, которые быстро распространяются в социальных сетях и мессенджерах». Реалии мира целесообразно постигать в режиме многомерного анализа, совмещать культурные, языковые, социальные, философские и прочие аспекты. Научный тип в работе поддерживается строгой логикой оценки, автор создает т.н. конструктивный диалог с потенциально заинтересованным читателем. Информация излагается объективно, точно, фактических недочетов не выявлено. В рамках рецензируемого исследования автор выдвигает гипотезу, что интернет-мемы как форма сетевого фольклора помогает людям легче справиться с переживаниями в период глобальных кризисов, отражая современные социально-культурные процессы в юмористической форме. Стоит признать данный тезис как одну из задач сочинения, тем более ориентир на доказательство указанной гипотезы поддерживается на протяжении всей работы. Стиль / язык труда

имеет признаки научного типа, термины и понятия используются в режиме унификации. Например, «на фоне, описанных выше событий у людей начали развиваться депрессия и тревожность. Об этом заявил Бельгийский институт «Sciensano» в одном из своих исследований. Так, согласно их данным, количество людей с повышенной тревожностью в период начала пандемии увеличилось на 20%, а с признаками депрессии на 16%. Поэтому в среде, с подобным ростом негативных состояний, распространение мемов как одного из юмористических средств носит закономерный характер, ведь о психотерапевтических свойствах юмора говорят, независимо проведенные друг от друга исследования Абдуллаевой М. М. и Артемьевой Т. В. на двух разных выборках людей. В рамках двух данных исследований выявлено значительное положительное влияние юмора на психику человека», или «автор исследования «Social Media Responses to the Pandemic: What Makes a Coronavirus Meme Creative» подмечает, что во время пандемии не появилось никаких новых образов или речевых конструкций, носящих юмористический характер, которые прижились бы, но можно заметить тенденцию к переработке старых шаблонов для мемов для новой реальности. На рисунке 1 изображен подобный шаблон мема, взятый из фильма «Ведьмина гора» 2009 года. То есть на момент начала пандемии данному мему было 10 лет» и т.д. Иллюстративного фона достаточно, примеры, которые разбираются в работе достаточно интересны, причем они еще и растиражированы, что подтверждает объективность реализации «мем-формата» в медийном, социальном, культурном пространстве. Удачно, на мой взгляд, введение в работу статистических данных, градиента оценки к финалу выведена точно: «из проведенного анализа исследований, которые затрагивают тему мемов в период пандемии, можно сделать вывод о том, что мемы как форма сетевого фольклора имеет массовое психотерапевтическое воздействия за счет вовлечения пользователей в контекст ситуации и возможности ухода от реальности, а также является новой формой коммуникации, создавая внутри себя новые семантические конструкции и формы слов. Мемы как форма сетевого фольклора создают новые языковые формы, которые оседают в массовом сознании и культуре. Помимо этого, интернет-мемы имеют массовое психотерапевтическое воздействия за счет вовлечения пользователей в контекст ситуации и возможности ухода от реальности, более позитивному взгляду на ситуацию, что делает их популярными». Основные / базовые требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке, доработке; список источников полновесно используется в теле всей работы. Материал весьма удачно можно использовать в рамках изучения гуманитарных дисциплин. Рекомендую рецензируемую статью «Развитие интернет-мемов как формы сетевого фольклора в эпоху пандемии» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь С., Ма С. — Особенности образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов // Litera. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40800 EDN: UAYAVF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40800

Особенности образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов

Чэнь Си

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, филологический факультет,
Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2А

✉ 1042218129.@pfur.ru

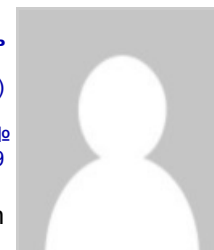

Ма Сючэнь

магистр, Институт педагогики Юньнаньский национальный университет (Китай)

650504, Китай, район Чэнгун, провинция Юньнань, г. Город Куньмин, ул. Юэхуа, Уцзяин, Кампус Чэнгун, № 2929

✉ 545881743@qq.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40800

EDN:

UAYAVF

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2023

Дата публикации:

24-05-2023

Аннотация: Целью исследования является определение места образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов и актуализация современных подходов и методов образовательного дискурса. В отличие от некоторых других типов дискурса, образовательный дискурс подвержен изменениям под влиянием экстралингвистических факторов, среди которых развитие научной мысли и технического прогресса, достижения психологии и социологии, трансформация методологии образовательного процесса и другие. В статье представлены основные характеристики образовательного дискурса, дано описание участников дискурса и их статусных ролей, постулируется

важность учебного текста как центра коммуникации в образовательном дискурсе, а также выявлены новые форматы передачи информации в структуре образовательного дискурса. Изменчивость содержательной стороны образовательного дискурса требует внимания исследователей-лингвистов на каждом временном этапе, этим обуславливается научная новизна работы. В результате сформулированы определенные выводы, в том числе о том, что учебный текст обладает такими признаками, как фактологичность, сжатость, краткость и другими. Тексты образовательного дискурса существуют на уровнях отношений учитель — ученик, учитель — учитель и ученик — ученик. Они связаны с различными ситуациями общения в рамках образования. Образовательный дискурс всегда целенаправлен, включает методы передачи информации, базируется на учебном тексте, имеет в структуре ряд прецедентных текстов определенных жанров. Приведено мнение некоторых ученых-лингвистов о перспективах развития данного направления научной мысли/

Ключевые слова:

дискурс, образовательный дискурс, педагогический дискурс, институциональный дискурс, учебный текст, форматы передачи информации, МООК, пожизненное обучение, образование, профессиональное образование

Актуальность темы научного поиска обусловлена широким спектром проявлений образовательного дискурса в современном мире. Отношения учитель – ученик существуют на уровнях воспитания детей и подростков, освоения профессии молодыми людьми, саморазвития и смены вида деятельности среди взрослых. Образовательный дискурс не раз становился объектом пристального изучения ученых-лингвистов, среди которых можно отметить Б.В. Пенькова, О.П. Ушакову, С.Н. Жарова, В.И. Карасика и ряд других. Однако системное осмысление понятия требует дальнейшей проработки в силу широты его проявления и функционирования. Отдельные вопросы обсуждаемой проблемы еще не получили научного анализа. **Целью исследования** является систематизация явлений современного образовательного дискурса. Теоретическое осмысление понятия «дискурс» и его проявления в разных уровнях языка сегодня занимает умы многих ученых. За счет неоднозначности трактовки дискурса в многочисленных направлениях научного знания вопрос формулировки и описания этого термина рассматривается многими исследователями, каждый из которых дополняет систему научного знания. Так, крупные работы по осмыслению термина «дискурс» были представлены В.И. Карасиком, М.Л. Макаровым, Н.Д. Арутюновой, В.Б. Кашкиным и другими.

Достижение поставленной цели возможно при успешном решении ряда исследовательских **задач**, среди которых определение понятийного аппарата дискурса, классификация типов дискурса, описание основных характеристик, участников и материалов образовательного дискурса, изучение границ образовательного дискурса в современном обществе.

В лингвистике принято выделять несколько типов дискурса. Одним из первых предложил разделять личностно-ориентированный и институциональный дискурсы В.И. Карасик. Такая градация позволяет проводить качественный анализ текстов дискурса, исходя из конкретных задач исследователя. Также свою точку зрения на типологию рассматриваемого понятия представляли Г.Г. Почепцова, Г.М. Яворская и другие ученые. Следовательно, **предметом** исследования выступает образовательный дискурс,

а **объектом** - особенности его функционирования сегодня.

Образовательный дискурс является институциональным и существует на уровне отношений учитель - ученик на разных уровнях проявления этих отношений. При этом следует разделять непосредственные ситуации общения в рамках этого дискурса, документальное закрепление существующих отношений и их границ в официальных бумагах, методологию процесса общения и тексты, которые подкрепляют передачу информации от наставника к ученику. Следует отметить, что сегодня значительно расширился список форматов передачи информации, которые могут быть использованы для передачи информации. Это связано с развитием науки и техники. Например, А.Ю. Багиян, Т.А. Ширяева и Ю.А. Черноусова говорят о повышающейся роли виртуального общения в структуре образовательного дискурса [\[2\]](#).

Существует несколько уровней образовательного дискурса, традиционно выделяют три типа: школьно-административный, учительский и ученический. Книжная речь образовательного дискурса соответствует этим уровням.

Важной частью необходимости регулярной актуализации научного осмысления образовательного дискурса становится тот факт, что он не является формализованным, четко закрепленным на протяжении долгого времени. С учетом неотвратимой динамики в развитии науки и техники, социальных институтов, наиболее востребованных навыков на рынке труда, психологических особенностей и направлений неизбежно трансформируется и поле образовательного дискурса.

Осмысление места образовательного дискурса определяет системность и структурированность **методологии** исследования. Были применены описательный, структурный и интроспективный методы, метод логического сопоставления.

Теоретическая база включает работы, анализирующие понятие «дискурс» с различных точек зрения, таких авторов, как Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Б.В. Пеньков, а также исследования, касающиеся непосредственно образовательного дискурса и его проявлений А.А. Евстифеевой, С.Н. Жарова, Ю.Ю. Поспелова, М.А. Самковой и других ученых.

Практическая значимость заключается, во-первых, в пополнении структуры научного знания, и, во-вторых, в возможности использования результатов проведенной научной работы в развитии данной проблематики другими авторами.

Прежде чем обратиться к характеристике образовательного дискурса, необходимо сформулировать определение самого дискурса как лингвистического явления. Н.Д. Арутюнова считает, что «дискурс есть связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими - факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах); «дискурс» - это речь, «погруженная в жизнь» [\[1\]](#). Короткое и емкое определение предлагает В.И. Карасик: «Дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» [\[5\]](#). Интересно, что М.Л. Макаров, изучив обширнейшую теоретическую базу, отмечает необходимость снять всякую ограниченность с понятия дискурса и принять как опорное самое широкое употребление этого термина «как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог» [\[9\]](#).

Максимально широкие границы употребления этого термина рассматривает П. Серио. Согласно его точке зрения, понятие «дискурс» может обозначать:

1. любое речевое высказывание, то есть подменять термин «речь»;
2. последовательность неких высказываний, которая шире, чем фраза, носит более глобальный характер и строится по определенным правилам конкретного языка;
3. воздействие на того, к кому обращается текст, то есть наличие адресата и адресанта высказывания, а также места и времени его воспроизведения;
4. специализация термина приводит к приравниванию терминов «дискурс» и «беседа», так как именно беседу часто рассматривают в качестве главного формата высказывания;
5. речь, обращенная к слушателю и активная позиция адресата, только тогда речь может считаться дискурсом;
6. набор неких формальных и структурных элементов оформления мысли, в результате чего понятия «язык» и «речь» противопоставляются;
7. ограничения, накладываемые на ситуацию общения теми или иными социальными или идеологическими взглядами, в таком случае речь может идти об «административном дискурсе» или «гендерном дискурсе», которые требуют соблюдения определенных формальностей множества связанных с конкретной темой высказываний;
8. дискурс - не равно высказывание, высказывание становится лишь фактом составления некоторых связанных мыслей, а дискурс призван найти и описать четкие механизмы, которые управляют высказыванием [\[13\]](#).

Исходя из представленных мнений можно сделать вывод о том, что в современной лингвистике под термином «дискурс» можно понимать единицу высказывания в любой форме, отвечающую определенным формальным и содержательным требованиям, а также всю совокупность таких высказываний. Данное определение будет принято за опорное в ходе дальнейшего научного поиска.

При этом следует уточнить, что у дискурса есть некоторые свойства. О них, например, говорит В.Б. Кашкин. Он отмечает, что одним из важных характеристик понятия является «принципиальная безграничность», а также связность текстов дискурса и их цельность [\[7, с. 7\]](#).

Исследователь также поднимает вопрос о типологии дискурса, которую можно составить, исходя из различных задач. Так, структурно-формальная классификация предполагает разделение на вербальный и невербальный код, устное или письменное сообщение, монологичность, диалогичность или полилогичность участников дискурса, лицо высказывающегося. С точки зрения структурно-содержательного подхода определяющей становится референциальный контекст и градация проводится с точки зрения позиции коммуниканта, сферы дискуссионной деятельности, темы или типа текста по способу изложения. Третьим критерием для типологии становится жанр дискурса, в основе которого – хронотоп, экстралингвистические и социальные параметры [\[7, с. 20\]](#).

Наиболее широкое применение в лингвистике получила точка зрения В.И. Карасика, который предложил в основу типологии положить отношения между участниками высказывания. Такая точка зрения порождает градацию на лично-ориентированное (бытовое и бытийное) и статусно-ориентированное общение. То есть на личностный и

институциональный дискурсы. «Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [\[6, с. 7\]](#). Ученый называет такие типы современного институционального дискурса, как религиозный, медицинский, политический, образовательный, массово-информационный, спортивный и другие.

Итак, образовательный дискурс, являясь институциональным, реализуется в системе организованного обучения. Его участники соблюдают четкие правила поведения, манеры общения, а возможность статусной коммуникации обуславливается четкими географически-временными параметрами (место учебы, начало и окончание занятий) и другими признаками.

«Для определения типа институционального дискурса необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения», говорит В.И. Карасик, а также продолжает, что целью педагогического дискурса становится «социализация нового члена общества» [\[6, с. 13\]](#). Образовательный дискурс, таким образом, формируется между участниками, роли которых можно описать как «учитель» и «ученик». Первый обладает неким набором знаний и инструментарием его трансляции, а второй должен усвоить и принять эти знания. Причем в работах многих исследователей постулируется главенствующая роль учителя. Например, А.А. Евстифеева утверждает: «именно учителю принадлежит активная роль в дискурсе, иными словами, доля его коммуникативной активности значительно выше: ученик больше слушает, воспринимает информацию, а учитель анализирует, объясняет, корректирует и контролирует. Основными стратегиями педагога, таким образом, которые определяют его коммуникативные интенции, являются: объясняющая, оценивающая, контролирующая, содействующая, организующая» [\[3\]](#).

В основе образовательного дискурса, как мы уже упоминали, лежит процесс передачи информации от учителя к ученику. Он выполняет ряд важных функций:

- информативная, непосредственная трансляция определенного объема знаний от одного участника общения к другому;
- прагматическая, в основе которой лежит нацеленность на различного рода воздействие на адресата, например, апеллирование к эмоциям слушателя;
- эмотивная, связанная с частотностью использования эмоционально-экспрессивных речевых конструкций в процессе передачи информации;
- фатическая, заключающаяся в необходимости налаживания психологического контакта между участниками коммуникации и использовании для этого определенных языковых средств [\[14, с. 70-71\]](#).

На данном этапе рассуждения возникает закономерный вопрос о способе передачи информации от учителя к ученику. Как указывает М.А. Самкова, в основе образовательного дискурса лежит текстовая основа. При этом в ее центре находятся именно учебный текст, обладающий такими характеристиками, как сжатость изложения информации, наличие общих и профессиональных знаний, изложение в рамках определенной методики передачи сведений, включенность в общую систему культуры и общественного сознания. «Учебный текст является, во-первых, главной содержательной

единицей обучения, так как он выполняет очень важные образовательные, воспитательные и развивающие задачи; во-вторых, важной составляющей учебно-педагогического дискурса, где наличествуют три основных участника – педагог, учащийся и учебный текст» [\[12, с. 144\]](#). Исходя из этого тезиса, можно сделать вывод о главенстве интеллектуального взаимодействия в рамках образовательного дискурса.

Интеллектуальная деятельность в рамках образовательного дискурса может быть реализована в различных ситуациях. Например, в ситуации обучения ученик взаимодействует с учителем и текстом для максимально полного освоения новой и закрепления уже изученной информации. В ситуации формирования личности главную роль играет учитель, который с помощью определенных методов внедряет в учебный материал элементы культуры и национальной картины мира. В ситуации профессионального общения возможен обмен опытом и навыками между коммуникантами в ролях учитель - учитель. В ситуации учебного взаимодействия учеников происходит формирование личности каждого участника группы, в том числе умения находить приемы влияния на других, умения работать в команде, пути выхода из проблемы и т.д. [\[11\]](#).

Очевидно, что тексты образовательного дискурса требуют детального изучения. Однако это возможно только при детализации запроса автором научного исследования. М.Л. Макаров утверждает, что в качестве единиц дискурс-анализа можно выделить «иерархию единиц фонетико-просодического характера: звук (аллофон и фонему), слог, фонетическое слово, синтагму, фразу. В цепочке языковых выражений – ряд грамматических единиц: морфему, слово, словосочетание, предикативную единицу, предложение, сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое, абзац. В процессе общения -социально-интерактивные единицы: действие, ход, простые и сложные обмены, стратегию, транзакцию или фазу, эпизод, целое коммуникативное событие» [\[9, с. 178-179\]](#). Таким образом, материал дискурсивного анализа, как правило, определяется автором научного исследования и становится его персональной ответственностью. Так как в рамках образовательного дискурса наиболее важны используемая лексика, способ построения предложений и фраз, документально зафиксированные материалы передачи знаний и описания функционирования учебных заведений, следует в качестве наименьшей единицы дискурса рассматривать слово.

В современном мире образовательный дискурс выходит за границы образовательных учреждений (школ, ссузов, вузов и т.д.). Появилось такое понятие, как Longlife Learning - обучение на протяжении всей жизни. Это явление включается в систему образовательного дискурса, так как имеет все его признаки: передача данных, коммуникация между учеником и наставником, хронотоп и другие. «Преимущества Longlife Learning очевидны. Это возможность адаптироваться к изменениям в обществе. Человек, включенный в процесс Longlife Learning, будет идти в ногу с обществом, будет осведомлен об изменениях в технологиях, новостях и политических тенденциях, финансах и т.д. Другое преимущество - карьерный рост. Новые рабочие места и должности создаются все время» [\[8, с. 153\]](#).

При этом важно, что школьное и институтское образование - скорее дань обществу, обязательное условие социализации ребенка, подростка, молодого человека. А обучение после получения основного и профессионального образования - возможность для каждого человека повышать свои навыки и быть лучшим специалистом.

В рамках концепции Longlife Learning получили распространение так называемые MOOK - массовые открытые образовательные курсы. Как правило, это площадки, где

актуализируются профессиональные или общие знания по узкой тематике. Их разрабатывают и предлагают вузы. Например, на сайте МГУ имени Н.П. Огарева можно посетить МООК «Финансовая грамотность» (72 часа), «Современные аспекты организации питания школьников» (36 часов), «Фармакопейный анализ лекарственных веществ, производных изохинолина, тропана, пиперидина» (36 часов), «Основы проектной деятельности» (72 часа), «Современные проблемы эстетики и философии искусства» (36 часов) и многие другие. На основе анализа описания таких курсов можно сделать вывод о наличии двух форматов обучения: в первом набирается группа и обучение происходит в онлайн-режиме, то есть лекции преподаватель читает в реальном времени с помощью средств интернет-связи, а ученики получают задание и должны его выполнить; во втором обучение проходит полностью в дистанционном формате, лекции записаны и к каждой из них есть задание, которое ученик выполняет самостоятельно и никому за него не отчитывается.

Интересно, что уже появилась возможность получить онлайн и профессиональное образование. Так, Международный институт интегративной нутрициологии предлагает освоить профессию «нутрициолог» всем желающим, даже не имеющим базового образования в сфере медицины или диетологии.

Все эти ресурсы также входят в структуру образовательного дискурса.

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд **важных выводов**:

1. Образовательный дискурс относится к институциональному типу, так как имеет важные признаки, среди которых цель, ситуативность, наличие участников и их статусно-ролевые модели.
2. Коммуникантами в образовательном дискурсе выступают учитель и ученик, то есть тот, кто обладает знаниями и методами их трансляции, и тот, кто готов усвоить новую информацию. При этом в процесс передачи встраиваются не только факты, но и ценности, социальное мировоззрение общества.
3. В центре образовательного дискурса находится текст как таковой и особая его разновидность - учебный текст, обладающий такими признаками, как фактологичность, сжатость, краткость и другими.
4. Образовательный дискурс сегодня выходит за рамки обучения в учебном заведении, распространение получает концепция Longlife Learning, предполагающая включенность индивида в структуру дискурса на протяжении всей жизни.
5. Образовательный дискурс всегда целенаправлен, включает методы передачи информации, базируется на учебном тексте, имеет в структуре ряд прецедентных текстов определенных жанров. Современные технологии предоставляют совокупность новых, малоизученных лингвистикой, форматов передачи и получения учебной информации дистанционно.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы открываются в том, что участники и цели образовательного дискурса являются его системообразующими признаками и на протяжении долгого времени не изменяются. При этом остальные важные элементы, как то: методы, ситуации коммуникации, психологические и социальные признаки регулярно трансформируются по мере развития социума. Эту мысль подтверждает, например М.Л. Макаров, который считает, что «изучение языка и дискурса в коммуникативных системах различной функциональной направленности получит новый импульс по мере ввода в

общественную практику новых коммуникативных технологий и новых форм социальных организаций, новых институтов» [9, с. 155-156]. Продолжает мысль исследователя и О.П. Ушакова: «Сфера образовательного дискурса также раскрывает новые грани в нашей стране в связи с дифференциацией образования, появлением рынка образовательных услуг, возникновением потребности образовательных учреждений в рекламе и связях с общественностью. Встречи с потенциальными студентами, профориентация, консультационные услуги, тестирование - вот ряд направлений коммуникации образовательных учреждений со своими потребителями» [14, с. 71].

Сегодня перед лингвистами открыто широкое поле изучения образовательного дискурса во всем многообразии его проявлений, особенно актуальны исследования, касающиеся новых технологий и применения их в образовательном процессе.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева.-М.: Сов. энциклопедия, 1989.-С. 136-137.
2. Багиян А. Ю., Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А. Основные тенденции развития современного педагогического дискурса (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики.-2020.-№11. – С. 151-156.
3. Евстифеева А. А. Специфика педагогического дискурса: разновидности и участники // Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 299-301.-URL: <https://moluch.ru/archive/362/80884/> (дата обращения: 07.04.2023).
4. Жаров С. Н. Образовательный дискурс как единство обучения и формирования личности (история и современность) // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования.-2019.-№4.-С. 12-19.
5. Карасик В. И. Дискурс // Дискурс-Пи.-2015.-№3-4.-С. 147-148.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина.-Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2000.
7. Кашкин В. Б. Дискурс: уч. пособие.-Воронеж, 2004.-76 с.
8. Киуру К. В., Попова Е. Е., Агапов А. И. Концепция Longlife Learning как проблема современного образования // Проблемы современного педагогического образования.-2019. №64-1.-С. 152-154.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
10. Пеньков Б. В. Признаки институционального дискурса: образовательный дискурс // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика.-2010.-№3.-С. 15-22.
11. Пospelова Ю. Ю. Педагогический дискурс и его характеристики // Вестник КГУ.- 2009.-№1.-С. 307-310.
12. Самкова М. А. Особенности структурной организации учебно-педагогического дискурса // Вестник ЧелГУ.-2013. №24 (315).-С. 143-147.
13. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса.-М., 1999.-С. 12-53.
14. Ушакова О. П. Образовательный дискурс в межкультурном диалоге // Наука и современность.-2010.-№5-3.-С. 68-73

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения проблематики изучения особенностей образовательного дискурса. Однако системное осмысление понятия требует дальнейшей проработки в силу широты его проявления и функционирования. Отдельные вопросы обсуждаемой проблемы еще не получили научного анализа.

Целью исследования является систематизация явлений современного образовательного дискурса. Автор ставит несколько задач, среди которых определение понятийного аппарата дискурса, классификация типов дискурса, описание основных характеристик, участников и материалов образовательного дискурса, изучение границ образовательного дискурса в современном обществе.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: описательный, структурный и интроспективный методы, метод логического сопоставления. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования, а именно какой объем языкового корпуса был отобран автором. Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. Автор приводит фамилии исследователей, но не конкретные положения их исследований, касающиеся рассматриваемой проблематики.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что работы на иностранных языках по смежной тематике, несомненно, обогатило работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенности образовательного дискурса в системе институциональных дискурсов» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Царегородцева С.С., Погодина Ю.Ю. — Лирические миниатюры Григория Петникова: историко-культурный контекст // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40809 EDN: TZDBWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40809

Лирические миниатюры Григория Петникова: историко-культурный контекст

Царегородцева Светлана Сергеевна

ORCID: 0000-0002-2510-2324

кандидат филологических наук

доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А. С. Грибоедова.

111024, Россия, Московская область, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ alatas@mail.ru

Погодина Юлия Юрьевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, департамент иностранных языков и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Пр-Кт ленинградский, д. 49/2

✉ yypogodina@fa.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40809

EDN:

TZDBWC

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2023

Дата публикации:

25-05-2023

Аннотация: Григорий Николаевич Петников (1894-1971) - русский и украинский поэт, переводчик, издатель. Он активно публиковался как поэт в футуристический период (1913-1922 гг.), когда примыкал к литературному авангарду, был Вторым Председателем Земного шара и одним из создателей харьковского издательства «Лирень». С середины 20-х годов Григорий Петников занимался в основном переводами и до сих пор более известен как переводчик мифов Древней Греции, сказок братьев Гримм, украинских и белорусских народных сказок, стихотворений Тараса Шевченко, прозы Ивана Франко,

Марко Вовчок, немецкой поэзии. Второй период поэтического творчества Григория Петникова начался со времени оттепели и продолжался до последних лет жизни поэта. В 1958 году Петников переехал в Крым, много писал и активно публиковался как поэт. В статье делается попытка проанализировать поздние стихотворения-миниатюры Григория Петникова из его последнего прижизненного сборника «Лирика», изданного в 1969 году. Особое внимание уделено жанрово-стилевым особенностям лирических миниатюр Петникова, культурно-историческому контексту стихотворений; делается попытка определить принадлежность стихотворений из сборника «Лирика» к поэтическим тенденциям и направлениям в лирике Серебряного века.

Ключевые слова:

Крымская лирика, историко-культурный контекст, концептосфера, стихотворная миниатюра, хокку, футуризм, кубофутуризм, словотворчество, Григорий Петников, Серебряный век

В настоящее время накоплен внушительный пласт исследований о крымском периоде жизни Петникова, которые позволяют проводить исследования о жизненно-биографическом и историко-культурном контексте его творчества. В 2019 году вышла монография А.Д. Тимиргазина о Григории Петникове, написанная на основе архивных материалов фондов Литературно-художественных материалов Литературно-художественного музея (г. Старый Крым), Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины (г. Киев) и других источниках [\[1\]](#). Большое внимание творчеству Петникову было уделено в альманахах крымских музеев «Крымские пенаты» (2006, 2010 гг.), где опубликованы обстоятельные статьи о его поэзии А.А. Бачинской, П.В. Конькова, А.Д. Тимиргазина, воспоминания дочери М. Петниковой.

По мнению Галины Бабак, «в истории украинского и русского авангарда Петников – довольно значимая фигура. Он был одновременно близок кругу украинских литераторов и художников – Майку Йогансену, Юрию Платонову, Михаилу Доленго, Максиму Рыльскому, Дмитрию Загулу, Михайлю Семенко, Борису Косареву, Александру Белецкому, – и русских футуристов – Николаю Асееву, Велемиру Хлебникову, Владимиру Маяковскому, Давиду Бурлюку, Божидару (Богдану Гордееву), Борису Пастернаку, Елене Гуро» [2. – С. 198].

Действительно, Григорий Петников занимал важное место в литературе Серебряного века, примыкая к умеренному футуризму с его словотворчеством и стремлением найти новые жанрово-стилевые формы в поэзии. В 1914 году совместно с поэтами Божидаром (Богданом Гордеевым) и Николаем Асеевым основал в Харькове издательство «Лирень», вплоть до 1922 публиковавшее книги и сборники футуристов с их эстетическими протестами против старого искусства и идейно-политическими взглядами, направленными против мировой войны.

В феврале 1916 года, когда шла первая мировая война, русские поэты – футуристы объявили войну войне. Они создали Великое правительство времени. Утопическое интернациональное «Правительства Земного Шара» (другие названия — «Правительство поэтов», «Общество Председателей Земного Шара», «Общество 317-ти»), которое было провозглашено в Москве. Первым Председателем Земного шара выбрали Велимира Хлебникова, а Вторым Григория Петникова. По разработанному ими плану, в Великом правительстве должно быть 317 Председателей, так как по Теории Чисел Хлебникова все

происходящие в мире события, изменяясь во времени, становятся кратны тремстам семнадцати. «...Если понимать человечество как струну, то более настойчивое излучение дает время в 317 лет между ударами струны... 317 лет – не призрак.., выдуманный больным воображением и не бред, но такая же весомость, как год, сутки земли, сутки солнца: хочу, чтобы солнце и жилу моей руки соединила общая дрожь» [\[3\]](#) .

В 1918 году В. Хлебников в поэме «Воззвание Председателей Земного призывал Общество Председателей осуществить создать Государство Времени, живущем в волнообразном ритме космоса. В 1918 году Г. Петников написал «Стихи о войне 1914-1918 года», называя причины войны и ее масштаб:

И век меча, и век секиры новой

Плывет над европейской ночью,

И залпами шестидюймовок

Покровы лицемерья рвутся в клочья.

Петников в своем стихотворении иронически писал о патриотическом лозунге «Победа до конца» и показал заинтересованных в войне: группу людей, обогащающихся на бойне. Такой миропорядок, по мнению поэта, устанавливается там, где война приносит прибыль:

В конторах банков и военных складов

Ведется прибыли подсчет.

Но в «предмestьях нищеты» всегда ведется другой счет: не прибыли, а убитым. Показывая несправедливость войны, поэт предсказал «высокий пламень молодых восстаний».

Движение Председателей Земного Шара имело определенный резонанс, их количество пополнялось в Москве и Петербурге, к нему примыкали музыканты, художники, летчики, иностранные деятели культуры и науки. После смерти Велимира Хлебникова в 1922 году движение Председателей фактически завершилось.

В начале 60-х годов Григорию Петникову о титуле Второго Председателя Земного Шара напомнил его ученик молодой поэт Леонид Вышеславский в статье «Внимание: говорит Председатель Земного Шара!» («Увага: говорить Голова Земної Кулі!»), которая вышла в украинской литературной газете 16 ноября 1962 года. После этой публикации Петников отправил письмо Вышеславскому из Старого Крыма, в котором передал своему ученику титул Председателя Земного Шара.

Последние годы своей жизни (с 1958 по 1971гг.) Григорий Петников провел в Крыму. Крымский период творчества совпал с поэтическим бумом в СССР и отмечен большой поэтической активностью Петникова, обновлением жанровой природы его стихотворений.

В эти годы в Симферополе были изданы сборники его стихотворений — «Заветная книга» (1961), «Утренний свет» (1967), «Лирика» (1969), «Пусть трудятся стихи» (1972).

Публикации новых сборников стихотворений Петникова были высоко оценены критикой - в газетах Крыма вышли статьи А. Макарова, В. Медовникова, П. Дегтярева, В. Кравец, Л. Варламова, А. Белекова, Л. Алексеева и др. На 90-летие поэта в 1984 году «Крымская правда» откликнулась статьей Павла Дегтярева «Поэт голубиноного зрения», в которой

автор юбилейной публикации отмечал, что «Заветная книга» - обращение к читателям после долгих лет творческого «застоя», когда Григорий Петников занимался исключительно переводами.

В «Заветную книгу» ^[7] Петников включил стихи из своих ранних сборников: «Быт побегов» (1918), «Поросль солнца» (1918), «Книга Марии-Зажги-Снега» (1920) и новый цикл стихотворений «Открытые страницы». Почти все стихотворения сборника «Заветной книги» датированы.

Приведём количественный список из трех «старых» циклов по годам создания стихотворений: 1915 – 1916 год – 5 стихотворений (далее ст.), 1917 – 1918 – 7 ст., 1919 – 1921 – 6 ст., 1922 – 1923 – 5 ст., 1924 – 1925 – 4 ст., 1926 – 1927 – 2 ст., 1928 – 1929 – 2 ст., 1930 – 1931 – 3 ст., 1932 – 1933 – 9 ст., 1934 – 1935 – 5 ст. Приведем для сравнения количественный список стихотворений из нового цикла «Открытые страницы» по годам создания: 1942 – 1 ст., 1951 – 1 ст., 1953 – 1 ст., 1954 – 1 ст., 1955 – 3 ст., 1956 – 5 ст., 1957 – 1 ст., 1959 – 3 ст., 1960 – 8 ст.

Внутренняя организация сборника с делением две части «старых» и «новых» стихотворений позволяет сравнить структуру «Заветной книги» с Библией. Аллюзия, поддерживающая это довольно смелое утверждение, содержится в самом названии сборника, а также – в том, что Библия подпадает под жанровое определение как КНИГА. Таким образом, оба слова в названии первого крымского сборника соотносятся с Книгой Ветхого и Нового Завета.

Аналогичным образом построен и сборник «Лирика» (1969), состоящий из цикла «старых» стихотворений: «Первые тетради» и цикла «Ясень», в который входят и «Новые трехстишия» из 39 «новых» стихотворений-миниатюр. Выход сборника «Лирика» не прошел незамеченным в Крыму. В газете «Крымский комсомолец» 21 января 1970 года была помещена заметка московского архитектора М. Ушакова, который отмечал, что «новые» и «старые» стихотворения Петникова объединяет молодость. Действительно, мотивные переклички «новых» и «старых» стихотворений в этом сборнике очевидны.

Однако, новизна «Лирики» объясняется, прежде всего, тем, что в этот сборник были включены стихотворные миниатюры, что для советской поэзии начала 70-х было ново, но было характерно для литературы Серебряного века. Например, хорошо исследовано влияние японской поэтической миниатюры на творчество К. Бальмонта ^[4]. По мнению Ю. Орлицкого, на русскую поэзию начала века оказали влияние цикл Александра Глобы «Цветы чужого сада» (Из японских поэтов) ^[5] и исследование известного востоковеда В. Астона «История японской литературы» ^[6], из которого русские читатели впервые узнали особенности стихотворной миниатюристики Мацуо Басё и других японских поэтов. Опыты создания хокку и танка есть у многих русских поэтов начала XX века. В числе русских поэтов, которые увлеклись традиционными жанрами японской поэзии, оказались В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, М. Кузмин, О. Черемшанова, Н. Захаров-Мэнский, Д. Бурлюк, Г. Петников и др.

Интерес к стихотворной миниатюре проявился не только у молодого «лирического» ^[1] футуриста Петникова, но и в позднем творчестве, когда в книге «Лирика» ^[8] были опубликованы трехстишья поэта, о чем он написал в одном из стихотворений:

Я новых слов рассеял семена:

Они, взойдя, о нашем времени и о делах

С пристрастием расскажут.

Большинство из стихотворений являются пейзажами, что очень характерно для классических хокку:

Весна: о сколько гласных!

Я поднял голову: А-а! Ласточка на проводе сидит.

И мы переглянулись с нею.

Пишу зеленое на голубом. И сером.

И от дорожек сторонясь, вон сколько солнц цветет.

А – наверху – уже летят – летят!

Японские хокку исключали юмор – у Петникова есть шуточные миниатюры.

Ко мне в калитку – утром - в щёлку

Два детских глаза заглянуло:

И в этот добрый день жасмина куст расцвел.

Есть скорбные стихи, предельно лаконичные, с обрывами ритма, замедленные по времени (прием ретардации) и в соответствующей траурной гамме цветов:

Медь траурных труб. И комья полумерзлые земли.

Ход похоронный: красные знамена

В черных лентах.

Особенно интересны семантически многослойные стихотворения с характерными для литературы Крыма античными мотивами, яркими колоративами и необычным ощущением времени:

Пишу зеленое на голубом. И – алом.

И мой лидийский час встречая, вижу –

Как Землю держит на плечах Эрот.

Причем это явная модернизация мотива: вместо атлантов Землю держит юный бог любви – Эрот. Трехстишия Г. Петникова построены на ассоциативных связях, они требуют внимательного прочтения. Не менее интересный концепт в этом стихотворении: лидийский час, который часто встречается в поздней мифопоэтике Петникова. Мифопоэтика всегда аллюзийна, она состоит из аналогий и реминисценций, которые отсылают к важным природным или культурным константам – к общеизвестным местам, временам, легендам, для всех очевидным и глобальным понятиям.

В данном трехстишии Петников пишет о Лидии, одном из самых блестящих государств в истории земли, которым правил сказочно богатый Крез. В период расцвета своей страны он не прислушался к словам Солона о том, что богатство – это еще не гарантия счастья. Считается, что в Лидии была отлита первая монета. Но главное для поэта, видимо, другое – головокружительная свобода любви и эротические культы Лидии. В «длинном» стихотворении Петников пишет уже не о лидийском часе, то есть не о времени, а более

точно устанавливает пространственный вектор:

Я побывал опять в краю лидийском, -

Как описать его?

Скорей как это чувство рассказать?

Вот этот час в стране чудес,

Такой мне близкой,

Когда входил я в заповедный лес

И погружался в вас,

Как в чашечку цветка,

Или летя навстречу к вам, я улетаю от вас

Движеньями витка и завитка...

Любовь – это лидийская грёза поэта, которая приходит «в сопровождении мечты», это погружение «как в чашечку цветка» в страну потаенных воспоминаний. В мифопоэтике крымского периода Петников обращается к древней Лидии, подобно Волошину, который создал мифическую Киммерию, или А. Грину, создавшему сказочную Гринландию (из городов Зурбаган, Лиль, Гель-Гью, поэтической Каперны). Такой сказкой наяву, потерянном раем, стала для поэта Григория Петникова Лидия.

Семантически многослойно и начало стихотворения: «Пишу зеленое на голубом. И – алом».

Причем это не единственная миниатюра с таким началом. Скорее всего, это хронотоп, обозначающий время (закат или рассвет) и место (море и небо), но вспоминаются и краснофонные иконы, и красные кони на русских иконах, и красные кони Петрова-Водкина – и всё это уже прошлое для читателей оттепели, но памятно для поэта, который начинал писать в эпоху Серебряного века.

В 60-70 годы Петников пишет о новом времени, и символика цвета у него иная и неизменно его пристрастие к зелено-голубой гамме:

На камне сером – зеленая царевна. Зеленый огонек.

И конь зеленый. И мой горнист трубою голубую

Открывает утро .

Почему Петников пишет зеленое на голубом? Возможно потому, что он Председатель Земного Шара, и как творец созидает зеленое – символ природы, на голубое – это небо и море.

Живя в Крыму, в последние годы своей жизни, подводя творческие итоги, Петников писал в русле неоклассики, но поиски совершенной формы стиха продолжал. Он по-прежнему был внимателен к слову, занимался словотворчеством, особенно когда создавал стихотворные миниатюры.

Я из стихов убрал почти что все –

Усталый снег. И грусть. Замедлил время.

Оставил только вас – как музыку - дорогу на вершину...

В этом трехстишии поэт «зафиксировал» формулу стихотворной миниатюры, определяя, что в ней должно быть, а что поэтом «отсекается» как лишнее.

Усовершенствовав форму лирических миниатюр, Петников внёс много нового и не только в форму, но и в содержание коротких стихотворений. На основе историко-культурных аллюзий он придавал семантическую многослойность лирическим стихотворениям, следуя эстетическим установкам Серебряного века, футуристскому слововедению, русскому и украинскому фольклору, античной мифологии.

[\[1\]](#) Лирическим футуристом Григория Петникова называл А.И. Белецкий.

Библиография

1. Тимиргазин А.Д. «Узорник ветровых событий». Феодосия-Москва:Коктебель, 2019.– 384 с.
2. Бабак Г. Валериан Полищук и украинский "авангард" 1920-х годов. Rhema. 2020. № 4.-С. 191-213.
3. Вышеславская И. Председатели Земного шара или Великое правительство времени. / Ирина Вышеславская // Соты. 2004. № 9.-С.12-17.
4. Азадовский К., Дьяконова Е. Бальмонт и Япония. М., 1991. – 304 с.
5. Глоба, А. Цветы чужого сада (японская стихотворная миниатюра на русской почве) // Арион. 1998. № 2. - С. 72-79.
6. Астон В. История японской литературы. Владивосток, 1904. – 366 с.
7. Петников Г. Заветная книга. Симферополь: Крымиздат, 1961.-150 с.
8. Петников Г. Лирика. Симферополь: Крым, 1969.–94 с.
9. Сильман Т. И., Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977.-223 с.
10. Тимиргазин, А.Д. «Червонный запев» Григория Петникова. // Русская литература Крыма: эпоха лихолетья: монография / редколлегия: Люликова А.В. и [др.]; ответственный редактор С.С. Царегородцева. — Симферополь: Ариал, 2021.-С. 93-111.
11. Успенский П.Ф. Механизмы русского футуризма: «Тепло» Бенедикта Лившица // Вопросы литературы. 2012. №3. -С. 166-191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Футуристический лагерь начала XX века представлен не только именами Д. Бурлюка, В. Маяковского, В. Хлебникова, Н. Асеева, Б. Лившица, Е. Гуро, но и творчеством Григория Петникова. В лингвистической науке достаточно исследований касающихся доктрин и манифестов футуристов, анализа поэтики этого литературного течения. Однако, ряд поэтов менее востребован, или не так полномерно оценен, изучен. Рецензируемая статья ориентирована на анализ лирических миниатюр Г. Петникова в рамках историко-культурного контекста. Думается, что данный вариант вполне оправдан, он осмыслен и представлен в работе в должной степени объективно. Как отмечает автор исследования,

«в настоящее время накоплен внушительный пласт исследований о крымском периоде жизни Петникова, которые позволяют проводить исследования о жизненно-биографическом и историко-культурном контексте его творчества. В 2019 году вышла монография А.Д. Тимиргазина о Григории Петникове, написанная на основе архивных материалов фондов Литературно-художественных материалов Литературно-художественного музея (г. Старый Крым), Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины (г. Киев) и других источниках. Большое внимание творчеству Петникову было уделено в альманахах крымских музеев «Крымские пенаты» (2006, 2010 гг.), где опубликованы обстоятельные статьи о его поэзии А.А. Бачинской, П.В. Конькова, А.Д. Тимиргазина, воспоминания дочери М. Петниковой». Цель работы сводится к вероятностной оценки лирических миниатюр Г. Петникова, ибо разработка новых жанров было характерно для футуристов. Статья имеет завершённый вид, материал четко структурирован, блок цитаций критического порядка выверен. Как и отмечено в заглавии работы автору удается поддержать на протяжении всего сочинения историко-культурный срез, влияющий на мировидческую, поэтическую позицию поэта. Необходимый ряд информационных купюр наличен: например, «в феврале 1916 года, когда шла первая мировая война, русские поэты – футуристы объявили войну войне. Они создали Великое правительство времени. Утопическое интернациональное «Правительства Земного Шара» (другие названия — «Правительство поэтов», «Общество Председателей Земного Шара», «Общество 317-ти»), которое было провозглашено в Москве. Первым Председателем Земного шара выбрали Велимира Хлебникова, а Вторым Григория Петникова. По разработанному ими плану, в Великом правительстве должно быть 317 Председателей, так как по Теории Чисел Хлебникова все происходящие в мире события, изменяясь во времени, становятся кратны тремстам семнадцати», или «Движение Председателей Земного Шара имело определенный резонанс, их количество пополнялось в Москве и Петербурге, к нему примыкали музыканты, художники, летчики, иностранные деятели культуры и науки. После смерти Велимира Хлебникова в 1922 году движение Председателей фактически завершилось», или «последние годы своей жизни (с 1958 по 1971гг.) Григорий Петников провел в Крыму. Крымский период творчества совпал с поэтическим бумом в СССР и отмечен большой поэтической активностью Петникова, обновлением жанровой природы его стихотворений. В эти годы в Симферополе были изданы сборники его стихотворений — «Заветная книга» (1961), «Утренний свет» (1967), «Лирика» (1969), «Пусть трудятся стихи» (1972)» и т.д. Не лишена работа и аналитики: «публикации новых сборников стихотворений Петникова были высоко оценены критикой - в газетах Крыма вышли статьи А. Макарова, В. Медовникова, П. Дегтярева, В. Кравец, Л. Варламова, А. Белекова, Л. Алексеева и др. На 90-летие поэта в 1984 году «Крымская правда» откликнулась статьей Павла Дегтярева «Поэт голубиноного зрения», в которой автор юбилейной публикации отмечал, что «Заветная книга» - обращение к читателям после долгих лет творческого «застоя», когда Григорий Петников занимался исключительно переводами», или «аналогичным образом построен и сборник «Лирика» (1969), состоящий из цикла «старых» стихотворений: «Первые тетради» и цикла «Ясень», в который входят и «Новые трехстишия» из 39 «новых» стихотворений-миниатюр. Выход сборника «Лирика» не прошел незамеченным в Крыму. В газете «Крымский комсомолец» 21 января 1970 года была помещена заметка московского архитектора М. Ушакова, который отмечал, что «новые» и «старые» стихотворения Петникова объединяет молодость. Действительно, мотивные переключки «новых» и «старых» стихотворений в этом сборнике очевидны» и т.д. Методология исследования синкретична, выход в сферу иных смежных дисциплин не мешает автору произвести анализ текстов в нужном литературоведческом русле. Активно в работе используется терминологический ряд –

ретардация, жанр, колоратив, семантика стихотворения, мотив, мифопоэтика, реминисценция, аллюзия и т.д. Причем контекст строго учитывается, двойной стандарт прочтения исключен. На мой взгляд, материал может альтернативно использоваться при изучении истории русской литературы первой половины XX века, в частности творчества Г. Петникова. Финальный блок является завершенной скрепой, в которой отмечен статус писателя в процессуальной динамике: «усовершенствовав форму лирических миниатюр, Петников внёс много нового и не только в форму, но и в содержание коротких стихотворений. На основе историко-культурных аллюзий он придавал семантическую многослойность лирическим стихотворениям, следуя эстетическим установкам Серебряного века, футуристскому слововедению, русскому и украинскому фольклору, античной мифологии». Библиографический список отображается в основной части исследования, формальные требования учтены. Новизна данного труда в обращении к нетривиальной фигуре литературы футуризм, в возможном обобщении сведений о Г. Петникове. Предметная область соотносится с одной из рубрик журнала, стиль труда ориентирован на научный тип. Думаю, что работа будет интересна как профессиональным литературоведам, так и студентам старших курсов филологических факультетов. Статья «Лирические миниатюры Григория Петникова: историко-культурный контекст» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юдахин А.А. — Полемика Ф. М. Достоевского-журналиста с католицизмом: к постановке проблемы // Litera. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.38246 EDN: UFKIME URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38246

Полемика Ф. М. Достоевского-журналиста с католицизмом: к постановке проблемы

Юдахин Артем Александрович

аспирант, кафедра Истории журналистики и литературы, Институт Международного Права и Экономики
Имени А. С. Грибоедова

111024, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21

✉ Artemyudakhin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.38246

EDN:

UFKIME

Дата направления статьи в редакцию:

10-06-2022

Дата публикации:

26-05-2023

Аннотация: Предметом исследования является публицистическое творчество Ф. М. Достоевского в аспекте его религиозно-конфессиональной проблематики, включающей в себя комплекс специфических мотивов, среди которых особо выделяется антикатолический вопрос. Автор указывает, что католическая тема, генезис которой относится к началу 1860-х гг., станет одной из ведущих для всего последующего публицистического и художественного творчества Достоевского. Критика католичества как суммы идей, обличение Католической Церкви, заочная полемика с антихристианским и даже «антихристовым» началом папского католицизма — все эти темы в имплицитной или эксплицитной форме присутствуют в романах «великого пятикнижия» и публицистических статьях Ф. М. Достоевского, оказывая влияние на концептуальный замысел и архитектуру произведений. Именно исходя из этого факта проблема генезиса и эволюции антикатолических воззрений писателя приобретает в литературоведении и достоевистике релевантное значение. Основными выводами проведенного исследования являются следующие тезисы. Автор демонстрирует, что католическая тема появляется в поле зрения Достоевского в первой половине 1860-х

гг. в связи с событиями, разворачивавшимися на западе Российской империи и на Апеннинском полуострове — польским восстанием 1863-1864-х гг. и итальянским Рисорджименто. Католическая проблематика изначально возникает в поле зрения Достоевского в качестве журналистского факта — различных событийных происшествий, бытовых, повседневных эпизодов, запечатленных иностранной и отечественной прессой. Автор статьи полагает, что именно фактология «польского вопроса» и «римского вопроса» наряду с антикатолической риторикой славянофилов и почвенников оказала решающее влияние на формирование устойчивого неприятия Достоевским католичества, с которым писатель будет уверенно и убежденно полемизировать до конца своих дней.

Ключевые слова:

Достоевский, Католицизм, Папство, Польский вопрос, Римский вопрос, Славянофилы, Почвенники, Журналистский факт, Репортерский поиск, Polemica

Введение в проблематику

Религиозно-философский и, в частности, конфессиональный аспекты творчества Ф. М. Достоевского играют ключевую роль в адекватном замыслу автора понимании большинства значимых текстов писателя. Это утверждение верно как в отношении, условно, концептуального микроуровня текста — отдельных, локальных посылов и смыслов, заложенных автором в художественном произведении, так и макроуровня или «большой» идеи — ведущей генеральной концепции, выстраивающей структуру и логику повествования текста, а также буквально «пронизывающей» его содержание. В том или ином виде религиозно-конфессиональная проблематика затрагивается Достоевским во всех без исключения романах «великого пятикнижия», и, кроме того, сам автор придавал ей важное, существенное значение. Именно поэтому полноценный анализ как художественного, так и публицистического творчества писателя вне упомянутой проблематики невозможен, поскольку его следует а priori признать слабым и не отражающим всей полноты картины.

В религиозно-конфессиональном аспекте творчества писателя особо выделяется перманентная полемика Достоевского с католицизмом, охватившая последний, послекаторжный период жизни и творчества автора. Подтверждение количественной и качественной релевантности антикатолической полемики налицо: католическая тема проходит красной нитью через все романы Достоевского 1860-1880-х гг., где-то она принимает фоновый и «случайный» характер, а где-то, как, например, в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы», имеет уже значение лейтмотива. Раз за разом акцентируемая автором католическая тема не является лишь дополнительным (а потому, в принципе, необязательным) удачным литературным приемом, за ней кроется огромный пласт личных размышлений, раздумий и идей самого Достоевского, затрагивающих вопросы общественно-политической истории, философии, историософии и богословия. Примечательно в этом смысле то, что все художественные произведения автора 1860-1880-х гг. имеют свой творческий полигон и свое идейное закулисье. В качестве первого выступают многочисленные черновые наброски и заметки к романам, опубликованные в фундаментальном тридцатитомном Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского^[1]. К концептуальному закулисью художественного творчества писателя я отношу те источники, примеры, идеи и события, которые оказали непосредственное или опосредованное влияние как на мировоззрение Достоевского, так и на замысел романов и его творческую реализацию. Достоевский-писатель в этом плане неразрывно связан с

Достоевским-хроникером и Достоевским-журналистом, поскольку, как это было не раз доказано и продемонстрировано литературоведами-достоевистами, в художественном творчестве писатель часто обобщал, претворял и переводил на иной, символический или метафорический уровень события и эпизоды из повседневной жизни. Это обстоятельство, в свою очередь, делает существенно важным исследование фактологического базиса романов писателя. В аспекте антикатолической полемики автора следует, прежде всего, обратить внимание на генезис католической темы в мировоззрении и творчестве писателя, относящийся к первой половине 1860-х гг.

В 1861-1863-х гг., а также в 1864-1865-х гг. братья Ф. М. Достоевский и М. М. Достоевский издают литературный и политический журналы «Время» и «Эпоха». С января 1861 г. журнал «Время» не только входит в число толстых петербургских журналов, но и начинает соперничать по популярности с такими периодическими изданиями, как «Отечественные записки» и «Русское слово», занимая по количеству подписчиков третью позицию по отношению к абсолютным лидерам — «Современнику» (7000 подписчиков) Н. А. Некрасова и «Русскому вестнику» (5700 подписчиков) М. Н. Каткова [45]. Приведенные статистические данные уверенно подтверждают слова норвежского исследователя Г. Хетсо о том, что журналы братьев Достоевских имели «широкое влияние на русскую общественную мысль» [43, с. 7]. Известно, что Ф. М. Достоевский принимал самое деятельное участие не только в издании журналов, но также в подборе материалов и их редактировании. По свидетельству самого Достоевского, за два года сотрудничества с журналом «Время» им было написано около ста печатных листов, что, несмотря на возможное преувеличение, свидетельствует о весомом личном вкладе писателя в наполнение журналов публицистическим или же художественным материалом [43, с. 10]. Этот факт чрезвычайно важен. Существует целый перечень анонимных статей, опубликованных в журналах «Время» и «Эпоха», который исследователи, прибегая к методу статистико-лингвистического анализа, атрибутируют Достоевскому. После смерти брата в 1864 г. Ф. М. Достоевский возглавляет редакцию журнала «Эпоха», который просуществует еще год и закроется в 1865 г.

Таким образом, Достоевский, активно занимаясь журналистикой на протяжении первой половины 1860-х гг., непосредственно и постоянно соприкасается с тем, что принято называть «репортерским поиском» [25, с. 153] и его основным предметом — фактами и событиями повседневной жизни. Каждодневная фиксация онтологических фактов [4, с. 164], т.е. жизненных событий и происшествий в общественно-политическом разрезе составляет собственное содержание публикаций «Политического раздела» журналов братьев Достоевских, которые, на наш взгляд, занимают особое место в формировании антикатолических настроений Ф. М. Достоевского. Переходя к анализу ключевых позиций антикатолической медиа-повестки отечественной журналистики первой половины 1860-х гг., заметим, что Ф. М. Достоевский отдельно фиксировал заинтересовавшие его факты, сюжеты и события в записных книжках и тетрадях, датированных 1860-1865 гг. Именно поэтому далее, для ограничения круга поиска, мы будем анализировать главным образом лишь те основные информационные поводы, которые напрямую или косвенно связаны с упомянутыми самим Достоевским сюжетами.

Интересно, что первое критическо-полемическое замечание относительно католицизма Достоевский делает уже в 1861 г. В примечании к опубликованным в журнале «Время» рассказам французской писательницы графини В. де Гаспарен «Голубятня» и «Бедный мальчик» Достоевский пишет, что автор, при написании произведений, «к сожалению, вдохновлялся более католицизмом, чем евангельским учением» (19, 213). Несмотря на

то, что оценка Достоевского коррелирует с содержанием рассказов, она сама по себе, в отрыве от текстов, предстает в качестве определенного маркера, демонстрирующего уже устоявшееся к тому моменту негативное отношение Достоевского в католичество. Противопоставление католичества и «евангельского христианства» станет лейтмотивом последующей антикатолической полемики писателя, а также одной из составляющих его оригинальной историософской системы. Интересное замечание относительно появления католической темы в поле зрения Достоевского делает Н. О. Лосский в работе «Достоевский и его христианское миропонимание»: «поворот к православию начался у Достоевского не с усмотрения положительной ценности своей Церкви, а с отталкивания от чужого вероисповедания, именно от католицизма» [\[30, с. 81\]](#). Следует продолжить мысль Лосского и указать на побудительные мотивы обращения Достоевского к католической тематике. Главным мотивом, на наш взгляд, послужили реалии российской и, шире, европейской политической жизни первой половины 1860-х гг. и, прежде всего, то, что в историографии принято называть «польским вопросом» и «римским вопросом».

Ф. М. Достоевский и «польский вопрос»

В историографии термином «польский вопрос» обозначается затяжной внутривнутриполитический кризис, вызванный комплексом неразрешенных российским правительством проблем социально-политического и этно-религиозного характера, разворачивавшийся на территории Западных губерний Российской империи в XIX столетии. Время возникновения «польского вопроса» определялось по-разному: И. С. Аксаков в 1863 г. писал о столетней драме «польского вопроса» [\[3, с. 75\]](#), согласно же мнению российского публициста М. П. Погодина, временем появления "польского вопроса" можно считать 1830-е гг. [\[28, с. 143\]](#). Актуализация темы «польского вопроса» в первой половине 1860-х гг. связана, прежде всего, с польским восстанием 1863-1864-х гг., широко освещавшимся отечественной журналистикой. Тематика «польского вопроса» в различных вариациях присутствует и на страницах журналов братьев Достоевских. Примечательно, что в оценке происходящего на западных рубежах Империи Достоевский был солидарен с авторами славянофильского (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) и почвеннического (Н. Н. Страхов) направлений, полагавших, что в «подполье» русско-польского конфликта скрывается конфликт религиозно-конфессиональный и цивилизационный. Католическая тема, таким образом, выступает в «польском вопросе» на первый план, поскольку католицизм исторически был неразрывно связан с польской самоидентичностью, польским национальным самосознанием. Кроме того важную роль в подготовке и проведении восстаний сыграло польское католическое духовенство, ставшее активной силой национально-освободительного движения [\[27, с. 124\]](#). Один из исследователей вопроса констатирует: «Вспыхнувшее в 1863 г. на территориях современной Польши, Литвы и Белоруссии вооруженное восстание увлекли за собою много белого и монашеского духовенства. Одни из них исполняли среди восставших функции духовных пастырей и исповедников, другие вошли в состав повстанческих властей, иные стали с оружием в руках во главе повстанцев» [\[24\]](#). Восстание 1863 г. лишь со всей очевидностью обозначило тот факт, что, как заметил один современный исследователь, «католическая церковь рассматривалась российским правительством заложником польского вопроса» [\[13\]](#).

Ведущими силами восстания выступили городское население (горожане, мещане), шляхта и католическое духовенство (епископат, ксендзы) Польши и Литвы, ориентировавшиеся на польскую политическую эмиграцию, возглавляемую лидером партии «Отель Ламберт» князем Владиславом Чарторыйским (1828-1894) [\[2, с. 16, 32\]](#).

Отметим, что поддержка заговорщиков католическим духовенством прослеживается на всех фазах восстания: в католических костелах распевались революционные гимны и произносились проповеди, призывавшие к выступлению [\[2, с. 23\]](#); уже в самом разгаре восстания ксендзы активно участвовали в терроре прорусски настроенного крестьянства Западного края и Царства Польского. Современный исследователь свящ. Г. Щеглов приводит ряд показательных фактов, свидетельствующих о том, что именно ксендзы не раз выступали подстрекателями в жестоких расправах революционных отрядов над православными священниками и членами их семей [\[46\]](#). Как вспоминал очевидец описываемых событий: «Ксендзу, служителю алтаря Господня, проповедующему с кафедры о человеколюбивом учении Христа, ничего не значило самому убить какую-нибудь беспомощную женщину в глазах ее детей, повесить беззащитного старца или отравить не внемлящего их богопротивному учению» [\[2, с. 72\]](#).

Об участии польского низшего клира в восстании писали и И. С. Аксаков, и Ю. Ф. Самарин, который, к примеру, в одной из своих статей 1863 г., приводит следующую картину: из леса выходит банда польских инсургентов и вступает в деревню, возглавляемая польским ксендзом, в одной руке держащим распятие, а в другой — шестиствольный револьвер, поскольку «где не берет слово, там возьмет пуля и пробьет насквозь не поддающийся увещанию череп, будь он мужской или женский» [\[38, с. 364\]](#).

Схожий с самаринским образ революционного ксендза-палача присутствует в одном из стихотворений известного дипломата и поэта Ф. И. Тютчева:

«Осьмой уж месяц длятся эти битвы,

Геройский пыл, предательство и ложь,

Притон разбойничий в дому молитвы,

В одной руке распятие и ножь» [\[42, с. 121\]](#).

После начала восстания Папский престол развивает бурную активность в сфере внешней дипломатии. Отметим примечательный факт: если польское (ноябрьское) восстание 1831-1832-х г. было резко осуждено Католической Церковью в лице папы Григория XVI, заявившего князю А. Чарторыйскому в 1841 г., что он вынужден был осудить польскую революцию, и, в случае необходимости, сделает это вновь [\[1, с. 597\]](#), то по отношению к восстанию 1863 г. Рим занял неоднозначную позицию. С одной стороны римский понтифик Пий IX публично призывал католиков молиться за угнетаемую Польшу [\[41, с. 336\]](#), а в 1863 г. даже инициировал процесс канонизации епископа Иосафата Кунцевича (1580-1623), прославившегося зверскими преследованиями православной Церкви в XVII столетии. Данный символический акт имел ярко выраженный политический подтекст. В том же 1863 г. дипломатические отношения Ватикана и России фактически были разорваны.

С другой стороны, 20 февраля 1863 г. папа осудил польскую революцию и призвал поляков уважать государственно-церковные законы Российской империи [\[47, с. 73\]](#). В самой Польше епископ Виленский Адам Красинский прямо отказался осудить участников восстания. Впоследствии, за свою поддержку революционеров этот прелат был сослан в Вятку. Помимо этого, по приказу виленского генерал-губернатора графа М. Н. Муравьева из региона были высланы также 177 католических священников, а 7 ксендзов приговорены к расстрелу [\[41, с. 106\]](#). Более 400 польских католических клириков,

включая епископов, были депортированы в Сибирь, 114 из 197 католических монастырей были закрыты вследствие оказанной ими активной поддержки восставших [\[1, s. 601\]](#).

Таким образом, можно констатировать, что российское правительство приняло целый комплекс мер, направленный не только против непосредственных участников восстания, но и против элементов, оказавших поддержку выступлению. Уже после подавления восстания правительство конфисковало имущество и денежные капиталы Католической Церкви и перевело их в государственное ведение, а также ввело различные санкции, ограничивавшие права католического духовенства (запрет на совершение публичных крестных ходов, ограничение на произнесение проповедей духовенством и т.д.) [\[26, с. 278\]](#).

Как уже было сказано, Ф. М. Достоевский рассматривал русско-польский конфликт, прежде всего, как конфликт этнорелигиозный и цивилизационный. В неопубликованной статье «Ответ редакции "Времени" на нападение "Московских ведомостей"» Достоевский, в мае 1863 г., высказывает свой взгляд на происходящее.

В своей статье Достоевский, делясь собственными размышлениями, комментирует и дополняет тезисы Н. Н. Страхова, высказанные последним в статье «Роковой вопрос» (апрель 1863 г.). Обращаясь преимущественно к религиозному аспекту вопроса, писатель заявляет, что Европа развила в Польше лишь антинародный и антихристианский дух, выразившийся в католицизме, иезуитизме и аристократизме *par excellence* (20, 99). Более того, нигде в Европе, католицизм не достигал такой степени прозелитизма, как в Польше, что обусловило крайнюю ненависть поляков к славяно-схизматикам: последних поляки, исходя из своего жестокого религиозного фанатизма, не считали за людей (хлопья, быдло), мучили и убивали, стремясь обратить их в «истинную веру», поскольку вся польская цивилизация «обратилась в католицизм» (20, 100). Тут же Достоевский, поясняя главную *idée fixe* польской цивилизационной миссии на востоке Европы, воспроизводит страховскую двоицу — «ополячить и окатоличить» (20, 100). В завершении Достоевский пишет, что редакция "Времени", опубликовавшая статью Страхова, «совершенно и вполне согласна» с позицией автора по «польскому вопросу» (20, 101), из чего мы можем сделать вывод о полнейшей идейной солидарности Достоевского и Страхова по данному вопросу, за исключением лишь расстановки акцентов, т.к. Достоевский, в отличие от своего коллеги, констатирует ярко выраженный религиозный характер польской вражды к России, отсылая читателя, таким образом, к истинной первопричине конфликта, кроющейся в религиозном подтексте «польского вопроса».

Сообщая о закрытии журнала в письме к И. С. Тургеневу от 19 июня 1863 г., Достоевский делает следующее замечание по поводу общественной реакции на статью Страхова: «Некоторые журналы («День», между прочим) серьезно стали доказывать, что польская цивилизация только поверхностная, аристократическая и иезуитская, а, следовательно, вовсе не выше нашей. И представьте себе: доказывают это нам, а мы это самое и имели в виду в нашей статье» (28, кн. 2: 34). Данная запись отсылает нас к позиции, занимаемой газетой «День» относительно польско-русских отношений. Возглавлял данное еженедельное издание видный публицист и поэт, идеолог славянофильства И. С. Аксаков, заслуженно считавшийся главным специалистом данного идеологического направления по «польскому вопросу» [\[6, с. 145\]](#): за один лишь 1863 г. Аксаков выпустил 33 статьи посвященных «польскому вопросу».

Заочное знакомство Достоевского и Аксакова состоялось еще в середине 1840-ых гг.,

когда, как писал сам Аксаков, на литературный небосклон восходила «новая звезда» — начинающий молодой писатель Ф. М. Достоевский. Личное же их знакомство состоялось, вероятно, в 1863-1864-е гг. [\[29, с. 115\]](#). Стоит отметить идейную близость виднейшего славянофила и идеологов почвенничества [\[12, с. 31\]](#), в т.ч. относительно проблемы «польского вопроса». Сам Достоевский в период издания журнала «Эпоха» считал газету «День» своим союзником [\[29, с. 115\]](#).

Русско-польский конфликт Аксаков трактует как этнорелигиозный, причем превалирующим является именно религиозный аспект вражды. Об этом со всей ясностью свидетельствуют две июльские статьи: «По поводу вмешательства Европы в Польский вопрос» [\[29, с. 82-85\]](#) и, особенно статья «По поводу письма Ригера по польскому вопросу». В последней статье внимание Аксакова привлекает выступление депутата австрийского рейхсрата г. Бергера, выразившего полную поддержку восставшей Польше, поясняя свою позицию тем, что именно Польша является «самым верным оплотом против панславизма» и «надежным орудием европеизма» [\[3, с. 87\]](#). Далее Аксаков пишет, что русско-польский конфликт является, по сути, религиозным противостоянием Латинства и Православия, эта борьба не за обладание землею, но за духовную независимость русского народа от агрессивной латинизации; к тому же, будь поляки православными, никакого конфликта вовсе и не возникло бы [\[3, с. 88-89\]](#).

Схожую с Аксаковым, Страховым и Достоевским позицию относительно «польского вопроса» занимал и Ю. Ф. Самарин — видный русский публицист и философ-славянофил. В 1863 г. в аксаковском «Дне» публикуются две важные статьи Самарина: «Как относиться к нам Римская церковь?» (май, № 19) и «Современный объем Польского вопроса» (сентябрь, № 38). Согласно Самарину вражда Польши и России базируется, в первую очередь, на существенном различии религиозных и политических идеалов [\[38, с. 352\]](#). В майской статье Самарин отмечает, что русские не питают к полякам никакой ненависти, однако чуждаются духа латинства, ибо он «противен нашей вере, нашим убеждениям и всему строю нашей духовной жизни» [\[38, с. 363\]](#). Также как и Аксаков, Самарин полагает, что именно польский католический миссионизм, стремление распространить латинское просветительское начало (*propaganda latina*) служит оправданием для насильственного подчинения соседних славянских народов [\[38, с. 351\]](#). Таким образом мы видим, что первичным фактором в русско-польской вражде выступает опять-таки религиозный. Подавляя в поляках славянскую народную стихию, латинство, однако, не смогло ее полностью уничтожить, что привело к дихотомии, сосуществованию и борьбе двух начал: латинская душа и славянская душа производят и поныне свою тягбу, и именно от ее исхода зависит окончательное разрешение «польского вопроса» [\[6, с. 138\]](#).

В записной книжке 1863-1864-х гг. Достоевский фиксирует схожую с высказанной Самариним мысль: «Что такое настоящая война? Польская война есть война двух христианств — это начало будущей войны православия с католичеством, другим словам — славянского гения с европейской цивилизацией» (20, 170).

Далее католическая тема возникает в записных книжках и тетрадях писателя уже в связке с «римским вопросом», богатая фактология которого, на наш взгляд, оказала на мировоззрение Достоевского серьезное влияние.

Ф.М. Достоевский и «римский вопрос»

Под термином «римский вопрос» в исторической науке принято понимать многолетний конфликт Папского престола с объединенным итальянским государством, вызванный аннексией последним суверенного Папского государства, и, как следствие, ликвидацией светской власти римских понтификов, произошедшей в 1871 г. Конфликт был законодательно урегулирован лишь в 1929 г., посредством Латеранских соглашений — тем самым был разрешен и «римский вопрос». Временные рамки «римского вопроса» традиционно определяют 1871-1929 гг. [\[40, с. 223\]](#), однако, генезис противостояния следует отнести к периоду первой половины XIX столетия, в который с особой силой проявилось стремление итальянского народа к национальному и политическому единству, стремление к созданию единого итальянского государства. Таким образом «римский вопрос» являлся лишь одной из важных составляющих более крупного политико-культурного процесса — *Risordimento* (итал. «Возрождение»).

Отправной точкой конфликта следет считать 1848 г.: в апреле 1848 г. римский понтифик Пий IX публично высказался против идеи объединения Италии. Данная реакция была вполне ожидаемой, поскольку политическая консолидация Италии должна была неминуемо привести к ликвидации разрозненных итальянских государств, в том числе и Папской области, являвшейся залогом светской власти и формальной независимости римских первосвященников. Начиная с этого поворотного момента итальянские патриоты-националисты, объявив римского понтифика предателем родины, начинают активную, невиданную до того борьбу с папским престолом. В результате этой вооруженной борьбы положение Папского государства на момент начала 1860-х гг. было весьма плачевным. После отвода австрийских войск в 1859 г. в папской провинции Романья вспыхнуло восстание, в скором времени начался мятеж и в соседних папских провинциях — Умбрия и Марке. Таким образом, к 1861 г. римский понтифик удерживал лишь 1/3 своих владений, поскольку восставшие провинции вошли в состав Сардинии-Пьемонта, преобразованного в том же 1861 г. в королевство Италия.

Отечественная журналистика внимательно следила за происходящими в Италии событиями. Регулярные репортажи и статьи освещали различные аспекты «римского вопроса». Контент-анализ публикаций журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», а также различных еженедельных газет, например, «Голоса» или «Московских ведомостей», позволяет систематизировать весь поступавший материал, посвященный «римскому вопросу», на несколько основных категорий, в которые, в свою очередь, включены различные сюжеты, события и эпизоды частного и локального характера. Эти категории представляли собой основные медиа-поводы, транслировавшиеся отечественной журналистикой и формировавшие отношение российского обывателя к происходящему на Аппенинском полуострове. Эти категории следующие:

1) Личность, поведение и поступки папы римского Пия IX: речи и выступления, богослужения и прочие общественные мероприятия папы, описание его характера и физического здоровья, история понтификата и пр.

2) Мероприятия Папского государства: деятельность папского правительства и римской курии, события внутри Папской области, межгосударственная дипломатическая переписка и пр.

3) Различные аспекты папско-итальянского конфликта: действия разбойников-«бурбонистов» на юге Италии, провокации рядовых клерикалов и монархистов, заговоры и интриги «антипатриотических» сил в Италии и пр.

Выбор еженедельных газет «Голос» и «Московские ведомости» в качестве

дополнительных источников информации продиктован следующими соображениями. Во-первых, обе газеты занимали исключительное место в отечественной журналистике. «Московские ведомости» были одним из старейших и авторитетных отечественных изданий (с 1756 г.), которое, с 1863 г., под руководством М. Н. Каткова, набирает популярность и становится «интеллектуальным центром право-консервативных сил» [44, с. 337] в Империи. По словам известного публициста Н. П. Гилярова-Платонова, «Московские ведомости», приобретя большое влияние в обществе, «образовали своего рода департамент, в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике, — департамент не официальный, с голосом независимым и не властным, но к звукам которого нельзя было остаться глухим...» [44, с. 337]. Ежедневная петербургская газета «Голос», издававшаяся с 1863 по 1883 гг., также выделялась на фоне остальных печатных изданий. Показательно, что если в 1863 г. у «Голоса» было 4000 подписчиков, то в 1877 г. газета имела уже 22 000 подписчиков и постоянных читателей. Успешная редакционная политика, а также исчерпывающая информативность издания привели к тому, что в 1870-е гг. «Голос» стал «одной из влиятельнейших газет в стране» [14, с. 436-437]. Таким образом, выборка именно этих газет продиктована как их исключительной популярностью среди читателей, так и тем исключительным положением, которое упомянутые издания занимали в общественно-политической жизни Империи 1860-1880-х гг.

Во-вторых, и это главное, газеты «Голос» и «Московские ведомости» были теми изданиями, с которыми Достоевский не раз взаимодействовал непосредственно и напрямую. Именно на катковские «Московские ведомости» была, главным образом, нацелена публицистическая полемика Достоевского и «Времени», особенно в первый год существования журнала [35, с. 268]. Кроме того, некоторые, значимые для Достоевского номера газеты «Московские ведомости», как показал опыт реконструкции, находились в личной библиотеке писателя [5, с. 267-268]. В газетах «Московские ведомости» и «Голос» братья Достоевский в начале 1864 г. помещают объявления о грядущем выходе журнала «Эпоха» [36, с. 15]. В февральской книге «Эпохи» за 1865 г. приводится сопоставление взглядов «Московских ведомостей», «Дня» и «Голоса» на судьбу освобожденных по реформе крестьян [36, с. 48]. Также как с «Московскими ведомостями», с «Голосом» Достоевский также вступает в полемику [36, с. 224-226] уже на страницах «Эпохи». Газету «Голос» Достоевский читает и делает в записных тетрадях пометы относительно заинтересовавшего его материала [2]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Достоевский был хорошо знаком с материалом, публиковавшимся в газетах «Московские ведомости» и «Голос». Фактическое знакомство с материалом, подтверждаемое записными книжками и тетрадями 1860-1865 гг., может быть также дополнено обоснованным предположением о гипотетической возможности ознакомления Достоевского с материалами и публикациями, о которых писатель ничего не пишет в заметках и записных книжках означенного периода.

В двадцатом томе академического ПСС Ф. М. Достоевского представлены записные тетради и книжки Достоевского за период с 1860 г. по 1865 г. Именно из этих черновых помет и ремарок мы узнаем, что католическая тема в привязке к «римскому вопросу» приковывала внимание Достоевского, волновала его, причем не в последнюю очередь.

Для удобства контент-анализ записных тетрадей Достоевского будет вестись нами по хронологическому принципу, т.е., собственно, в той последовательности, в которой писатель делал свои пометы и ремарки.

В записной тетради 1863-1864-х гг. Достоевский делает наброски к политической статье и, среди прочего, констатирует следующее положение: «Между нами и цивилизацией вера. Начало католическое и византийское» (20, 171). Под «цивилизацией» здесь подразумевается Европа, все более и более выступающая в мировоззрении Достоевского в качестве главного религиозно-культурного, ментального и даже эсхатологического антагониста православной России. Определенно многие идеи в этом ключе Достоевский заимствует у славянофилов, в первую очередь у виднейшего представителя отечественной *Laïen Theologie* А. С. Хомякова, автора критических статей, опубликованных под названием «Нескольких слов о западных вероисповеданиях»^[3]. Историософские идеи Хомякова, осмысленные и дополненные Достоевским, занимают важное место в мировоззренческой системе писателя.

Подтверждением тезиса о знакомстве Достоевского с трудами славянофилов и, прежде всего, с работами Хомякова, могут служить следующие факты. Во-первых, Полное собрание сочинений А. С. Хомякова в трех томах находилось в библиотеке Достоевского ^[5, с. 146]. Кроме того, затрагивая католическую тему, Достоевский не раз упоминает о Хомякове в записных книжках: «Совершенная логичность в постройке идеи: что если папа владыка духовный и если церковь совмещает в себе ответы на всё и ключи будущего, то ясно, стало быть, что кому ж и подчинены должны быть все, как не папе (логистика в характере римской постройки. Хомяков)» (20, 190). Данное упоминание представляется довольно важным, т.к. демонстрирует знакомство Достоевского с критикой католицизма и папства Хомяковым. Позднее, Достоевский будет часто вспоминать идейного лидера движения славянофилов, но уже вне контекста антикатолической полемики. В 1881 г. Достоевский, размышляя над значением православия для русского народа, прямо отсылает читателя к хомяковскому пониманию-определению Церкви: («Что такое церковь — из Хомякова»)(27, 64). Стоит также подчеркнуть, что на синонимичность Достоевского и Хомякова в критике католицизма указывал еще Н. О. Лосский ^[30, с. 341-342].

Влияние Хомякова на полемику Достоевского с католичеством прослеживается также в том, что оба автора постулировали превращение Католической Церкви в государство, преследующее исключительно земные цели. Прельщение третьим дьяволовым искушением, т.е. земной властью, станет одним из генеральных мотивов всей антикатолической полемики Достоевского, писавшего, что римское католичество продало Христа за земное владение (22, 88; 26, 85), обратив все Христово дело лишь в «заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром» (26, 90). Все эти мысли являются отголосками и продолжением антикатолической полемики известнейшего славянофила — А. С. Хомякова, с творчеством которого Достоевский был хорошо знаком.

Следующий логический вывод, который делает Достоевский, заключается в том, что раз Католическая Церковь на протяжении веков боролась лишь за обладание светской властью, причем делала это мирскими, часто недопустимыми с нравственной точки зрения средствами, то именно Папство породило социализм — позитивно (стремление объединить людей под эгидой Папы мирскими средствами и ради мирских целей) и негативно (озлобление европейского секулярного общества на многовековой диктат Римско-Католической Церкви). Католицизм, по мнению писателя, роднит с социализмом также схожее отношение к человеку — тема для Достоевского особенно важная: «Социализм основан на неуважении к человечеству (стадность)» (20, 177). Социализм для писателя, в этом смысле, есть папская пантократия наизнанку. Таким образом, генезис идеи Достоевского о внутренней типологической схожести следует отнести как

раз к первой половине 1860-х гг., в том числе — к материалам записных тетрадей и книжек указанного периода. В них Достоевский пишет следующее: «Из католического христианства вырос только социализм» (20, 177).

21 августа 1864 г. Достоевский делает очень важную запись, в которой содержится отсылка сразу к нескольким параллельным сюжетам. Писатель делает заметки на полях относительно статьи «Московских ведомостей» от 19 августа 1864 г. Концептуальная «расшифровка» записи Достоевского показывает наличие в ней как минимум двух известных в то время медиа-поводов. Во-первых, Достоевский упоминает о резонансном похищении в Риме еврейского мальчика Иосифа Коена, насильно обращенного в католицизм (20, 189). 30 августа 1864 г. писатель вновь возвращается к этому инциденту: "Коен и католицизм. (Что можно проиграть из-за какого-нибудь Коена). Останется не любовь, а страх" (20, 191).

В один из июльских дней 1864 г. в Риме был похищен 10-летний мальчик, подмастерье сапожника Иосиф Коен, обманным путем был похищен католическим священником. Мальчика, отторгнутого от семьи, против воли заключили в Институт Оглашенных, а его родителям, в свою очередь, отказали в возможности увидеть своего сына. Похищение ребенка вызвало широкий общественно-политический резонанс. За семью Коенов заступились не только представители еврейской общины города, а также юридический факультет одного из римских университетов, но также и французский посол граф Сартиж. Однако все просьбы папское правительство отвергло. 20 июля 1864 г. Иосиф Коен был лично представлен папе Пию IX в летней резиденции понтифика Кастель-Гандольфо. Когда папа спросил его, будет ли он рад поменять свою прежнюю религию на новую, задобренный лакомствами и конфетами мальчик внезапно залился слезами и попросил отправить его к отцу. Однако родителям мальчика так и не вернули.

Похищение Иосифа Коена, широко освещавшееся российской прессой, было трагическим повторением инцидента Мортары. В июне 1858 г. в Болонье 6-летний сын еврейской четы Мортара Эдгардо, до того тайно крещенный служанкой, по приказу католических прелатов был похищен жандармами, увезен из родительского дома и помещен в монастырь для воспитания в католическом духе [\[39, с. 276\]](#). Папа Пий IX отклонил просьбы о возвращении ребенка в семью, мотивируя отказ соблюдение законов Папской области, согласно которым евреям запрещалось воспитывать детей-христиан. Достоевский, несомненно, знал об инциденте Мортары, равно как знал и об инциденте Коена, поскольку оба происшествия в отечественной прессе часто рассматривались вместе. Мотив «слезинки ребенка» Ивана Карамазова имеет, в данном случае, как бы свою предысторию, доказывая, что в Папство не остановится ни перед чем ради достижения своих целей. «Маленькая трагедия» мальчика Коена — яркий журналистский факт, показательное событие, которое Достоевский не мог обойти внимание.

Следующий сюжет также связан с насилием, но уже в более жестокой форме. Достоевский фиксирует в записной тетради: Католическая Церковь «соединится прямо с революционерами и с социалистами — в искренних представителях своих искренно, в неискренних — разбойнически (вроде того, как теперь помогает разбою в Италии), и не иначе как в том и другом случае привнеся в революцию иезуитизм» (20, 189-190). Разбойничьи шайки монархистов-бурбонистов и пропапских сил орудовали на территории центральной и южной Италии, причем из раза в раз становилась все более очевидным, что этот бандитизм вдохновляется и поддерживается Римом. В №9-10 журнала «Время» от 1861 г. приведены следующие фрагменты выступления итальянского политика барона

Б. Риказоли: «неаполитанские разбои составляют надежду европейской реакции, а европейская реакция устроила главную цитадель свою в Риме» [\[15, с. 17\]](#); «копейки, собранные у католиков со всей Земли во имя святого Петра, идут на вербовку разбойников со всей Европы» [\[15, с. 17\]](#); «В Риме они записываются публично, получают наставления и благословения, с которыми ... весело идут на грабеж и на убийства» [\[15, с. 17\]](#).

Вообще сообщения о грабежах и разбоях реакционных разбойничьих шаяк становятся регулярной частью «Политического обозрения» многих газет и журналов на протяжении нескольких лет. Обнаружению роли Католической Церкви в организации, финансировании и духовно поддержке разбоя отводилось особое место. Вот что пишет, к примеру, авторы рубрики в № 21 «Голоса» от 1863 г., ссылаясь на статью из английской газеты «Times»: все более и более становится ясным, что католическое духовенство «подстрекает и поддерживает разбойничество в неаполитанских провинциях. Так, в Кампо-Бассо, где в последнее время неистовствовали разбойники, арестован был архидиакон» [\[19, с. 84\]](#), из показаний которого выяснилось, что именно он был «главным начальником разбойников» [\[19, с. 84\]](#). Мятежники не только терроризируют местное население на юге Италии, но и постоянно вступают в бой с отрядами полиции и национальной гвардии, о чем сообщается в № 44 «Голоса» от 21 февраля 1863 г.: одна из шаяк «нанесла большие потери отряду национальной гвардии из Чирильяно... из засады убив до 12 человек» [\[20, с. 176\]](#). 28 марта 1863 г. в № 47 «Голос» сообщает о том, что один из разбойничьих отрядов был помещен в монастыре Копка, «где и получал все нужное для своего содержания» [\[22, с. 296\]](#). В 1864 г., в № 127 «Голоса», корреспондент «Times», отмечая тот факт, что Папа потворствует и напрямую оказывает поддержку мятежникам, пишет, что Рим, поэтому, сделался «убежищем разбойников» [\[23, с. 3\]](#) и «прибежищем людоедов» [\[23, с. 3\]](#).

«Московские ведомости» также постоянно приводят репортажи из Италии, регулярно обращаясь к теме разбоя реакционных шаяк мятежников. И вновь доказательства покровительства Католической Церкви мятежным отрядам налицо. В №151 от 11 июля 1863 г. описываются зверства разбойничьих шаяк неких Карузо и Скьявоне, которые, взяв в плен 15 человек, в нарушение обещания, придушили их как голубей [\[31, с. 4\]](#). Показательно, что убийство сопровождалось боевым кличем: «Да здравствует Рим» [\[31, с. 4\]](#), а также следующей формулой осуждения на казнь: «Во имя Пия IX и благословенной Марии Христины, я осуждаю тебя, как заслуживающего смерть» [\[31, с. 4\]](#). В № 153 от 13 июля 1864 г. «Московские ведомости» перепечатывают корреспонденцию «Кельнской газеты», которая сообщает о недавнем генуэзском инциденте, а именно — об аресте пяти пассажиров парохода «Aunis», отплывшего из Чивитта-Веккьи в Марсель. Эти пассажиры, на самом деле, были скрывавшимися разбойниками, в свое время отличившимися особой жестокостью. Однако, самое интересное заключалось в том, что при аресте у преступников были обнаружены папские паспорта за собственноручную подписью кардинала Антонелли, государственного секретаря Святого Престола [\[32, с. 2\]](#). В № 174 от 10 августа 1863 г. «Московские ведомости» вновь приводят корреспонденцию «Кельнской газеты», сообщавшей о жестокой расправе разбойников Карузо и Скьявоне над отрядом итальянских королевских гусар. Отряд в 30 гусар, проиграв бой у Рендине, оказался практически весь уничтожен мятежниками, среди которых отчетливо были замечены два священника [\[33, с. 3\]](#). 22 августа 1863 г. в № 183 «Московских ведомостей» приведена общая статистика жертв разбойничьих нападений:

«война против разбойников» с 1 мая 1861 г. по конец марта 1863 г. унесла жизни 307 человек; потери разбойников составили 3451 человек убитыми [\[34, с. 3\]](#).

Таким образом, регулярные сообщения о преступлениях разбойничьих шаяк, поддерживаемых Папским престолом, обращали на себя внимание Достоевского, создавая резко отрицательное впечатление как о папе Пие IX, так и о Католической Церкви в целом.

К двум вышеназванным сюжетам примыкает третий, напрямую писателем не артикулированный. Речь идет об «иезуитизме» (20, 190) в революции, о котором пишет Достоевский. Наряду с сообщениями о зверствах мятежных банд, на страницах печати постоянно возникают сообщения об интригах подстрекателей и заговорщиков — сторонников папы Пия IX и свергнутого короля Обеих Сицилий Франциска II. «Голос» от 2 января 1863 г. пишет об аресте нескольких патеров в Неаполе, подстрекавших «подкупленных простолудинов поднять реакционные крики близ церкви святой Лучии» [\[18, с. 8\]](#). В № 5 от 5 января 1863 г. «Голос» резюмирует, что «во всяком реакционном движении, обнаруживающимся время от времени в Италии, частником является непременно духовенство» [\[21, с. 17\]](#). 17 января 1863 г. в № 15 «Голос» сообщает об аресте на папско-итальянской границе княгини Барберини-Шиарра, выступавшей в роли связного между свергнутым королем Франциском II и неаполитанскими легитимистами; в вещах аристократки было обнаружено несколько зашифрованных писем и прошений на имя короля [\[16, с. 60\]](#). И это — лишь малая часть тех сводок, что сообщала о клерикально-легитимистском заговоре в Итальянском королевстве. Конспирация, шифрование, поддельные документы, подкуп и агитация — вот лишь часть тех интриг в пользу Папы и Рима, выдержанных вполне в «иезуитском» духе, о которых не мог не знать Достоевский, регулярно читавший российскую и иностранную прессу.

Отдельную категорию новостей составляют сообщения о папе Пии IX — его поступках, словах и репликах, а также публичных мероприятиях с его участием. Достоевский был прекрасно знаком с биографией папы Пия IX, понтификат которого выпал на 32 года жизни писателя (1846-1878). Фактически все творчество Достоевского, как публицистическое, так и художественное, застало эпоху понтификата Пия IX. И это обстоятельство представляется нам особенно важным, поскольку образ Пия IX как нельзя лучше олицетворял то папское католичество, которое критиковал и с которым неустанно полемизировал Достоевский последние 20 лет своей жизни. Можно сказать, что для Достоевского папа Пий IX был своеобразной персонификацией клерикально-реакционного, ультрамонтанского католицизма. Образ папы-государя, проклинавшего своих врагов и отказывавшегося отречься от светской власти, неизменно являлся удобной мишенью для Достоевского в его антикатолической полемике.

Журнал «Время» сообщает о речи папы римского в консистории, произнесенной 18 марта 1861 г. Папа называет посягательство на его светскую власть «смертным грехом», а также «отталкивает» и «проклинает» всякого, кто требует от него отречься от светской власти [\[7, с. 99\]](#). Вскоре после праздника Пасхи 1862 г. римский понтифик обзревает лагерь папских зуавов (папских гвардейцев), посещает армейские палатки, после чего возглавляет смотр войсковых подразделений, включающий церемониальный марш, маневры и построения. Авторы майской политической заметки дают этой картине исчерпывающий комментарий: "Если подумаешь, что папа есть, в понятиях католиков, представитель Христа на земле, глава религии любви, прощения, братства, а что зуавы отличаются свирепой храбростью и неумолимою жестокостью, то этот папский смотр по команде кардинала покажется каким-то диким, нелепым, бестолковым сном, а немецкий

генерал — домовым, который мучительно давит и лушит и не дает проснуться" [\[10, с. 23\]](#). Спустя некоторое время, во время религиозной церемонии на празднике Пятидесятницы, папские зуавы, приветствуя понтифика, выкрикивают весьма характерные слова: «да здравствует папа-король!» [\[8, с. 9\]](#). Из августовского номера журнала "Время" за 1862 г., в которой приводится речь же упоминавшегося государственного секретаря Святого Престола кардинала Дж. Антонелли, мы узнаем, что папа, прежде своего избрания, и кардиналы, при своем назначении, приносят особую клятву "не уступать ничего из церковной области" [\[11, с. 19\]](#).

Образ папы-короля и папы-воина дополняется третьим — папы-деспота. В № 164 «Голоса» читаем: папа Пий IX, «образованнейший человек среди своего двора ... имеет некоторые идеи, от которых не отступает ни на шаг ... он убежден, что всякая форма правительства имеет один исход — деспотизм» [\[8, с. 4\]](#).

Папа-деспот руководит Папским государством, в котором происходят весьма своеобразные, порой карикатурные процессы и события. Образ «монаха-городничего» «в какой-нибудь Палестрине или Чивитавеккьи» уже сам по себе карикатурен и смешон [\[9, с. 18, 19\]](#), хотя и реалистичен. Антиеврейское законодательство Папской области на момент начала 1860-х гг. сохраняет свои жесткие и даже жестокие нормы: к примеру, за «ласковое и фамильярное обхождение» [\[17, с. 19\]](#) с христианами еврею грозило тюремное заключение и пени в пять экю. Об инцидентах Мортары и Коена мы уже упоминали. Глубокий экономический кризис, неразбериха в правительстве, куриальные интриги, — все это характеризует Папское государства на момент начала 1860-х гг. Священник Константин (Симон) в статье «Русская Православная Церковь в первой половине XIX В. Глазами католических авторов» указывает: «Папская область ... представляла собой одно из самых слабо управляемых государств в Европе, полное бандитов, коррупции и злоупотребления смертной казнью при подавлении восстаний» [\[37, с. 216\]](#).

Заключение

Из всего приведенного материала видно, что католическая тема, возникающая в поле зрения Достоевского в виде двух реалий общественно-политической жизни Европы — «польского вопроса» и «римского вопроса», «звучит» в различных вариациях. «Польский вопрос» открывает антикатолическую полемику в записных тетрадях писателя, однако хронологически он следует за «римским вопросом», за фактологией которого внимательно следили журналы братьев Достоевских «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865). Достоевский фиксирует основные медиа-поводы «римского вопроса», которые, в свою очередь, широко обсуждались российской прессой, в том числе газетами, которые Достоевский регулярно читал. Инцидент Коена, деградация Папского государства, преступления разбойничьих шаяк клерикалов-легитимистов на юге Италии, интриги, заговоры и провокации священников и аристократов, образ папы-короля и папы-деспота, раз за разом проклинающего всех, кто отрицает право Папского престола на светскую власть — весь этот информационный материал, наряду со знакомством со славянофильской литературой, личным негативным опытом пребывания Достоевского за границей, оказал, на наш взгляд, решительное влияние а формирование критического отношения писателя к католицизму.

[\[1\]](#) Все последующие цитации Собрания сочинений Достоевского будут оформлены следующим образом: номер тома, номер страницы в круглых скобках. Цитирования Ф. М. Достоевского приводятся по 30-ти томнику собрания сочинений Достоевского —

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972.

[2] Например, см. следующую помету в записной книжке 1863-1864-х гг.: «Эмиль Жиарден в «Голосе» («Le Droit»)» (20,171).

[3] Публикация в 1850 г. статьи Ф. И. Тютчева «Римский вопрос» вызывает оживленную дискуссию во французских интеллектуальных кругах, следствием чего стало появление целого ряда статей полемического характера, направленных на апологию католической веры (П. С. Лоранси, Ф. де Шампаньи, А. Кошен и др.). В 1853 г. к этой дискуссии присоединяется А. С. Хомяков, инкогнито опубликовавший статью «Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie». В 1856 г. иезуит кн. И. С. Гагарин публикует прокатолическую брошюру «La Russie sera-t-elle catholique?», обозначив новый виток споров и дебатов. В ответ последовала статья А. С. Хомякова от 1858 г. «Encore quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion de plusieurs publications religieuses, latines et protestantes».

Библиография

1. Handbuch der Kirchengeschichte. Bd. 6: Die Kirche in der Gegenwart.. Freiburg i.Br.etc.: Herder, 1971. 623 s.
2. Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. 15. М.: Модест Колеров, 2013 г. С. 7-139.
3. Аксаков И. С. Сочинения.СПб.: типография А. С. Суворина, 1891-1903.Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. 570 с.
4. Белевитина Т.М., Дмитровский А.Л. Факт в журналистике: к дефиниции понятия // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 162-171.
5. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
6. Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос. М.: Изд-во Московского университета, 2012. 624 с.
7. Время. Журнал литературный и политический. — 1861 — Т.3-4— № 2.
8. Время. Журнал литературный и политический. — 1862 — № 8.
9. Время. Журнал литературный и политический. — 1862 — Т. 10 — № 5-6.
10. Время. Журнал литературный и политический. — 1862. — № 5.
11. Время. Журнал литературный и политический. — 1864 — № 164.
12. Гачева А. Роман "Братья Карамазовы" в кругу идей и проблем русской религиозно-философской мысли XIX века // Достоевский и мировая культура. 2007. № 22. С. 27-84.
13. Голованов С., свящ. Католическая церковь и Россия: [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/ol/ovanov_07.htm. (Дата обращения: 03.04.2018).
14. Голос // Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник / Под редакцией А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959.
15. Голос. Газета политическая и литературная. — 1861 —Т. 5 — № 9-10.
16. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 15.
17. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 19.
18. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 2.

19. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 21.
20. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 44.
21. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 5.
22. Голос. Газета политическая и литературная. — 1863 — № 74.
23. Голос. Газета политическая и литературная. — 1864 — № 127.
24. Данилов В., свящ. История распространения католичества в русских землях до 1917 года: [Электронный ресурс]. URL: http://veritas.katolik.ru/books/hist_katol_rus.htm#7. (Дата обращения: 03.04.2018).
25. Дмитриевский А.Л. Жанры журналистики // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 147-159.
26. Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической Церкви в России. Царское Село.: Белый камень, 2014. 740 с.
27. Краткая история Польши. М.: Наука, 1993. 528 с.
28. Кружалина А.А. Польский вопрос в дискуссиях российской общественности XIX в. // Вестник БГУ. 2013. №7. С. 142-146.
29. Кунильский Д.А. Духовное значение Достоевского в оценке И. С. Аксакова и архиепископа Никанора // Проблемы исторической поэтики. 2012. №10. С. 114-124.
30. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. N.-Y.: Изд-во имени Чехова, 1953. 408 с.
31. Московские ведомости — 1863 — № 151.
32. Московские ведомости — 1863 — № 153.
33. Московские ведомости — 1863 — № 174.
34. Московские ведомости — 1863 — № 183.
35. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861—1863. М.: Наука, 1972. 316 с.
36. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М.: Нака, 1975. 302 с.
37. Саймон К. Русская Православная Церковь в первой половине XIX в. Глазами католических авторов // Филаретовский альманах. 2011. № 7. С. 214-230.
38. Самарин Ю. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
39. Слезберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея: в 2-х томах. Т. 1. Р., 1933. 326 с.
40. Токарева Е., Горелов А. Рисорджименто // Католическая энциклопедия. М.: Изд-во францисканцев, 2011. Т. IV. С. 219-223.
41. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 544 с.
42. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2./ Сост. В. Н. Касаткина.-М.: Издательский Центр «Классика», 2003. 640 с.
43. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Oslo, 1986. 82 с.
44. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
45. Шилова Н.Л. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/vremja/vremja.html> (Дата обращения: 25.04.2022).

46. Щеглов Г.Э. Страдания православного духовенства в дни польского восстания 1863-1864 гг. // Альманах «ХРОНОС». 2013. №1. С. 33-48.
47. Щеголев С.И. Католическая церковь и национально-освободительное движение в Польше 1860-1864 гг. : положение польской католической церкви накануне периода манифестаций // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2010. №4. С. 71-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариации оценки не только литературной деятельности того или иного писателя становится последнее время предметом профильной исследовательской направленности. Думается, что подобная разверстка и оценка творческих личностей вполне интересна и заслуживает должного внимания. В рецензируемой статье получает ракурс рецепции полемика Ф.М. Достоевского-журналиста с вопросом католицизма, предпозиция в данном случае указана. Статья имеет завершённый вид, целевая составляющая достигнута полномерно. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «религиозно-философский и, в частности, конфессиональный аспекты творчества Ф. М. Достоевского играют ключевую роль в адекватном замыслу автора понимании большинства значимых текстов писателя. Это утверждение верно как в отношении, условно, концептуального микроуровня текста — отдельных, локальных посылов и смыслов, заложенных автором в художественном произведении, так и макроуровня или «большой» идеи — ведущей генеральной концепции, выстраивающей структуру и логику повествования текста, а также буквально «пронизывающей» его содержание», или «Достоевский, активно занимаясь журналистикой на протяжении первой половины 1860-х гг., непосредственно и постоянно соприкасается с тем, что принято называть «репортерским поиском» и его основным предметом — фактами и событиями повседневной жизни. Каждодневная фиксация онтологических фактов, т.е. жизненных событий и происшествий в общественно-политическом разрезе составляет собственное содержание публикаций «Политического раздела» журналов братьев Достоевских, которые, на наш взгляд, занимают особое место в формировании антикатолических настроений Ф. М. Достоевского. Переходя к анализу ключевых позиций антикатолической медиа-повестки отечественной журналистики первой половины 1860-х гг., заметим, что Ф.М. Достоевский отдельно фиксировал заинтересовавшие его факты, сюжеты и события в записных книжках и тетрадях, датируемых 1860-1865 гг. Именно поэтому далее, для ограничения круга поиска, мы будем анализировать главным образом лишь те основные информационные поводы, которые напрямую или косвенно связаны с упомянутыми самим Достоевским сюжетами», или «В своей статье Достоевский, делаясь собственными размышлениями, комментирует и дополняет тезисы Н.Н. Страхова, высказанные последним в статье «Роковой вопрос» (апрель 1863 г.). Обращаясь преимущественно к религиозному аспекту вопроса, писатель заявляет, что Европа развила в Польше лишь антинародный и антихристианский дух, выразившийся в католицизме, иезуитизме и аристократизме *par excellence* (20, 99). Более того, нигде в Европе, католицизм не достигал такой степени прозелитизма, как в Польше, что обусловило крайнюю ненависть поляков к славяно-схизматикам: последних поляки, исходя из своего жестокого религиозного фанатизма, не считали за людей (хлопья, быдло), мучили и убивали, стремясь обратить их в «истинную веру», поскольку вся польская цивилизация "обратилась в католицизм" (20,

100)» и т.д. Методологическая основа работы актуальна и современна, круг понятий универсален. Структура текста выверена, композиция не нуждается в правке. Считаю, что материал универсально может подойти при изучении истории русской литературы, литературной критики. На мой взгляд, автор достаточно внимателен к оппонентам и читателям, диалогический формат поддерживается в большинстве позиций: например, «заочное знакомство Достоевского и Аксакова состоялось еще в середине 1840-ых гг., когда, как писал сам Аксаков, на литературный небосклон восходила «новая звезда» — начинающий молодой писатель Ф.М. Достоевский. Личное же их знакомство состоялось, вероятно, в 1863-1864-е гг. Стоит отметить идейную близость виднейшего славянофила и идеологов почвенничества, в т.ч. относительно проблемы «польского вопроса». Сам Достоевский в период издания журнала «Эпоха» считал газету «День» своим союзником», или «Отечественная журналистика внимательно следила за происходящими в Италии событиями. Регулярные репортажи и статьи освещали различные аспекты «римского вопроса». Контент-анализ публикаций журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», а также различных еженедельных газет, например, «Голоса» или «Московских ведомостей», позволяет систематизировать весь поступавший материал, посвященный «римскому вопросу», на несколько основных категорий, в которые, в свою очередь, включены различные сюжеты, события и эпизоды частного и локального характера. Эти категории представляли собой основные медиа-поводы, транслировавшиеся отечественной журналистикой и формировавшие отношение российского обывателя к происходящему на Аппенинском полуострове», или «в записной тетради 1863-1864-х гг. Достоевский делает наброски к политической статье и, среди прочего, констатирует следующее положение: «Между нами и цивилизацией вера. Начало католическое и византийское» (20, 171). Под «цивилизацией» здесь подразумевается Европа, все более и более выступающая в мировоззрении Достоевского в качестве главного религиозно-культурного, ментального и даже эсхатологического антагониста православной России» и т.д. Формируя работу автор приложил усилия по выверке логических нитей повествования, и это, думаю, вполне оправданный ход. Фактический ход анализа вопроса финально закрыт, в заключении автор отмечает, что «из всего приведенного материала видно, что католическая тема, возникающая в поле зрения Достоевского в виде двух реалий общественно-политической жизни Европы — «польского вопроса» и «римского вопроса», «звучит» в различных вариациях. «Польский вопрос» открывает антикатолическую полемику в записных тетрадях писателя, однако хронологически он следует за «римским вопросом», за фактологией которого внимательно следили журналы братьев Достоевских «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865). Достоевский фиксирует основные медиа-поводы «римского вопроса», которые, в свою очередь, широко обсуждались российской прессой, в том числе газетами, которые Достоевский регулярно читал...». Общие требования издания учтены, в ряде моментов желательна, т.н. техническая правка (см. текст). В целом же работа достаточно интересна, нова, проблема, которую затрагивает автор, нетривиальна. Рекомендую статью «Полемика Ф.М. Достоевского-журналиста с католицизмом: к постановке проблемы» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Т.Н., Сивова Д.А. — Лингвистический аспект информационных войн в масс-медийном дискурсе // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.37866 EDN: UIWNTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37866

Лингвистический аспект информационных войн в масс-медийном дискурсе

Лобанова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук

доцент, Московский государственный областной университет

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Сивова Дарья Андреевна

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра англистики и теории языка, Московский государственный областной университет

115172, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Большие Каменщики, 21

✉ sivylya@icloud.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.37866

EDN:

UIWNTA

Дата направления статьи в редакцию:

12-04-2022

Дата публикации:

26-05-2023

Аннотация: За последние годы в мире наблюдается процесс активной информатизации общества и глобализации всемирного информационного пространства. Следствием данного процесса являются информационные войны, одним из главных инструментов которых являются различные средства массовой информации (СМИ). Погружение все большей части человечества в виртуальный мир медиа в век цифровизации порождает спрос на создание информационного оружия, кибервойск со всеми вытекающими последствиями. Если главным инструментом информационной войны являются СМИ, то главным инструментом СМИ является язык. Предметом исследования выступает

функционирование языка в механизмах информационных войн. Основное содержание проводимого исследования составляет анализ понятия «информационная война» именно с лингвистической точки зрения. В качестве методов исследования применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др. Новизна исследования заключается в том, что это медиалингвистическое исследование с привлечением зарубежных научных концепций (англоязычных), непереведенных и неопубликованных на русском языке. В статье приводится ряд уточнений и дополнений к существующим теориям информационной войны с привлечением фактуры лингвистического и политологического толка. Представлено системное, разностороннее и подробное описание современного состояния и изменений, произошедших в лингвистике за последние десять лет в свете концептуализации феномена «информационная война». По итогам исследования раскрыто понятие информационной войны в масс-медийном дискурсе, а также предложен комплексный метод изучения данного феномена.

Ключевые слова:

информационная война, масс-медиа дискурс, дискурс анализ, массмедийный дискурс, медиалингвистика, информационные вакцинные войны, Средства массовой информации, критические дискурсивные исследования, информационно-психологическая война, медиатекст

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в мире наблюдается процесс активной информатизации общества и глобализации всемирного информационного пространства. В развитие современного концепта философии «информации» внес еще Рене Декарт, разделивший мир на вещи протяженные (res extensa) и вещи мыслимые (res cogitans) [\[10, с. 13\]](#). Теоретическая основа двух понятий изучалась по отдельности и не нуждалась в объединении. Однако, именно с появлением информационных технологий человечество начало создавать вещи протяженные (материальные) с целью манипулирования вещей мыслимых (нематериальных). Произошел процесс переосмысления сущности информации, как части исключительно мыслительного процесса. Причина, по которой именно эта философская концепция «объединения материального и нематериального» представляет особую важность в рамках раскрытия понятия «информационная война» заключается в том, что информационная война объединяет процесс формирования мыслительного процесса человека посредством воздействия на него вполне материальных вещей, например, сети Интернет, рекламы, СМИ, социальных сетей, телевидения и др.

Целью статьи является концептуализация понятия «информационная война» в масс-медийном дискурсе с точки зрения лингвистики и лингвосомиотики.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО

И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ФЕНОМЕНА

В свою очередь одним из основных инструментов всех вышеперечисленных «материальных вещей» является язык. Так, к примеру, «основной задачей КДА является выявление примеров взаимного влияния языка и социального устройства, а также концептуализация языка как формы социальной практики. Важным аспектом выступает

критический взгляд на социальные явления, выраженные политической установкой, т.е. он включает политический и идеологический компонент; формирует междисциплинарную процедуру» [\[9, с. 237\]](#). Иначе говоря, главной материальной сущностью (проявлением) информационной войны следует считать любые используемые средства языка, постоянно влияющие на мыслительный процесс человека. В целом анализ современных научных идей, так или иначе связанных с информационным обществом, позволяют сформулировать понятие «информационное общество» следующим образом: ИО = информационная инфраструктура + цифровая экономика + новые ИКТ-компетенции населения, бизнеса и государства.

Если рассматривать информационную войну с лингвистической точки зрения, то этим инструментом является язык, а мыслительный процесс мы по-другому можем назвать психологическим. Еще в 4 веке до н.э. Аристотель выделил основные составляющие психики человека — сознание, воля и чувства человека. С течением истории менялись способы и методы воздействия информации на психику человека, однако цель оставалась неизменной — воздействие на сознание человека с целью достижения определенных целей.

Несмотря на то, что информационные войны присутствовали в жизни человека всегда, современный термин был заимствован из английского языка. Впервые английский термин "Information Warfare" был упомянут во второй половине 20 века ученым-физиком Томасом Роном в докладе, посвященном вооруженным силам [\[5, с. 2\]](#). После, понятие в большинстве случаев находило отклик в работах ученых-политологов, что с одной стороны значительно сузило понятие, но с другой стороны составило некую научную базу для дальнейших исследований. Самый важный вывод, к которому пришли ученые-политологи — информация может быть не только целью, но и оружием.

Одно из самых распространенных определений в русскоязычной литературе принадлежит российскому политологу А. Манойло, который под «информационной войной» понимает «процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня путем воздействия на гражданское население, власти и (или) вооруженные силы противостоящей стороны посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов и противодействия таким воздействиям на собственную сторону» [\[5, с. 3\]](#).

Среди зарубежных ученых большой вклад в теорию «информационной войны» внес американский экономист-политолог Мартин Либики. Он рассматривал информационную войну как информационное воздействие, включающее защиту, манипулирование, искажение и опровержение информации [\[12, с. 7\]](#). Также Либики проклассифицировал виды информационных войн, выделив: командно-управленческую, разведывательную, электронную, психологическую, хакерскую, экономическую и кибер-войны.

Так, одновременно с термином «информационная война» произошло формирование смежного термина «информационно-психологическая война», также произошедшее от английского "information and psychological warfare". Стоит обратить внимание, что если понятие «информационная война» рассматривалось в основном политологами с отдаленной привязкой к лингвистике, то «информационно-психологическая война» изначально стала предметом изучения именно лингвистов.

Понятие информационно-психологической войны подробно описано в монографии

«Лингвистика информационно-психологической войны. Книга III» А.А. Бернацкой, Ю.А. Горностаевой и И.В. Евсеевой. В данной книге предлагается следующее определение информационно-психологической войны: «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликтов интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного воздействия прежде всего с помощью языковых средств на сознание противника (народа или какой-либо его страты) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также путем применения мер информационно-психологической защиты от такого воздействия с противоположной стороны» [\[2, с. 13\]](#).

На основе вышенаписанного можно сделать вывод, что добавление прилагательного «психологическая» добавил лингвистическую коннотацию в термин «информационная война». То есть смысл политологического понятия расширяется путем выявления специфики использования языка как средства информационного противоборства. Таким образом, понятие «информационно-психологическая война» стало отражением лингвистического аспекта «информационной войны».

Однако, мы не хотим ограничивать термин «информационная война» как объект чисто политологического исследования, а «информационно-психологической войны» как лингвистического. Очевидно, что развитие понятия «информационная война» в лингвистике вышло из политологии, поэтому в данном исследовании мы не даем новую дефиницию, а дополняем с позиции науки о языке так, чтобы оно не противоречило ранее описанному опыту исследователей.

Таким образом, мы определяем информационную войну как информационное воздействие посредством особых коммуникативных практик, включающих в себя специфические языковые стратегии и тактики, целью которых является намеренное воздействие на сознание человека с целью достижения определенных стратегических целей.

Когда речь идет о лингвистическом аспекте, то чаще всего информационная война изучается как информационно-пропагандистские и информационно-психологические операции, осуществляющиеся с помощью средств массовой информации (СМИ) посредством языка.

В современном мире все события воспринимаются через призму средств массовой информации, являющимися одним из главных инструментов информационной войны. Ускоренное развитие информационных процессов и технологий позволили СМИ не только эксплуатировать информационное пространство в своих целях, но также контролировать массовое сознание людей в принятии определенных решений.

В статье Н.Е. Беловой «Особенности дискурса информационной войны» обозначены две составляющие информационной войны: техническая и содержательная.

Техническая составляющая отвечает за налаживание механизмов информационного влияния через печатные и электронные СМИ, телевидение и радиовещание. Например, М. Либики считал, что техническая составляющая информационной войны может быть также направлена на подавление или уничтожение систем управления, командования и разведки, а также критически важных элементов информационной инфраструктуры противника, при одновременной защите собственных аналогичных систем [\[12, с.7\]](#). *Содержательная* — это сам информационный контент, с помощью которого осуществляется влияние на аудиторию [\[1, с. 2\]](#).

Когда мы рассматриваем информационную войну с позиции лингвистики, нас в первую

очередь интересует именно содержательная часть, то есть информационный контент, транслируемый в СМИ. Контент, транслируемый нам в СМИ, подчиняется особым правилам и не существует сам по себе, то есть находится в особой языковой среде, или дискурсе. Если мы изучаем СМИ как инструмент информационной войны, то соответственно мы изучаем язык в особом типе дискурса, а именно – масс-медиа дискурсе.

Рассуждая об информационной войне в контексте масс-медиа дискурса, важно понимать характеристики данного типа дискурса. Самый большой вклад в развитие теории масс-медиа дискурса внесла Т.Г. Добросклонская. В статье «Массмедийный дискурс как объект научного описания» концепция масс-медиа дискурса рассматривается с позиции трех подходов: структурного, функционального и тематического. Сочетание всех трех подходов позволяет составить объемное представление о речевой деятельности в сфере масс-медиа, поскольку охватывает не только вербальное сообщение в совокупности с медиаканалом, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения [6, с. 2]. По мнению Т.Г. Добросклонской медиа-дискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [6, с. 10].

Таким образом, можно утверждать, что информационный контент (содержательная часть) включен в масс-медиа дискурс, то есть в «относительно устойчивый набор практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [7, с. 7].

Центральным понятием в теории масс-медиа дискурса является медиатекст — особая последовательность знаков различных семиотических систем (языковых, графических, звуковых, визуальных), специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации. Изучение специфических языковых средств в медиатексте является главной целью лингвистического аспекта информационной войны.

Рассматривая информационную войну в масс-медиа дискурсе, мы можем дополнить данное нами определение: **информационная война с лингвистической точки зрения — это информационное воздействие посредством особых коммуникативных практик в медиатексте, включающих в себя специфические языковые стратегии и тактики, целью которых является намеренное воздействие на сознание человека с целью достижения определенных стратегических целей**.

В описании информационной войны мы часто используем такой психологический процесс, как «воздействие», именно поэтому важно отметить роль данного понятия в масс-медиа дискурсе. В масс-медиа дискурсе любой тип воздействия направлен на сознание адресата (аудитории) с целью ее психологического подчинения. Иными словами, совершается манипулирование массовым сознанием.

Манипулирование массовым сознанием — это реализация стратегии идеологического подчинения, когда доминирующая политическая элита стремится навязать массам определенные взгляды, мнение, отношение с целью получить одобрение своих действий [6, с. 6].

Таким образом, манипулирование массовым сознанием является ключевым в определении информационной войны. По мнению Т. ван Деи́ка, когда речь идет о манипуляции, у адресата нет возможности противостоять манипуляции и он становится

ее жертвой [\[14, с. 21\]](#). Данное наблюдение является особенно актуальным, когда мы рассматриваем информационную войну в масс-медиа дискурсе.

Чаще всего аудитория «поглощает» информационный контент без возможности дать обратную связь или вступить в дискуссию, то есть является пассивным участником, на которого оказывается прямое манипулятивное воздействие.

Не просто так было отмечено ранее, что у информационной войны существует техническая составляющая, а именно: механизмы и площадки, в которых происходят «боевые действия». Несомненно, в общем понимании этим механизмом являются СМИ. Однако, механизмы внутри СМИ могут также отличаться.

На данном этапе важно отметить, что информационная война в социальных медиа, или социальных сетях, значительно отличается именно из-за возможности дать обратную связь и вступить в открытый диалог с автором информации, то есть взять на себя активную роль и ответить на воздействие. Отсюда вытекает очень важное замечание. Постоянное развитие средств массовой информации влияет на одну из составляющих информационной войны, — техническую — которая отвечает за налаживание механизмов информационного влияния.

В данный момент мы являемся свидетелями такого феномена, как слияния социальных сетей и средств массовой информации: электронные СМИ используют площадки социальных медиа, таких как Facebook и Instagram^[11], Telegram, Вконтакте для дублирования, распространения и масштабирования своего контента. Процесс подачи информации через социальные медиа предоставляет возможности аудитории не только вступать в дискуссию со СМИ, но и наблюдать коммуникации между всеми остальными участниками. Это явление может не только повлиять на СМИ в различных проявлениях, но также получить дополнительную информацию от других участников, что также может повлиять на восприятие информации.

Переход СМИ в социальные сети создал новую сцену ведения «боевых действий» в контексте информационной войны. Теперь цепочка получения информации не замыкается на пассивном принятии информации получателем, но продолжается в процессе дискуссии между самими СМИ и другими получателями.

Таким образом, изучение языковых явлений информационной войны в масс-медиа дискурсе требует тщательной выборки не только самих масс-медиа, но также виды их технической реализации, так как это может значительно повлиять на оценку восприятия аудитории той или иной информации. Именно поэтому очень важна методология анализа языковых явлений информационной войны в масс-медиа дискурсе.

Важно понимать, что теоретическая основа методологии информационной войны еще не до конца изучена. Нами предпринята попытка научного осмысления методов изучения информационных войн в рамках масс-медиа дискурса.

Для изучения языковых средств информационных войн в масс-медиа дискурсе нужен гибридный подход, который был также описан Добросклонской в статье «Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации» [\[6, с. 6\]](#). Гибридный подход в изучении информационной войны в теории масс-медиа дискурса основывается на сочетании широкого спектра методов различных дисциплин, особенно лингвистических.

Основываясь на интегрированном подходе в изучении масс-медиа дискурса Т.Г. Добросклонской, можно сделать вывод, что методы изучения в теории масс-медиа

дискурса можно применять в изучении информационных войн. Интегрированный подход включает в себя группы методов лингвистического (лексический, стилистический, социолингвистический и др.), текстового (фоносемантический, интен-анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, морфологический, семантический и стилистический), критического, когнитивного, лингвокультурного и медиалингвистического анализа. Вышеизложенные методы формируют многоступенчатый подход, который позволяет рассмотреть воздействие информационного контента в СМИ со всех сторон.

Приведем пример изучения информационной войны в масс-медиа дискурсе.

Ярчайший пример информационной войны, охватившей весь мир без исключения и продолжающаяся по сей день, является информационная вакцинная война (ИВВ), связанная с приходом пандемии COVID-19 в 2019 году. В период с 2019 года по 2021гг. в СМИ сформировалась особая совокупность коммуникативных практик, направленная на достижение главной цели ИВВ – убеждение в необходимости вакцинации. Однако, процесс “убеждения” в различных странах не привел к достижению одинакового результата. Перед нами стоит цель — рассмотреть языковые стратегии и тактики воздействия на массовое сознание людей через призму СМИ. Иными словами, определить языковые явления, свойственные именно данному типу информационной войны.

Анализ следует начать с медиалингвистического анализа, то есть с описания выборки медиатекстов, в том числе описания их использования в конкретном виде СМИ (печатные, электронные, зависимые или независимые и др.). С помощью медиалингвистического анализа мы можем найти закономерности в использовании знаков каждого уровня медиатекста, а также вариантов их комбинаций, например сочетание слова и изображения. Данный метод описывает масс-медиа как особую среду, которая подчиняется специфическим правилам.

Затем методом когнитивного анализа мы соотносим реальную ситуацию по отношению к вакцинации с подачей информации в СМИ. Например, если в СМИ утверждается, что в стране А против вакцин выступает 60% населения, а по статистике 60%, наоборот вакцинировано, то имеет место быть намеренная дезинформация в тех или иных целях. Или, наоборот.

Метод критической лингвистики поможет нам проанализировать позицию государства на вакцинацию. После того, как мы выявили противоречия в информации в СМИ, мы можем перейти к изучению непосредственно содержательной части контента при помощи группы текстового анализа, а рассмотрение конкретных языковых средств при помощи лингвистического анализа. Итогом может быть обоснование гипотезы о причастности СМИ в ускорении/замедлении процесса вакцинации путем воздействия на общественное сознание.

Важно понимать, что вышеперечисленные методы являются частью изучения медиа-дискурса, но не являются методологически закрепленными в контексте изучения информационной войны. Сложность разработки методологии в отношении информационной войны заключается в том, через призму какой науки будет изучаться данный феномен.

Предположение о том, что методы изучения масс-медиа дискурса можно использовать в качестве методологической основы изучения, например, языковых стратегий и тактик информационных войн, является экспериментальным.

Интересно отметить, что в процессе поиска и подбора нужных методов исследования информационных войн с точки зрения лингвистического аспекта, нами не было найдены способы, с помощью которых проводился анализ. В большинстве исследований за аксиому принимался факт, что информационная война, как часть науки о политологии, рассматривается с позиции политической лингвистики, поэтому основными языковыми средствами является политическая метафора.

Заключение

В современном мире границы между войной и миром, между информированием, влиянием и манипулированием весьма подвижны. Скорость развития политических событий предопределяет появление новых разновидностей информационных войн в международной сфере: вакцинной, паспортной, миграционной, визовой и т.д. Именно поэтому авторы, специалисты по коммуникациям и технологиям развивают тезис о том, что в современном постиндустриальном, информационном обществе социальное и экономическое развитие тесно связано с развитием коммуникаций и медиа.

Сегодня рассматриваются вопросы перехода от информационного сопровождения к информационному партнерству и, наоборот, информационному противоборству и информационным войнам как новым векторам движения к организации общественного участия в социальном развитии. Милитаризация коммуникационных технологий, экзотизация языка СМИ и медиа обуславливают большую часть общественных процессов, в том числе и на международной арене, содействуя развитию или деструкции международных отношений. Оцифровывание коммуникации и сама коммуникация в сети происходит по большей части средствами вербальных и различных семантических знаков, которые, в свою очередь, могут быть объектами исследования лингвосомиотики и других междисциплинарных отраслей наук. Погружение все большей части человечества в виртуальный мир медиа в век цифровизации породило спрос на создание информационного оружия, кибервойск со всеми его составляющими: soft power, дискурсивной силой и технологиями и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что методы изучения информационной войны в масс-медиа дискурсе являются малоизученными. Чтобы определить лингвистические особенности информационной войны, необходимо пользоваться либо уже существующими методами лингвистического анализа, либо подходить к вопросу изучения с абсолютно новой стороны.

[\[1\]](#) экстремистская организация, запрещенная в РФ

Библиография

1. Белова Н.Е. Особенности дискурса информационной войны // Приволжский научный вестник. 2015. С. 75–78.
2. Бернацкая А. А. , Горностаева Ю. А. , Евсеева И. В. [и др.] Лингвистика информационно-психологической войны. Книга III: монография; под ред. проф. А. П. Сковородникова.-Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 340 с
3. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. — М. : Книжный мир, 2012. С. 216-217.
4. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. No 2 (56). С. 10–16.
5. Гриняев С.Н. Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива. – СПб.: Арлит, 2000 С. 14-17.

6. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. // Вестник Московского университета, серия 10. – No 2, 2006. С. 20-21.
7. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – No2 (73). – 2010. С. 16.
8. Лобанова Т.Н. Внешнеполитическая проблематика в китайском политическом медиадискурсе: лингвистический анализ (на примере анализа выпусков канала "CCTV中文国际") // Litera. – 2019. – № 2. – С. 236-250.
9. Г.Г. Почепцов, Информационные войны, Серия: Образовательная библиотека. Издательство: Рефл-бук, 2001 г. 576 с
10. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны [Текст]/ И.Н. Панарин. – М: Поколение, 2012. – С. 55-56.
11. Соколова, А.М. Использование информационных войн как оправдание глобализации / А.М.Соколова//Управление и экономика: теория и практика: Сб. науч. трудов. Красноярск: ООО «Издательский центр «Платина», 2006. – Вып. 2.-С. 98-104.
12. Libicki M. C. What is Information Warfare? — Washington: National defense univ., 1995. P. 30-49.
13. Van Dijk Ideology: multidisciplinary approach, SAGE. – 1998. P. 22-49.
14. Van Dijk, T. Discourse and manipulation. Discourse & Society. 2006, 17 (2), P. 359—383.
15. Van Dijk, T.A. News as Discourse, NewYork: Erlbaum. – 1998. P. 22-23.
16. Van Dijk, T.A. Discourse and the denial of racism, Discourse & Society. —1992. P 87–118.
17. Van Dijk, T.A. Critical review of framing studies in social movement research, unpublished paper, Barcelona: Centre of Discourse Studies. — 2020 P. 14-15
18. Wodak, R. Normalization to the right: analyzing the micro-politics of the far right, in S.D. Ashe, J. Busher, G. Macklin and A. Winter (eds) Researching the Far Right: Theory, Method and Practice, London: Routledge. — 2020. 17 p
19. Wodak, R. The Politics of Fear. The Shameless Normalization of Far-right Discourses (2nd revised and extended edition), London: Sage — 2021. 337 p
20. Wodak, R. Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs, Volume 11, Crisis communication and crisis management during COVID-19, University of Lancaster, UK. — 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Лингвистический аспект информационных войн в масс-медийном дискурсе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду сложности, изменчивости и неопределённости процессов, которые образуют дискурс, а также тем фактом, что в последние годы в мире наблюдается процесс активной информатизации общества и глобализации всемирного информационного пространства.

Особый интерес представляет то, что в современном мире мы наблюдаем

информационные войны, одним из главных инструментов которых являются различные средства массовой информации, что делает работу по изучению лингвистического аспекта войн в СМИ актуальным.

Предметом исследования выступает функционирование языка в механизмах информационных войн. Основное содержание проводимого исследования составляет анализ понятия «информационная война» именно с лингвистической точки зрения. Новизна исследования заключается в том, что это медиалингвистическое исследование с привлечением зарубежных научных концепций (англоязычных), непереведенных и неопубликованных на русском языке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве методов исследования применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др.

Однако автором не приведена информация о том, какой объем корпуса и какого временного периода был отобран в качестве практического материала исследования, в связи с чем возникает вопрос относительно валидности и количественности материала: насколько актуальным является корпус и достаточен ли его объем для формирования выводов? Выводы автора не были проиллюстрированы сколько бы то ни было статистическими данными или языковыми примерами, что не позволяет говорить о возможности тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов.

В статье нет информации о возможных перспективах исследования.

Библиография статьи насчитывает 20 источников на русском и английском языках, к которым относятся научные статьи, тезисы докладов на конференциях. К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы.

К техническим недочетам относится дублирование в тексте статьи аннотации и ключевых слов на русском и английском языках, а также дублирование списка литературы, что противоречит правилам подачи статьи на рассмотрение в журнал "Litera"

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Считаем, что статья требует доработки в части усиления теоретической составляющей исследования, исправления технических ошибок размещения текста, а также приведение убедительной доказательной базы исходя из практического материала исследования. После доработки материала и повторного рецензирования, статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кудрявцева Р.А. — Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма // Litera. – 2023. – № 5.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40879 EDN: PIAAYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40879

Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.40879

EDN:

PIAAYU

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2023

Дата публикации:

01-06-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтики современного марийского романа в аспекте поэтики психологизма. Цель данной работы – выявить основные приемы психологизма и их художественные функции в романе В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе». Материалом исследования послужил текст романа В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе», а также исследования о нем в современной марийской литературной науке. Методологию исследования определяет структурно-семантический анализ произведения, который позволил выявить и подробно описать концептуально-смысловые и типологические составляющие психологического уровня данного романного текста. В статье доказано, что психологизм в романе марийского писателя проявляет себя на сюжетном (внутренний сюжет) и персонажном (приемы внутренней характеристики персонажей) уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений (несобственно-прямая речь). Среди средств психологической характеристики персонажа в романе Бердинского доминирующую роль играет психологическая деталь (внешняя в роли психологической и собственно психологическая). Делается вывод о том, что психологизм является стилевой доминантой романа В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе» и играет важную роль в

формировании авторской художественной концепции.

Ключевые слова:

марийская литература, роман, поэтика, Валерий Бердинский, художественный психологизм, внутренний сюжет, приемы психологизма, внутренний монолог, несобственно-прямая речь, художественная деталь

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388 «Марийский роман: история и поэтика».

ВВЕДЕНИЕ

Валерий Николаевич Бердинский (род. в 1950 г.) – современный марийский прозаик, вошедший в региональный литературный процесс в перестроечную эпоху с актуальной для неё социокультурной проблематикой, связанной с изучением состояния провинциального общества в условиях социально-экономического, культурного и нравственно-психологического сдвига.

Опубликованные им книги на марийском языке [\[4; 5; 6; 7; 8\]](#) и в переводе на русский язык [\[1; 2; 3\]](#) неизменно подчеркивали природную склонность Бердинского как писателя к короткой прозе, а именно, к рассказам. Единственное исключение в его творчестве в жанровом плане – это роман «Тый – мылам, мый – тылат» («Ты – мне, я – тебе») [\[9\]](#). Несмотря на различия, связанные с поэтикой романного жанра (широкие социальные связи персонажа с окружающим его миром, неоднородность проблематики и повествовательной структуры, многоплановость сюжета, многогеройность и др.), данное произведение органично вписывается как в общую концепцию его творчества (человек в условиях социальных перемен), так и в социально-нравственную проблематику переходной (перестроечной) эпохи. Роман «Ты – мне, я – тебе» – о рыночной экономике в сфере обслуживания переходного периода, с которой связывает автора более чем пятидесятилетний профессиональный опыт, нашедший безусловное отражение в произведении (после окончания в 1969 году Чебоксарского кооперативного техникума Бердинский приехал в родной Сernур, работал сначала товароведом на торговой базе Сernурского райпотребсоюза, с 1994 года председателем Сernурского районного потребительского общества, в настоящее время является председателем совета потребительского кооператива «Сernурское районное потребительское общество»).

В романе Бердинского, как и в его рассказах, отмечена его склонность как художника к острым и сложным темам, сюжетам (событийным и внутренним) и героям, к глубокому социально-психологическому анализу изображаемой действительности. Ею во многом и объясняются интерес писателя к психологическому повествованию и многообразие форм и приемов психологизма, использование которых, к примеру, позволяет автору «сосредоточить внимание как на свойствах личности, особенностях психического склада героя, так и на его сиюминутном эмоциональном (душевном) состоянии и идейно-нравственных исканиях» [\[13, с. 269\]](#). Однако поэтика психологизма в романе «Ты – мне, я – тебе» еще не становилась предметом специального изучения. Роман Бердинского «Ты – мне, я – тебе» аналитически изучен в настоящее время только в аспекте тематики, проблематики и персонажной системы [\[15; 16\]](#); также имеются рассуждения самого писателя об идейном замысле произведения в его интервью [\[19\]](#). Поэтика психологизма

Бердинского изучалась лишь в разрезе его рассказов [См.: 12, с. 101–107; 13, с. 215–280]. Что касается поэтики психологизма в марийской литературе, в целом, то в филологической науке она системно изучалась пока только применительно к жанрам повести [\[17\]](#) и рассказа [\[12; 13; 14\]](#).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЕ

Психологизм в романе Бердинского «Ты – мне, я – тебе» проявляет себя на сюжетном (внутренний сюжет) и персонажном (приемы внутренней характеристики персонажей) уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений (несобственно-прямая речь персонажа, художественная деталь в психологической функции).

Определяя место произведения Бердинского в современной романистике и резюмируя аналитическое рассмотрение персонажей романа, В. Т. Михайлов отмечает следующее: «...писателю в целом удалось передать динамику событий, показать отдельные образы в развитии и через призму их сознания и перипетии судьбы охарактеризовать сложившуюся ситуацию в общественной жизни страны в период перестройки» [\[15, с. 220\]](#). Соглашаясь с исследователем, заметим, что развитие этих «отдельных образов» (мы имеем в виду, в первую очередь, образ председателя Тичмарского райпо Петра Кузьмича Ямбулатова) дано не только в событийном, но и в психологическом ключе; кроме того, по своей «внешней» и «внутренней» биографии персонаж заметно приближен к биографическому автору, а рефлексии персонажа сродни нравственным и мировоззренческим установкам самого автора, вся трудовая деятельность которого связана с районным потребительским кооперативом.

Во внутреннем сюжете (в художественном разворачивании мыслей и чувств персонажа, в передаче внутренней конфликтности) значительное место отводится **внутреннему монологу** персонажа, который А. П. Скафтымовым определяется как «монологические размышления персонажей» [\[18, с. 305\]](#), позволяющие «приблизиться к наибольшей иллюзии живого процесса эмоционально-мыслительного акта как сложного клубка сталкивающихся мыслей, чувств и разнообразных побуждений» [\[18, с. 306\]](#). А в контексте средств выражения авторской позиции максимально важное значение приобретает еще и **несобственно-прямая речь** персонажа «как форма сближения перспективы (точки зрения) повествователя и героя» [см.: 13, с. 269].

В результате внутренняя сюжетная линия, связанная с главным персонажем Ямбулатовым, становится одной из важнейших сюжетобразующих линий романа, выражающих идею произведения, которую В. Т. Михайлов справедливо определяет так: «Романын тўш шоньмашыже – илышын кеч-могай йыжышыты- жат чын айдеме лийын кодаш тыршымаш. Автор шижтарынеже: окса огыл, а шўм-чон яндарлык – айдемын эн кугу поянлыкше. Воктен улшо йолташым окса мешакше дене огыл, а ушыж да чон яндарлыкше дене аклыман. Чын йолташ келшымаште нигунамат пайдам огеш кычал» [\[15, с. 221–222\]](#) (Основная мысль романа – необходимость оставаться человеком в любой жизненной ситуации. Автор хочет сказать: самое большое богатство человека не деньги, а чистота души. Окружающих людей надо оценивать не по их богатству (букв. мешку денег. – Р. К.), а по их уму и красоте души. Настоящий друг никогда не ищет в дружбе выгоду).

Рассмотрим движение психологического сюжета (центральной сюжетной линии романа) – внутреннее развитие образа Ямбулатова – с выделением ключевых внутренних

монологов и несобственно-прямой речи персонажа для обобщения сути внутреннего конфликта в нем и уточнения авторской концепции образа и романа, в целом.

Особенность поэтики психологизма Бердинского – это прослеживаемое на всем протяжении психологического повествования, в том числе связанного с внутренней динамикой главного персонажа, чередование сиюминутных и ретроспективных отрезков текста, сочетание (переплетение) в них внутренних монологов и несобственно-прямой речи персонажа.

Сочетание указанных приемов прямого психологического изображения отмечено уже в начале второй главы – в сцене размышлений Ямбулатова, только что приступившего к своей новой должности (отъехав от конторы, он едет в машине по своим делам): *Чынак, идалык пытымеш пел тылзе утларак веле кодын, а райпо ик верыште тошкыштеш. Т□□ показатель – товарооборот план – ок темалт. Латик тылзе жапыште аракам ужалыме деч посна ятырлан почеш кодмо. Декабрыт нимогай □шаным ок пу.< ... > «Кузе ворандарашыже?» – машинаште шинчышыжла шона Пётр Кузьмич, омсаште почылтшо янда гыч й□шт□ пурымымат ок шиж. Теве кызыт гаражыште лие – ончычсо семына нимогай вашталтыш уке. Те□гече адак кок машина шогалын. Тошто улыт, пудыргат. Адакше бензин уке нерген ушештарышт. Идалыкклан ойырымо фонд пытен. Респотребсоюзын ойырымыжо. А нефтебазе деч утыжым от нал – нимогай амал денат огыт пу. Тыгеже кок кече гыч чыла машина шогал кертеш. «Ушет кая тиде пашаште, – шона председатель, – йодыш почеш йодыш». <...> Райпо председатель але самырык. Эше кумло ийымат темен огыл, адакше потребкоопераций паша тудлан у, палыдыме. Тышке логалаш нигунамат шонен огыл ыле, манмыла, омешыжат ыш кончо, а чылажат тыге савырнен шинче* [9, с. 22. Далее в статье цитируется данное издание, страницы указываются в тексте в квадратных скобках. Перевод цитат на русский язык везде наш. – Р. К.] (Действительно, до конца года осталось чуть больше месяца, а райпо топчется на одном месте. Главный показатель – план товарооборота – не выполняется. В течение одиннадцати месяцев намного отстали, если не считать продажу водки. И декабрь не дает никакой надежды. <...> «Как справиться?» – думал Пётр Кузьмич, сидя в машине, не замечая даже холода, идущего от открытого стекла. Вот сейчас был в гараже – как и прежде, нет никаких изменений. Вчера опять встали две машины. Старые, ломаются. Еще напомнили, что нет бензина. Выделенный на год фонд исчерпан. То, что выделил райпотребсоюз. А от нефтебазы лишнего не взять – не дадут ни по какому поводу. Так через два дня могут остановиться все машины. «С ума сойдешь на этой работе, – думал председатель, – проблема за проблемой». <...> Председатель Райпо еще молодой. Не исполнилось еще тридцати лет, да и работа потребкооперации для него новая, незнакомая. Никогда не думал, что попадёт сюда, как говорят, и во сне не снилось, а вот как всё повернулось-то).

Последовательно сменяющие друг друга в данном фрагменте приемы психологизма (несобственно-прямая речь, внутренний монолог-реплика, снова несобственно-прямая речь, снова короткий внутренний монолог и завершающая часть – несобственно-прямая речь) максимально характеризуют исходную (в сюжете) смысловую составляющую персонажа (ответственность, хозяйский и критический ум, обеспокоенность за общественное хозяйство, адекватная профессиональная саморефлексия). Далее, в ретроспективной сцене встречи Ямбулатова с партийным руководителем района Шабалиным, доверившим ему руководство районной потребкооперацией, автором мастерски используется прием несобственно-прямой речи персонажа – с явными элементами намеренной стилизации нейтрального повествования под речь персонажа: *Самырык е□ шиже: партий райкомын икымше секретарьже тыгай мутланымашым уклан*

огыл тарватыш. **Но молан?** Вигак тудо ыш умыло. Титакым ыштымышла ок чуч. **А такше палет мо? Уке,** тыгела огыл. Тыгайлан вашлиймаш вест[рл] лиеш ыле. А кызыт Ивай Матвеевич шыман, ласкан кутыра. Адакше молгунамсыла тудым ок вашкыкте, ок покто. **Очыни,** мутланымашат кугу лиеш. Теве шомакшым ала-кушеч умбачын т[]але**Ох** и чоя тиде айдеме, Шабалин Иван Матвеевич. **Но вот молан комсомолын пашаж нерген шагал умылкала?** Пеш шуэн гына йодеш. **Теве кызыт шомакым луктеш гын веле? Лукмыжо... луктын.** Комсомол пашаш толмо нерген ойлас, паша ыштыме нерген. **Ала тудо мыланна, комсомол пашае[]-влаклан, т[]рыс []шана? Тыгелат чуче[]с.** 23–24] (Молодой человек догадался: первый секретарь райкома партии этот разговор не зря затеял. Но зачем? Он понял не сразу. Не чувствуется, что виноват. А вообще, как знать? Нет, не так. Из-за этого встреча была бы другой. А сейчас Иван Матвеевич спокойно, ласково разговаривает. Да и не торопит его, не гонит, как прежде. Наверное, и разговор будет большой. Вот и беседу начал откуда-то издалека. Ох и хитер этот человек, Шабалин Иван Матвеевич. Может, вот сейчас заведет речь? Завести... завёл. Надо же, говорит о приходе на комсомольскую работу, о выполнении этой работы. Может, он нам, комсомольским работникам, полностью доверяет? И такое чувствуется).

Особенности речи персонажа легко распознаются через специальные маркеры [они выделены нами в выше представленном фрагменте оригинального текста жирным курсивом, который будет использован нами и далее при выделении слов и выражений. – Р. А.]: многочисленные вопросы, короткие, незаконченные и «рванные» предложения (Пеш шуэн гына йодеш), личные местоимения (мыланна), эмоционально-оценочные междометия, слова со значением безоговорочного утверждения (чынак), отрицания (уке), предположения (очыни), вводные слова (манмыла). Слово «манмыла» много раз встречается и в прямой речи персонажа, что также подтверждает стилистическое сближение авторской речи и речи персонажа.

В последующих эпизодах психологические приемы воссоздают уже позитивно-авторскую коннотацию в образе персонажа (Ямбулатова), сосредоточенного на конструктивной критике, искренне обеспокоенного положением дел в районе и столь же искренне желающего перемен, верящего в их возможность. Приведем примеры таких эпизодов:

1) знакомство нового председателя райпо с работой пельменной и кафе: «Урем вел пырдыжше п[]тынек янда гынат, шинчалан ок перне. Шукерте огыл возен сакыме вывескат пырдыж семынак пурак дене леведалтын, – шоналтен, Пётр Кузьмич к[]ртнь[] омсам шупшыльо, пыкше почын се[]ыш. – Пружиным луштараш к[]леш», – мане шканж[]с. 27] («Несмотря на то, что уличная стена вся из стекла, в глаза не бросается. Недавно повешенная вывеска, как и стена, покрылась пылью, – подумав так, Пётр Кузьмич дернул железную дверь, еле открыл. – Нужно пружину ослабить», – сказал себе) (внутренний монолог); Ямбулатов шарна: иктаж кок-кум ий ончыч тыште кечывалвел гыч толшо-влак пашам ышташ т[]альыч. Шокшышто, газ плита воктен огыл, а буфетыште. Калык чыла пала, <...> вашке й[]к шарлыш: общепит директор Битуев ш[]жаржым да тудым марижым конден шогалтен. <...> Кафеште тачысе менюат пеш нужна ыле. Директор «Пашае[]-влак огыл сите» манын умылтарыш, но вет салатшым, винегретшым ыштен шукташ лиеш ыле. А кокимшо блюдо – ик л[]м гына. Мо тиде тыгай? Кечываллан кочкаш толшо калыкше мом манеш? <...> Уке, ыш келше Пётр Кузьмичлан рассольникат, калык манмыла, кем таган гай бифштексат – п[]ет чыта гын, чытыже! Тиде шот огыл[с. 28–30] (Ямбулатов помнит: примерно два-три года назад здесь начали работать южане. Не в жаре, у газовой плиты, а в буфете. Народ всё знает, <...> вскоре стало известно: Битуев привел свою сестру и ее мужа. <...> И сегодняшнее меню в кафе оказалось очень скудным... Директор объяснил, что работников не хватает, но ведь можно было успеть

сделать салат, винегрет. А вторые блюда – только одно название. Что это такое? Что скажет народ-то, пришедший на обед? <...> Нет, не понравился Петру Кузьмичу ни рассольник, и бифштекс, похожий, как говорят в народе, на подкову сапога, – если выдержит зуб, пусть терпит! Это не дело) (несобственно-прямая речь);

2) обобщение Ямбулатовым увиденного за день и анализ деятельности прежнего руководителя райпо (в этой сцене традиционный внутренний монолог и несобственно-прямая речь дополняются внутренним монологом «вслух»: *«Озаев дене товарооборот шотышто кызытак мутланыман. Идалыкым сайын пытараш к□леш, – й□кынак мане Пётр Кузьмич, сигаретым ылыжтыш. – Да, план. Чылаштын план. Тудым темыман. А тидлан могай у й□н уло? Товарооборотым палынак ончыко ш□кал колтышо...»* [с. 31] («Сейчас же нужно поговорить с Озаевым о товарообороте. Год надо хорошо заверить, – вслух произнес Пётр Кузьмич, зажег сигарету. – Да, план. У всех план. Его надо выполнить. А какие новые методы есть для этого? Заметно продвинувший товарооборот...»)).

Постепенно намечающийся и усиливающийся конфликт нового председателя райпо с его идейными и профессиональными оппонентами (Озаевым и его мировоззренческими сторонниками) мобилизует внутреннюю художественную стратегию личностного развития образа и делает явным авторское мастерство в области психологического повествования; при этом максимально актуализируются вышеназванные приемы прямой формы психологического изображения. Так, из переживаний и развёрнутых размышлений Ямбулатова, из его многочисленных внутренних монологов и несобственно-прямой речи, буквально опутывающих внешнюю коллизию романа (прежнее и новое мышление народа, руководители и простые люди, герой и антигерой), читатель узнает о негативных социальных процессах, губительной рыночной психологии эпохи перестройки, о причинах духовно-нравственного обнищания людей. Например, Ямбулатов размышляет о равнодушии людей (несобственно-прямая речь): *...Кызытше мо тугай? Кызытсе илышыже? Ниг□лан нимо ок к□л. Ниг□н вуйге-почге илыш ло□г, пуремыжо ок шу* [с. 39] (...Что сейчас-то? Современная жизнь? Никому ничего не надо. Никому не хочется полностью входить в гущу жизни). О безответственности руководителей и о разрушенном хозяйстве (несобственно-прямая речь): *Изиракыштынат, кугуракыштынат пашалан вуйын шогымышт ок шижалт. Нунылан пашазышт деч изиш кугурак оксам пуат да тетла нимом сайын огыт йод* [с. 40] (Не чувствуется радение за дело ни у руководителей, ни у подчиненных. Дадут им денег чуть больше, чем работникам, и теперь ничего хорошо не спрашивают); *Куш от ончал – эре ыштен шуктыдымо оралте, толымо техника, т□рл□ вере шала кийылтше оборудований* [с. 40] (Куда ни глянь – везде недострой, разбитая техника, разбросанное кругом оборудование). Ямбулатов ставит вопрос и о том, кто виноват во всеобщей разрухе, равнодушии и торгашестве, воцарившихся в новую эпоху (несобственно-прямая речь): *Тыште вара к□ титакан? К□? Ала вара тиде кугу п□лемыште шинчыше е□-влак? <...> молан нуно огыл, районым нуно вуйлататыс. Нуно калыкын □шанле е□ышт улытыс. <...> Калыкын? <...> Ала нунын огыл? Ала партийын? Очыни, партийын. Вет тудо ончылно* [с. 40] (И кто же здесь виноват? Кто? Может, сидящие в этом большом кабинете люди? <...> А почему не они, они же руководят районом? Ведь они же доверенные лица народа. <...> Народа? <...> Может, не народа? Может, партии? Наверное, партии. Ведь она впереди). В романе представлены многочисленные размышления Ямбулатова о том, как систематизировать, оптимизировать и направить в сторону народных интересов работу райпо; они обильно представлены в диалоге Ямбулатова и корреспондента Ильи Ильича.

Конкретным средоточием негативных изменений в обществе является в романе Озаев, в образе которого Бердинский представляет бездушного хозяина мира, возвращенного

перестроечной эпохой товарного дефицита, занятого идеей безмерного обогащения, оторванного от людей и безразличного к их судьбам [см. об этом: 15, с. 226]. С авторским разоблачением именно такого социально-психологического типа личности связан слоган «Тый – мылам, мый – тылат» («Ты – мне, я – тебе»), вынесенный в название романа, имеющий символический смысл, обобщающий характер изображаемой эпохи. Психологические куски текста либо предваряют внешние столкновения Ямбулатова с Озаевым, либо следуют за ними как анализ действий оппонентов или своих собственных планов и дел, направленных на общее благо; они передают либо сомнения главного персонажа, либо его твердые нравственно-этические установки – в обоих случаях они призваны возвысить его в глазах автора и читателей.

Центральная сцена с точки зрения закрепления в событийном сюжете конфликта Ямбулатова с Озаевым и всей системой ненормальных отношений, сложившихся в перестроечную эпоху, а в психологическом сюжете рефлексирующей роли положительного персонажа – это разоблачение виновников ЧП со стиральной машиной. В ней важнейшее концептуальное значение приобретает несобственно-прямая речь Ямбулатова, в которой даны его размышления о нравственных бедах общества, о современном боге (дефиците) и главном его принципе, развращающем людей – снизу доверху, а также сформулированы философские составляющие мировоззрения Ямбулатова и самого автора, не принимающих дух торгашества и неуважения к людям: ... *вургем мушмо машина – дефицит. Мутшат ала-мо тугай: ни рушла сайын ок шокто, ни марла. <...> Шомакше лач сату ситыдымым гына ок ончыкто шол. Дефицит – тиде шкеж дек шупшшо йыжы□ан корно... Южгунам моткоч к□лешан □згар кава гыч чо□ешт волатыла толеш. Садлан саде кавасе тулар-тулачым мондаш намысын чучеш. Икманаш, нунымат ит мондо, тыгак вашеште: «Тый – мылам, мый – тылат». <...> Мутат уке, тыгайым чыташ йёсё. <...> Ямбулатов изинекак чылажымат шке кидше дене ыштен тунемын, киндешинчалын акшым сайын пала. Вет ялыште шочын-кушкын, кресаньык ешыште. Садланак ала-мо е□ыным пагален моштышо, чыла пашам куштылго й□н дене вора□дара тунемдыме. Такше тудо дефицитын мо тугайжым умыла, таче гына шочын вочшо огыл. Но тудлан тиде корно путырак амырчыкын чучеш. Тый пуйто айдеме отыл, а ала-могай ш□кш□ йыдал. Нимом ыштен моштыдымо, чыла деч л□дш□, коля чонан. А тиде корныш коштшо е□ шкенжым чыла кертшылан шотла, курыкым савырен кертам, шона[с. 89] (... стиральная машина – дефицит. И слово-то какое: ни по-русски не звучит, ни по-марийски. <...> Слово-то, видать, обозначает не только нехватку товаров. Дефицит – это манящая к себе многоколенчатая дорога... Иногда очень нужная вещь как будто с неба падает. Поэтому кажется стыдным забывать небесных свата и сваху. Одним словом, не забывай и их, также ответь: «Ты – мне, я – тебе». <...> Безусловно, такое трудно выдержать. <...> Ямбулатов с детства привык все делать своими руками, хорошо знает цену хлеба-соли. Ведь родился и вырос в деревне, в крестьянской семье. Может, поэтому умеет ценить чужое, не научен искать во всех делах лёгких путей. Вообще-то он понимает, что такое дефицит, не сегодня родился. Но эта дорога ему кажется слишком грязной. Будто ты не человек, а какой-то старый лапоть. Ничего не умеющий делать, всего боящийся, с мышинной душой. А тот, кто ходит по этой дороге, считает себя всесильным, думает, что может горы свернуть).*

Как прием психологической характеристики персонажа значительное место у Бердинского занимают не только внутренний монолог и несобственно-прямая речь, но и **художественные детали** – как внешние в роли психологических (речь идет о контекстуальном превращении в психологическую пейзажной, портретной или вещной деталей, выражающих те или иные душевные движения), так и собственно психологические, присутствующие в романе двух видах. С первым видом связаны

внутренние жесты – детали как составляющие «приема умолчания» или «невербального диалога»: действия и явления кинесики – «жесты, элементы мимики и пантомимы» [10, с. 296] (Л. В. Чернец), а в невербальном диалоге «еще и паралингвистические элементы, как то: смех, плач, темп речи и прочее» [10, с. 296. Курсив автора цитируемого нами высказывания. – Р. К.] (Л. В. Чернец). Такую деталь в литературной науке условно определяют как косвенную форму психологической детали (И. В. Страхов), либо как «внешние проявления внутренней жизни героя (мимика, пластика, жестикация, речь на слушателя, физиологические изменения и т. п.)» [11, с. 34], либо как «детали динамического портрета персонажа» [10, с. 296]. Второй вид – собственно психологическая деталь, соотносимая с суммарно-обозначающей формой психологического изображения, при которой о мыслях и чувствах персонажа сообщается с помощью прямого названия того, что происходит во внутреннем мире персонажа (по А.П. Скафтымову, «вербальное обозначение чувства») [18, с. 302].

Полагаясь на эти теоретические установки, рассмотрим несколько примеров художественных деталей в психологической функции в романе «Ты – мне, я – тебе» с их проекцией в семантику характеров персонажей.

Молодой комсомольский районный лидер Ямбулатов, вызванный к секретарю райкома партии, – испытывает волнение, смущение, переживает в ожидании неизвестного (новой грани отношения к нему со стороны Ивана Матвеевича, какого-то предложения): *Пётр Кузьмич вашталт кайыш, ала-мом шижшыла **чевергале*** [с. 23] (Пётр Кузьмич **покраснел**, как будто что-то почуяв); *Иван Матвеевич <...> ончалтышыжым адак рвезе □мбак кусарыш <...>. Самырык е□ тыгай ончалтышым се□аш т□чыш – ыш кервуйжо **сакалте*** [с. 23] (Иван Матвеевич <...> снова перевел взгляд на парня <...>. Молодой человек попытался справиться с таким взглядом – не смог, потупил [букв. повесил. – Р. А.] голову); *Пётр Кузьмич нимом шоналтен ыш шукто, лач, ала-мом шижшыла, **юрт лийын кайыш**. Таче тиде п□лемыште умшажым первый гана почын, а моткочак шуко кутырымыла чучеш. Теве эсогыл **умша кошкен**, н□рташат уто огыл. Ончалтышыже изи □стембалсе графин □мбак возо, шиждеак□ **вылв□дшым нелёс*** [с. 24] (Пётр Кузьмич не успел ничего подумать, как испугался, словно что-то почуяв. Сегодня в этом кабинете первый раз открыл рот, но, кажется, словно очень много говорил. Вот даже во рту пересохло, не лишним было бы помочить. Его взгляд упал на графин на столе, бессознательно глотнул слюну).

Первая реакция Ямбулатова на предложение Ивана Матвеевича стать председателем райпо выражена автором на паралингвистическом уровне: *...**кокыралтыш** Пётр Кузьмич* [с. 25] (...покашлял Пётр Кузьмич). В этой детали сложная психологическая гамма: и растерянность, и удивление, а также неуверенность (Пётр Кузьмич далее намекнет на отсутствие у него всей полноты знаний о работе) и одновременно ощущение какой-то собственной значимости (деталь следует после слов Шабалина о том, что он верит в него и что у него все получится).

В свою очередь, доброе расположение, внимание секретаря райкома партии к молодому активисту также передается с помощью психологических деталей, главных образом, портретных в роли психологических и внутренних жестов: *А тиде гана Иван Матвеевич Шабалин тудын ваштарешыже **шыргыжал** тольо, лопка **пушкыдо кидшым** рвезе е□лан шуялтыш, **шокшын кормыжтыш**. Вара, **волгыдо шинчаж дене** Ямбулатовын ончалтышышкыже т□кнен, □стелт□рыс□ п□кеным ончыктыш, шинчаш йодо* [с. 23] (А на этот раз Иван Матвеевич Шабалин подошел к нему навстречу улыбаясь, протянул парню свою

широкую мягкую руку, тепло пожал. Затем, столкнувшись своим светлым взглядом с глазами Ямбулатова, указал на стул около стола, попросил присесть); ...чока чурийыште **шыргыжмаш пале ылыже**, самырык е[□]ымт[□]ткын онче[□] мане... [с. 25] (...на широком [букв . плотном, массивном. – Р. А .] обозначилась улыбка, внимательно всматриваясь в молодого человека, сказал...).

А недоумение, непонимание секретарем райкома сомнений подчиненного по предложенной им должности передается с помощью деталей приема умолчания: *Пётр Кузьмич Ямбулатов пелештен моштыдымо лийын шинче*, пуйто п[□]кеныш пудалалте [с. 25] (Пётр Кузьмич Ямбулатов потерял дар речи, будто пригвоздили его к стулу).

Психологические детали весьма важны в контексте внутренней динамики персонажа, они вписаны автором в описание манеры его поведения, коммуникативных отношений. В качестве примера приведем сцену общения Ямбулатова с руководителем кафе «Встреча»: – *Тазеша Гитуевич, озанлыкетым ончыкто*, – **пеле строгын, пеле шыргыжалын** мане Пётр Кузьмич [с. 29] (– Тазеша Гитуевич, покажи свое хозяйство – наполовину строго, наполовину улыбаясь, сказал Пётр Кузьмич). Автор указывает на рост молодого руководителя, набирающего опыт профессионального общения, меняющегося под влиянием встреч с людьми, понимающего и исправляющего свои ошибки. Это сцена, в которой есть место не только строгости, но и улыбке, заметно отличается от сцены встречи (по сути, «облома» только что назначенного нового руководителя) с самоуверенным начальником автоколонны Костиным, прямо, но по-доброму подавшим ему урок жизни: Ямбулатов вёл себя слишком сурово, неприветливо и даже неблагодарно. Такая психологическая подоплека поведения персонажа также передавалась с помощью психологических деталей: *вашеш ыш шыргыжал, ышат пелеште* [с. 25] – в ответ даже не улыбнулся, промолчал (портретная и в составе умолчания); Ямбулатов *са[□]гам куптыртыш* [с. 25] – Ямбулатов сморщил лоб (портретная, близкая к внутреннему жесту). А доброе, при всей внешней иронии и начальственности поведения, отношение Костина к Ямбулатову передается не только с помощью портретных (*шыргыжале*), но и собственно-психологических (*лыжган каласыш*) деталей.

Сильные переживания Ямбулатова по поводу предстоящих дел, его планов, настоятельное желание решить волнующую его проблему, внутренняя сосредоточенность на ней большей частью передаются в романе с помощью внутренних жестов: *Райпо председатель эшеат йол [□]мбалне [□]стел воктене ты[□]ге-ту[□]ге коштедыш*, вара **верышкыже шинче**, шке заместительже [□]мбакт[□]ткын ончале [с. 33] (Председатель райпо все ещё на ногах, туда-сюда походил около стола, затем сел на свое место, внимательно посмотрел на своего заместителя).

Внутренние жесты часто даются в сочетании с описательными деталями в роли психологических или собственно-психологическими деталями, которые большей частью конструируются автором из экспрессивной лексики или тропов: *Пётр Кузьмич **верже гыч тарваныш**, п[□]лем мучко коштын савырныш*. Йол йымалне эсогыл к[□]вар л[□]галт[□]е ик вере **йы[□]ысен кочыртатыш, чонышко козыран керылте** [с. 26] (Пётр Кузьмич дёрнулся с места, прошелся по всему кабинету. Даже под ногами пол качнулся, а в одном месте скрипнул застонав, жёстко [букв . шероховато. – Р. А .] врезалось в сердце). В данном фрагменте автор мастерски пользуется вещными деталями в психологической функции (*эсогыл к[□]вар л[□]галт[□]е ик вере йы[□]ысен кочыртатыш*) и прямым обозначением чувства (***чонышко козыран керылте***). Интенсивность и сила переживаний персонажа в этих случаях достигается за счет метафоризации, используемой в деталях.

Вещные детали в психологической функции вкупе с внутренними жестами встречаются на всем протяжении романного повествования, в некоторых случаях явно преобладая, например, в сцене разговора Ямбулатова с его заместителем по поводу плохой работы магазина и «казуса» со стиральной машиной. Они заметно усиливают психологическую составляющую ситуации – крайнее недовольство и возмущение председателя райпо: *Райпо председатель ыш чыте – **сигарет атым руалтыш*** (Председатель райпо не выдержал – схватился за пепельницу); *Пётр Кузьмич **п□кен э□ертышым мурыктен колтыш*** [с. 80] (Сильно заскрипела спинка стула Петра Кузьмича [букв . Пётр Кузьмич заставил запеть спинку стула. – Р. А .]).

В случае с более «приглушенными» эмоциями персонажа, например, недоумением и удивлением, Бердинский обращается чаще всего к сочетанию портретной, собственно-психологической деталей и внутреннего жеста (мимики): *Ямбулатов, **вачым туртыктен, нимом улыдыде, чылаштымат ончал колтыш*** [с. 83] (Ямбулатов, пожав плечами, ничего не понимая, всех окинул взором).

В романе масса сугубо психологических сцен, связанных с образом главного персонажа и построенных на множестве разнообразных деталей. Одна из таких сцен – это сцена общения Ямбулатова с пришедшей к нему в кабинет старшим товароведом райпо Людмилой Ушаковой. Эта сцена содержит в себе элементы внутренней борьбы персонажа: с одной стороны, рефлексорная реакция мужчины на красивую женщину (*Волгыдо, кугу шинчаш т□кнен, **чонжо пуйто шогале, туртыналт колтыш*** [с. 36] (Натолкнувшись на светлые, большие глаза, сердце будто остановилось, сжалось); *Пётр Кузьмичын **й□кш□ □кымрак лектечонжо пырткалттым** шижылалтыш* [с. 36] (Голос Петра Кузьмича получился принужденным, почувствовал сердцебиение); *Пётр Кузьмичын **ушыжо** икмыняр жаплан пуйто **тўндалте, чонжо вургыжалтыш. Икмыняр жап тарваныде шинчыш...*** [с. 37] (Разум Петра Кузьмича на какое-то время будто помутился [букв . напрягся. – Р. К .], душа огорчилась. Некоторое время сидел неподвижно...); с другой стороны, желание управлять собой (...*самырык п□рье□ шке шонымыжлан **пентыдын руале*** [с. 37]) (...молодой мужчина твёрдо обрубил свои мысли). Женский персонаж в этой сцене представлен, вообще, минимумом речи, почти вся фактура образа – это движения героини и портретные детали, передающие ее волнение и ощущение неловкости: ...*пырдыж воктенсе п□кеныш шинче, **вожылалме гай лие. Тидыже йыргешке ш□ргывылышыште вигак палдырныш. Адакше йошкар помаде дене чевертыме оваргалше т□рвыж□ **ончыко шуйналте** кужу пунан **шинчаже пыч-пыч лийылдале***** [с. 36] (...сидела на стуле возле стены, как будто стеснялась. Это сразу отметилось на ее круглом лице. И распухшие ее губы, накрашенные красной помадой, вдруг вытянулись вперед, глаза с длинными ресницами заморгали); ...*Люда **тўкныш, ала-могай алгаштарыше шомакым пешак каласынеже ыле, **чытыш, шыргыжал колтен, кынел шогале***** [с. 37] (...Люда остановила себя [букв . споткнулась. – Р. К .], хотела сказать какие-то ободряющие слова, стерпела, улыбнувшись, встала).

Подобным же образом построена сцена разоблачения Озаева в махинации, связанной с продажей и возвратом стиральной машины; с помощью деталей в психологической функции мастерски раскрывается не только состояние Ямбулатова и Озаева (главных участников события), но и второстепенных персонажей, в частности, напуганных продавцов, пытавшихся поначалу скрыть реальные обстоятельства, а затем вынужденных во всем признаться и назвать реальных мошенников.

Именно благодаря использованию психологических деталей получает психологическую мотивировку в романе Бердинского образ антигероя Озаева. При этом психологическая деталь часто становится еще и мощным характерологическим средством: *Пётр Кузьмич*

ончалтышыжым Озаев велыш викарыш. Ыш умыло – тудыжо мом шона? А Озаев верже гыч тарваныш, кынервуйжо дене □стембак э□ертен шинче, вара кокыралтыме шотым ыштыш [с. 32] (Пётр Кузьмич направил свой взгляд на Озаева. Не понял – он-то что думает? А Озаев тронулся с места, сел, опершись локтями за стол, затем изобразил кашель). Все детали в данном фрагменте (верже гыч тарваныш, кынервуйжо дене □стембак э□ертен шинче, вара кокыралтыме шотым ыштыш) это, главным образом, внутренние жесты) свидетельствуют не только о внутреннем напряжении и несогласии Озаева с его руководителем, но и о таких чертах его характера, как хитрость, лживость и лицемерие. Автор неслучайно здесь и в дальнейшем повествовании постоянно акцентирует внимание читателя на такой важной детали, как попытка избежать прямого (с глаза на глаз) общения с собеседником. Он постоянно отводит от него глаза: *Пётр Кузьмич Озаевым юлт ончал колтыш. Тудыжо **вуйым савырале** ...* [с. 33] (Пётр Кузьмич неожиданно взглянул на Озаева. Он же повернул голову в сторону...).

В отдельных случаях на коварные и тайные мысли и планы Озаева (при внешнем его согласии с собеседником) автор указывает с помощью собственно-психологических деталей типа: *Озаев **чонжо дене куанен шыргыжале**, но т□жвал т□сш□ дене ы палдаре, шомакым вигак вес велыш лупшале* [с. 34] (Озаев в душе радостно улыбнулся, но не показал внешне, разговор сразу перевел в другую сторону). В романе много раз обращается внимание на полуулыбку Озаева, на искусственность улыбки, на изображение им улыбки (*шыргыжалме шотым ыштыш* [с. 80] – изобразил похожее на улыбку), таким образом автор подчеркивает неискренность, скрытность, двуличность (несоответствие внешней и внутренней жизни) персонажа. Обратимся к передаваемому с помощью собственно-психологических деталей лицемерному поведению Озаева при проверке магазинного склада (он пытается скрыть махинации, к которым, как оказалось, и он причастен; его переполняет чувство злости и недовольства): *Тудо чылаштанат пешак **сырен** гынат, тидым т□жвак ок лук, шкенжымтыматлын куча* [с. 84] (Он сильно зол на всех, но не выпускает это наружу, держится спокойно); *Озаев вачым туртыктыш. Шинчаштыже **шыде тул** койо гынат, **семынже шыргыжалашат т□чыш*** [с. 84] (Озаев сжал плечи. Несмотря на то, что в его глазах обозначились злые огоньки, в глазах, попытался про себя даже улыбнуться).

Автор меньше, чем при создании образа главного (положительного) героя, прибегает при создании этого образа к внутреннему монологу, чаще всего к короткому (например, в сценах, когда он про себя надсмехается над людьми), или к несобственно-прямой речи. Главным образом, он пользуется ими для передачи ненависти Озаева к людям: *Эшеже теве тиде шо□го карта толын шинчынат, озалана, кугу тумам тарваташ ямдыла коеш. Ала-мо к□леш лийын, витне. Чылалан к□леш, чылалан! Пел йолышт дене ш□гарь тошкалшышт самырык кашак деч шуко сатум налнешт. Тидым пу, тудым! Шкаланышт налыт мо дефицит сатум нине карта-шамыч? Эрге-□дырышлан, шешке-ве□ышлан. Вот и ситаре нунылан – сут, темдыме кашаклан!* [с. 42] (Еще и вот этот старый хрыч явился, хозяйничает, похоже, готовит большой раздор. Что-то понадобилось, видимо. Всем нужно, всем! Те, кто одной ногой стоит в могиле, хотят у молодых [букв . толпы молодежи. – Р. А .] отнять больше товаров. Это дай, то! Разве себе берут этот дефицитный товар эти недотёпы? Сыновьям-дочерям, снохам-зяткам. Вот и обеспечивай их – жадную, ненасытную толпу!).

Злость Озаева постоянно подчеркивается автором и с помощью собственно-психологических деталей. Злость и ненависть к людям представлены как постоянная и умело маскируемая доминанта внутреннего состояния Озаева: *Вараже **шыдыже лектын шуо...*** [с. 196] (Затем проснулась его злость); *Озаевын **шыдыже чотак лекте*** [с. 239]

(Озаев сильно обозлился). Они усиливаются в нем с каждым новым разоблачением его нечестной профессиональной деятельности и, видимо, неискоренимы. Последнее подчеркивается новым психологическим приемом, увязываемым с мотивом двойничества. В Озаеве, только что получившем строгий выговор от партийного райкома за недобросовестную работу в райпо, спорят в нем два «субъекта». В споре души (*Чонжо*), призывающей к благоразумию и саморефлексии, и голоса (*Йўкшō*) побеждает голос, то есть реальный Озаев, самодовольный и в глубине души презирующий всех мошенник. И даже после вызова в прокуратуру (за приписки) он по-прежнему верен принципу – своему и перестроечного времени: *Закон – закон шот дене, а мый тылат...* [с. 245] (*Закон – по закону, а я тебе...*). Так отвечает Озаев своему двойнику на его предупреждающее замечание: *Ок лий, закон тыге ок к□шт□* [с. 245] (Нельзя, закон запрещает).

Всё это не позволяет нам согласиться с утверждением В. Т. Михайлова о том, что в конце романа намечены элементы позитивной эволюции Озаева, правда, продолжения этой линии социального поведения, которую автор хотел представить во второй книге романа, автор не увидел в самой жизни и потому, по мнению исследователя, не приступил к ее написанию [6, с. 226].

По нашему мнению, даже трагический случай, данный в финале произведения, не избавил Ораева от бесчеловечности, эгоизма и жажды власти над людьми и миром. Все сцены грубого и пьяного поведения Озаева в конце романа содержат авторское презрение к персонажу и убеждают читателя в невозможности его прозрения. Злая сила, по авторской концепции, отличается уникальной живучестью: пьяного Озаева, уже почти утонившего в весеннем пруду, с еще не растаявшим льдом, спасают два молодых друга, воспитанных на принципах человечности, диаметрально противоположных тем, которым следовал в своей жизни Озаев (...*е□ым серыш лукташ к□леш* [с. 282] – ... человека надо вытащить на берег); *Вет айдемым утарен кодаш чылажымат ыштыман* [с. 283] – Ведь для спасения человека нужно сделать всё возможное); а один из них – простодушный Эрик, узнав в утопающем своего дядю, надеется, заполучив от него поддержку, наконец-то приобрести долгожданный мотоцикл (эти мысли Эрика переданы через его внутренний монолог и несобственно-прямую речь). Таким образом, автор возвращает читателя к заглавию романа, выражающего бесчеловечный принцип взаимоотношений, утвердившийся в перестроечную эпоху. Авторское замечание о мечте Эрика, соотносимое с символическим заглавием романа, вкупе с унылыми пейзажными деталями (*Уремыште юалге, но кылмыктен огыл. Каваште пыл виян иеш. <...> Тыгодым жаплан лекше тылзе шем пыл ше□гек шыле, р□п пычкемышалте Шукат ыш лий, ночно лум йогаш т□□але Тудо койын оварыш, опытра□е Чо□гаталаште почылтшо, шошо юж дене ш□лалтыше мланде угычола-вула посто дене леведалте* [с. 285] – На улице прохладно, но не морозно. В небе быстро плывут облака. <...> При этом на время показавшаяся луна спряталась за черной тучей, резко стемнело. Прошло немного времени, и стал падать мокрый снег. Он заметно разбух и завалил всё вокруг. Открывшаяся на холмах и задышавшая весенним воздухом земля снова покрылась пятнистым сукном), уже не оставляет места для авторского оптимизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, психологизм можно определить как стилевую доминанту романа Бердинского «Ты – мне, я – тебе». В произведении марийского писателя он мощно проявляет себя на сюжетном и персонажном уровнях текста, а также он важен в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений. Важнейшим средством реализации

психологического сюжета (внутренняя жизнь персонажа, ее динамика) становятся внутренним монологом и несобственно-прямая речь. Несобственно-прямая речь персонажа как прием психологизма, выражая активное сближение позиции автора и главного персонажа, безусловно, способствует раскрытию авторских идейно-смысловых установок в романе. Среди средств психологической характеристики персонажа в романе Бердинского доминирующую роль играет психологическая деталь (как внешняя в роли психологической, так и собственно психологическая).

Библиография

1. Бердинский В. Н. Все мы люди: рассказы. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2018. – 384 с.
2. Бердинский В. Н. Гость: рассказы. – Сернур: ООО «Формат», 2009. – 143 с.
3. Бердинский В. Н. Евдокия: рассказы / пер. на рус. Н. Бердинской, А. Спиридонова. – Киров, 2008. – 256 с.
4. Бердинский В. Н. Игем-шамыч: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2010. – 432 с.
5. Бердинский В. Н. Колча: ойлымаш-влак. – Советск: «Вести трехречья» издательский дом, 2004. – 144 с.
6. Бердинский В. Н. Кресава: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. – 128 с.
7. Бердинский В. Н. Мардеж шўшка: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. – 192 с.
8. Бердинский В. Н. Ови: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2001. – 80 с.
9. Бердинский В. Н. Тый – мылам, мый – тылат: роман. Икымше книга. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. – 286 с.
10. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.
11. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
12. Калашникова Л. В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции): монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2022. – 180 с.
13. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011. – 324 с.
14. Кудрявцева Р. А. Деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексеева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета: научный журнал. – 2009. – № 5. – С. 61–66.
15. Михайлов В. Т. В. Бердинскийын «Тый – мылам, мый – тылат» романже: теме, проблематике, образ ситеме // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе: материалы VII респуб. науч.-практ. конференции «Йыван Кырла лудмаш», посв. 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / МарНИИЯЛИ; отв. ред. С. К. Свечников. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 219–227.
16. Михайлов В. Т. Кызытсе марий прозо: монографий очерк. – Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пöрт, 2022. – 479 с.
17. Рябинина М. В. Марийская повесть второй половины XX века: поэтика

психологизма: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2016. – 183 с.

18. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю.Н. Борисов. – М.: Высш. шк., 2007. – 535 с.

19. Яндулова Н. «Книгам возымаш – мыйын хобби гай», – оила «Тый – мылам, мый – тылат» романын авторжо Валерий Бердинский // Кугарня. – 1994. – 11 нояб.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения как особенностей поэтики в целом, так и специфики художественного произведения современного прозаика, относящегося к народам Российской Федерации и творящего на одном из языков нашей страны. Отметим, что исследования подобной проблематики довольно редки. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики, так как поэтика психологизма изучалась ранее только на материале коротких рассказов писателя.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Однако, автор не указывает объем языковой выборки и принципы отбора материала для анализа. Так, теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на марийском языке в авторском (?) переводе на русский язык или были взяты параллельные тексты на русском языке. Ссылка технически оформлена неверно. В исследовании автор не приводит информации об объеме языкового корпуса, отобранного для исследования.

В тексте статьи есть неверные формулировки, например, «сюжетном и персонажном уровнях текста» - таких уровней текста в филологических науках нет.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не субъективное авторское видение.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Упоминание в библиографии учебника (10) не демонстрирует высокий научный уровень

автора и его осведомленность в рассматриваемой проблематике.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по отечественной литературе. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Роман В. Н. Бердинского «Ты – мне, я – тебе»: поэтика психологизма» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Карпов Э.С., Грабельников А.А., Гегелова Н.С., Мурзина О.В. — Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в новейшей прозе В.Пелевина // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40875 EDN: NITXHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40875

Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в новейшей прозе В.Пелевина

Карпов Эрнест Сергеевич

ORCID: 0000-0002-8908-2705

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики и телевизионных технологий, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

115561, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Каширское Шоссе, 132/1, кв. 46

✉ calib_mr_stolz@rambler.ru**Грабельников Александр Анатольевич**

ORCID: 0000-0003-1415-8241

доктор исторических наук

профессор, кафедра массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ grab@mail.ru**Гегелова Наталья Сергеевна**

ORCID: 0000-0002-0043-7590

доктор филологических наук

профессор, кафедра массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ mikhail0001@mail.ru**Мурзина Ольга Викторовна**

ORCID: 0000-0001-9134-5570

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра журналистики и телевизионных технологий, Российский государственный университет имени А.Н.Косыгина

119071, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

✉ murzina-ov@rguk.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40875

—

EUN:

NITXHE

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2023

Дата публикации:

04-06-2023

Аннотация: Цифровизация, развитие интернета и медиатехнологий приводят к трансформации не только функций журналистики, но и изменению концептуальной модели журналиста, что отражается и в художественном тексте. Виктор Пелевин тонко улавливает эманации такого рода и хоть аллегорически, но достаточно точно репрезентирует в художественном постмодернистском тексте. В статье мы остановимся на исследовании образа журналиста как автора медиа-текста и его роли в формировании реальности, представленном в произведениях Пелевина. Материалом исследования послужили романы «Священная книга оборотня» (2004) и «Empire V» (2006). В работе представлены результаты анализа медиапространства, реализованного в произведениях В. Пелевина, что является предметом исследования. Новизна работы обусловлена тем, что впервые проанализирована роль журналистики в формировании хронотопа постмодернистского произведения на примере романного творчества В. Пелевина. Предпринята успешная попытка приложить знания о новостной онлайн-журналистике к медиатекстам в структуре художественного произведения. Были использованы структурно-типологический метод и структурный анализ. Статья посвящена исследованию медиапространства, которое рассматривается как симулякр реальности, в структуре художественного мира постмодернистского произведения. Доказано, что медиапространство, созданное журналистами, мозаично, его границы условны, размыты или вовсе отсутствуют, в организации пространства на разных уровнях мы видим ризоматичную структуру, автор часто использует принцип зеркала.

Ключевые слова:

молодежная журналистика, онлайн-медиа, новые медиа, модель новостного производства, медиапространство, современный журналист, Виктор Пелевин, постмодернизм, современная отечественная проза, виртуальное пространство

Введение

Целью исследования является анализ образа журналиста, представленного в современном постмодернистском тексте.

На данный момент почти не представлены научные труды, посвященные изучению медийного дискурса и его роли в художественном мире В. Пелевина, однако этот вопрос представляется нам актуальным не только для современного литературоведения, но и для изысканий в области журналистики.

Эмпирическим материалом исследования выступили романы В. Пелевина «Священная книга оборотня» (2004) и «Empire V» (2006). В выборку не входит роман «Generation

"П"», хотя цитаты из произведения и упоминаются в статье, что объясняется значительным объёмом исследований, посвящённых анализу специфики внедрения журналистики и PR в художественный текст, в то время как журналистские заметки, представленные в романе «Священная книга оборотня», также заслуживают внимания в связи с точной репрезентацией процессов, происходящих в современной журналистике. Мы полагаем, что вопрос влияния информационных технологий на современного человека, а также обозначение медиапространства как симулякра реальности - типичны для пелевинского текста, в связи с чем обращаемся к роману «Empire V», где упоминается информационное пространство, в частности, влияние гламурных изданий на формирование картины мира обывателя, однако журналистские тексты не представлены. Были использованы структурно-типологический метод и структурный анализ.

Результаты исследования

Мы наблюдаем процесс трансформации современной журналистики под влиянием онлайн-медиа в частности и Интернета как средства мгновенной передачи сообщения в целом, что отражается и в научном дискурсе, о чем говорят многочисленные публикации (к примеру, учебник «Интернет-журналистика. Теоретические основы» Калмыкова А.А. и Кохановой Л.А., диссертация «Трансформация нарративных приёмов в мультимедийных журналистских проектах» Д.Г. Кочанова и пр.) и выступления на конференциях.

Среди черт современной журналистики выделяют мультимедиатизацию, кроссплатформенность, ориентация на мультимедийный сторителлинг, возрастает значимость интерактивности и визуализации данных [\[1\]](#). Однако несмотря на сопутствующие процессу положительные изменения, исследователи выявляют слабые места. Одной из ключевых проблем, как указывает Е. Юань, становится вопрос достоверности журналистского материала [\[2, с. 233\]](#). О. А. Гаврикова отмечает, что медиа в наши дни ориентированы на развлекательный контент, о чем говорит, в частности доминанта кликбейтного заголовка. Причиной таких изменений становится жесткая конкуренция за внимание аудитории и изменение запроса потребителей информации [\[3\]](#), что отражается и в художественной литературе, в частности, в романах В. Пелевина.

Писатель точно, хоть и в аллегорической форме отражает изменения, происходящие в современных медиа, и выявляет их роль в восприятии мира аудиторией. Пелевин точно репрезентирует реальность: так, А.Ю. Головин в статье «Журналистика роботов: будущее, которое наступило раньше, чем ожидали ученые» упоминает роман «iPhuck 10», отмечает, что «...будущее, которое описывает Пелевин» для нас является реальностью [\[4\]](#): искусственный интеллект, создающий контент для онлайн-медиа, уже активно включается в работу журналистов.

В шутку (в которой есть большая доля правды) произведения В. Пелевина называют дайджестом ключевых событий прошедшего года. Художественная форма вторична и является для автора способом подвести итоги, так как, несмотря на тяготение к гиперболизации и фантастические сюжеты, автор затрагивает наиболее актуальные, злободневные и острые для читателей события, а также насыщает художественный мир узнаваемыми культурными кодами.

Реальность становится материалом художественного осмысления для Пелевина, что позволяет А.В. Дмитриеву, автору одной из первых диссертаций, посвященных творчеству В. Пелевина, сделать вывод о том, что герои сталкиваются с новой реальностью, авторская интерпретация событий выстраивает «лабиринт смыслов» [\[5\]](#).

Пелевин компилирует знакомые сюжеты, наполняя их узнаваемыми для читателя реминисценциями [6, с. 73]. Часто в произведении автор соединяет реально существующих людей, мифологических героев и вымышленных персонажей.

Прежде, чем переходить к описанию результатов исследования, необходимо остановиться на моделях новостного производства, актуальных для современных онлайн-медиа (о них мы будем говорить дальше): Н.О. Колчина выделяет повествовательную (make story) и смысловую (make sense) модели. Первая предполагает безэмоциональное информирование о произошедших за определенный период (чаще всего, небольшой) событиях. В рамках же смысловой модели журналист наделяет события определенной коннотацией, встраивая факт в контекст [7], включая таким образом аудиторию в определенный дискурс и создавая вокруг ситуации конкретный фрейм.

В. Пелевин, создавая художественный мир романа в частности и в целом художественную вселенную, идет еще дальше: журналистская деятельность развивается в рамках смысловой модели создания журналистского контента, однако информационный повод искажается, и его образ уже становится не первоисточником, имевшем место в реальности, а симуляком реальности, и формирует особое медиапространство, характеристика которого соответствует выявленным А.Ю. Мельниковой чертам пелевинского хронотопа: мозаичный, эклектичный, иллюзорный, отличается условностью границ (зачастую даже бесформенностью) и тяготением к ризоматичности, нелинейности и зеркальности [8].

Перейдем непосредственно к анализу влияния журналистов как эпизодических персонажей произведения на формирования облика реальности, представленному в художественном мире постмодернистского произведения. Рассмотрим три публикации, включенные в текст романа «Священная книга оборотня», и докажем, что информационное пространство становится кривым зеркалом реальности. Псевдожурналистские материалы написаны в жанре мягкой новости, снабжены заголовками, используются по возможности реальные (в контексте сюжета) факты. Все три материала главная героиня находит на интернет-портале «слухи.ру» - название позволяет назвать сайт желтой прессой.

Так, сначала автор рассказывает нам о несчастном случае, произошедшем с главной героиней: в ходе сеанса погибает человек из-за того, что видит ее в образе оборотня. На следующий день героиня случайно читает о происшествии в Интернете:

БИЗНЕСМЕН ИЗ ИНДИИ ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ НА ГЛАЗАХ У СЛУЖ БЕЗОПАСНОСТИ

Московская гостиница «Националь» скоро станет в общественном сознании зоной повышенного риска. У москвичей еще не стерся из памяти теракт у ее входа [речь идет о теракте 9 декабря 2003 года - прим. авт.], и вот новое громкое дело: сорокатрехлетний бизнесмен из индийского штата Пенжаб покончил с собой, выбросившись из окна пятого этажа. Так, во всяком случае, утверждают два охранника, постоянно работающие в этой гостинице. <...> Установлено, что незадолго до гибели бизнесмена посещала девушка полусвета [9, с. 46].

В приведенном тексте мы видим реализацию смысловой модели: автор заметки подводит аудиторию не только к негативному восприятию трагедии, но и гостиницы в целом, соединяя в едином коммуникативном акте несвязанные события (самоубийство и теракт).

Используется эвфемизм «девушка полусвета».

Рассмотрим еще один пример. По сюжету романа сестра главной героини убивает своего мужа, о чем главная героиня узнает из заметки с заголовком «Английский аристократ найден мертвым в храме Христа Спасителя». Текст материала не приводится, однако упоминаются такие речевые штампы, как, например, «застыла гримаса невыразимого ужаса» и экспрессивная лексика, ориентированная не на информирование аудитории о произошедшем, а развлечение и создание определенной коннотации. Здесь отчетливее видно авторскую сатиру на журналистов – излюбленный прием В. Пелевина. Материал не отражает реальности, в которую погружен читатель.

Несмотря на то, что в заметках речь идет об убийстве и создается впечатление, что сообщение о таких событиях не призваны развлечь читателя, мы склоняемся к убеждению, что такие заметки можно отнести к инфотейменту. Е.Е. Пронина пишет о «черной хронике», ориентированной на развлечение читателя за счет пугающих деталей и умело расставленных акцентах. Журналистский материал уподобляется детективу [\[10, с. 141-145\]](#).

Третьим примером описания медиа как кривого зеркала является материал «Больной хищник ищет убежища в Битцевском парке», появившийся после того, как главную героиню увидели жители во время куриной охоты [суть охоты состоит в том, что лиса-оборотень ворует курицу на глазах людей, испытывает стыд, который становится катализатором для окончательного превращения: в романе такая трансформация называется «супрафизической»].

Читатель смотрит на происходящее глазами участника событий, мифологического персонажа, в то время как журналисты объясняют случившееся, находя рациональные аргументы и выстраивая иную причинно-следственную связь. Таким образом, Пелевин воссоздает текст, не соответствующий действительности, также репрезентируя вопрос достоверности, упомянутый нами ранее.

Писатель наделяет журналистские материалы в художественном тексте чертами «желтого» медиатекста: так, предметом обсуждения становится сенсация, источники не отличаются достоверностью, автор субъективен и использует экспрессивную лексику с целью развлечь аудиторию [\[11\]](#).

Завершая обзор романа «Священная книга оборотня» в медийном дискурсе, приведем еще один пример, ярко демонстрирующий негативное отношение Пелевина к современным журналистам. Главная героиня узнает из новостного выпуска о террористическом акте. Отдельное внимание автор уделяет описанию журналиста: «На экране появился стоящий на газоне корреспондент – ветер ерошил его желтые волосы, а на лице играла полуулыбка, словно отблеск какой-то приятной тайны, в которую он был посвящен вместе со зрителем» [\[9, с. 45\]](#), наличие негативных тем в выпуске В. Пелевин называет «хорошим уловом» [\[9, с. 45\]](#) для журналистов.

Журналисты создают медиaprостранство, ориентируясь на запросы общества [\[12\]](#), которое можно назвать постмодернистским. Среди черт такого социума А.А. Радугин и Е.М. Гурина отмечают следующие: доминанта информации как неисчерпаемого возобновляемого ресурса; гиперреальность и гипертovar (размышления о значимости образа товара, а не его функциональности и полезности, разрыв между означающим и означаемым появляются в рефлексиях героев произведений Пелевина); симулятивность;

глобализация; коммерциализация [\[13\]](#). Перечисленные характеристики можно увидеть и в интересующем нас предмете.

Как пишет А.А. Чемоданова, информация становится продуктом потребления, а читателя / зрителя в данном контексте уместно называть «потребителем». Журналист формирует понятную для аудитории картину мира [\[14, с. 25\]](#), которая, согласно сюжету, идет вразрез реальным событиям, в связи с чем мы и используем в статье термин «симулякр» применительно к медиапространству.

Далее обратимся к роману «Empire V», в котором, в рамках прохождения курса молодого вампира, главный герой Рама знакомится с такими понятиями, как «дискурс» и «гламур». Гламурные журналы отражают реальность в кривом зеркале, предлагая читателю симулякр реальности. Такие СМИ становятся методом моделирования реальности.

Один из халдеев [люди, которые служат вампирам], начальник дискурса, высказывает важную для данной статьи мысль: *«Черный Шум – это сумма всех разновидностей дискурса. Другими словами, это белый шум, все слагаемые которого продуманы и проплачены. Произвольная и случайная совокупность сигналов, в каждом из которых нет ничего случайного и произвольного. Так называется информационная среда, окружающая современного человека. <...> Целью Черного Шума является не прямой обман, а, скорее, создание такого информационного фона, который делает невозможным случайное понимание истины»* [\[16, с. 276\]](#).

Г.А. Брандт отмечает, что гламур в произведении представляет собой некое ограниченное поле, представленное для человеческой деятельности: «Взгляд на гламур как на некое поле, рамку, способ упорядочивания действительности, наконец, как на колючую проволоку, не позволяющую человеческой мысли сделать шаг в сторону...» [\[15, с. 132\]](#). Автор, исследуя гламур в пелевинском восприятии, выявляет такие характерные черты, как культ поверхности, доминанта визуального над смысловым содержанием (стремление «выглядеть», а не «быть») и называет реальность симулякром.

Завершая обзор творчества В. Пелевина в контексте онлайн-медиа и их отражения в художественном тексте, уместно вспомнить анализ повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» и романа «S.N.U.F.F.» А.Л. Бобылевой. Автор указывает на то, что осмысление манипулятивных технологий СМИ присутствует и в этих произведениях. Литературовед называет отражение и рефлексия происходящего в повестке дня медиареальностью. А.Л. Бобылева приходит к выводу, что оба произведения «звучат как предупреждение» [\[17, с. 446\]](#).

Однозначно негативно о работе журналистов автор отзывается и в других произведениях (к примеру, в романе «Generation П» высказывается следующая мысль: *«В наше время люди узнают о том, что они думают, по телевизору»* [\[18, с. 219\]](#), *«... реальность — это материальный мир, который показывают по телевизору»* [\[18, с. 98\]](#), доказывающая, что журналистика имеет прерогативу интерпретировать реальность), дополнительно наделяя их способностью создавать коллективные иллюзии, однако приведенных примеров достаточно для составления представления о роли журналистов в творчестве В. Пелевина.

Заключение

Итак, в статье представлен обзорный анализ репрезентации образа медиа-журналиста и функций онлайн-журналистики в произведениях В. Пелевина. Работая в рамках

смысловой модели производства новостей, журналисты заходят еще дальше: они не создают смыслы, накладывая их на реальное событие, они конструируют симулякр события, накладывая на него определенные коннотации.

Отличительной чертой творчества В. Пелевина является обращение к комическому, автор тяготеет к гротеску, гипертрофируя и искажая черты современной онлайн-журналистики, что прослеживается и в приведенных в статье примерах. Несмотря на то, что журналисты предстают перед читателями почти в демоническом облике, именно такой стиль повествования заставляет читателя задаться вопросом: «... а не про наш ли мир этот бред?» [\[19, с. 94\]](#).

Рассмотренные примеры показали концептуальную трансформацию образа журналиста и новые функции медиатекстов в рефлексии художественного произведения. Развитие интернета и технологий приводят к трансформации не только функций журналистики, но и изменению концептуальной модели журналиста. Возникают новые жанры, формы, опосредованные влиянием молодёжной журналистики. В. Пелевин видит нарождающиеся тенденции, зачастую их предсказывая, и выступает в роли зеркала, которое отражает процессы, происходящие в молодёжной журналистике и новых медиа.

Библиография

1. Авдоница Н. С., Богатырёва В. Н. Актуальные тенденции цифровой журналистики и новых медиа // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема». 2020. № 2(39). С. 9-18.
2. Юань Е. Влияние современных онлайн медиа на деятельность журналиста // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 10. С. 232-236.
3. Гаврикова О. А. Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса: автореф. ... дис. кан. филолог. н. Уфа, 2020. 24 с.
4. Головин А. Ю. Журналистика роботов: будущее, которое наступило раньше, чем ожидали ученые // Высшее образование для XXI века: цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы: XVI Международная научная конференция. Доклады и материалы: в 2 ч.. Том Часть II. М., 2020. С. 32-35.
5. Дмитриев А.В. Неомифологизм в структуре романов В. Пелевина: дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01. Волгоград, 2002. 174 с.
6. Кихней Л.Г., Гавриков В.А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX-XXI веков. М.: Амстердам: Тардис, 2020.
7. Kolchina N. O. Marketing of educational services // Integration of education. 2013. №4 (73). P. 48-51.
8. Мельникова А. Ю. Виртуальное пространство в время в постмодернистском тексте (В. Пелевин «Священная книга оборотня») // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 123-125.
9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо-Пресс, 2011.
10. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: КДУ, 2006.
11. Коданина А. Л. Журналистика как четвертая власть: трансформация профессии в переходную эпоху // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: материалы международной научно-практической конференции 21-22 апреля 2021 г. Т. 2. Социальные изменения в теориях среднего уровня / под. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой, Н.А. Агеевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2022. С. 92-96.
12. Градюшко А. А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства // Труды БГТУ. 2023. Серия 4, № 1. С. 34-40.

13. Радугин А. А., Гурина Е. М. Основные характеристики эпохи постмодерна // Философские науки. Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 88–91.
14. Чемоданова А. А. Инфотейнмент как телевизионное направление // Международный научный журнал «Слово в науке». 2022. № 4. С. 24–27.
15. Брандт Г. А. Гламур как дискурс: очевидные наблюдения // Дискурс-Пи. 2010. V. 9, I. С. 131–133
16. Пелевин В. О. Empire V. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.
17. Бобылева А. Л. Манипулятивные технологии масс-медиа как предмет литературной рефлексии в прозе В. Пелевина 2010-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 443–446.
18. Пелевин В. О. Generation "П". М.: АСТ, 2022.
19. Базылев О. С. Художественный мир произведения как метод самовыражения автора // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 2 (12). С. 92–96.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в современной прозе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей «включения» средств массовой информации в современные художественные произведения. Статья является новаторской, одной из первых в теории российской журналистики, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Однако, считаем, что заглавие статьи не в полной мере коррелируется с содержанием, так как автор ставит задачу рассмотреть концепцию журналиста в современной прозе, а исследование проводится на практическом материале нескольких книг В. Пелевина. Таким образом, можно сделать вывод, что проза Пелевина – это и есть вся современная проза, что является заведомо ложным утверждением. Автору необходимо или актуализировать заглавие, сфокусировавшись на прозе Пелевина или расширить содержание, рассмотрев иные произведения других современных российских иили зарубежных писателей.

Структурно автор отходит от общепринятых канонов научного исследования. Так, неясная цель и задачи исследования, методология, выбранная автором, собственно объем языкового корпуса, на котором проводится практическая часть исследования, а также принципы его выборки. Вводная часть исследования не содержит обзора теоретических источников и научных направлений по поднимаемой проблематике.

Текст статьи не связный, логика научного повествования не прослеживается.

В заключении не представлены конкретные выводы, которые коррелировались бы с поставленными задачами.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания

цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Общее впечатление от работы смешанное, тема, заявленная в заглавии, не полностью коррелирует с содержанием, тема не раскрыта, авторская концепция не выражена, приращение научного знания практически отсутствует. Работа по своей сути слабонаучная. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в современной прозе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после доработки текста.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Виктора Пелевина в массе критических источников воспринимается неоднозначно: часть из исследований превозносят писателя до уровня «современной классики», часть же нивелирует имя художника слова, обозначая явный ориентир на дублирование, повторение в текстах большей части уже сказанного еще в раннем творчестве. Действительно, Виктор Пелевин читаем, изучаем, цитируем; сложно представить литературный процесс конца XX – начала XXI века без этой фигуры. Предметом исследования рецензируемой статьи становится концепция журналиста в онлайн-медиа на примере текстов Виктора Пелевина. Эмпирическим материалом исследования выступили романы «Священная книга оборотня» (2004) и «Empire V» (2006). Автор статьи отмечает, что «вопрос влияния информационных технологий на современного человека, а также обозначение медиапространства как симулякра реальности - типичны для пелевинского текста, в связи с чем обращаемся к роману «Empire V», где упоминается информационное пространство, в частности, влияние гламурных изданий на формирование картины мира обывателя, однако журналистские тексты не представлены». Методологический ценз ориентирован на использование культурно-исторического, структурно-типологического методов, а также принципов структурной оценки текстов. На первый взгляд, исследовательский задел конструктивен, сложен, многомерен; однако, в целом работа имеет явно незавершенный вид, в ней практически отсутствует аналитика разбора художественных конструктов. Практически все сведено к некоему слабому описанию и пересказу. Например, «так, сначала автор рассказывает нам о несчастном случае, произошедшем с главной героиней: в ходе сеанса погибает человек из-за того, что видит ее в образе оборотня. На следующий день героиня случайно читает о происшествии в Интернете (для краткости приведем заметку в сокращенном виде, в квадратных скобках приведены наши комментарии): БИЗНЕСМЕН ИЗ ИНДИИ ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ НА ГЛАЗАХ У СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТ» приведенном тексте мы видим реализацию смысловой модели: автор заметки подводит аудиторию не только к негативному восприятию трагедии, но и гостиницы в целом, соединяя в едином коммуникативном акте несвязанные события (самоубийство и теракт). Используется эвфемизм «девушка полусвета», или «далее обратимся к роману «Empire V», в котором, в рамках прохождения курса молодого вампира, главный герой Рама знакомится с такими понятиями, как «дискурс» и «гламур». Гламурные журналы

отражают реальность в кривом зеркале, предлагая читателю симулякр реальности. Такие СМИ становятся методом моделирования реальности», или «завершая обзор творчества В. Пелевина в контексте онлайн-медиа и их отражения в художественном тексте, уместно вспомнить анализ повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» и романа «S.N.U.F.F.» А.Л. Бобылевой. Автор отмечает, что осмысление манипулятивных технологий СМИ присутствует и в этих произведениях. Литературовед называет отражение и рефлексию происходящего в повестке дня медиареальностью. А.Л. Бобылева приходит к выводу, что оба произведения «звучат как предупреждение» и т.д. Работа не имеет серьезной концептуальной основы, тема как таковая не раскрыта, цель исследования не достигнута. Фрагментарный характер свойственен всему тексту, причем обрывочность проявляется даже в заключительном блоке: «рассмотренные примеры показали концептуальную трансформацию образа журналиста и новые функции медиатекстов в рефлексии художественного произведения. Развитие интернета и технологий приводят к трансформации не только функций журналистики, но и изменению концептуальной модели журналиста. Возникают новые жанры, формы, опосредованные влиянием молодёжной журналистики. В. Пелевин видит нарождающиеся тенденции, зачастую их предсказывая, и выступает в роли зеркала, которое отражает процессы, происходящие в молодёжной журналистике и новых медиа». Работа лишена серьезной научной новизны, материал не имеет теоретической значимости, его условно можно назвать серьезным изысканием. Автору целесообразно несколько иначе представить образ «журналиста» в прозе Виктора Пелевина, с несколько иных позиций определить концептуальный извод этой номинации. Библиографический список в ходе доработки исследования также целесообразно усилить серьезными исследованиями как по творчеству В. Пелевина, так и методологическими наработками в рамках концептологии. В данном виде статья «Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в новейшей прозе В.Пелевина» не может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество В. Пелевина вызывает повышенный интерес как у читателей, так и у исследователей. Оно почти сразу же и прочно вошло в научный оборот. Осмысление художественной реальности, создаваемой Пелевиным в его романах, их поэтики, мотивного строя осуществляется как в научных статьях, так и в диссертациях. Научного изучения удостоился и сам «феномен Пелевина» - в журнале «Вопросы литературы» был опубликован интересный дискуссионный материал на эту тему. Так или иначе Пелевин – автор крайне востребованный, особенно у современной молодежи, а потому одной из первостепенных задач является изучение его способов воздействия на читателя, его рефлексия о современных масс-медиа. Таким образом, актуальность рецензируемой статьи не вызывает сомнений.

Предметом исследования стали романы В. Пелевина «Священная книга оборотня» (2004) и «Empire V» (2006). Объясняя свой выбор, автор уточняет, что «в выборку не входит роман «Generation "П"», хотя цитаты из произведения и упоминаются в статье, что объясняется значительным объёмом исследований, посвящённых анализу специфики внедрения журналистики и PR в художественный текст».

Особенностью методологической базы исследования является применение теоретических положений масс-медиа и теории коммуникации к анализу литературного

произведения. Данный подход, на наш взгляд, продуктивен и перспективен. Сам автор в качестве основных методов исследования указывает структурно-типологический метод и структурный анализ.

Четко обозначена цель исследования – «анализ образа журналиста, представленного в современном постмодернистском тексте». Конечно, было бы логичнее сформулировать цель более конкретно – «...в творчестве В. Пелевина», но автор рассматривает творчество Пелевина как типичное, а потому репрезентативное явление литературы постмодернизма, по которому можно судить об общих тенденциях, поэтому данная формулировка вполне уместна.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней осуществлен обзор творчества В. Пелевина в контексте онлайн-медиа и их отражения в художественном тексте; выявлено положение образа журналиста в системе образов романов Пелевина. В частности, указано, что журналисты являются у него эпизодическими персонажами, но именно они формируют облик реальности. Как это происходит, рассмотрено на примере анализа трех публикаций, включенных в текст романа «Священная книга оборотня», в ходе которого проиллюстрировано, как информационное пространство превращается в кривое зеркало реальности. Очень важно, что в процессе анализа выявлен механизм «искривления» реальности в журналистском тексте, обозначены приемы, которые используют журналисты, создавая такие тексты. Такие материалы автор статьи называет «псевдожурналистскими», отмечает, что они «написаны в жанре мягкой новости, снабжены заголовками, используются по возможности реальные (в контексте сюжета) факты». Также указывается на преобладание «экспрессивной лексики, ориентированной не на информирование аудитории о произошедшем, а развлечение и создание определенной коннотации».

Еще одним важным наблюдением является то, что образы журналистов у Пелевина всегда подаются сатирически, а их материалы наделяются «чертами «желтого» медиатекста: так, предметом обсуждения становится сенсация, источники не отличаются достоверностью, автор субъективен и использует экспрессивную лексику с целью развлечь аудиторию». Все это становится формой авторской оценки процессов, происходящих в масс-медиа, ориентированных массового потребителя новостей. Все это позволяет автору статьи сделать вывод о том, что «писатель точно, хоть и в аллегорической форме отражает изменения, происходящие в современных медиа, и выявляет их роль в восприятии мира аудиторией».

Статья грамотно структурирована. В ней есть введение, в котором означены цели исследования, его методология, теоретическая база. В основной части отражаются основные наблюдения над текстами Пелевина. В заключении даются обобщающие выводы. Список литературы репрезентативен. Статья будет востребована при изучении современной литературы, в вузовских курсах по журналистской этике и профессиональной коммуникации, также она может быть использована в школьном преподавании литературы.

Статья «Концепция журналиста в онлайн-медиа и его отражение в новейшей прозе В.Пелевина» рекомендуется к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кофанова Г.П., Ваганова Е.Ю. — Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.38310 EDN: EVBIOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38310

Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии

Кофанова Галина Петровна

кандидат филологических наук

заведующая кафедрой иностранных языков, Калининградский государственный технический университет

236022, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Советский Проспект, 1

✉ galina.kofanova@klgtu.ru

Ваганова Екатерина Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8877-5975

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Калининградский государственный технический университет

236022, Россия, Калининградская область, г. Калининградская, ул. Советский Проспект, 1

✉ Wagner17@rambler.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.38310

EDN:

EVBIOE

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2022

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискурса средств массовой информации Германии, обращенному к теме пандемии коронавируса. На примерах журнальных статей, телевизионных передач и блогов в социальных сетях проводится концептуальный анализ способов словообразовательной активности немецкого языка в эпоху коронавирусных ограничений. Предметом исследования являются когнитивные механизмы словообразования немецкого языка и их прагматические особенности. Объектом исследования был выбран коронавирусный дискурс немецкоязычного

языкового пространства. В работе была поставлена цель реконструировать некоторые концепты дискурсивного поля «Коронавирусная инфекция», а также на базе языковых данных описать когнитивные механизмы, положенные в основу их формирования. При исследовании когнитивных механизмов словообразования были использованы методы концептуального и прототипического анализа, а также когнитивного моделирования и контекстуального анализа. Актуальность и новизна исследования заключаются в изучении и описании новейших словообразовательных явлений и тенденций немецкоязычного социального дискурса. В результате исследования были выведены и сформулированы закономерности функционирования основных когнитивных механизмов формирования концептов. Анализ дискурса СМИ Германии в период пандемии коронавирусной инфекции позволил выявить новые базовые концепты и концепты-составляющие, образующие концептуальные поля. К базовым концептам мы отнесли, например, такие как „Corona“, „Mundnasenschutz“, „Distanz“, „Lockdown“, „Panick“. В результате исследования были сделаны выводы о том, что базовые концепты образуют концептуальные поля, включающие концепты-составляющие, способы языковой вербализации которых предполагают наличие эмотивных и оценочных компонентов. Изученный и описанный языковой материал позволяет прийти к заключению, что основными когнитивными механизмами формирования концептов являются профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и контаминация.

Ключевые слова:

словообразование, концептуальный анализ, дискурсивное поле, концептуальное поле, интеграция концептов, неологизм, ирония, пандемия, коронавирусная инфекция, прототип

Введение События глобального масштаба, преломляясь в общественном сознании, находят отражение в языковом материале и являются причиной определенных трансформаций социального дискурса. Дискурс, связанный с темой пандемии коронавирусной инфекции, вызывает безусловный интерес исследователей многих научных направлений и дисциплин, так как современное человечество впервые столкнулось с подобным явлением мирового масштаба, испытало страх перед незнакомой угрозой. Социум почти всего земного шара впервые осознал серьезность последствий массовой изоляции во всех сферах жизнедеятельности человека – от экономики до психического здоровья. Люди столкнулись с новой реальностью и новыми правилами существования в этой реальности. В процессе осознания, объяснения, оценки коронавируса и его последствий и на фоне высочайшего эмоционального и когнитивного напряжения в дискурсе возникли новые концепты, получившие самую разнообразную языковую реализацию. В научном сообществе живой интерес вызвал стремительный процесс заполнения языковых лакун в разных языках по всему миру, который последовал за появлением новых лингвистических реалий, ценностных установок и событий так называемой эпохи коронавируса. Скорость процесса возникновения новых слов и их вхождения в языковую среду легко объяснить глобальным распространением новых средств коммуникации, возможности интерактивного словотворчества пользователей сети Интернет в различных блогах, чатах и т.п. Отечественные лингвисты быстро включились в актуальную повестку дня. Ниже перечислим некоторые научные исследования, которые вызвали наш интерес в процессе подготовки исследования. Особенный интерес представляет масштабная коллективная монография «Русский язык коронавирусной эпохи» и словарь «Русский язык коронавирусной эпохи» [\[1\]](#). Авторы

этого подробного и актуального исследования затрагивают большой спектр лингвистических событий современного русского языка первого года пандемии. Можно так же выделить работы по изучению моделей словообразования в современных российских СМИ [2] и лексических инноваций русского языка в коронавирусный период [3]. В немецком языке И. Б. Аккуратова отметила «...тенденцию к языковой экономии и краткости изречения...» как одну из важных тенденций современных неологизмов, а также описала несколько типов неологизмов, среди которых для нашей работы особенный интерес представила группа лексем-композигов с метафорическим значением. Основным прагматическим заданием такой лексемы является создание «... ёмкого и информативно-насыщенного неологизма-композигов, призванного дать оценку новым явлениям, выразить экспрессию, а также вызвать определённые эмоции и реципиента» [4]. В поле зрения лингвистов попали неологизмы и окказионализмы немецкого языка периода коронавируса, а также различные способы словообразования и словоупотребления [5-10].

Теоретической базой нашего исследования послужили работы отечественных лингвистов в области когнитивной лингвистики, в частности, исследования о теории дискурсивного анализа Е.С. Кубряковой [11]; о когнитивной семантике Н.Н. Болдырева [12]; о концептуализации и словообразовании Д.А.Сальковой [13]; а также когнитивно-прагматический подход к неологии В.И. Заботкиной [14].

Процессы формирования новых концептов и их специфика в период пандемии коронавирусной инфекции

Идентификация концептов в данном исследовании осуществляется от анализа уже созданного знака к установлению концепта и его окружения. При анализе дискурса мы исходим из положения о том, что он не является некой застывшей субстанцией, но, напротив, представляет собой активное отражение общественного мнения, его оценок той или иной ситуации и меняется в зависимости от актуальности темы. По нашему мнению, дискурс содержит ключевые концепты, реализованные языковыми средствами, отображающими «горячую» тему. Мы отталкиваемся от того, что дискурс имеет ядро, ближнюю и дальние периферии. Ядро концентрирует наиболее актуальные концепты. Чем менее актуален концепт, тем дальше на периферии он находится. В зависимости от ситуации, от обострения той или иной темы, ядро и периферии могут меняться местами. В актуальном дискурсе СМИ Германии 2022 года, по понятным причинам, тема пандемии сдвинулась к периферии дискурсивного поля, однако нам представляется актуальным исследовать его, так как именно здесь возник большой корпус новых концептов.

В дискурсе выделяются ядерные концепты, образующие концептуальные поля. К ядерным концептам дискурса по теме коронавируса мы относим, например, такие как концепт «корона» - „Corona“, «защитная маска» - „Mundnasenschutz“, «дистанция» - „Distanz“, «локдаун» - „Lockdown“, «паника» - „Panick“.

Концептуальные поля включают компоненты, дополнительно репрезентирующие ядерный концепт со всеми эмотивными оттенками: нейтральными, положительными и отрицательными коннотациями, иронией, осуждением, выражением страха и т.д. Они появились в процессе развертывания дискурса и являются результатом отражения объективной реальности, связанной с коронавирусом.

Ключ к пониманию специфики концептуализации и идентификации отдельных составляющих концепта часто дает словообразовательная структура слова. При этом

важную роль играет когнитивный механизм профилирование, выдвижение на передний план наиболее важных характеристик концептов в процессе интерпретации. В нашем случае профилирующим компонентом будет являться базовый концепт.

Значительная часть концептов дискурса, посвященного пандемии, вербализована лексическими единицами, где профилирующим компонентом стал компонент „Corona“, который концентрирует основное значение образовавшейся леммы. Возникшие таким образом синтаксические дериваты стягивают словосочетание в единую единицу, делая наименование емким, удобным для использования функционально ориентируя слово на выполнение в тексте роли темы. В данном случае мы наблюдаем изменение концептуальной структуры и формирование новых концептов.

Так, леммы **Schlaf, Scham, Speck, Hund** вне дискурса по теме коронавируса имеют всем известные стандартные словарные значения: **сон, стыд, сало, собака**. Компонент «Corona» меняет исходную концептуальную структуру: **Corona-Schlaf, Corona-Scham, Corona-Speck, Corona-Hund**, и часто правильная интерпретация концепта возможна лишь при наличии определенных фоновых знаний: социокультурных, научных, повседневно-бытовых; либо при анализе дискурса, речь идет об инферентном значении.

Концепт **Corona-Scham** имеет в релевантном дискурсе бинарную концептуальную структуру: с одной стороны он понимается как средство общественного порицания лиц, не соблюдающих установленные во время пандемии нормы поведения (ношение маски, соблюдение дистанции и так далее):

öffentliches Anprangern von Personen, die sich während der COVID-19-Pandemie (vermeintlich) nicht an die auf politische Anordnung hin geltenden Abstands- und Hygienevorschriften, Reiseempfehlungen o.Ä. halten.

С другой стороны концепт сформирован на базе концепта с компонентом Scham – Flugscham – стыдно летать, и обозначает присутствие неприятного ощущения, которое возникает из-за имеющихся ограничений, и возникновение этих ощущений воспринимается как постыдное.

Was gestern Flug- oder Fleisch-Scham war, ist heute "**Corona-Scham**".

В качестве экспериментанами был проведен опрос нескольких русскоязычных интерпретаторов, владеющих немецким языком как иностранным, с целью выяснения того, как они понимают словосочетание, эксплицирующее концепт **Corona-Hund**. Лишь один интерпретатор из 5 был близок к правильному пониманию словосочетания. В русском языковом сознании, как показывают исследования, преобладают отрицательные оценочные характеристики при упоминании слова «собака»: «собачья жизнь», «устал как собака», «голодный как собака». Поэтому основная интерпретация данного концепта сводилась к негативной характеристике болезни – «собачья болезнь».

Анализ дискурса позволил интерпретировать концепт и понять значение, вербализующего его словосочетания в немецком языке. Например:

«Mit der Corona-Pandemie entdecken die Deutschen ihre Liebe zum Tier. Vor allem Katzen und Hunde sind gefragt, die traditionellen Lieblingstiere hierzulande: Schon vor Beginn der Pandemie lebte in jedem vierten deutschen Haushalt eine Katze, in jedem fünften ein Hund. Jetzt, in Zeiten von Kontakt- und Ausgangsbeschränkungen, Einsamkeit und vielen Menschen mit sehr viel Zeit schießen die Anfragen massiv in die Höhe. Nach Angaben des Verbands für das deutsche Hundewesen (VDH) sind im Jahr 2020 rund 20 Prozent mehr

Hunde gekauft worden als in den Jahren davor.» [\[15\]](#)

В пандемию, в период изоляции жители Германии стали очень активно брать животных из приюта, в основном собак. По данным немецкого союза собаководства в 2020 году собак было куплено на 20% больше, чем в предыдущие годы. Это объясняется последствиями изоляции, когда люди чувствовали одиночество и не могли свободно выходить на улицу. Прогулки с собаками разрешались. В русском языке сложно подобрать эквивалент немецкому композиту, его значение инферентно, - **Corona-Hund** – собака которую купили во время пандемии, с целью не чувствовать одиночества и иметь возможность выходить на улицу.

Возможности немецкого словообразования часто позволяют кратко и лаконично вербализовывать концепты; лексемы очень гармонично звучат в немецком языке и часто не имеют эквивалентов в русском. Зачастую прямой перевод не передает всей смысловой прелести, которая заключается в немецком слове. А понять его возможно лишь при анализе дискурса. Например, лексема **Kabelsalat** – так называют множество кабелей от различных приборов и гаджетов, спутавшихся в один клубок.

Таким же выразительным является именование, эксплицирующее концепт "**Corona-Speck**", оно дополняет ряд уже имеющихся именовании видов так называемого сала: Winterspeck, Babyspeck, Kummerspeck. В каждом из концептов реализованных данными лексемами профилируется характеристика «сала» и причина его появления. Концептуальное поле предполагает наличие таких характеристик, как: поправляться, то есть толстеть в результате, либо по причине чего-либо. Как правило, полнеют зимой, после рождения ребенка, в печали, в тоске. И наконец, из-за малоподвижного образа жизни, в данном случае из-за изоляции во время пандемии.

Значительный корпус новых слов возник в результате языковой контаминации, в основе которой лежит когнитивный механизм интеграции концептов, при которой изменяется исходная концептуальная структура, под влиянием дискурсивного окружения происходит формирование новых концептов. Изменение концептуальной структуры приводит к появлению языковых средств, передающих новое концептуальное содержание.

Например: **Munaske, MuNaSchu, Mundschmutz, Maskne, Panikdemie, Pandemüde.**

Ниже мы рассмотрим некоторые примеры, а также проанализируем концепты, образовавшиеся на основе базовых концептов „Maske“ и „Panik“ дискурса по теме коронавирусной инфекции.

Лексема **MuNaSchu** – сокращенное от Mundnasenschutz появилась в результате такой когнитивной операции как лексическое моделирование, которое применяется с целью сокращения длинного композита для более удобного использования в речи. Лексема не содержит оценочных компонентов, и эксплицированный концепт является нейтральным. Однако данный концепт достаточно долгое время остается одним из самых актуальных в дискурсе СМИ, ведь стоящая за ним реальность стала чуть ли не главным атрибутом в жизни современного общества. Например:

«Gesicht zeigen ohne Gesicht zu zeigen: Der **#MuNaSchu** schützt uns & unsere Liebsten. Mittlerweile ist er eines der wichtigsten Alltagsaccessoires. Kommentiert und schickt uns eure **#MuNaSchu**-Selfies. Lasst uns gemeinsam ein Bild der Fürsorge & des Zusammenhalts um die Welt schicken». [\[16\]](#)

Защитная маска - это и один из самых важных повседневных аксессуаров - «eines der

wichtigsten Alltagsaccessoires», и защита нас и наших любимых – «schützt uns & unsere Liebsten», и символ заботы и единства «Bild der Fürsorge & des Zusammenhalts».

Концепт **Maskne** – контаминация от Maske и Akne, так называют раздражение кожи (прыщи, покраснения и т.д.), возникшие из-за ношения защитной маски. «Hautirritation (Pickel, Rötungen usw.) aufgrund des Tragens eines Mund-Nasen-Schutzes» [\[16\]](#)

Например: «Derzeit gehört es zum neuen Alltag, sich mehrmals im Lauf des Tages die Behelfsmaske auf- und wieder abzusetzen. Das hat Folgen für die Haut: Das ständige Reiben, aber auch Bakterien und Rückstände von Talg, Make-up oder Abgasen gelangen so spielend leicht auf die sensible Gesichtshaut. Hinzu kommt, dass viele Menschen ihren Mund-Nasen-Schutz nicht ausreichend häufig und heiß genug reinigen. Dass die eigene Haut an "**Maskne**" leidet, also einer Akne-ähnlichen Erscheinung, macht sich durch unterschiedliche Hautprobleme bemerkbar. Typisch sind jedoch unreine Haut, Mitesser und Pickel, ebenso kann es zu Rötungen und Juckreiz kommen». [\[16\]](#)

Дискурсивное окружение выявляет негативные коннотации концепта, выраженные словосочетаниями: Das ständige Reiben, Bakterien, Haut leidet, Hautprobleme.

Кроме того, как показывает дискурс, обязанность носить маску во время пандемии коронавируса COVID-19 воспринимается как ограничение основных прав.

В качестве следующего примера рассмотрим концепт, сформированный на основе когнитивной метафоры, вербализованный лексемой **Gesichtskondome** (защитная маска) профилем в которой является компонент **Kondome**. Например:

«Es lebe das **Gesichtskondom**! Es ist unverantwortlicher Unsinn gegen den Mund- und Nasenschutz ins Feld geführt worden, als er Pflicht wurde in Bussen, Bahnen und Läden. Inzwischen weiß man, wie effizient dieses simple Mittel schützt». [\[16\]](#)

Анализ дискурсивного окружения позволяет сделать вывод о том, что именование возникло на основе не визуального, а функционального сходства. В данном случае можно говорить о совмещении механизма профилирования с механизмом концептуального сравнения [\[17, с.142\]](#)

Одноразовая защитная маска также плохо защищает от заражения ковидом, как и средство от нежелательной беременности **Kondome**.

Интересными представляются концепты и эксплицирующие их лексемы с профилирующим компонентом „**Pandemie**“, завуалированные операцией контаминации:

В основе именованного **Panikdemie**, сформировавшегося в общественном сознании, лежит когнитивная операция «ассоциация». Данная лексема является языковой демонстрацией слияния двух концептов (блендинг) – концепта «Panik» и концепта «Pandemie».

По тому же принципу сформировались концепты «Coronoia» und «Coronials» где слиянию подверглись концепты «Paranoia» и «Millennials».

Еще одна лексема с профилирующим компонентом „Pandemie“ – **Pandemüde**, где новый концепт возник на основе слияния концептов „Pandemie“ и „hundemüde“ – уставший от чего-либо, дословно «уставший как собака». Этот концепт является одновременно оценкой состояния общества в период пандемии.

В концептуальном поле базового концепта „Panik“ на основе такой когнитивной операции

как когнитивная метафора возник концепт **Hamsteritis** - «паническая склонность к ненужным большим запасам определенных продуктов», в нашем случае в период пандемии. Например:

«Panikkäufe, **Hamsteritis** und fehlende LKW-Fahrer sorgen für leere Regale in Großmärkten. Dabei sollen sie den Bedarf der Dienstleister decken, die wiederum ein Stück Normalität sichern, in Zeiten der notwendigen Isolation. Wir wollen als Gewerbetreibende nicht im Einzelhandel Waren kaufen, die dann anderen Privathaushalten fehlen würden. Bitte kauft keine gewerblichen Größen zu privaten Zwecken». [\[16\]](#)

Помимо дискурсивного окружения идентификатором является заимствованное из греческого языка окончание -itis, которое обозначает чаще всего какое-либо заразное заболевание: Bronchitis, Kolitis, Meningitis. В приведенном примере имеет место «шутливый» перенос с целью демонстрации поведения, которое воспринимается как утрированное, несколько неуместное и, в определенной степени нездоровое. Например:

«krankhafte Neigung dazu, unnötig große Vorräte an bestimmten Produkten in Privathaushalten (während der COVID-19-Pandemie) anzulegen» [\[16\]](#)

Одним из интересных примеров в концептуальном поле „Distanz“, является концепт **"Babyelefant"**. Например:

«Woher kommt die neue Maßeinheit **"Babyelefant"**? Im Zuge der Corona-Krise wird in einem Werbespot der Bundesregierung und dem Roten Kreuz kommuniziert, dass wir beispielsweise in der Apotheke den Abstand eines **Babyelefanten** einhalten sollen». [\[16\]](#)

Интересно рассмотреть появление нового концепта „Babyelefant“. В связи с коронавирусом в одном из рекламных роликов федерального правительства и красного креста найден прекрасный способ, донести до населения информацию о необходимости соблюдения дистанции, в аптеке следует соблюдать расстояние длиной со слоненка. В данном случае на помощь пришла когнитивная метафора – средство восприятия одной области через другую, как оптимальное средство наглядности. Ее использование в данном случае базируется на основании существования у сообщества совпадающего опыта, все приблизительно представляют длину слоненка, и дети, у которых нет навыков зрительной оценки расстояния, и взрослые.

Анализ дискурса позволил инвентаризировать в концептосфере „Maske“ такой концепт как **„Maske – IroniederGeschichte“**.

Данный концепт сформирован в политической плоскости и пересекается с концептосферой «Эмигрант». Дискурс по теме эмиграции был актуален несколько лет назад, когда Европа столкнулась с огромным количеством беженцев из стран Африки и Азии. Одной из самых важных из возникших тогда проблем явилась проблема ношения исламскими женщинами головных уборов, закрывающих лица. Этой традицией пользовались террористы, с целью маскировки, поэтому власти из соображений безопасности пытались решить эту проблему. Ношение закрывающих лица платков было запрещено в общественных местах. Например:

«Jahrelang beschäftigten sich Politiker und Datenschützer, Polizeibeamte und Richter mit der Frage, ob Menschen in der Öffentlichkeit ihr Gesicht gezielt verdecken dürfen – sei es nun aus religiösen Gründen mit einer Burka oder mit einer Sturmhaube aus dem Wunsch heraus, auf Demonstrationen nicht erkannt zu werden. Der gesellschaftliche Trend war eindeutig: Gesichter sollten immer sichtbar sein, das entspreche der Kultur freiheitlicher

Gesellschaftsordnungen». [16]

Пандемия в течение нескольких недель превратила этот запрет в необходимость.

Это ли не ирония истории!

Выводы

Анализ дискурса СМИ Германии в период пандемии коронавирусной инфекции позволил выявить новые базовые концепты и концепты-составляющие, образующие концептуальные поля. К базовым концептам мы отнесли, например, такие как „Corona“, „Mundnasenschutz“, „Distanz“, „Lockdown“, „Panick“. В результате исследования были сделаны выводы о том, что базовые концепты образуют концептуальные поля, включающие концепты-составляющие, способы языковой вербализации которых предполагают наличие эмотивных и оценочных компонентов. Изученный и описанный языковой материал позволяет прийти к заключению, что основными когнитивными механизмами формирования концептов являются профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и контаминация.

Библиография

1. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / составители: Х. Вальтер [и др.] ; редакторы: Е. С. Громенко [и др.]; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021.
2. Завадская А. В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве // Неофилология. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-epohi-pandemii-koronavirusa-v-mediynom-prostranstve> (дата обращения: 19.06.2022).
3. Лановая Т.В. Активные словообразовательные модели русского языка на материале "короналексики" // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 3. С. 51–63.
4. Аккуратова И. Б. Особенности неологизации в период пандемии в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-neologizatsii-v-period-pandemii-v-nemetskom-yazyke> (дата обращения: 19.06.2022).
5. Гатауллин Р.Г. КОРОНА/CORONA в деривационной системе современных языков // Вестник Башкирск. ун-та. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korona-sorona-v-derivatsionnoy-sisteme-sovremennyh-yazykov> (дата обращения: 19.06.2022).
6. Игнатова Е. М., Пивоварова Е. В. Орфографические особенности, семантические связи и способы перевода композитообразований концептосферы "CORONA" (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orfograficheskie-osobennosti-semanticheskie-svyazi-i-sposoby-perevoda-kompozitoobrazovaniy-kontseptosfery-corona-na-materiale> (дата обращения: 19.06.2022).
7. Нагуманова В. А. Неологизмы в сфере образования в период пандемии коронавируса (на примере немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-sfere-obrazovaniya-v-period-pandemii-koronavirusa-na-primere-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 19.06.2022).
8. Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного

- лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. №3 (845). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-diskursivnoy-markirovannosti-leksiki-pandemii-koronavirusa-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 19.06.2022).
9. Майер В.С. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-yazykovoy-marker-sovremennosti-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 20.06.2022).
 10. Петренко Д. А., Лихачёв Э. В., Чернышова М. В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) // Научный диалог. 2020. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-yazykovoy-vyrazitelnosti-v-obraze-covid-19-na-materiale-nemetskogo-politicheskogo-diskursa-smi> (дата обращения: 19.06.2022).
 11. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.
 12. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии // Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.
 13. Салькова Д.А. Концептуализация и словообразовательные характеристики дериватов // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Сб. науч. статей. Кал-д. 1999.
 14. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Сб. науч. трудов. Калининград, 1999.
 15. Mirko Smiljanic Folgen der Pandemie. Wie Corona die deutsche Sprache beeinflusst // Deutschlandfunk.[Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/folgen-der-pandemie-wie-corona-die-deutsche-sprache-100.html>(дата обращения: 21.06.22).
 16. Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 11.01.2021).
 17. Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: Дис. ...канд. филол.наук: 10.02.04. – германские языки / Чистякова Елена Владимировна. – Тамбов, 2015. – 221 с. 143.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, посвященной исследованию дискурса средств массовой информации Германии, обращенному к теме пандемии коронавируса.

Предметом исследования являются когнитивные механизмы словообразования немецкого языка и их прагматические особенности. Объектом исследования был выбран коронавирусный дискурс немецкоязычного языкового пространства. В работе была поставлена цель реконструировать некоторые концепты дискурсивного поля «Коронавирусная инфекция», а также на базе языковых данных описать когнитивные механизмы, положенные в основу их формирования.

Практическим материалом исследования явились журнальные статьи, телевизионные передачи и блоги в социальных сетях. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование. Автор не указывает объем выборки и его принципы, а также временные параметры.

Актуальность и новизна исследования заключаются в изучении и описании новейших словообразовательных явлений и тенденций немецкоязычного социального дискурса. В результате исследования были выведены и сформулированы закономерности функционирования основных когнитивных механизмов формирования концептов.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализу. Основными методами исследования являются описательный. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на зарубежных языках. Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. Так, были выявлены погрешности оформления библиографического списка, нарушающие общепринятые правила и действующий ГОСТ. Автором не соблюден общепринятый алфавитный порядок расположения цитируемых работ, а также отделения работ на русском языке от работ на иностранных языках. Непонятен принцип использования прописных букв в названии цитируемой литературы.

В нарушение правил издательства автором была включена аннотация, ключевые слова и библиография в тело статьи. Кроме того, автором нарушен принцип анонимности, в статью для рецензирования включены персональные данные автора, позволяющие его однозначно идентифицировать.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является практикоориентированной, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после доработки и повторного рецензирования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа «Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии» посвящена анализу процессов формирования новых концептов и их специфики в период пандемии коронавирусной инфекции. Актуальность предпринятого исследования не вызывает сомнений. Автор отмечает, что дискурс, связанный с темой пандемии коронавирусной инфекции, вызывает безусловный интерес исследователей многих научных направлений и дисциплин, так как современное человечество впервые столкнулось с подобным явлением мирового масштаба, испытало страх перед незнакомой угрозой. Теоретической базой исследования послужили работы

отечественных лингвистов в области когнитивной лингвистики, в частности, исследования о теории дискурсивного анализа; о когнитивной семантике; о концептуализации и словообразовании; а также когнитивно-прагматический подход к неологии. Автор данного исследования полагает, что дискурс имеет ядро, ближнюю и дальние периферии. Ядро концентрирует наиболее актуальные концепты. Чем менее актуален концепт, тем дальше на периферии он находится. В зависимости от ситуации, от обострения той или иной темы, ядро и периферии могут меняться местами. В актуальном дискурсе СМИ Германии 2022 года тема пандемии сдвинулась к периферии дискурсивного поля, однако автору представляется актуальным исследовать его, так как именно здесь возник большой корпус новых концептов. К ядерным концептам дискурса по теме коронавируса автор относит такие концепты: «корона» - „Corona“, «защитная маска» - „Mundnasenschutz“, «дистанция» - „Distanz“, «локдаун» - „Lockdown“, «паника» - „Panick“. В результате исследования автор приходит к выводам о том, что базовые концепты образуют концептуальные поля, включающие концепты-составляющие, способы языковой вербализации которых предполагают наличие эмотивных и оценочных компонентов. Автор также заключает, что основными когнитивными механизмами формирования концептов являются профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и контаминация. Данные выводы аргументируются в работе и не вызывают сомнений. Работа построена логично, основными структурными компонентами являются введение, основная часть и выводы, к работе также прилагается список литературы, насчитывающий 17 источников, которые актуальны и релевантны теме исследования. Качество представления результатов исследования на высоком уровне. Содержание работы будет, безусловно, интересно широкому кругу читателей, особенно тем, кто занимается концептами. В работе также присутствует большое количество примеров языкового материала, которые позволяют проиллюстрировать полученные выводы. Автор соблюдает правила цитирования первоисточников, а также примеров языкового материала. В целом, статья «Когнитивные механизмы формирования новых концептов в современном дискурсе СМИ Германии» соответствует основным требованиям, предъявляемым к подобным работам, и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Царегородцева С.С., Пинаев С.М. — В крушениях царств, в самосожжениях зла ... (за страницами книги Максимилиана Волошина "Демоны глухонемые") // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.38354
EDN: EQWVOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38354

В крушениях царств, в самосожжениях зла ... (за страницами книги Максимилиана Волошина "Демоны глухонемые")

Царегородцева Светлана Сергеевна

ORCID: 0000-0002-2510-2324

кандидат филологических наук

доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова.

111024, Россия, Московская область, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ alatas@mail.ru

Пинаев Сергей Михайлович

ORCID: 0000-0001-7064-7510

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

125009, Россия, Московская область, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 5-7, строение 2, кв. 18

✉ serpinaev@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.38354

EDN:

EQWVOD

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2022

Аннотация: Цель данного исследования заключается в выявлении историософских основ книги Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые». В статье рассмотрена историческая концепция М. Волошина, который пытается через оценку прошлого России, подвести читателя к драматическим событиям современности и предсказать будущее. Волошин, делая упор на революционные события России и Франции, пишет книгу-трагедию, которая вышла в январе 1919 г. Основная гипотеза заключается в том, что

«Демоны глухонемые» занимает особенное место в творческой биографии поэта, при этом надо иметь в виду несколько важных моментов. Это последний сборник Волошина, выпущенный при его жизни в России, подготовленный самим автором (с рисунками автора). К нему органично примыкают стихотворения, написанные 1919 году: «Неопалимая купина», «Русская революция», «Китеж», «Гражданская война». Стихотворения, драматически переводящие историю в современность и приоткрывающие будущее. Книга "Демоны глухонемые" включает в себя произведения, написанные в разное время и относящиеся к разным историческим эпохам. Однако Волошин обладал способностью ощущать течение истории, «вливающейся в «сегодня», воспринимать историю в её единовременном виде. Момент истории для него – вся история, так же как время – это всё время. Подобное ощущение было свойственно поэту на протяжении всего творческого пути. Смута, Восстание Стеньки Разина, Петровская эпоха, Термидор во Франции, революция в России всё это сосуществует для него как бы в едином временном кадре. Одно воспринимается через другое. В работе предложен новаторский подход к изучению последнего прижизненного сборника М. Волошина в контексте литературных связей; предложен путь рассмотрения рецепции творчества в единстве историко-культурных и биографических контекстов, что представляет собой органичное сочетание историко-культурного, биографического и компаративного методов, составляющих основу классической филологической науки.

Ключевые слова:

историософия, славянофильство, христианский анархизм, раскол, временной кадр, лихолетье, усобица, реминисценция, ассоциация, смысловая инверсия

«Демоны глухонемые» - глубоко личная книга, это «авторская исповедь» поэта. Волошин чувствовал свою глубинную причастность «тёмной, пьяной, окаянной», но всегда святой Руси, породившей Стеньку Разина и Лжедмитрия, а в вершителях судеб новой России видел их неотвратимых наследников. «...И опять приду – чрез триста лет...» - оповещает своих потомков «мёртвый, но единый» Дмитрий-Император. «...Три угодника – с Гришкой Отрепьевым / Да с Емелькой придём Пугачом», - поддерживает его Стенька Разин. И уже сам поэт, вкусив от «мук казнённых поколений», констатирует в духе Апокалипсиса:

Анафем церкви одолев оковы,

Повоскресали из гробов

Мазепы, Разины и Пугачёвы –

Страшилища иных веков...

(«Китеж», 1919)

«Демоны глухонемые» - историософская книга, обобщающая исторические пути России, подводящая читателя к драматическим событиям современности, подводящая, но не охватывающая их. Картины кровавой бойни последнего года Гражданской войны в неё не вошли. При этом Волошин сделал упор на «революционные отсветы разных веков и широт», главным образом, русские и французские. Он, безусловно, создавал книгу-трагедию (если есть роман-трагедия, то трагедией может быть и книга стихов). Лирические герои подбирались соответствующие: Стенька Разин, Лжедмитрий, протопоп Аввакум... И эпохи, и события – актуальны в свете заданной темы: Смутное время,

Раскол, французская революция, «предвестия» российской катастрофы, революционная Москва, Петроградская бесовщина, Брестский мир... И всё это сквозь призму тютчевского образа, вынесенного в заглавие книги. Весной 1919 года Волошин рассчитывал переиздать сборник в Одессе, заключив договор с издателем Е.И. Рузером, однако с этой затеей ничего не вышло.

Вообще же стихи Волошина о революции и Гражданской войне ходили по рукам и «списывались тайно и украдкой». Поэт объединил их в так и не изданную книгу «Неопалимая купина». Трагизм усобицы будет запечатлён в «Стихах о терроре», которые выйдут в Берлине, в февральском номере «Новой русской книги» за 1923 год. Отдельно эта книга вышла в «Книгоиздательстве писателей» тиражом 2500 экземпляров. Там же, в Берлине, в «Книгоиздательстве писателей», в сентябре того же года, осуществилось и переиздание «Демонов глухонемых». Правда, сам Волошин будет, по понятным соображениям, отказываться от этих изданий, подчёркивая, что стихи за границей печатаются без его ведома, лицами, ему не известными. Без ведома поэта вышел в 1923 году и сборник «Усобица». Он был выпущен во Львове издательством «Живое слово». По-видимому, Волошин так и не узнал о его существовании.

Таким образом, книга «Демоны глухонемые» оставляет ощущение незавершённости. Она как бы открыта в будущее. Делается историософский прогноз: «России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла» («Ангел времён»). Выражается основной нравственный пафос: извлечь из мозгов и сердец «занозу» ненависти, «заклясть» «каждый курок и руку».

Книга состоит из трёх разделов: «Ангел Мщенья», «Пламенники Парижа», «Пути России» с примыкающей поэмой «Протопоп Аввакум». Она включает в себя 25 стихотворений и одну поэму. Название книги восходит к образному словосочетанию из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...», а также – к цитате из книги пророка Исаии (42, 19): «Кто так слеп, как раб мой? И глух как вестник мой мною посланный?» «Смысл "Демонов глухонемых" Вы поняли вполне, - писал Волошин А.М. Петровой 15/19. 1. 1918 г. – Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий» [1, с. 46]. В числе русских демонов истории поэт выделяет, прежде всего, «Дмитрия-Императора». Это некий демонический синтез, совокупное единство, «распылённое между тысячами бесов». В Стеньке Разине, по мнению Волошина, «больше бесовщины, чем демонизма. Он, как и Ермак, реальное историческое лицо, растворившееся в массах, «народный эпос в действии».

Любопытна волошинская оценка Аввакума. Мученик Раскола ассоциируется у него с Бакуниным. Сближает их «христианский анархизм». Поэт противопоставляет историческое христианство христианству «чистому, с церковью, иерархически связанному с ангельскими иерархиями». Соединение их возможно лишь в ту эпоху, «когда личность Христа начнёт манифестироваться на эфирном уровне». В славянстве, считает Волошин, в отличие от Запада, «христианство имеет тенденцию переноситься целиком в индивидуальное чувство и противопоставлять себя государству, как царству зверя. Поэтому в народовольцах и террористах не меньше христианства, чем в мучениках первых веков, несмотря на их атеизм» [1, с. 47].

Комментируя в более раннем письме (30. XII. 1917) название книги, восходящее к стихотворению Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865), Волошин пояснял, что демон – «не непременно бес – это среднее между богом и человеком: в этом смысле ангелы – демоны и олимпийские боги – тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той, и в другой форме глухонемота является

неизбежным признаком посланничества, как Вы видите по эпитафии из Исайи. Они ведь только уста, через которые вещает Святой Дух...» [\[2, с. 775-776\]](#). Демон, согласно волошинскому пониманию, не обязательно заключает в себе нечто злое. В любом случае он (или оно, явление) – лишь проводник высших сил, высшей воли, концентрирующейся в своей земной форме. Как и в греческой мифологии, это «мгновенно возникающая и мгновенно уходящая... роковая сила, которую нельзя назвать по имени, с которой нельзя вступить ни в какое общение...» [\[3, с. 366\]](#).

Предтечу российского лихолетья Волошин усматривает в деяниях одного из главных демонов русской истории – Петра I. Если же говорить о временах ближайших, то здесь в качестве своеобразной прелюдии исторической катастрофы выделяются события 1905 года. Не случайно книгу Волошина (её первый раздел) открывает стихотворение с характерным названием «Предвестия» (1905г.).

Первый раздел книги является, по сути, ретроспективным. Он представляет собой своеобразные ступени на пути развития революционных событий, начиная с первой русской революции 1905-1906 гг. Мы знаем, что поэт стал свидетелем последствий расстрела мирного шествия 9 января 1905г. По приезде в Петербург Волошин был поражён: кругом волнения, войска, а вот уже – и тела убитых «на извозчиках». Он никогда такого не видел: мёртвые мужчины, женщины, нарядно одетая девочка... Выяснилось: везут убитых с Троицкого моста. Однако и в других местах поэт сталкивался с трупами. Попадались солдатские патрули, горели газетные киоски, мчалась конная пожарная команда. Кое-где был слышен свист пуль. Он побывал в редакции газеты «Русь», послушал очевидцев. Кругом говорили: «Шли с крестным ходом и с портретом государя. Пели "Спаси, Господи, люди Твоя". В них дали залп у Троицкого моста». «Им бы японцев бить надо, а они здесь народ калечат». «В иконы пулями стреляли». Всё увиденное и услышанное Волошин заносил в дневник. Кто-то сказал, что убито девять грудных детей. Ночью напряжение не спадало: какие-то шаги, голоса («точно весь воздух полон голосами, звучащими во чреве времени»), иногда – выстрелы. Во всём этом было нечто жутко-мистическое, ненастоящее... На следующий день беспорядки продолжались. Волошин своими глазами видел «атаку казаков» на толпу.

Свои впечатления от этого жуткого зрелища художник изложил в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца», написанной на французском языке. Больше всего его потрясло то, что стреляли по безоружным людям, женщинам и детям, по иконам. «Кровавая неделя в Петербурге не была ни революцией, ни днём революции... Эти дни были лишь мистическим прологом народной трагедии, которая ещё не началась, пророчески провозглашает поэт в своём очерке, опубликованном в одном из февральских номеров газеты «Европейский курьер». – Зритель, тише! Занавес поднимается...» [\[4, с. 498\]](#). Теперь-то уж, после того, как окончательно скомпрометирована идея «самодержавие, православие, народность», полагал Волошин, предотвратить грозные события вряд ли удастся.

Тема исторического возмездия, народного возмущения овладевает творческим воображением поэта. По горячим следам он пишет стихотворение «Предвестия», а в следующем году – «Ангел Мщенья» и «Голова Madame de Lamballe» (первоначальное название: «Голова princesse de Lamballe»). Посылая это стихотворение 3/16 марта 1906 г. М.В. Сабашниковой, Волошин признавался: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покоя. И мне оно кажется хорошо в своём ужасе. Как какая-то тяжесть упала с плеч» [\[5, с. 81\]](#).

В стихотворении «Ангел Мщенья» поэт поднимается до историко-философских обобщений. Он говорит как бы от лица Ангела Возмездия, Демона Революции, который вопия о попоранной справедливости, будоража сознание людей, стимулирует инстинкты разрушения, провоцирует на агрессивные действия. Разумеется, во имя «гуманизма».

Народу русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!

Я в раны чёрные – в распаханную новь

Кидаю семена. Прошли века терпенья.

И голос мой – набат. Хоругвь моя, как кровь.

На буйных очагах народного витийства

Как призраки взращу багряные цветы.

Я в сердце девушки вложу восторг убийства

И в душу детскую – кровавые мечты.

Объект мщения – оно и понятно – выглядит в стихотворении чрезвычайно неопределённо, расплывчато:

Меч Справедливости – карающий и мстящий –

Отдам во власть толпе... И он в руках слепца

Сверкнёт стремительный, как молния, разящий.

Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.

Уже здесь предвидение разгула демонических, с точки зрения Волошина, сил Гражданской войны, разрывающей семьи, утверждение «правды» палача и жертвы, виновного и наказующего. Каждый, считает поэт, воспринимает свободу и справедливость по-своему, и каждый ощущает своё понимание единственно верным и нравственным («Устами каждого воскликну я "Свобода!" / Но разный смысл для каждого придам»). Поэтому, пишет он в статье «Пророки и мстители» (1906), идея справедливости – самая жестокая и цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим умом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга... Она несёт с собой моральное безумие, и Брут, приказавший казнить своих сыновей, верит в то, что он совершает подвиг добродетели. Кризисы идеи справедливости называются «великими революциями» [\[6, с. 193\]](#).

Не сеятель сберёт колючий колос сева,

Принявший меч погибнет от меча.

Кто раз испил хмельной отравы гнева,

Тот станет палачом иль жертвой палача.

Поэт ощущает дыхание первой русской революции и придаёт надвигающимся событиям мистико-символический характер, наполняя свои стихи многочисленными библейскими образами и реминисценциями. Показательна заключительная строфа стихотворения «Ангел Мщенья». Слова Иисуса Христа, обращённые к одному из учеников: «...возврати меч свой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут, (Мф. 26, 52), а также

образ чаши с вином ярости, напоившим и сделавшим безумными народы (Книга пророка Иеремии, 25, 15-16), приобретут в творчестве Волошина концентрированный, символический смысл.

Воистину сама природа позаботилась о том, чтобы наполнить происходящее мистическим содержанием. На затянувшемся белесоватую мглю небе мутно-красное солнце давало в тумане два отражения. И казалось, что на небе три солнца. Это подметила журналистка, издатель Л. Я. Гуревич. Три солнца были замечены и Волошиным, который в статье о кровавом воскресенье дал этому естественно-научное объяснение: «...явление, которое происходит во время сильных морозов», правда, оговорившись, что, по народным преданиям, оно «служит предзнаменованием больших народных бедствий» [\[4, с.494\]](#). Пасолнцы, побочные солнца, засветились над Русью и в период царствования Лжедмитрия («Dmetrius Imperator», 1917), ознаменовавшего «над Москвой полетые лютых бед». В стихотворении «Предвестия», написанном 9 января 1905 года, Волошин усугубляет тревожно-мистические настроения:

...В багряных свитках зимнего тумана
 Нам солнце гневное явило лик втройне,
 И каждый диск сочится, точно рана...
 И выступила кровь на снежной пелене.
 А ночью по пустым и гулким перекрыжкам
 Струились шелесты невидимых шагов,
 И город весь дрожал далёким отголоском
 Во чреве времени шумящих голосов...

Так или иначе, драматические события середины первого десятилетия XX в. не прошли мимо поэта. Он пишет М.В. Сабашниковой о восстании на Черноморском флоте, о броненосце «Потёмкин», размышляет о безволии Николая II, царствованию которого двадцать лет спустя даст убийственную характеристику в поэме «Россия»:

...Так хлынула вся бестолочь России
 В пустой сквозняк последнего царя;
 Желвак Отцу, Ходынка и Цусима,
 Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...

Знаменательно, что вместе с «Предвестиями» в газете «Русь» от 14 августа 1905 г. появляются два перевода Волошина из Верхарна – «Казнь» и «Человечество». По поводу первого из них поэт писал матери, что посвящает его Николаю. А несколько раньше, 21 июня, он открывается А.М. Петровой: «Убийство царя имеет священный и ритуальный характер... Но не убийство личное, а народная казнь» [\[7, с.208\]](#). Волошину не дают покоя мысли об обречённости царя быть принесённым в жертву «за грехи своего народа». Что ж, вполне волошинская смысловая инверсия... Поэт в эти месяцы буквально зачитывается «Историей французской революции» Ж. Мишле, проводит соответствующие параллели с российской историей. 14/27 сентября 1905г. Волошин пишет Сабашниковой: «Как это великолепно написано... В первый раз Революция так развёртывается передо

мной... Вчера я читал, как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куаферу – он завил её, напудрил, и её... понесли на пике к окну Марии-Антуанетты ...Читал о том, как Дантон перед казнью сказал палачу, который грубо оттолкнул Фабра Эглантина (д'Эглантина, поэта, члена Конвента – С.П.), хотевшего проститься с ним: "Ничего. Мы поцелуемся в корзине..." А потом прибавил: "Ты подымешь мою голову и покажешь её народу. Она стоит этого"... Я весь полон этими событиями, но я ещё совсем не знаю, как подойти к ним, с какой стороны» [8, с. 494]. Размышления на заданную тему будут продолжаться и в 1917 году. Они найдут поэтическое выражение в стихах о французской революции «Две ступени» и «Термидор», которые с примыкающей к ним «Головой Madame de Lamballe» составят 2-й раздел книги - «Пламенники Парижа».

Что же касается русской истории, проходящей через «кручи», как сказал бы Вяч. Иванов, мировой войны и революции, то она запечатлена в стихотворениях «Россия» (1915), «Москва» (март 1917), «Петроград», «Трихины», «Мир» (Брестский), «Родина».

Итак, очередной виток истории проходит через «временной кадр» волошинского сборника в 1915г. («Россия»). Поэт и тогда, и впоследствии занимал позицию «над схваткой», чувствуя свою ответственность – мыслителя, художника, гуманиста – за происходящее и своё бессилие. В противоположность шовинистическим победным лозунгам, наводнившим литературные альманахи и публицистические сборники, он делает совершенно противоположные заявления, выражает свой патриотизм в нетрадиционных образах:

Люблю тебя в лике рабьем,

Когда в тишине полей

Причитаешь голосом бабьим

Над трупами сыновей...

Возможно, поэтические ассоциации, в какой-то мере подсказаны Волошину Тютчевым:

Удручённый ношей крестной,

Всю тебя, земля родная,

В рабском виде Царь Небесный

Исходил, благословляя.

Соотношение униженной, «поруганной» в боях России с рабским видом Христа находит у Волошина поэтическое развитие («Люблю тебя в лике рабьем»): Россия – Христос. И вторая параллель, возникающая позднее: Россия уподобляется бесноватому, которого исцелил Сын Человеческий («Русь глухонемая»). Наконец, в стихотворении «Родина» возникает смысловой синтез:

Но ты уж знаешь в просветленьи,

Что правда Славии – в смиреньи,

В непротивлении раба...

9 декабря 1917г. М.А. Волошин писал А.М. Петровой: «Знаменательно имя "славяне". Для Запада оно звучит, как имя рабов (esclavi)». Раб и славянин (sclavus) по-латыни звучат как омонимы, а воспринимаются как синонимы, «и для Германии Россия

“славянский навоз”. Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несёт в себе – это Слава, Слово: Право Славии» [2: 754]. Конечно, можно говорить о своеобразном славянофильстве Волошина, можно вспомнить о влиянии на него Р.Штайнера, который находил в славянской расе «особые силы» и видел её значительные перспективы в развитии человечества. Но, так или иначе, ни Тютчев, называвший свою родину «край родной долготерпенья», ни Волошин, писавший о «рабьем лике» России, не вкладывали в эти слова критически-уничижительный смысл. Ибо в обоих случаях подразумевался именно крест, носимый во имя Христа и мистически сливавшийся с его крестной ношей. Крест, который, по Волошину, приняла на плечи «во Христе юродивая Русь».

Всё происходящее в эти годы, отчётливо запечатлелось в памяти поэта: «Февраль 1917 года застал меня в Москве. Москва переживала петербургские события радостно и с энтузиазмом. Здесь с ещё большим увлечением и с большим правом торжествовали «бескровную революцию», как было принято выражаться в те дни» [9: 40]. Вследствие отсутствия полиции, «в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые расположились на папертях и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божьем.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло русской стариной, звучали закланиями... красные кумачовые пятна...казались кровью... И тут внезапно и до ужаса отчётливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени» [\[9, с. 42-43\]](#).

...Ни свечи не засвечены,

К обедне не звонят,

Все груди красным мечены,

И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,

Молчат... проходят... ждут...

На папертях слепцы поют

Про кровь, про казнь, про суд.

Это было озарение, растворение капли дня сегодняшнего в океане времени. «Перспективная точка зрения, необходимая для поэтического подхода, была найдена: этой точкой зрения была старая Москва, дух русской истории. Но эти стихи шли настолько вразрез с общим настроением тех дней, что их немыслимо было ни печатать, ни читать» [\[9, с. 43-44\]](#).

«Революция есть нарушение высшего религиозного принципа жизни, принципа органического единства» [\[10, с. 10\]](#), - писал философ С.А. Аскольдов в статье «Религиозный смысл русской революции». По его мнению, революция – это власть множественности над государственным единством, в какой бы форме оно ни выражалось. У Волошина эта множественность, «расплавляющая спайки целого», - множественность бесов. Поэт прилагает притчу из Евангелия от Луки – о бесах, вошедших в стадо свиней, - к историческим и текущим событиям, привнеся своё

толкование происходящего: «Свойство бесов – дробление и множественность, - говорит он в лекции «Россия распятая»... - Изгнанный из одного одержимого, бес становится множеством, населяет целое свиное стадо, а стадо увлекает пастухов вместе с собою в бездну» [9, с. 82]. Происходящее в России, в частности, в Петрограде, Волошин сравнивает со зловещим спиритическим сеансом, когда «в пустоту державного средоточия ринулись Распутины, Илиодоры и их присные. Импровизированный спиритический сеанс завершился в стенах Зимнего Дворца всенародным бесовским шабашем семнадцатого года...» [9, с. 47], который иллюстрируется стихотворением «Петроград»:

...Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом,
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод...
Финал этого «шабаша» предопределён:
...Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

Впрочем, поэт не заостряет внимания на «исходе» этой «безысходной», казалось бы, «бесовщины», не ставит вопрос об «исцелении» (хотя в стихотворении «Русь глухонемая» упоминается «меч молитв», «обрубающий» эту болезнь) – он задумывается о природе её происхождения.

10 декабря 1917 г., на другой день после написания «Петрограда», поэт создаёт стихотворение «Трихины», название которого восходит к роману Достоевского «Преступление и наказание». Там, на последней странице, описывается бред отправленного в Сибирь Раскольникова, говорится о какой-то неслыханной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. В результате все должны погибнуть, за исключением немногих избранных. Виной всему – некие трихины, микроскопические существа, вселяющиеся в людей и делающие их бесноватыми. Будучи уверенными каждый в своей «истине», люди начинают убивать друг друга в какой-то бессмысленной злобе...

Прошло пятьдесят лет, и вот «дыхание ужаса революции» привело поэта к осознанию: «Исполнилось пророчество: трихины / В тела и дух вселяются людей...» Финал романа представляется Волошину «апокалиптическим видением, в котором уже есть всё, что свершается, и много того, чему ещё суждено исполниться» [6, с. 189]. Неужели человек столь плох и в природе его заложены звериные инстинкты, страсть к убийству и разрушению? Отнюдь нет. Вслед за автором «Бесов» Волошин почувствовал, что в революционной вакханалии виновен не сам человек, что его подчиняют некие «духи». Это даже не демоны, а «духи невысокого полёта: духи-звери, духи-идиоты, духи-самозванцы, обманщики и шарлатаны» [9, с. 47]. Можно называть их трихинами, а можно

– бесами, то есть духами зла, «невидимыми врагами» человеческого рода.

По своей эмоциональной атмосфере из произведений харьковского сборника выделяется стихотворение «Мир». Под ним стоит дата: 23.XI.1917. Сам Волошин утверждал, что написал его в день открытия переговоров, т. е. – 20.I.1917г. Принято считать, что стихотворение пронизывает беспокойство поэта за возможный поворот событий, за Россию, которую поставили в унижительное положение. К тому же поэт осознавал ответственность России перед союзниками, ею отчасти вовлечёнными в войну. С горькой иронией он вспоминал о том, как в марте того же года на собрании московских литераторов В.Я. Брюсов, предлагая текст воззвания народу, говорил: «Мы должны сказать Франции, Бельгии и Англии: ...Не рассчитывайте больше на нашу помощь... потому что мы теперь должны оберегать нашу драгоценную Революцию» [\[9, с. 49\]](#). Волошин утверждал, что дело тут не только в большевиках. «Тяжёлая моральная ответственность» за Брестский мир и его последствия легла, по его мнению, на всё русское общество, в том числе и на интеллигенцию, обнаружившую свою «государственную беспочвенность» [\[9, с. 48- 49\]](#).

Однако следует учитывать и ещё один, весьма специфический и отнюдь не бесспорный аспект данной проблемы. Вспомним концовку стихотворения:

...О, Господи, разверзни, расточи,

Пошли на нас огонь, язвы и бичи,

Германцев с запада, монгол с востока,

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,

Чтоб искупить, смиренно и глубоко

Иудин грех до Страшного Суда!

Волошин полагал, что лобовое столкновение с Германией вряд ли могло бы привести к положительному для России итогу. Бороться с германским «Левиафаном» эффективнее не извне, а изнутри. Ведь в случае внешнего поражения России славянство, «которое окажется внутри Германской империи... больше сделает для преображения её, чем то, которое будет отчаянно и безуспешно... бороться с нею извне» [\[1, с. 48\]](#). «Разрядить» и, соответственно, «преобразить» «в течение двух-трёх поколений» германский империализм следует «тем христианским зарядом, что заложен в славянстве» (из письма А.М. Петровой от 15 января 1918г.). Несколько раньше, 9 декабря, Волошин писал: «Мне представляется вполне возможным повторение судьбы Греции и Рима: то есть полное государственное поглощение России Германией и новый государственный сплав, который даст России, славянству впоследствии пережить на тысячелетие Германию. Быть может, это и будет обетованным тысячелетним царством святых и Христа во "славе" его» [\[9, с. 754\]](#).

Программный характер в этой связи приобретают стихотворения: «Родина», «Ангел времён» и «Преосуществление». В первом из них утверждается,

...Что правда Славии – в смиреньи,

В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:

Благословить свои оковы;
В темнице простираясь ниц,
И части воспринять Христовой
От грешников и от блудниц...
Во втором содержится наставление:
Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня
И крест его – всемирное служенье.
Двойным путём ведёт его судьба –
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS – раб, но Славия есть СЛАВА –
Победный нимб над головой раба!
...В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет – она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

Постигая историю России в её евразийской целокупности, поэт допускал образование Славии, «славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России». Это воображаемое государство будет, по мысли Волошина, «тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи» [\[10, с. 85\]](#), то есть стать Третьим Римом. Отсюда – программные строки из стихотворения «Преосуществление», в котором говорится о крушении Рима,

...Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле
Свершилось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвёл – велик
И необъятен, как стихия.

Так семя, дабы прорасти,

Должно истлеть...

Истлей, Россия,

И царством духа расцвети!

Вместе с тем Волошин смотрит на происходящее сквозь призму библейских истин и пророчеств. Но воспринимает их весьма специфически. Его вера в судьбу России метафорически выражена в стихотворении «Видение Иезекииля», в основе которого лежит идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство, и – последующего возрождения Иерусалима к новой жизни. Исполненную того же пафоса идею поэт выявил в финале «Преступления и наказания» и выразил ещё в своей ранней статье «Пророки и мстители»: «В пророчестве Достоевского чувствуется именно эта катастрофа: новое крещение человечества огнём безумия, огнём св. Духа... У хилиастов третьего века конец мира, у Достоевского безумие, с надеждой новой эры за гранью безумия» [\[6, с. 191\]](#).

Ну а книгу «Демоны глухонемые» завершает поэма «Протопоп Аввакум». Её герой в финале поэмы провозглашает: «Родясь – погас, / Да снова разгорелся!» И вновь – надежда на возрождение, вновь – катарсис, вновь возникают ассоциации с судьбой страны. «Поруганной и нищей» России, считает Волошин, предстоит долгий и мучительный путь. Однако «Дух Истории» и «сгусток воли» выведут её судьбу на новые рубежи, помогут преодолеть разруху и террор, бесчестье и голод. В стихотворении, не входящем в состав сборника, но органически достраивающем его структуру, ощущается очистительный огонь трагедии:

Мы погибаем, не умирая,

Дух обнажаем до дна.

Дивное диво – горит, не сгорая,

Неопалимая Купина!

(«Неопалимая Купина»).

Библиография

1. Волошин М.А. Собр. соч. Т.12. Письма 1918-1924. – М.: Эллис Лак, 2013. 992 с.
2. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Письма 1913-1917. – М., 2011. 832 с.
3. Мифы народов мира. Т.1. – М., 1991. 671 с.
4. Волошин М.А. Собр. соч. Т.5. – М., 2007. 345 с.
5. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Кн.2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906-1924. – М., 1915. 990 с.
6. Волошин М.А. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988. 848 с.
7. Волошин М.А. Собр. соч. Т.9. Письма 1903-1912. – М., 2010. 785 с.
8. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Кн.1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903-1905. – М., 2013. 458 с.
9. Волошин М.А. Россия распятая: сборник статей и стихов. – М., 1992. 248 с.
10. Из глубины: Сб. статей о русской революции. – М., 1991. 298 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ориентир на творчество Максимилиана Волошина практически всегда связан с неким новым открытием его творческого дарования. Литературный базис статьи – это книга Волошина «Демоны глухие». Как отмечается в начале работы, «Демоны глухонемые» – глубоко личная книга, это «авторская исповедь» поэта. Волошин чувствовал свою глубинную причастность «тёмной, пьяной, окаянной», но всегда святой Руси, породившей Стеньку Разина и Лжедмитрия, а в вершителях судеб новой России видел их неотвратимых наследников», «Демоны глухонемые» – историософская книга, обобщающая исторические пути России, подводящая читателя к драматическим событиям современности, подводящая, но не охватывающая их. Картины кровавой бойни последнего года Гражданской войны в неё не вошли. При этом Волошин сделал упор на «революционные отсветы разных веков и широт», главным образом, русские и французские. Он, безусловно, создавал книгу-трагедию (если есть роман-трагедия, то трагедией может быть и книга стихов)». Целевая составляющая работы сводится к вероятностной дешифровке сложной онтологии книги М. Волошина, объективации смыслов, сформулированных автором. В работе дан достаточно удачный срез критической оценки указанного произведения, высвечены грани своеобразия реализации темы, верифицированы вопросы, тревожащие М. Волошина как философа, мыслителя. Стиль сочинения соотносится с академическим типом. Вполне удачно автор использует т.н. промежуточные связи, например, «таким образом, книга «Демоны глухонемые» оставляет ощущение незавершённости. Она как бы открыта в будущее. Делается историософский прогноз: «России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла» («Ангел времён»). Выражается основной нравственный пафос: извлечь из мозгов и сердец «занозу» ненависти, «заклясть» «каждый курок и руку», или «итак, очередной виток истории проходит через «временной кадр» волошинского сборника в 1915г. («Россия»). Поэт и тогда, и впоследствии занимал позицию «над схваткой», чувствуя свою ответственность – мыслителя, художника, гуманиста – за происходящее и своё бессилие». Данный прием позволяет поддерживать внутреннюю логику развития мысли. В статье достаточно примеров / иллюстраций. Материал ориентирован как на подготовленного, так и неподготовленного читателя, многое из «сказанного» подробно комментируется: «первый раздел книги является, по сути, ретроспективным. Он представляет собой своеобразные ступени на пути развития революционных событий, начиная с первой русской революции 1905-1906 гг. Мы знаем, что поэт стал свидетелем последствий расстрела мирного шествия 9 января 1905г. По приезде в Петербург Волошин был поражён: кругом волнения, войска, а вот уже – и тела убитых «на извозчиках». Он никогда такого не видел: мёртвые мужчины, женщины, нарядно одетая девочка... Выяснилось: везут убитых с Троицкого моста. Однако и в других местах поэт сталкивался с трупами. Попадались солдатские патрули, горели газетные киоски, мчалась конная пожарная команда. Кое-где был слышен свист пуль. Он побывал в редакции газеты «Русь», послушал очевидцев», или «10 декабря 1917 г., на другой день после написания «Петрограда», поэт создаёт стихотворение «Трихины», название которого восходит к роману Достоевского «Преступление и наказание». Там, на последней странице, описывается бред отправленного в Сибирь Раскольникова, говорится о какой-то неслыханной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. В результате все должны погибнуть, за исключением немногих избранных. Виной всему –

некие трихины, микроскопические существа, вселяющиеся в людей и делающие их бесноватыми. Будучи уверенными каждый в своей «истине», люди начинают убивать друг друга в какой-то бессмысленной злобе...» и т.д. Наличного объема достаточно для раскрытия темы, считаю, что основная цель работы достигнута. Думаю, что ряд позиций, высказанных в статье можно продолжить в новых исследованиях. Настраивает на расширение смысла, например, вот этот блок: «вместе с тем Волошин смотрит на происходящее сквозь призму библейских истин и пророчеств. Но воспринимает их весьма специфически. Его вера в судьбу России метафорически выражена в стихотворении «Видение Иезекииля», в основе которого лежит идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство, и – последующего возрождения Иерусалима к новой жизни». Статья безусловно имеет явные признаки научной новизны, хотя зависимость от ряд уже высказанного имеется, автор объективен в оценке волошинского текста, считаю, что вариант трактовки «Демонов глухонемых» сделан филологически верно. Общие требования издания учтены, тема работы соотносится с профилем журнала. Материал может быть полезен при изучении творчества М. Волошина, истории русской культуры XX века. Рекомендую статью «В КРУШЕНЬЯХ ЦАРСТВ, В САМОСОЖЖЕНЬЯХ ЗЛА... (за страницами книги Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые)» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Молодцов А.Б. — Динамика точки зрения в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.39548 EDN: ESLAUA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39548

Динамика точки зрения в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго"

Молодцов Алексей Борисович

ORCID: 0000-0003-1332-1041

ассистент кафедры русской и мировой литературы, Луганский государственный педагогический университет

91011, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

✉ homosapien34@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.39548

EDN:

ESLAUA

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2022

Аннотация: Предметом исследования данной статьи являются особенности функционирования точки зрения в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», что подразумевает анализ его композиции на макро- и микроуровне. В поле исследования также попадает авторское слово и иные формы авторского выражения, а также соотношение авторской точки зрения с точкой зрения персонажей произведения. Цель исследования – выявить формообразующее значение точки зрения как композиционного приема в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». В ходе исследования были использованы сопоставительный метод и методы теоретической поэтики для установления композиционных закономерностей произведения. Данная статья уточняет установившееся мнение, что Юрий Живаго – alter ego Б. Пастернака, лирический герой лирического романа. В ходе исследования композиции романа мы установили, что она строится на монтаже постоянно меняющихся точек зрения, а авторское слово и присутствие стремится к незаметности. Вследствие этого большинство эпизодов романа «Доктор Живаго» приобретают драматическую динамику, а повествование всегда косвенно, отрывочно и ограничено точкой зрения того или иного персонажа, которые в совокупности равноправны не только между собой, но и с авторской точкой зрения. Особой композиционной формой являются эпизоды-контрапункты, в которых несколько

точек зрения стереоскопично освещают либо разное пространство одного и того же временного промежутка, либо одно и то же пространство в разное время, а также условная безличная точка зрения, находящаяся внутри события, в противовес авторскому слову, внешнему по отношению к нему. Полученные результаты свидетельствуют об иной степени авторского выражения в романе «Доктор Живаго» и иных формах этого выражения, чем это предполагает лирический роман. По существу, формообразующим, но малоизученным остается драматизм «Доктора Живаго», который может стать предметом дальнейших исследований.

Ключевые слова:

роман, автор, герой, точка зрения, монтаж, косвенное повествование, контрапункт, безличная точка зрения, драматизм, композиция

Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», ставший доступным русскоязычному читателю не так давно, до сих пор вызывает споры среди исследователей, критиков и читателей. Произведению либо отказывают в состоятельности как прозе, либо признают такую оригинальность, которая ставит роман не только в исключительное, но и обособленное положение. Между тем развитие мировой литературы показывает, что «Доктор Живаго», при всем своеобразии, был ступенью на пути к более сложным и современным формам прозы. Так, едва ли не ведущей проблемой изучения романа Б. Пастернака является природа его жанра, которая обуславливает ряд сопряженных проблем: отношений автора и героя, композиции произведения, точки зрения в романе, стиля, речи персонажей и их типологии и т.д.

Исследователи признают синкретичную жанровую основу «Доктора Живаго», указывая, что его в равной мере оформляют эпическое и лирическое начала (Д. Лихачев, И. Сухих, Е. Бондарчук, С. Ильев, И. Смирнов, В. Тюпа, А. Власов, Р. Якобсон и др.). Мы не можем не согласиться с этим тезисом, однако заметим, что это определение не исчерпывающе объясняет жанровую специфику произведения. Так, С. Ильев, в силу характерного функционирования символа в «Докторе Живаго», определяет роман как символический ^[4]; Е. Бондарчук, логически следуя за тезисом о лирической основе романа, называет «Доктора Живаго» лирическим романом, а самого Юрия Андреевича – alter ego Б. Пастернака, т.е. лирическим героем ^[1]; И. Смирнов, прослеживая поэтику тайны (действительно присутствующую в романе), дает свою формулировку – «роман тайн» ^[9]. Аналогии можно продолжить. Тем не менее при более тщательном и непосредственном рассмотрении, остаются проблематичными драматические перипетии сюжета, отношения автора и персонажей, композиция и т.д.

Юрий Живаго, при всей своей исключительности, не лирический герой романа. Он не является повествователем, рассказ ведется не только с его точки зрения, а часто даже и без его актуального участия. Более тонкий подход мы видим у Л. Ржевского, говорящего о выражении автора в целой группе автогенных персонажей, которых объединяет почти одинаковый язык и портретная безликость (Живаго, Лара, Веденяпин, Сима Тунцева, Гордон, Дудоров) ^[8]. Но и тут возникает противоречие: пусть язык этих героев действительно одинаков, но содержательно, по характеру, мы не можем перепутать пассивного, интеллигентного, замкнутого, остающегося идейно почти монолитным Живаго с активной Ларой, открытым Дудоровым, по-народному мудрой Тунцевой и меняющим свои взгляды Веденяпиным. Значит, стоит вопрос об авторском

отношении ко всем этим героям и даже больше – ко всем героям романа, которые в равной степени могут выражать авторскую позицию и в душевный мир которых автор проникает с не меньшей частотой и заинтересованностью, чем в душу Живаго.

Вышеизложенные отношения формально выражаются в особенностях точки зрения, шире, следуя Б. Успенскому, – композиции [\[11\]](#).

Сюжет «Доктора Живаго» дан не в виде планомерно развивающейся цепи событий в причинно-следственной последовательности, а в форме отдельных, символических эпизодов столкновений героев. Он составляется из всего множества эпизодов, которые, взятые отдельно, более лирические или драматические по содержанию, чем эпические. Более того, с развитием действия множества эпизодов скрещиваются с другими множествами и друг друга дополняют и уточняют.

Сюжет основан преимущественно на взаимоотношениях четырех героев (Лара, Живаго, Антипов, Комаровский). Они и составляют ту первостепенную последовательность мотивов, которые впоследствии будут варьироваться, повторяться и развиваться (контроверзу, по Б. Грифцову [\[3\]](#)). По существу, их связывает любовь, любовные перипетии, и чтобы передать драматический накал и противоречивость, неоднозначность и исключительность этой любви, воплощенной в Ларе, Б. Пастернак вводит в эпическую форму элемент драматизма – постоянно меняющуюся точку зрения на происходящее. В драме как роде и жанре меняющиеся точки зрения излагаются прямой речью самих действующих лиц, и преимущественно по этой речи нам приходится догадываться об их внутренней жизни. В «Докторе Живаго» Б. Пастернак выражает подспудный душевный пласт многих героев посредством того, что ведет повествование от их лица, в восприятии одного из них, учитывая его характер, осведомленность, мотивы и т.д., т.е. рядом форм.

Подобный прием, конечно, изобретен не Б. Пастернаком, он известен в истории литературы, но построение произведения всецело на меняющейся точке зрения, вследствие чего авторский нарратив как бы и вовсе исключается из текста, стало применяться только в XX в., в частности, в таком произведении английского писателя О. Хаксли, как «Контрапункт» – интеллектуальном язвительном романе о лондонской интеллигенции 1920-х годов. Его особенность, как и в случае с «Доктором Живаго», заключается в том, что среди множества героев, которые пересекаются и взаимодействуют, ни один не является главным, и происходящие перипетии сюжета излагаются в разных преломлениях каждого из основных героев. Собственно, в том и суть музыкального приема контрапункта: множество музыкальных тем, развиваясь самостоятельно, пересекаются в одном временном отрезке, чтобы потом снова разойтись. Жанровое отличие «Контрапункта» от «Доктора Живаго» в том, что роман О. Хаксли намеренно создан как калейдоскопически разваливающееся множество, в нем точки зрения разделены, и ничто не связывает случайное «броуновское движение» персонажей. В романе Б. Пастернака фрагментарность и случайность «судеб скрещений» только вскрывает общее единое существование в истории («лирическую истину», по выражению Б. Пастернака), и поэтому роман «Доктор Живаго» нельзя назвать всецело полифоническим (с греч. «многозвучным») по аналогии с романами Ф. Достоевского. Наоборот, это роман симфонический (с греч. «созвучный»), в котором пастернаковское мировоззрение равняется законам мироздания, которых одни герои могут придерживаться, другие – искажать, третьи – игнорировать и т.д. А. Пятигорский, например, отмечает: «Пастернак был совершенен в своем монологизме» [\[7, с. 227\]](#). То же пишет Edith. W. Clowes в сборнике «Doctor Zhivago: A Critical Companion»: «Unlike most

"realist" novels which are "dialogical" and show the emerging and often conflicting world views of several characters, the lyric novel is distinctive for its "monologism". Here a single authorial worldview predominates and the narrative is generally structured as an allegory, a *dramatization in social space and historical time* [курсив – А.М.] of inner, private, spiritual experience» [1] [13, p. 22].

Это очень ценное наблюдение, которое мы признаем и разделяем, с нашей точки зрения, не столько ставит «Доктора Живаго» в особое положение, сколько, наоборот, подчеркивает его исконно романическую природу, которую Б. Грифцов охарактеризовал так: «Из всех видов словесного искусства труднее всего было бы разграничить области романа и драмы. Может даже казаться, что роман есть последняя ступень в развитии драмы, что он только технически, а не по принципам своего строения, отличается от драмы» [3, с. 27]. Иначе говоря, толкуемое в лирическом ключе своеобразие не только романа «Доктор Живаго», но и всего творчества Б. Пастернака формально проявляется *лирико-драматически*, а подчас и *драматически*.

Действительно, в романе «Доктор Живаго» автор ведет повествование преимущественно с точки зрения того или иного персонажа, о котором идет речь в конкретном эпизоде. Эти эпизоды, в свою очередь, подчеркнута не эпичны и мало динамичны, в них мало собственно действия. Наоборот, в них подчеркивается противоречивость внутреннего мира персонажей и их противоречивые взаимоотношения, окрашенные в лирико-драматические тона, поскольку раскрытие чувств и мыслей персонажа в связи с повествованием (лирика) идет рука об руку с оценкой или же последствиями этих чувств и мыслей, их отражением в чужом внутреннем мире и новым последствиям; внутреннее выражается во внешнем и наоборот (драма). Более того, драма подразумевает музыкальную структуру, определенную последовательность подъемов и спадов действия, необходимое единство всех элементов произведения. В связи с влиянием музыкальной формы на все творчество Б. Пастернака и роман «Доктор Живаго» в частности, мы понимаем его музыкальность и «симфоничность» как выражение не только единого содержания, скрытого под разными личинами, но и единой картины мира, скрытого за видимыми его противоречиями. О том же пишет А. Ливингстон [14].

Б. Гаспаров обращает внимание на особую тенденцию, выделенную О. Хаксли и названную им «музыкализация прозы» («*musicalization of prose*»), в мировой литературе, проявившуюся в творчестве самого О. Хаксли, Т. Манна, М. Пруста, с одной стороны, и М. Булгакова, А. Белого, Б. Пастернака – с другой: «Не случайно также крупнейшие писатели-эпики этого столетия, обратившиеся к напряженным "поискам утраченного времени", испытали сильнейшее воздействие музыки на свой художественный мир – воздействие, проявившееся не только и не столько в прямых отсылках к музыкальным впечатлениям, сколько в ориентации на музыкальную форму (симфонию, фугу, ораторию) и на принципы музыкальной композиции в целом при разработке новых основ для построения эпической формы» [2, с. 244].

Формы «музыкализации» могут быть различны: характер образности (деталь-символ), композиция (преобладание лирических и драматических эпизодов, в то время как эпические вынесены «за скобки»), взаимоотношения персонажей, составляющие драматическую контрверзу произведения. Последние особенно зависят от выбранной точки зрения, в которой они выражаются. Рассмотрим, как используется точка зрения в романе «Доктор Живаго».

Все сюжетные линии в романе начинаются с детства героев. Если первые 5 глав

написаны преимущественно с точки зрения маленького Юры Живаго или с фиксацией его характерных впечатлений, то, например, уже в 7 главе первой части преобладает точка зрения Миши Гордона, который, став очевидцем смерти отца своего будущего друга, досадует, что отец остановил поезд. Мотив отца, напрямую автором не разработанный, дан полностью косвенно – в восприятии Миши, в результате действия, в движении. В этой же главе мы знакомимся с отвратительным в этих сценах Комаровским и матерью будущего революционера Тиверзина. Как всегда у Б. Пастернака, всех объединила железная дорога, образ, знакомый исследователям и критикам. Важно уточнить, что как зримую точку движения по железной дороге (и движения вообще) Б. Пастернак использует *остановку в пути*, которая позволяет целостно воспринимать происходящее: ведь пока поезд двигался и смерть не остановила его, ни Гордон, ни Комаровский, ни Тиверзина не встретились, более того (что было раньше по тексту), в конце 5 главы Веденяпин и Воскобойников, с чьей точки зрения дано происшествие, находясь в имении Кологривова, не увидели бы остановившийся вдруг поезд. Таким образом, одно и то же явление (самоубийство отца Живаго) дано с разных точек зрения, в разных интервалах единого периода времени и в разных местах единого пространства. По сути – это кубистское разложение пространства и времени.

Более того, в этих связанных главах (а каждая часть «Доктора Живаго» – единое множество связанных эпизодов) Б. Пастернак использует *прием прояснения смысла*. Значению одного и того же события, образа и т.п. присуще стадияльное развитие: если в 5 главе остановка поезда только констатировалась со стороны, то в 7 главе это событие объяснено изнутри, причем подспудно 6 глава добавляет еще одну – символическую – причину произошедшего: маленький Юра Живаго забыл помолиться об отце («Потерпит») – и в это время отец кончает жизнь самоубийством. И это только один из первых эпизодов, свидетельствующих о драматической взаимосвязанности событий в «Докторе Живаго». 8 глава дана преимущественно с точки зрения Ники Дудорова, которому «надоело быть маленьким».

Уже вторая часть «Девочка из другого круга» посвящена полностью Ларе, т.е. точно обозначенные мотивы первой части вообще оставлены Б. Пастернаком. И в то же время неакцентированно, как всегда, косвенно вторая глава связана с первой: обустроиться в Москве мадам Гишар и детям помог уже знакомый с неприятной стороны адвокат Комаровский, друг ее мужа (отметим, что друзья Комаровского кончают жизнь самоубийством). Далее, маленькая Лара отдана учиться в женскую гимназию, «по случайности», в ту самую, где учится знакомая нам из первой части Надя Кологривова, дочь крупного промышленника, сочувствующего революции.

Словом, вторая часть в основном посвящена истории пробуждения «Вечной женственности» в Ларе, ее взрослению, страданию и борьбе. В демонстрации примеров трудно остановиться и выделить один – пришлось бы переписывать всю главу или текст, настолько мотивы сюжета связаны друг с другом. Тем не менее во второй главе происходит контрапункт судеб: в дни Пресни, когда продолжались восстания, параллельно развивались две сюжетных линии: Лары, которая учится и живет с мамой в гостиничных номерах «Черногория», и Живаго, который живет в доме Громеко, где его, опять на чужих руках, оставил Веденяпин, уехавший за границу. Такое практикуется и в театре: например, одновременный диалог разных героев на сцене (например, у А. Вампилова).

Событие-контрапункт – попытка отравления Амалии Карловны Гишар, мамы Лары. Как и в случае с самоубийством отца Живаго, инцидент с отравлением подан косвенно и с тем же мозаичным распределением во времени и пространстве. В 20 главе 2 части в дом

Громеко пришли за медицинской помощью: в «Черногории» «ихние кончаются» [\[6, с. 59\]](#). Известие вмешивается в налаженный ход событий: Александру Александровичу Громеко приходится уйти посреди музыкального вечера, который они у себя устроили, даже не дождавшись вкусного ужина после него, чтобы сопроводить врача. Точка зрения Громеко на это событие сейчас еще неясная, слегка насмешливая («Уж и кончаются. Воображаю» [\[6, с. 59\]](#)). Вместе со взрослыми запросились молодые Юра и Миша.

21 глава – контрапункт, где встречаются Комаровский, Лара, мадам Гишар, Юра, Миша, тоже является остановкой в налаженном ходе событий в «Черногории» и дана с точки зрения работников номеров. Для них это суэта, неразбериха, к которой все привыкли и которая никого не удивляет: «Случай в двадцать четвертом был мелочью в обычном каждодневном озлоблении прислуги. Каждую минуту дребезжали звонки и вылетали номерки в длинном стеклянном ящике на стене, указуя, где и под каким номером сходят с ума и, сами не зная, чего хотят, не дают покоя коридорным» [\[6, с. 60\]](#). Как видим, амбивалентное, сниженное отношение к отравлению распространяется и на 21 главу, оно дано в двойственном восприятии: не как катастрофа, а как блажь обеспеченных, которая мешает нормальной работе. Это, кстати, разительно отличается от самоубийства отца Живаго, когда катастрофа реально оттенялась досужими и пошлыми толками пассажиров о произошедшем, с чьей точки зрения подано действие; в «Черногории» инциденту не придается никакой значительности.

Б. Пастернак вводит ложный мотив, новое преломление события, с помощью прямой речи, диалога официанта Сыся и судомойки Матрены Степановны по совершенно другому, с их точки зрения, значительному происшествию (по контрасту с отравлением-«пустышкой»). Судомойка говорит: «Добро бы что-нибудь стоящее, ради чего шум и посуду бить, а то какая невидаль, мадам Продам, недотрога бульварная, от хороших делов мышьяку хватила, отставная невинность. В черногорских номерах пожили, не видали шилохвосток и кобелей» [\[6, с. 61\]](#). Отравление затмевается и другой точкой зрения, новым преломлением в словах коридорного, разрешающего мальчикам войти «к тетеньке»: «Вы войдите, не сумлевайтесь. Они ничего, будьте покойны. Они теперь в полной цельности. А тут нельзя стоять. Тут нынче было несчастье, *кокнули дорогую посуду* (курсив наш. – А.М.). Видите – обслуживаем, бегаем, теснота» [\[6, с. 61-62\]](#). Б. Пастернак, таким образом, проводит двойное прояснение значения: выясняется и то, что с мадам Гишар все-таки все в порядке, и то, о чем говорят официант и судомойка.

Оказалось, «травились йодом, а не мышьяком, как ошибочно язвила судомойка» [\[6, с. 62\]](#). И далее: «Их приезд был бессмыслицей, их дальнейшее пребывание здесь – неприличем» [\[6, с. 63\]](#). Внешне дело обстояло именно так. Эмпирический повод, спровоцировавший контрапункт, был исчерпан, причем и сам повод весь состоял из искаженной информации, которая дополнялась по частям с разных точек зрения.

Но для контрапункта была и «внутренняя», лирическая причина: эта истинная катастрофа опять-таки дана в несвязных словах Амалии Карловны, оправляющейся от отравления (точно так, как дает диалоги А. Белый в своих романах): «Ах, я перенесла такой ужас! У меня были такие подозрения! Фадей Казимирович... Мне вообразилось... Но, по счастью, оказалось, что все это глупости, мое расстроенное воображение. Фадей Казимирович, подумайте, какое облегчение! И в результате... И вот... И вот я жива» [\[6, с. 62\]](#). Бессвязность данных слов только кажущаяся, она возникает только потому, что слова оторваны от контекста, от планомерно развивающихся сюжетных мотивов, данных в косвенном преломлении. Амалия Карловна имеет в виду, что она чуть не разоблачила

порочные отношения Комаровского, которого она считала *своим* любовником, со своей дочерью Ларой (чего они так боялись, хотели открыться и не открылись).

Апогеем, истинной силой, затеявшей эту «бессмыслицу», была сила любви, опыт которой впервые явился Юре как откровение, как тревожный смысл жизни, который для всех остальных, по сути, остался неразоблаченным, тайным. «The very evident climaxes that do occur are not linear. Rather, they are really moments of revelation that happens when out of this “mess and chaos” one finds a pattern, a series of images, and an “immediate perception” that leads to the effect of transcendence, of self-overcoming [2]» [13, p. 26-27], – пишет E.W. Clowes.

Что характерно для Б. Пастернака, сцена была немая, молодой Юра смотрел на нее, как на картину: «Тем временем между девушкой и мужчиной происходила немая сцена. Они не сказали друг другу ни слова и только обменивались взглядами. Но взаимное понимание их было пугающе волшебным, словно он был кукольником, а она послушною движениям его руки марионеткой» [6, с. 63]. Далее Б. Пастернак буквально передает словесно драматическую сцену, сотканную из несказанных намеков, увиденную с точки зрения Юры, пытающегося разгадать тайну, связывающую этих людей: «Улыбка усталости, появившаяся у нее на лице, заставила девушку полузакрыть глаза и наполовину разжимать губы. Но на насмешливые взгляды мужчины она отвечала лукавым подмигиванием сообщницы. Оба были довольны, что все обошлось так благополучно, тайна не раскрыта и травившаяся осталась жива» [6, с. 63].

Самое главное, самое сокровенное и трепетное Б. Пастернак может дать высказать герою, но если речь идет о развитии действия, оно никогда не будет занимать первенствующее положение, иметь формообразующий характер. Как и само бессмертное чудо жизни закрепощено, заслонено сумятицей существования, так и любовь в романе заслонена житейской неразберихой: «Зрелище порабощения девушки было неисповедимо таинственно и беззастенчиво откровенно. *Противоречивые чувства* (курсив наш. – А.М.) теснились в груди у него. У Юры сжималось сердце от их неиспытанной силы» [6, с. 63–64]. В исследованиях Живаго предстает неким носителем знания об эпохе, личности, искусстве. Между тем, судя по вышеизложенному, он, скорее, носитель *опыта* познания, нежели конкретной информации. Сама тайна познания остается нераскрытой, но в то же время достаточно убедительной, чтобы читатели считали Юрия Андреевича ее обладателем.

Значительным драматическим контрапунктом является и елка у Свентицких (3 часть). Разные точки зрения позволяют увидеть этот эпизод почти стереоскопически.

Первые 4 главы даны с точки зрения Юры и семьи Громеко. Уже 5 глава дана с точки зрения Лары и притом относится ко времени на 5-6 лет раньше по сравнению с «живаговскими» главами. Это именно та «последующая детализация», в которой признавался сам Б. Пастернак. В данном случае своеобразие ее применения заключается в том, что уточняется прошедшее время и события (1906 г., весна после Пресни), оставленное без внимания в прошлой части как не имеющее значения для ее центрального контрапункта – попытки отравления мадам Гишар. Таким образом, различные по времени и месту действия эпизоды объединены Б. Пастернаком не произвольно или импрессионистично, но по определенному смысловому единству, как слагаемые одной суммы. Наложение тематических множеств с компонентами, близкими друг другу эмпирически, но формально принадлежащими разным группам, создает впечатление саморазвивающейся жизни, которое стремился воспроизвести Б.

Пастернак.

Главы с 4 по 8 даны с точки зрения Лары, 9 – с точки зрения Патули Антипова. В 10–12 – господствует точка зрения Живаго, в 13 – Лары, в 14 эти две линии скрещиваются и после кульминации (выстрела Лары в Комаровского) повествование идет на спад, заканчиваясь главами 15–17, которые изложены с точки зрения Живаго. Причем главы после кульминации – не произвольные, они являются закономерным развитием глав 1–3, данных с точки зрения Живаго. Мотив шкафа-катафалка и угрозы смерти, нависшей над Анной Ивановной, нашел завершение в ее похоронах – тематическое множество опять замкнулось в целостное единство. Важно, что в каждой из трех частей, нами рассмотренных, присутствует центральное событие-контрапункт, которое связано со смертью или угрозой смерти: в 1 части покончил жизнь самоубийством отец Живаго, во 2 – пыталась отравиться мадам Гишар, мать Лары, в 3 – смерть предназначалась для Комаровского, но выбрала жертвой Анну Ивановну (Б. Пастернак всегда играет с мотивами и старается обмануть ожидание читателя). В целом, такая закономерность характерна для всей Первой книги романа «Доктор Живаго».

Именно в 3 части «Елка у Свентицких» находим таинственное «судеб скрещенье»: «Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало.

“Свеча горела на столе. Свеча горела...” – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило» [\[6, с. 82\]](#). Продолжение придет, но позднее: образ свечи является звеном еще более обширного по охвату сюжетного действия единства – он отразится в огне рабочей свечи Живаго в Варыкине, когда они будут там вместе с Ларой и ее дочерью.

Свеча стоит в комнате, где идет объяснение Лары и Павла Антипова, который зажжет свечу для Лары в 9 главе (Лара любила свечи – полюбит и Живаго, будет называть его «свечечка моя ярая»). Б. Пастернак снова помещает в последовательности события, происходящие одновременно, но в разных точках одного пространства, с разных точек зрения.

Елка у Свентицких, как драматическая сцена, собрала основных действующих лиц. В определенном месте в определенное время сошлись следующие персонажи: Живаго, Тоня, Лара, Комаровский, Корнаков (связанный с Кологривовым, у которого 3 года жила и работала Лара). Лару постоянно приглашал на танец Кока Корнаков – сын Корнакова-старшего, товарища прокурора московской судебной палаты, который обвинял группу железнодорожников, в том числе и Тиверзина, участвовавшего в забастовке. Его пытался умиловить Кологривов, но ничего не вышло.

У выстрела Лары есть несколько мотивировок, но главная причина – унижение красоты, «Вечной женственности» – спрятана под личиной рациональных, насущных проблем. Происшествие дано с точки зрения Живаго, Лару провели перед ним, как террористку: «Та самая! И опять при каких необычайных обстоятельствах! <...> Так это она стреляла? В прокурора? Наверное, политическая. Бедная. Теперь ей не поздоровится» [\[6, с. 87\]](#). В полном соответствии с символикой Б. Пастернака поруганная женственность – главнейшее, что беспокоило его – внешне совпадает с революционной борьбой на общественном поприще. Но при всем совпадении это все-таки промах: жертвой расплаты

должен был быть именно Комаровский, который сам это прекрасно знает, что видно из слов жены прокурора: «Что вы сказали, господин Комаровский? В вас? Она стреляла в вас? Нет, я не могу. У меня большое горе, господин Комаровский, опомнитесь, мне сейчас не до шуток» [6, с. 87]. Какой бы Комаровский ни был подлец, но все-таки даже он проявил честность и чуткость в этом происшествии. Тем не менее его слова, которые, заметим, даны с другой точки зрения (а ведь они – главнейшее!), отменяются, как розыгрыш, ерничество. В который раз «неслыханная простота» (лирическая истина) скрадывается эмпирическими внешними искажениями.

В композиции «Доктора Живаго» существенную, хотя и не такую явную, роль играет точка зрения неопределенного лица, условного подразумеваемого свидетеля событий. В романе его точка зрения характеризуется безличными формами глагола и условными вводными словами. Она сосуществует с точками зрения других героев, сопутствует им, служит подспорьем для точки зрения автора на протяжении всего романа.

Уже в первой части в общеизвестном эпизоде похоронного шествия мы видим такую точку зрения: «Когда останавливались, казалось, что ее по-залаженному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра» [6, с. 71]. Ясно, что речь идет о шествующих, но в то же время и ни о ком конкретно. Это точка зрения безликого участника события, находящегося внутри него, в противоположность герою или автору, чьи точки зрения внешние по отношению к событию. Такая точка зрения проявляется и дальше: «Только в состоянии отупения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле» [6, с. 71]. Кому могло показаться? Кто делает это замечание? Могло показаться или показалось? Могло показаться только очевидцу событий, который мог бы двояко толковать внутренне неясный образ мальчика, но такой очевидец явно безликий и неопределенный, только выразитель впечатления жизни. Далее эта безликая точка зрения, сменяя точку зрения Юры Живаго и автора, заявляет о себе еще раз: «Можно было подумать, будто буря заметила Юру и, сознавая, как она страшна, наслаждается производимым ею впечатлением» [6, с. 81]. Юра как персонаж не может подняться до этого осознания, но это и не авторская точка зрения, внешняя по отношению к эпизоду. Наоборот, могло показаться только безликому наблюдателю этой сцены, некой «сестре моей – жизни». Чисто фактически этого условного лица, конечно, нет, но по смыслу благодаря ней складывается особое впечатление со-переживания события. Таким образом автор снимает привилегированность своего слова, объективирует переживание, желая показать, что это не его ассоциации, а вполне реальная закономерность, доступная любому человеку (читателю).

Стремление автора к самоустранению настолько велико, что он прибегает к приему монтажа точек зрения не только на макрокомпозиционном, но и на микрокомпозиционном уровне. Выразительный пример монтажа дан в 7 главе 1 части, как и во всем последующем повествовании. Эта глава, как мы отмечали, дана преимущественно с точки зрения Миши Гордона, который со своим отцом едет в поезде в Москву. В этом поезде и происходит сначала знакомство с Андреем Живаго, отцом Юры, а затем его самоубийство.

Композиционно глава начинается с точки зрения Миши, затем ее сменяет точка зрения автора (впрочем, тоже безликая), затем точка зрения условного неизвестного наблюдателя и снова точка зрения Миши, который стал свидетелем самоубийства Андрея Живаго. Внезапно происходит смена ракурса, повествование как бы переходит на более общий уровень, излагаются слухи и кривотолки: «Никто толком не знал причины

проволочки. Одни говорили, что от внезапной остановки произошло повреждение воздушных тормозов, другие, что поезд стоит на крутом подъеме и без разгона паровоз не может его взять. Распространяли третье мнение, что так как убившийся видное лицо, то его поверенный, ехавший с ним в поезде, потребовал, чтобы с ближайшей станции Кологривовки вызвали понятых для составления протокола. Вот для чего помощник машиниста лазил на телефонный столб. Дрезина наверное уже в пути» [6, с. 18]. В этом отрывке мы видим, как автор с помощью монтажа точек зрения и различных мотивировок одного и того же происшествия лишает действие плоской однозначности и линейной направленности. Достигается эффект «здесь и сейчас», условно «верная» мотивировка не имеет преимуществ в изображении по сравнению с альтернативными. Более того, именно в этих, казалось бы, «неверных», альтернативных вариантах мотивировки, данных с точки зрения неизвестных пассажиров, вводятся новые данные, которые автор никак не интерпретирует, оставляя эту задачу за читателем.

Далее автор сопровождает точку зрения Тиверзиной, делает ироничное наблюдение над пассажирами, сменяющееся точкой зрения самих пассажиров, а затем и безликого наблюдателя, заметившего солнце. Снова возвращается точка зрения Миши: он ретроспективно и сумбурно вспоминает Андрея Живаго. Его характеристика полностью дана косвенно, причем мы делаем заключение, что это Андрей Живаго, отец Юры, только *post factum*, он не идентифицирован в тексте. Миша не мог понять, почему Живаго-старший часто заходил к ним и часами говорил с его отцом, среди прочего о банкротстве, подлогах, дарственных и т.п., точно так же остались непроясненными его слова: «Ах вот как? – удивлялся он разъяснениям Гордона. – Вы располагаете какими-то более милостивыми узаконениями. У моего поверенного иные сведения. Он смотрит на эти вещи гораздо мрачнее» [6, с. 19]. Ни Миша, ни автор не объясняют этого поведения, а нелицеприятный портрет появившегося «поверенного» (Комаровского) довершен точкой зрения безликого наблюдателя: «Нельзя было отделаться от ощущения, что постоянное возбуждение его клиента в каком-то отношении ему на руку» [6, с. 19]. Автор не говорит об этом прямолинейно в авторской характеристике, но и вряд ли Миша мог бы сформулировать это в таком виде. Скорее, так бы подумал некий человек, увидевший их вместе со стороны. Так же Миша только констатирует, не понимая, «необъяснимую, вероятно, отраженную и, может быть, не ему предназначенную нежность» [6, с. 20]. Автор лишь намекает на отношения, недоступные Мише и кому бы то ни было из героев. Воспоминание обрывается: с точки зрения Миши мы видим, как тело достают, и поезд трогается.

В целом, композиция этой главы, построенная на монтаже разных точек зрения, свидетельствует о самоустранении автора, о много раз повторенном стремлении Б. Пастернака к нивелированию собственного «я» в угоду объективному описанию. Автор «Доктора Живаго» всеми силами избегает своей активности, старается строить повествование косвенно, без своего руководящего вмешательства, в результате чего должен активизироваться читатель. Более того, повествование ведется с помощью всех точек зрения сразу, в том числе с точек зрения второстепенных или же вообще условных лиц, причем все они равноправны и не обладают преимуществом правды для автора. Всегда в том или ином виде отрывочные, ограниченные свидетельства разных точек зрения составляют мозаику мотивов. Таким образом, автор и не стремится к актуальной целостности повествования, наблюдаемой, например, в классическом реалистическом романе, однако целостность повествования присутствует потенциально. Автор скрыл ее за калейдоскопом обрывочных впечатлений. Сами мотивы могут оставаться тайными, загадочными, как, например, история реального банкротства

Андрея Живаго, коварного предательства Комаровского, но и полученных намеков на их отношения, способных составить сюжетную линию в классическом романе, достаточно, чтобы в общем контексте получить целостное представление об их смысле и значении для общего развития сюжета.

Как видим, переплетающиеся множества соединяются друг с другом, как волокна ткани, без определенного начала и конца, сплошным покровом. В тексте присутствуют эпизоды-кульминации, эпизоды-контрапункты, которые, по сути, являются «развернутым театром в прозе», по выражению Б. Пастернака, потому что собирают воедино основных героев на определенном пространстве в определенное время. Эти эпизоды в основном являются остановкой в развитии сюжета, его действие замедляется и разворачивается до охвата целостности, поэтому можно сказать, что они характеризуются определенной статичностью, сценичностью. Монтаж разных точек зрения организует повествование на макрокомпозиционном (изображение разного пространства в одно и то же время или одного и того же места в разное время) и микрокомпозиционном уровнях, в результате чего автор объективирует переживания в форме не только героев, но и условного безликого наблюдателя, вследствие чего повествование ведется косвенно, всегда в преломлении того или иного персонажа. Как следствие монтажа точек зрения, автор отказывается не только от выраженной функции рассказчика, но и от критериев достоверности и полноты информации, чтобы достичь эффекта саморазвивающейся жизни и вовлечь читателя в домысливание общей картины действия.

[1] В отличие от большинства «реалистических» романов, которые являются «диалогическими» и отображают становящееся и зачастую конфликтное мировоззрение нескольких персонажей, лирический роман отличается своим «монологизмом». Здесь же преобладает единственное авторитетное мировоззрение, и повествование, в основном, структурировано как *аллегория, драматизация в общественном пространстве и историческом времени* [курсив – А.М.] внутреннего, личного, духовного опыта» (перевод наш. – А.М.).

[2] «Сами очевидные кульминационные моменты нелинейны. Скорее, они действительно являются откровением, случающимся, когда в этом «беспорядке и хаосе» человек находит закономерность, последовательность образов и «мгновенное осознание», которое ведет к трансцендентному эффекту, к преодолению себя» (перевод наш. – А.М.).

Библиография

1. Бондарчук, Е. М. Автор и герой в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (своеобразие субъектных и внесубъектных форм выражения авторского сознания): автореф. дисс. ... канд. филол. наук; 10.01.01 / Е. М. Бондарчук. Самара, 1999. 20 с.
2. Гаспаров, Б. М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» / Б. М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 241–273.
3. Грифцов, Б. А. Теория романа / Б. А. Грифцов. М.: Гос. акад. художественных наук, 1927. – 150 с.
4. Ильев, С. П. Роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака в свете поэтики символизма / С. П. Ильев // Studia Rossica Posnaniensia. 1993. № 24. С. 41–46.
5. Лихачев, Д. С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака / Д. С. Лихачев // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. С. 170–183.
6. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Доктор Живаго: Роман / Б. Л.

- Пастернак. М.: Худож. лит., 1990. 734 с.
7. Пятигорский, А. М. Пастернак и доктор Живаго. Субъективное изложение философии доктора Живаго. Время и мы. 1978. № 25. С. 167.
 8. Ржевский, Л. Язык и стиль романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» / Л. Ржевский // Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. – Мюнхен: Институт по изучению СССР: Исследования и материалы (серия 1-я, выпуск 65), 1962. С. 115–189.
 9. Смирнов, И. П. Роман тайн «Доктор Живаго» / И. П. Смирнов. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – URL: <https://unotices.com/book.php?id=127489&page=30> (дата обращения: 15.12.22).
 10. Сухих, И. Н. Живаго Жизнь: стихи и стихии (1945–1955. «Доктор Живаго» Б. Пастернака) // Русский канон: Книги XX века. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 466–508.
 11. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. СПб.: Азбука, 2000. 348 с. С. 9–280.
 12. Якобсон, Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. О. Якобсон // Роман Якобсон. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.
 13. Doctor Zhivago: A Critical Companion / Ed. by Edith W. Clowes. Evanston (Ill.): Northwestern univ. press, 1995. VIII, 169 p.
 14. Livingstone A. Boris Pasternak. Doctor Zhivago / Angela Livingstone. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1989. IX, 118 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Бориса Пастернака в рамках развития русской литературы XX века остается явлением противоречивым, фрактальным, спектральным. Автор представленной к публикации статьи ориентирован на разверстку динамики точки зрения писателя, объективации особого слога / стиля мастера художественного слога. Действительно, в романе «Доктор Живаго» автор ведет повествование преимущественно с точки зрения того или иного персонажа, о котором идет речь в конкретном эпизоде. Эти эпизоды, в свою очередь, подчеркнута не эпичны и мало динамичны, в них мало собственно действия. Наоборот, в них подчеркивается противоречивость внутреннего мира персонажей и их противоречивые взаимоотношения, окрашенные в лирико-драматические тона, поскольку раскрытие чувств и мыслей персонажа в связи с повествованием (лирика) идет рука об руку с оценкой или же последствиями этих чувств и мыслей, их отражением в чужом внутреннем мире и новым последствиям; внутреннее побуждает в внешнему и наоборот (драма)». Суждения по ходу научной наррации объективны, точны, выверены; на мой взгляд, неплохо, что автор часто пользуется т.н. апелляцией к авторитетному мнению / взгляду: «исследователи признают синкретичную жанровую основу «Доктора Живаго», указывая, что его в равной мере оформляют эпическое и лирическое начала (Д. Лихачев, И. Сухих, Е. Бондарчук, С. Ильев, И. Смирнов, В. Тюпа, А. Власов, Р. Якобсон и др.). Мы не можем не согласиться с этим тезисом, однако заметим, что это определение не исчерпывающе объясняет жанровую специфику произведения. Так, С. Ильев, в силу характерного функционирования символа в «Докторе Живаго», определяет роман как символический; Е. Бондарчук, логически следуя за тезисом о лирической основе романа, называет «Доктора Живаго»

лирическим романом, а самого Юрия Андреевича – alter ego Б. Пастернака, т.е. лирическим героем; И. Смирнов, прослеживая поэтику тайны (действительно присутствующую в романе), дает свою формулировку – «роман тайн». Аналогии можно продолжить. Тем не менее, при более тщательном и непосредственном рассмотрении, остаются проблематичными драматические перипетии сюжета, отношения автора и персонажей, композиция и т.д.», или «сюжет «Доктора Живаго» дан не в виде планомерно развивающейся цепи событий в причинно-следственной последовательности, а в форме отдельных, символических эпизодов столкновений героев. Он составляется из всего множества эпизодов, которые, взятые отдельно, более лирические или драматические по содержанию, чем эпические. Более того, с развитием действия множества эпизодов скрещиваются с другими множествами и друг друга дополняют и уточняют» и т.д. Статья не противоречит актуальным вариантам методики анализа текста, материал актуален, достаточно продуман, концептуально собран. Точка зрения исследователя объективна, формально и содержательно точна, материал оригинален, нов, актуален. Работа имеет приметы не только практического характера, но и теоретического, синкретизм уровней правомерен. Считаю, что автор старается всецело создать диалог с читателем, сформировать устойчивый компилятивный режим оценки романа Б.Л. Пастернака. Это проявляется в таких фрагментах как: «сюжет основан преимущественно на взаимоотношениях четырех героев (Лара, Живаго, Антипов, Комаровский). Они и составляют ту первостепенную последовательность мотивов, которые впоследствии будут варьироваться, повторяться и развиваться (контroversу, по Б. Грифцову). По существу, их связывает любовь, любовные перипетии, и чтобы передать драматический накал и противоречивость, неоднозначность и исключительность этой любви, воплощенной в Ларе, Б. Пастернак вводит в эпическую форму элемент драматизма – постоянно меняющуюся точку зрения на происходящее. В драме как роде и жанре меняющиеся точки зрения излагаются прямой речью самих действующих лиц, и преимущественно по этой речи нам приходится догадываться об их внутренней жизни. В «Докторе Живаго» Б. Пастернак выражает подспудный душевный пласт многих героев посредством того, что ведет повествование от их лица, в восприятии одного из них, учитывая его характер, осведомленность, мотивы и т.д., т.е. рядом форм», или «в романе «Доктор Живаго» автор ведет повествование преимущественно с точки зрения того или иного персонажа, о котором идет речь в конкретном эпизоде. Эти эпизоды, в свою очередь, подчеркнуто не эпичны и мало динамичны, в них мало собственно действия. Наоборот, в них подчеркивается противоречивость внутреннего мира персонажей и их противоречивые взаимоотношения, окрашенные в лирико-драматические тона, поскольку раскрытие чувств и мыслей персонажа в связи с повествованием (лирика) идет рука об руку с оценкой или же последствиями этих чувств и мыслей, их отражением в чужом внутреннем мире и новым последствиям; внутреннее побуждает в внешнему и наоборот (драма). Более того, драма подразумевает музыкальную структуру, определенную последовательность подъемов и спадов действия, необходимое единство всех элементов произведения», «в композиции «Доктора Живаго» существенную, хотя и не такую явную, роль играет точка зрения неопределенного лица, условного подразумеваемого свидетеля событий. В романе его точка зрения характеризуется безличными формами глагола и условными вводными словами. Она сосуществует с точками зрения других героев, сопутствует им, служит подспорьем для точки зрения автора на протяжении всего романа» и т.д. Анализ вопроса сделан профессионально, точно, аргументировано. Рецензируемый текст не нуждается в серьезной авторской правке, основные формальные требования учтены, фактические нарушения в ходе чтения не выявлены. Работа может стать подспорьем при изучении романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»,

истории и теории литературы. Так как серьезных нарушений в тексте нет, правку вносить не следует, статья «Динамика точки зрения в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго"» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Садовникова Ю.М. — Особенности повествовательной структуры романа эпохи постмодернизма на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40518 EDN: GTAFSO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40518

Особенности повествовательной структуры романа эпохи постмодернизма на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»

Садовникова Юлия Михайловна

аспирант кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

248000, Россия, Калужская Область область, г. Калуга, пер. Воскресенский, 4

✉ OrangeLioness@yandex.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.5.40518

EDN:

GTAFSO

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2023

Аннотация: В статье рассматриваются особенности повествовательной структуры романа английского постмодернизма «Моралите» (Unsworth «Morality Play»). Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей построения романа постмодернизма. Писатели постмодернисты как правило трансформируют жанры высокой литературы, делая их доступными для массового чтения. Моралите – особый вид драматического представления в Средние века и в эпоху Возрождения. Детективный роман – явление массовой литературы. Детективный жанр базируется на трех основных элементах, которые образуют сюжет: преступление, расследование и разгадка. В статье эти три элемента рассмотрены на примере романа «Моралите». Несмотря на то, что сюжетообразующим элементом является детективная, составляющая, автор не выполняет все жанровые стратегии детектива. В представленной работе будет рассмотрено, детективное влияние построения постмодернистского романа, в котором читатели вовлекаются в активный процесс реконструирования происшествия, а главный герой находит решение всех тайн и загадок. Актуальность работы обусловлена отсутствием полноценных русскоязычных исследований по обозначенной теме –

диссертаций, сборников статей, монографий. В романе моралите не важна личность убийцы, не важны пострадавшие. Автору важен эффект, который производит «представление», разыгрываемое на подмостках. Барри Ансуорт демонстрирует свое видение, создания нового Средневекового жанра, он показывает, как произошел этот переход к житейским темам. Один человек может изменить привычный уклад, рискнув и поведя за собой. Странствующие комедианты, являющиеся главными действующими лицами, предстают перед читателями наивными сыщиками-дилетантами. Они увлечены процессом и совершенствуют свою «Игру о Томасе Уэллсе» но не ради наказания и разоблачения убийцы. В процессе исследования можно прийти к выводам, что в романе можно выделить два главных жанровых пласта – детективный и исторический. Кроме этих жанров особенностей можно утверждать, что это роман о жанре.

Ключевые слова:

Ансуорт, Моралите, постмодернизм, детектив, преступление, расследование, разгадка, тайна, повествование, автор

Введение

Творчеству Барри Ансуорта не уделяется должного внимания в отечественном литературоведении. Обращение к трудам писателя носит редкий характер как за рубежом, так и в России. На наш взгляд творчество английского писателя заслуживает большего исследовательского внимания. Среди наиболее значительных работ, посвященных Барри Ансуорту, стоит отметить работы Марии Хесус Мартинес Альфаро [15: 79—92], который указывает на сходство между романом и средневековыми пьесами о морали; Ричарда Рэнкина Рассела [17: 221—239] предполагающего, что структура романа повторяет этапы раскаяния, в конечном итоге приводящие к исповеди и отпущению грехов; и, наконец, Дж. Кэмерона Мура [16: 321—340] рассуждающего о том, как на рассказчика влияет его встреча со злом даже после окончания действия.

Сабурова утверждает, что «для романа характерен особый хронотоп, основанный на исторической принадлежности времени и места действия романа, а также этический конфликт, связанный с проблемами преступления и наказания, меняющимися нормами морали позднесредневекового общества и переплетающийся с элементом детективным» [9. 32].

Назвав роман «Моралите», Барри Ансуорт не пытался показать какую-то конкретную пьесу, странствующие актеры зарабатывали на жизнь, разыгрывая мистерии и миракли. М. Боккарди [14: 204—213] считает, что слово «мораль» — сильное слово в английском языке двадцать первого века; роман рассказывает о различных видах морали, которые могут возникнуть из разных представлений об актерской игре. Барри Ансуорт создает основанную на реальных событиях историю, что не было свойственно жанру моралите, используя аллегорических персонажей. Это обуславливает актуальность предлагаемой статьи.

В период XX века жанры литературы используют уже существующие жанровые модели. М.М. Бахтин отмечал «особую способность романа вытеснять одни жанры и вводить другие в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их». [3. 196]

Трансформация жанровых форм характерна для для современной литературы. Роман

Барри Ансуорта представляет интерес, потому что синтезирует в себе совокупность нескольких жанров и одновременно воссоздает картину становления нового для той эпохи жанра – моралите. Полижанровость характерна для постмодернизма. Обозначив жанр своего произведения как «роман-моралите», Барри Ансуорт возвращает нас во времена Средневековья. По законам жанра, название традиционно должно выражать авторскую позицию и передавать основное содержание произведения. Назвав роман «Morality Play», автор провозглашает ведущий жанр – моралите (особый вид драматического представления в Средние века и в эпоху Возрождения). Автор искусно вплетает в повествование элементы нескольких жанров, а именно авантюрного романа, исторического, детектива, в романе даже есть намеки на любовные линии.

Гибридность жанров обусловлена тематикой: тема трансформации общепринятого жанра, тема одержимости профессией, творческие искания, влияние власти. Ведущей в романе является тема преступления и наказания, которая помогает раскрыть характеры персонажей и стать участником «Игры».

Роман «Моралите» получил Премию Шведской детективной академии / Svenska Deckarakademiens pris, 1997 // Лучший криминальный роман в переводе (Премия Мартина Бека) (перевод Elisabeth Zila).

Н.А. Соловьева справедливо замечает, что «театральность и лицедейство весьма показательны для английской ментальности, как и тонкая ирония, острая сатира». [\[10\]](#) Изучая особенности повествования в постмодернистской литературе Н.Г. Тебенкова обращает внимание на то, что «неопределенность, недосказанность и наличие пустот в повествовательном пространстве произведения не только поддерживает интерес читателя, восстанавливающего логику и последовательность тех событий, которые уже произошли и страстно желающего предсказать, предвидеть дальнейшее их развитие, за ними признается единственно возможный вариант повествования». [\[12\]](#)

По мнению Б. Гройса, «стратегия, которую принято называть постмодернистской, состоит в сознательном отказе от ориентации на оригинальность» [4. 1]. Из чего следует вывод, что при создании произведения, автор понимает, что свой собственный текст является отражением чужого. Последователи постмодернизма уверены, что каждый новый созданный текст написан поверх старого текста. «Вся структура постмодернистского романа на первый взгляд предстает как нечто вызывающее отрицание повествовательной стратегии реалистического дискурса: отрицание причинно-следственных связей, линейности повествования, психологического поведения персонажа» [5. 156]. Данная черта постмодернистского письма стала одной из самых легко узнаваемых примет среди произведений других влияний, благодаря чему она стала столь популярна среди писателей. Хотелось бы также отметить, что в произведениях постмодернизма автор старается соединить произведения и стили разной литературы, так называемой высокой и низкой, для того, чтобы грань между ними стала как можно менее заметной. Однако данная особенность создания произведения может показаться трудной для восприятия, т.к. она адресована более эрудированному читателю. Это может привести к непониманию самого произведения в целом.

Основная часть

В представленной работе будет рассмотрено, детективное влияние построения постмодернистского романа, в котором читатели вовлекаются в активный процесс реконструирования происшествия, а главный герой находит решение всех тайн и загадок

Для нашего исследования является релевантным определение детектива из Словаря постмодернизма: «постмодернистские детективы не завершаются традиционным открытием тайны (как оно было "на самом деле"), - искомый продукт оказывается растворенным в самой процессуальности поиска. Современный детектив, таким образом, не просто несет на себе печать специфики культуры постмодерна, но и выступает специальным жанрово-семантическим полем реализации его программных посылок».

В основе любого детектива есть три основных сюжетообразующих элемента: преступление, расследование и разгадка. Расследование занимает ведущее место. Персонажи и их характеры отходят на второй план.

I. ПРЕСТУПЛЕНИЕ. По сюжету романа в городе, в котором по пути в Дарем оказываются странствующие комедианты, совершено убийство двенадцатилетнего мальчика Томаса Уэллса. Его тело нашли на дороге, ведущей в город, шериф, являющий собой правосудие, признал виновной дочь ткача. Её повесят. Странствующие комедианты удивлены тем фактом, что «правосудие в этом городе вершится быстро» [2. 18]. Женщину-преступницу судили и приговорили спустя два дня после преступления.

II. РАССЛЕДОВАНИЕ. В основе жанра детективного романа лежит расследование. Расследованием занимается сыщик. В романе Барри Ансуорта роли сыщиков примеряют на себя все участники труппы, но только Никлас (от чьего имени и ведется повествование в романе) в итоге узнает состав преступления и имя настоящего преступника, а, возможно, и истинные причины преступления.

Причиной убийства, как предполагало следствие, стал кошелек с деньгами, с которым мальчик шел домой поздно вечером. Примечательно, что при обнаружении тела мальчика, не находят кошелек. Свидетелем по делу проходит монах-бенедиктинец, духовник Лорда, который видел женщину «на выгоне вблизи от места, где нашли мальчика» [2. 40].

На роль главного сыщика Барри Ансуорт предлагает читателю лидера труппы комедиантов Мартина. Этот персонаж уверен в своих действиях и готов пойти на риск для достижения цели. Не обладая аналитическими способностями, благодаря которым расследуется преступление, одержим и вдохновлен новостью об убийстве. Цель действий Мартина не собственно расследование, а шанс, благодаря которому можно совершить жанровый переворот. Он помнит былой успех представлений, потому что его отец тоже был комедиантом. Мартин понимает, что они стеснены в средствах, у них нет масштабных декораций, но это внешние атрибуты. Решение есть: им нужен новый текст, которого до них ещё никто не играл. Мартин предлагает «сыграть убийство» как моралите. Им нужно заинтересовать горожан, сделать их соучастниками представления. Тогда их будет больше, чем шестеро.

Анализируя преступление, комедианты приходят к выводу, что все «делалось в большой спешке, даже похороны мальчика. Он упокоился в земле вчера, меньше, чем через два дня после того, как его нашли» [2. 42].

Все в этом городе подчиняются Лорду, и все события, покрытые тайной преступления, связаны с лордом: девушку обвинил духовник Лорда, мальчика похоронил управляющий Лорда. Удивителен тот факт, что Судья из Йорка, остановился в гостинице, а не в покоях Лорда. Комедианты приходят к выводу, что это звенья разных цепей: «Одно ясно, он не гость Лорда, — сказал Тобиас. — Не то он остановился бы в замке» [2. 42].

Именно этот факт свидетельствует о том, что Судья не связан с Лордом, а значит

судейство будет справедливым.

«Игра о Томасе Уэллсе», которую замыслил Мартин, поможет не только заработать денег, но и узнать все подробности о настоящем убийце и освободить невинную девушку. Горожане знают, чем закончится «Игра о Томасе Уэллсе», но никто не знает, как она началась. Комедианты предлагают расследовать вместе.

Сначала комедианты представляют на суд зрителя «ложную игру», но они хотят сделать её правдивой. Показывая «Игру» три раза, с каждым новым представлением все глубже погружаясь в безжалостное убийство, которое произошло в этом городе. Сами того не подозревая, актеры участвуют в ещё более масштабной «игре», задумал которую сам король. Они вносят изменения в свою пьесу, на ходу трансформируя сюжет, и вовлекают зрителей в ход расследования. Таким образом, зрители превращаются в сыщиков. Зрители не дают ввести читателя в заблуждение, они тоже соучастники и заинтересованы в интерактивном ходе представления.

III. РАЗГАДКА Окрыленный успехом Игры о Томасе Уэллсе, и в свете открывшихся подробностей, Мартин уговаривает сыграть пьесу во второй раз, назвав ее «Правдивая игра о Томасе Уэллсе». У труппы весомые аргументы в пользу отказа: «Слишком опасно, — сказал Тобиас. — Духовник Лорда, управляющий Лорда... если его убила не девушка, тот, кто убил, где-то рядом. И у меня такое чувство, что он под покровительством...». [2. 67]

Комедианты – невольные гости (им пришлось остановиться по пути, чтобы похоронить товарища, они могли бы оказаться в ином городе, где не было бы совершено преступление) в городе, который держит Лорд Ричард де Гиз, который «повсюду славится раздачей милостыни сырым, а еще тем, как карает преступников, и благочестивой жизнью». [2. 17] Барри Ансуорт акцентирует внимание на том, что сэр Ричард чтит закон, но комедианты видят, обратное: «никого смерть мальчика там не заботит» [2. 65]. Горожане в ожидании рыцарского турнира, который устраивает Лорд де Гиз. Комедианты замечают, что «только об этом и разговоры, да о хвори молодого господина — он единственный сын, и имя ему Уильям» [2. 65]. Окружающие удивлены тем фактом, что Доблестный рыцарь Уильям «не выходил, чтобы поупражнять своего коня для поединков на копьях, и не осматривал свои доспехи, а это странно; все говорят, от турниров он без ума и прославился своими победами на них» [2. 65].

Убийцей в «Моралите» оказывается персонаж, с которым мы не знакомы. Его имя редко упоминается в произведении, благодаря чему догадки читателя по поводу настоящего виновника преступления сводятся к нулю. Не следует забывать, что в основе жанр моралите, поэтому цель автора – показать нравственную сторону человека, совершившего преступление. Убийцей оказывается сын лорда де Гиза. Информации о нем не так уже и много, но благодаря некоторым фактам, мы можем сделать определенные выводы о его характере и манере поведения. Уильям – «цвет рыцарства», можно полагать, что он, тщеславный человек из высшего общества, уверенный в своей силе и неприкосновенности, никому на турнирах ни разу не удалось вышибить его из седла.

Разгадка преступления становится доступной читателю в диалоге Никласа с Судьей. Оказывается, что Томас Уэллс, мальчик, которого Уильям де Гиз задушил ради своей забавы, был заражен чумой. Вот и разгадка той самой хвори, о которой говорили горожане. Обвиненная девушка была оправдана после того, как настоящий убийца был найден.

Сыщики-любители, не обладая детективными навыками, хотели найти истину и побороть несправедливость. Оказавшись в замке Лорда де Гиза, разыгрывая третий вариант «Игры о Томасе Уэллсе», ослепленный любовью к глухонемой невинной девушке, Мартин надевает маску Гордости и

«Мартин в своем безумии вздумал обличать судью, восседающего среди теней на престоле правосудия, важно расхаживать перед Лордом и подражать голосу Лорда, который зажал нас в кулаке. Само по себе это смертельное оскорбление. Но тут было нечто большее, чем просто оскорбление. Если эта тройственная комбинация действительно существовала, то, опираясь на логику, найти можно было лишь одно-единственное объяснение: сэр Ричард де Гиз не хотел, чтобы кто-нибудь увидел тело Томаса Уэллса, потому что оно хранило следы чего-то, и Лорд это знал, он знал это потому, что именно в его руки Симон Дамиан доставил живого мальчика» [2. 90].

Мартин хотел вовлечь Лорда в расследования, сделать его участником пьесы. Сделать из отца преступника сыщика.

Финал романа остается открытым, неизвестна судьба комедиантов в замке Лорда. Несмотря на то, что личность преступника раскрыта, роман заканчивается чувством беспокойства, разочарования и неуверенности, что отличает его как от моралите, так и от классических детективных историй.

Никлас Барбер, главный герой-повествователь, который смог сбежать из замка Лорда, рассказывает все судье из Йорка. Играя убийство, они почти раскрыли преступление. Ложь бенедиктинца открылась, поэтому «его одели в рубаху кающегося, связали ему руки и повесили. И мы подумали, что это должна быть кара за то, что он допустил, чтобы этого убитого нашли. Но так карать могут только могущественные, те, кто получил свою власть от Бога или от короля». [2: 93]

Судья, приехавший из Йорка, в какой-то степени тоже является сыщиком, ему поручено проследить за Лордом де Гизом, чье поведение тревожит короля. Лорд де Гиз сам выносит приговоры за тяжкие преступления, присваивая себе штрафы и конфискации, которые должны были бы поступать в королевскую казну, «однако этот лорд присваивает право разбирать подобные дела суду своего шерифа, и все деньги поступают в его сундуки». [2. 96]

Год назад в городе Лорда стали пропадать дети. Закономерность состояла в том, что пропадали мальчики, но не было никаких улик. Именно происшествие с Томасом Уэллсом привело в дом Ричарда де Гиза. Два расследования соединились в одной точке, в доме Лорда. Но жизнь не похожа на моралите. «Правосудие труднее применить к сильному, чем к беззащитному». [2: 96] По словам судьи, Де Гиз «озабочен славой своего рода». [2. 96]

Комедианты хотели сделать Лорда соучастником своей «Игры», но они даже не догадывались, что Лорду давно уже была навязана роль в иной Игре, в Большой Игре, участниками которой также был Король и Судья.

Тайное не стало явным в этом романе. Убийца не показан массам. Главное, что в итоге он наказан, поэтому законы жанры моралите «работают». Финал романа остается открытым, судьба следователей-дилетантов не ясна, но со слов Никласа в начале романа, можно предположить, что они были наказаны. Описывая произошедшие события, главный герой романа Никлас говорит: «И как бы то ни было, я, без сомнения, не изведаль бы ужасов, которые все еще преследуют меня по ночам». [2. 8]

В «Моралите» Барри Ансуорт показывает, что в литературе постмодернизма все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как лишь представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена ее ведет к кардинальному изменению самого представления.

Заключение

В романе «Моралите» представлено смешение и совмещение жанровых признаков авантюрного романа, моралите и детективной истории. Представляя Игру о Томасе Уэллсе, актеры не просто находят убийцу — они нарушают средневековую мораль, они одержимы своей постановкой, в каком-то смысле наживаются на убийстве ребенка, что является противоестественным в религиозных жанрах. Таким образом, моральная составляющая романа оказывается перевернутой. Главный герой Никлас осознает, что жизнь — это не моралите, где все является частью тщательно продуманного сюжета.

Для современной массовой литературы характерна тенденция не только к многообразию жанровых модификаций в пределах одного жанра, но зачастую невозможно однозначно трактовать ведущий жанр. Не случайно П. Казанова отмечает появление феномена «международного бестселлера», характеризуемого крайней жанровой эклектичностью: «Стремясь привлечь интерес широкого читателя, авторы этих романов используют все популярные средства, изобретенные еще в XIX веке для приключенческих романов и романов с продолжением. В любом из них можно найти элементы полицейского, авантюрного, любовного, производственного, мифологического, исторического и многих других романов» [6. 197].

Рассуждая об английском романе в эпоху постмодерна, Н.А. Соловьева обращает внимание, что «для Британии характерен «историографический метароман», в которых авторы пытаются «(со)противопоставить исторические и интеллектуальные контексты прошлого и настоящего, реконструировать фиктивную реальность». [\[10\]](#)

Писатели-постмодернисты активно пишут в детективном жанре, потому что игровая составляющая классического детектива располагает к этому. «Они деконструктивно разрушают знакомые читателям «правила игры» и нарративную схему классического детектива. В их новых моделях фикционального мира всяческие формулы подвергаются остраниению и пародии». [\[11\]](#).

Текст классического детектива логичен и нарративен, автор «раз за разом предлагает адресату возможность предсказания, но всякий раз снова и снова утверждает преимущественное право своего собственного текста, недвусмысленно указывая, что именно следует считать верным в его воображаемом мире» [\[13\]](#). К финалу в любом детективе выстраивается единственно верная цепочка событий.

Детективная линия не является главным элементом романа, т.к. основная идея автора — показать рождение театра, моралите, меняющееся и открывающее новые возможности благодаря игре. Основная идея в романе Барри Ансуорта «Моралите» лежит не в раскрытии убийства, а в постановке данного события. Автор использует стилизацию под «классический детектив» для того, чтобы показать иную сторону романа, а именно — жанр моралите.

Библиография

1. Акимцева, Ю. В., Исаева А. Ю. Анализ лингвостилистических особенностей англоязычного постмодернистского романа // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 82– 86.
2. Ансворт, Б. Моралите: роман / пер. с англ. И. Гуровой. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 239 с.
 3. Бахтин, М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
 4. Гройс Б. Вечное возвращение нового//Искусство, 1989, №10. – С.1-2
 5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия М.: Интрада, 1998. 255с.
 6. Казанова, П. Мировая республика литературы / П. Казанова; пер. с фр. М. Кожевниковой и М. Летаровой-Гистер. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 413 с.
 7. Киреева, Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе: Учебный комплекс для студентов-филологов/ Н. В Киреева.-М.: Флинта: Наука, 2004. – 216 с.
 8. Минина, В.Г. Постмодернизм и реализм британского романа рубежа XX-XXI веков//Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2019 №3 – с. 141-148
 9. Сабурова, Н.В. Реализация заголовка романа как элемент синтеза жанров в художественном тексте (на примере романа Б.Ансворта «Morality play» / Н.В Сабурова, Е.В. Петрова. – Т.: Грамота, № 9(63), 2016. – с. 31-35.
 10. Соловьева, Н. А. Английский роман в эпоху постмодерна // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. №1.– 134–154
 11. Тан, Ш. Театрализация в постмодернистском романе «Квест» Б. Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 390–403.
 12. Тебенькова, Н. Г. Особенности повествования в постмодернистской литературе (на материале романа М. Каннингема "Часы") / Н. Г. Тебенькова // Язык. Культура. Образование: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию факультета иностранных языков Омского государственного педагогического университета, Омск, 24 декабря 2018 года. – Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Омский государственный педагогический университет", 2018. – С. 120-126.
 13. Устинов, А.Ю. Игровой текст как категория игровой поэтики // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 158-161.
 14. Boccardi M. Barry Unsworth's Morality Play: Narrative, detection, history, Postmedieval: a journal of medieval cultural studies, 2016, iss. 7 (2), pp. 204–213.
 15. Martínez Alfaro M.J. Mystery and Performance in Barry Unsworth's Morality Play, Miscelánea: A Journal of English and American Studies, 2001, iss. 24, pp. 79–92.
 16. Moore J.C. 'The Shadow of this Crime ...Is over Me Yet': Narrative Discourse and the Knowledge of Evil in Barry Unsworth's Morality Play, Renascence, 2012, iss. 64.4, pp. 321–340.
 17. Russell R.R. The Dramatic Conversion of Nicholas Barber in Barry Unsworth's Morality Play, Renascence, 2006, iss. 58.3, pp. 221–239.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности повествовательной структуры

романа эпохи постмодернизма на примере романа Барри Ансуорта «Моралите», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения структуры романа, который незаслуженно «выпал» из сферы интересов исследователей. Действительно, творчеству Барри Ансуорта не уделяется должного внимания как в отечественном литературоведении, так и зарубежом.

В представленной работе рассматривается детективное влияние построения постмодернистского романа, в котором читатели вовлекаются в активный процесс реконструирования происшествия, а главный герой находит решение всех тайн и загадок.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, методологической основой исследования явились описательно-сопоставительные, контекстуальные и ситуативно-интерпретационные методы исследования, а также методы герменевтики.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор подробно описывает ход исследования. Приведенные данные вполне репрезентативны.

Отметим, что вводная часть не содержит конкретной исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Библиография оформлена в соответствии с требованиями ГОСТа.

В общем и целом отметим, что работа написана простым, понятным для читателя языком, в ней поднимается актуальная исследовательская проблема. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы и зарубежной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенности повествовательной структуры романа эпохи постмодернизма на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тарасова К.Э. — Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических и социальных событий // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.39732 EDN: JDZNHT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39732

Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических и социальных событий

Тарасова Кира Эдуардовна

аспирант, кафедра Высшая школа перевода, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, корп. 51

✉ tarasova.kira@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.39732

EDN:

JDZNHT

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2023

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования и развития шотландской идентичности через призму исторических событий, произошедших в изучаемом регионе с III в. по XXI в. Цель исследования состоит в изучении становления этнической идентичности как эмоционально-когнитивного процесса отнесения субъектов к определённому этносу. Материалом для исследования послужили работы зарубежных и отечественных исследователей, затрагивающие вопросы по истории Шотландии, идентичности, тексты, относящиеся к важным историческим событиям, повлиявшим на формирование этнической идентичности, и статьи шотландских социологов как членов этнокультурного сообщества. На основании дефиниционного, контекстуального и ивент (event history analysis) анализов формируется концептосфера SCOTTISH IDENTITY. Формулируются выводы о существовании двух типов идентичностей: этническая идентичность, связанная с идентификацией на уровне общности истории, языка, культуры и религии, и национальная идентичность, связанная с идентификацией на уровне политической общности; о эмерджентности этнической идентичности, т.е. об изменении идентификаций в ходе развёртывания исторических событий и изменения условий жизни. Актуальность исследования состоит в формировании представления об

этнической идентичности у шотландцев, охватывающего большой исторический отрезок времени. Данная статья также представляет интерес в преддверии проведения второго референдума о независимости Шотландии осенью 2023 г.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, концепт, концептуальный анализ, концептуальная картина мира, этническая идентичность, этническое самосознание, национализм, шотландский национализм, этнический конфликт, Шотландия

Период с середины XX в. по настоящий момент характеризуется выдвижением понятия идентичности применительно к этнокультурным особенностям различных социальных групп «в условиях все возрастающей мультикультурности современного общества» [3, с. 8]. Подобный процесс происходит через усиление националистических настроений в регионах проживания исторических этнокультурных сообществ, например, в Шотландии и Каталонии, что сопровождается формированием национальных движений за сохранение самобытности своих регионов, политических взглядов, религиозных убеждений, выбора образа жизни, способов и характера коммуникации [3, с. 8]. Интерес к проблемам идентичности и осознанию субъектом своей принадлежности к социальной группе, а также к этническим конфликтам, которые обусловлены активностью националистических организаций (структурный подход) или пропагандой идеологии национализма со стороны культурной элиты (психокультурный подход) [7, с. 207] в противовес политике централизованного правительства, определяется «многочисленными конфликтами культурной, религиозной, этнической, национальной идентичности разных социальных групп» [6], которые объясняются изменениями в социальных стратах, взаимодействием ранее не контактирующих между собой групп и стремлением к автономии меньшинств.

Слово «идентичность» восходит к латинскому *identitas* «тождественность» [34]. В толковых словарях английского языка лексема *identity* имеет значения качества различия (*quality of difference*): «the quality or condition of being a specified person or thing» [39, p.740]; «the qualities that make a person, organization, etc. different from others» [20]; «the qualities that make someone or something what they are and different from other people» [30], и состояния существования тождественности (*the state of being the same*): «the state of being the same in substance, nature, qualities» [39, p.740]; «the fact of being, or feeling that you are, a particular type of person, organization, etc.» [20]; «the fact of being exactly the same» [30]. В русскоязычном пространстве под *идентичностью* понимается «осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик» [6], «соотнесение индивида с социальной группой или общностью, с которой он разделяет нормы, ценности, групповые установки» [15, с.114].

Идентичность – это широкое понятие, которое включает в себя представления о взаимодействии индивидуумов между собой и с социальными структурами и образует «довольно сложный социоисторический конструкт», для описания которого проводить всесторонние исследования, «повлиявшие на создание термина в виде этимологического, социокультурного, исторического и дискурсивного видов анализа, построение фрейма и субфреймов, сопоставления этих деталей в одном языке и затем в двух языках, особенно в межкультурной коммуникации и социолингвистическом анализе» [8]. К

основным направлениям в изучении вопросов идентичности в социальных науках на западе в XXв. можно отнести социально-ролевую теорию идентичности И. Гофмана (идентичность=исполнение роли) и теорию социальной идентичности Г. Тэшвела (идентичность=членство в социальной группе). Теория самокатегоризации Г. Тэшвела и Дж. Тернера предполагает, что социальная идентичность основывается на необходимости индивида к повышению чувства собственного достоинства через сравнения и дифференциацию с другими, при этом категоризация рассматривается как когнитивный процесс. Однако данные теории не рассматривают аспект языка как составляющую идентичности. Стоит отметить постструктуралистские подходы к понятию идентичности, в которых дискурс действует как образующий фактор, благодаря которому образуются идентичности [37, p. 2212]. В.А. Луков в своих трудах разрабатывает «семиотическую концепцию идентичности, отождествляя её со смыслами и знаками различных культурных тезаурусов» [6]. В западных исследованиях идентичности выделяются несколько ее типов, основанных на представлениях об отличительных чертах индивида, межличностных отношениях и коллективных знаниях социальной группы. Дж. Тернер обращается к личностной (отличительные характеристики индивида от других членов внутренней группы: особые черты характера, достижения таланты и т.д.) и социальной (схожие характеристики, разделяемые индивидом с членами определенных социальных категорий: пол, возраст, этнос, профессия и т.д.) идентичности [42, p. 3]; [3, с. 13]. Бр. Холл рассматривает три уровня идентичности: личностную идентичность (уникальность личности), идентичность отношений (продукт межличностных отношений) и коллективную идентичность (сходность по полу, религии, политическим взглядам, этнической принадлежности и т.п.). Я. Ассманн в своих работах выделяет личностную (роли и компетенции, получаемые индивидом в процессе социализации), индивидуальную (образ, содержащий уникальные признаки индивида) и коллективную (представления социальной группы о себе, основанные на коллективной памяти и общих знаниях) идентичность [3, с. 14]. В работах отечественных исследователей в основном рассматриваются социальная идентичность (идентификация своей группы с другими социальными группами), этническая идентичность (идентификация субъекта с этнической общностью), культурная идентичность (идентификация субъекта с культурной традицией) [12, с. 110-114; 10, с. 238-23; 3, с. 15]. Данные виды идентичности обусловлены параметрами, исходя из которых происходит идентификация субъекта с социальной группы: гендерными, возрастными, региональными, этническими, национальными, культурными, конфессиональными, и др. [3, с. 15].

В данной статье исследуется этническая идентичность, которую принято рассматривать как составную часть социальной идентичности, и под которой понимается «результат когнитивно-эмоционального процесса» [12, с.110], «осознание своей принадлежности к этнической общности» [11, с. 32-33]. Этническая идентичность включает три компонента: когнитивный (представления об этнической группе), эмоциональный (привязанность к группе) и поведенческий (стереотипное поведение: употребление родного языка, следование ценностям и традициям, и т.п.) [7, с. 206]. Этническая самоидентификация является основой этнической идентичности, при этом «истоки зарождения ее находятся в историческом прошлом», которое «объективировано главным образом в культурно-языковой сфере» [11, с. 32-33]. Язык играет важную роль в процессе этнической идентификации, так как является вместилищем накопленных знаний, традиций и обычаев этноса, а «различные элементы языка...имеют огромное значение при идентификации

индивида с определенной социальной или территориальной группой» [10, с. 72-73]. Таким образом, язык предстает этносоциокультурным феноменом, при этом «он существует, прежде всего, в языковом сознании как совокупности образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств» [3, с. 24].

Общность происхождения, регионализм, язык, религия, культурные особенности и стереотипы, сложившиеся в представлении этнического сообщества, позволяют идентифицировать принадлежность к определенному этносу и формируют этническое самосознание – «относительно устойчивую систему отраженных в сознании объективно существующих элементов этнической реальности» [6, с. 138], которое формируется и развивается вместе с этнической группой в рамках развертывания ряда исторических событий [11, с. 29-30].

В данном исследовании проводится попытка формирования представления о развитии этнической идентичности и чувства патриотизма в Шотландии через призму исторических и социальных событий. Целью статьи является рассмотрение зарождения и развития этнической идентичности как эмоционально-когнитивного процесса отнесения человека к определенному этнокультурному сообществу, в результате чего формируется определенное представление, концепт – «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [5, с. 90-92]. Подтверждение сложившихся представлений о шотландской идентичности рассматривается на материале статей Дж. М. МакКензи [29], М. Лиинпаа [27], Дж. Боуна [17] как членов этнокультурного сообщества, объединённого общими языком, религией, культурой и историей [19, с. 94], а также на основании текстов, которые относятся к важным историческим событиям, повлиявшим на формирование этнической идентичности.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, интересом к вопросам идентичности в социо-гуманитарных науках, и, с другой стороны, попыткой рассмотреть процесс формирования и составить представление об этнической идентичности у шотландцев. Данное исследование также представляет интерес в связи с возможностью проведения второго референдума о независимости Шотландии в 2023 г., что обусловлено не только политическими факторами, но и ростом этнического самосознания шотландцев, что вызвано внутренними факторами (деволюцией; вопросом о знании англо-шотландского языка, поднятом во время переписи населения в Шотландии в 2011 г.; проведением референдума о независимости Шотландии в 2014 г., и т.д.) и внешними факторами (глобализация, иммиграция, рост националистических настроений в других странах), что повлекло к стремлению шотландцев вспомнить свои исторические корни и возродить свой национальный язык.

Прежде чем сформировать целостное представление о шотландской этнической идентичности, представляется необходимым рассмотреть исторические события, представленные на Рис. 1 и повлиявшие на процесс формирования и трансформации этнической идентичности шотландцев от региональной к национальной.

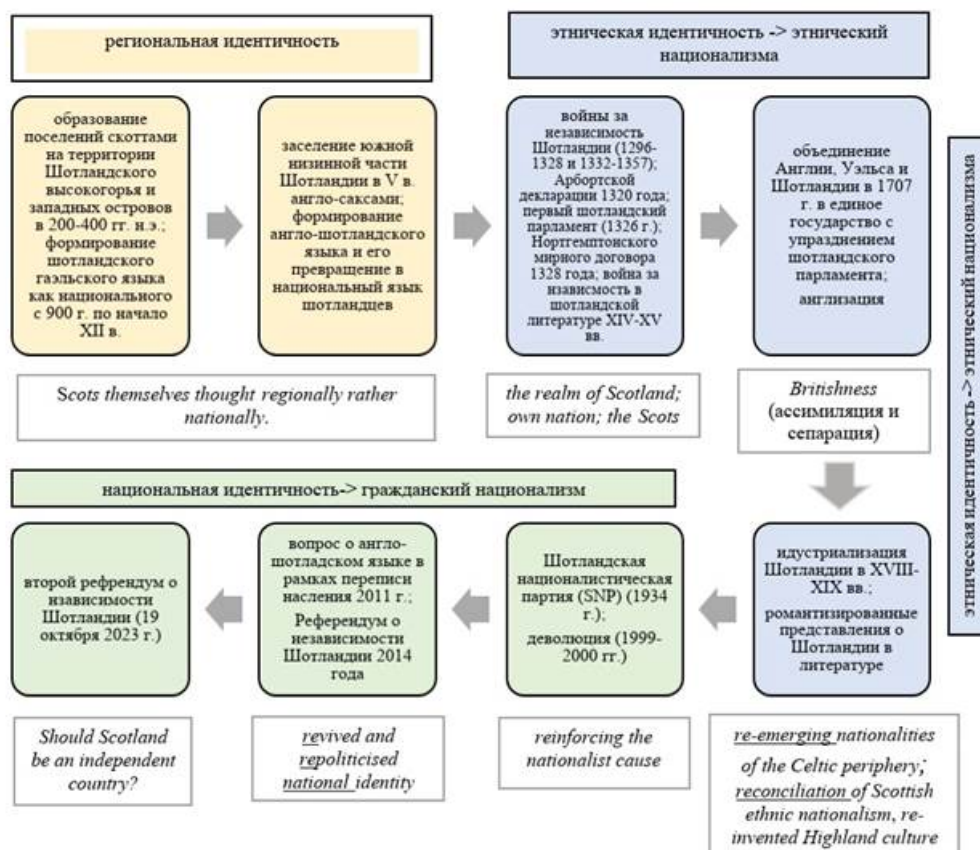

Рис.1 Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических событий

На протяжении всей истории Британские острова притягивали на свои земли поселенцев, завоевателей и иммигрантов, что привело к созданию современного многонационального сообщества. Британия предстает не единой нацией, а союзом четырех исторических этносов (англичане, валлийцы, шотландцы и ирландцы). К. Фокс в своей книге "Watching the English" обращается не к понятию *Britishness*, а к понятию *Englishness*, не только потому, что она рассматривает идентичность англичан, но и потому, что вслед за К. Кумаром, Б.Р. Криком говорит о том, что понятие *Britain* является в большей степени политическим конструктом, объединяющим несколько наций, каждая со своей самобытной культурой, в то время как под понятием *England* можно понимать нацию (исконных англичан), т.е. данное понятие несет в себе национальные особенности и культуру. Еще одним пунктом в пользу употребления *Englishness*, по мнению К. Фокс, являются различия между культурами четырех наций, которые нельзя объединять под одним понятием *Britishness* [21]. Стоит также отметить, что употребление *Britishness* в рамках вопроса идентичности, в особенности этнической, может быть неуместным исходя из определений *identity*, которые даны выше. Население Великобритании не может быть категоризировано на основании *the quality of difference* или *the state of being the same*, так как *Britishness* состоит из *Englishness*, *Scottishness*, *Welshness* и *Irishness*, каждый из которых имеет свои истоки зарождения идентичности, свой язык, культурные особенности и свою историю.

По аналогии с выдвинутыми положениями К. Фокс и др., говоря об одном из основных четырех этносов Великобритании, представляется возможным говорить отдельно о *Englishness*, *Scottishness*, *Welshness* и *Irishness* вместо *Britishness*. Таким образом, можно сделать предположение, что в данной статье представления о шотландской идентичности и чувстве патриотизма построены вокруг понятия *Scottishness*, что

доказывается на основании рассмотрения развития этнической идентичности через призму исторических и социальных событий.

На процесс зарождения этнического самосознания у шотландцев оказал влияние регионализм и формирование собственного национального языка: образование поселений скоттами, мигрирующими из Ирландии на территорию Шотландского высокогорья и западных островов в 200-400 гг. н.э.; формирование шотландского гаэльского языка как национального и языка правительства с 900 г. по начало XII в.; заселение южной низинной части Шотландии в V в. англо-саксами; постепенное формирование англо-шотландского языка от нортумбрийского диалекта англов, в то время еще мало отличающегося от английского языка, сформированного под влиянием диалектов саксов. К XII в. англо-шотландский язык распространяется по всей территории Шотландии, вытесняя гаэльский язык и приобретая статус языка шотландского населения [36, p. 219]. Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о языковой и региональной конфликтной ситуации, сложившейся между скоттами Шотландского высокогорья и англо-саксами южной низинной части Шотландии, что сказывалось на формировании представлений шотландцев не как о единой нации, а с точки зрения историко-географического расселения: *Scots themselves thought regionally rather nationally*.

События, произошедшие в ходе войн за независимость Шотландии (1296-1328, 1332-1357), оказали влияние на формирование шотландской идентичности и единение жителей высокогорья и низинной части Шотландии. Стоит отметить значение Арбортской декларации 1320 г., являющейся главным документов в войнах за независимость Шотландии и манифестом о шотландском национализме (из декларации: *the realm of Scotland ; own nation ; the Scots*) [38], образования в 1326 г. первого шотландского парламента и подписания в 1328 г. Нортгемптонского мирного договора, ознаменовавшего конец войны и признание независимости Шотландии (из договора: "... *Kings of England have endeavoured to establish rights of rule ... over the realm of Scotland* "; " *separate in all things from the Kingdom of England* "; " *without any kind of subjection* ") [40], – все это способствовало формированию представления о едином, независимом, христианском королевстве и стойкости шотландского духа [33, p.xiv-xviii], [31, p.22-24], [38], [33, p. 41], что можно выразить строчкой из Арбортской декларации: " *never will we on any conditions be subjected to t h e lordship o f the English* " [38], где инверсия усиливает стремление шотландцев отстаивать свою свободу как отдельного народа.

Поэты XIV-XV вв., писавшие на англо-шотландском языке, представляли войну за независимость не просто как рыцарские эпизоды, а как народную борьбу [22, p.11-13]; [1, c.114]. Дж. Барбор своим произведением «Брюс» (1375) проявляет большое чувство патриотизма к Шотландии (например, употребление лексемы *the kinrik* в отношении Шотландии (*the kinrik o f Scotland*) , в то время как Англия представлена только лексемой *Ingland*) и отмечает важность сохранения в памяти шотландцев (" *To put in wryt a suthfast story ,/ That it lest ay furth in memory ,/ Swa that na tyme of lenth it let ,/ Na ger it haly be forget* " [19]) то, как они боролись за свою свободу (*for the fredome of our land*). Король Шотландии Роберт Брюс, представленный в произведении смелым, умным, доблестным рыцарем (*hardy wes off hart and hand; full gret bounte; that wes witty*), и Джеймс Дуглас, обладающий отменными рыцарскими качествами (*in his tymes a worthy was*), вели за собой шотландцев (*Scottis men ; with all the folk in thair leding*), смелых и доблестных рыцарей с высокими моральными ценностями (*Thai maid knyghtis ; in battale so stith to stand ; to be worthye and of full gret bounte*), до победного конца в

отстаивании своей независимости (*A folk ... glad for thair victour*) [19]. Слепой Гарри в поэме «Уоллес» (1477) позиционирует себя патриотом Шотландии, демонстрируя анти-английские настроения: он характеризует англичан (*Inglismen , Sotheron men*) как старых врагов (*our ald ennemys*), лживый народ (*fals folk*), потомков саксов (*of Saxony's blud*), не сделавших ничего хорошего для Шотландии (*nevyr yeit to Scotland wald do gud*). Главный персонаж Уоллес в произведении представлен идеализированным героем Шотландии (*the reskew of Scotland ; defendour of Scotland; fred it weyle throu grace ; fulfill it of hie curage*), который ведет шотландцев, обладающих рыцарскими качествами и моральными принципами (*t he worthi Scottis*), к независимости своего королевства (*wyn Scotland fre*) [41]. В произведениях Дж. Барбора и Слепого Гарри не всегда верно представлены исторические события. Их надо рассматривать не как исторические хроники, а именно как литературные произведения [4], в которых через идеализацию и романтизацию исторических ключевых фигур в борьбе за независимость Шотландии и шотландского народа в целом создается образ шотландского патриотизма (*Scottish nationalism*) средствами англо-шотландского языка, что важно для формирования этнической идентичности: формируется образ шотландцев как единого народа, воспеваются героизм шотландцев и любовь к родине, используется национальный язык.

Шотландия оставалась независимой вплоть до 1603 г., когда Англия и Шотландия были объединены Яковом I Английским. Поворотным моментом в истории становится объединение Англии, Уэльса и Шотландии в 1707 г. в единое государство с упразднением шотландского парламента и образованием централизованной власти в Англии. Происходит процесс англоизации Шотландии: английский язык становится официальным языком шотландского населения, при этом англо-шотландский язык отождествляется с культурной отсталостью и необразованностью, что приводит к его упадку [22, p.219]. Особенно наглядно процесс англоизации виден в сфере образования: обучение грамматике английского языка в школах (*"it is necessar ane other Scots school be appointed for teaching the young ... to read English"* [цит. по 23]), обучение грамматике английского языка и английской литературы в высших учебных заведениях [23]. Происходит создание общего, коллективного представления о единстве, обозначенном понятием *Britishness*, отождествляемой с централизованными государственными институтами, такими как монархия, парламент, закон, протестантские церкви и их ценностями [33, p. 51]. Таким образом, происходит, с одной стороны ассимиляция и интеграция «личности с ценностями и нормами иной культуры» [14, с. 31] с сохранением старой культуры или отказом от нее, и, с другой стороны, сепарация, т.е. «отрицание «чужой культуры» и сохранение своей национальной, этнической особенности» [14, с. 32]. В это время в сознании шотландцев формируются представления о своей культурной и исторической самобытности: *cultural values , myths , constructions of the past , inventions of tradition*. Шотландский писатель Г. Маккензи отмечает, что, несмотря на то, что книги в Шотландии пишутся на английском языке, исключая англо-шотландский из письменного употребления, он остается только в устной традиции (*" our conversation is in SCOTCH "; " His own native original language , which he hears spoken around him , he does not make use of "* [цит. по 24]).

Еще одним ключевым моментом не только в истории Британии, но и в становлении шотландского чувства патриотизма, сыграли индустриальные революции XVIII-XIX вв. [33, p.43]. В это время активно происходит индустриализация Шотландии: шотландцы продвигают свою культуру как в Шотландии, так и в британских колониях, что выражается через словосочетания *Burns societies , Highland games , Caledonian and St*

An draws organisations , объединенные в выражении *cunningly contrive d amalgam of Highland and Lowland elements* . На передний план в это время выходит уже не понятие *Britishness* , а уникальность каждого этнического сообщества Британской Империи, как это было до 1707 г.: *re - emerging nationalities of the Celtic periphery ; reconciliation of Scottish ethnic nationalism* , *re - invented Highland culture* . Создаются романтизированные представления о Шотландии (*Scottish scenic and historical heritage , romantic and sublime landscape*) в произведениях Дж. Фергюссона, Дж. Ритсона, сэра В. Скотта, а также происходит возрождение англо-шотландского языка, что способствует формированию представления о шотландской идентичности и уникальности. В начале XIX в. Шотландский лексикограф Дж. Джемисон составляет "Etymological Dictionary of the Scottish Language", первый опубликованный словарь англо-шотландского языка [25]. Несмотря на интерес к англо-шотландскому языку, до середины XX в. он находится под сильным влиянием английского языка и воспринимается как искусственный диалект, придуманный писателями XVIII-XIX вв., нежели самостоятельным языком [36, p. 219], что влияет на осознание шотландцами своей этнической идентичности через язык.

До середины XX в. этническая идентичность в значительной мере обусловлена культурными особенностями народа, однако с 60-х-70-х гг. начинает усиливаться политическая сторона национализма: в 1934 г. основывается Шотландская националистическая партия (SNP), призывающая к независимости Шотландии (*reinforcing the nationalist cause*), а в 1999-2000 гг. происходит деволуция. В этот период можно наблюдать переход от этнического национализма к гражданскому [28, p. 96]. Шотландцы все чаще определяют себя с точки зрения своей индивидуальной национальности, а не как британцев [33, p. 52]. Национализм «трансформирует существовавшие этнические ... идентичности и придает новое значение используемому культурному наследию» [2, c. 88]. В 2001 г. правительство Великобритании признает англо-шотландский языком меньшинства, спустя 8 лет после того, как Совет Европы взял на себя обязательство защищать этот национальный язык Шотландии. В документе "Literacy and English: Principles and Practice" (2009) оговаривается важность англо-шотландского языка и литературы Шотландии для изучения шотландской культуры, идентичности и языка детьми в школах: *Scotland ' s vibrant literary and linguistic heritage ; indigenous languages and dialects* [35], что помогает сформировать этническое самосознание.

Еще одним важным событием является поднятие вопроса об англо-шотландском языке в рамках переписи населения Шотландии в 2011 г., по результатам которого 38 процентов населения Шотландии могут говорить, читать, писать или понимать англо-шотландский язык. Результаты переписи населения также показали, что 62 процента населения Шотландии идентифицируют себя как *Scottish (who felt Scottish only ; identified themselves as Scots speakers)*, 18 процентов идентифицируют себя и как *Scottish* , и как *British (who felt both Scottish and British)* , и только 8 процентов населения относят себя к *British (who felt British only)* [18]. Референдум о независимости Шотландии 2014 г. предстает не столько попыткой отстоять свою самобытность как этнического сообщества со своей историей, культурой и языком, сколько попыткой вырваться из-под власти Британии, укрепив свое положение в качестве политического сообщества [25, p. 73, 85-90]. Вследствие этого, можно обратить внимание на следующие фразы на английском языке: *aimed at releasing Scotland from the yoke of a succession of Westminster government; revived and repoliticised national identity* . В 2015 г. на официальном сайте правительства Шотландии был опубликован документ о языковой политике по отношению к англо-шотландскому языку (*Scots language policy*). В нем говорится о важности англо-

шотландского языка как ценного наследия (*essential element of the culture ; heritage of Scotland ; impact on Scottish society*) и мерах его внедрения во все сферы жизни шотландцев (*ensure its preservation ; encourage its respect ; use of Scots in speech and writing*) [35].

Стоит также отметить перепись населения Шотландии 2022 г., результаты которой будут опубликованы в 2023 г., и возможное проведение второго референдума о независимости Шотландии в октябре 2023 г. ("Should Scotland be an independent country?" [32]), что будет полезно в составлении современного представления о шотландской идентичности и чувстве патриотизма, формируемого вокруг понятия *Scottishness* .

С одной стороны, шотландцы предстают возродившимся самобытным этносом (*resurgent nation*), воспевающим свою историю в романтическом и идеалистическом ключе, и здесь можно говорить об исторически устоявшейся этнической идентичности. С другой стороны, национализм предстает ключевым элементом в политической борьбе за независимость: шотландцы уже видятся как политическое сообщество (*political tribe*), и наблюдается формирование национальной идентичности через объединение на основании политической общности.

Опираясь на дефиниционный анализ понятия *identity* , ивент (event history analysis) анализ и контекстуальный анализ текстов, повлиявших на формирование идентичности шотландцев, представляется возможным описать концептосферу SCOTTISH IDENTITY, в рамках которой понятие идентичности в основном актуализуется в языке с помощью слов *identity , self , identification , nation , Scottishness , the Scots , to feel Scottish* . Вконцептосфере SCOTTISH IDENTITY можно выделить следующие основные концепты LANGUAGE (*Scots, native original language, indigenous language, Scottish Gaelic*), TERRITORY (*the kinrik of Scotland, the realm of Scotland, Scotland, Highlands, Lowlands*), CULTURE (*cultural values, historic heritage*), NATIONALISM (*ethnic nationalism*), HISTORY (*The Declaration of Arbroath*).

Таким образом, в концептуальной картине мире шотландцев можно наблюдать две тенденции к формированию идентичности: этническая идентичность, связанная с идентификацией на уровне общности истории, языка, культуры и религии, которая начинает осознаваться шотландцами в XVII-XVIII вв. и формируется в рамках этнического национализма; национальная идентичность, связанная с идентификацией на уровне политической общности, которая начинает формироваться с конца XXв. в рамках гражданского национализма. Оба типа национализма строятся на стереотипных и идеализированных представлениях шотландцев о чувстве патриотизма. Процесс формирования идентичности шотландцев сначала от региональной к этнической, а потом от этнической к национальной, во время которого происходила и ассимиляция с *Britishness* , и сепарация от данного представления, и возвращение к *Scottishness* , подтверждает эмерджентность в понимании идентичности, основанную на том, что каждый индивид постоянно развивает свое представление о том, кем он или она является по отношению к другим [37, p. 2210-2211], при этом изменяя идентификации в силу изменившихся жизненных условий. Хотелось бы отметить, что понимание идентичности шотландцев обусловлено этническими конфликтами между Шотландией и Англией, которые проявлялись на протяжении всей истории их существования на основе культурно-языковых и политических противоречий, из которых возникают шотландский этнический национализм и гражданский национализм. Межэтнический конфликт тесно связан с языковым конфликтом, основой которого «является борьба за распределение сфер функционирования между» английским и англо-шотландскими языками [9, с. 116].

Изучение исторических событий и текстов, имеющих отношение к формированию этнической идентичности как эмоционально-когнитивного процесса отнесения человека к определенному этнокультурному сообществу, позволяет сформировать представление о шотландской идентичности, что способствует миропониманию определенного этнокультурного сообщества на разных этапах его развития.

Библиография

1. Аракин В.Д. История английского языка. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 272 с.
2. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2012. №1. С. 85-91
3. Герман Н.Ф. Языковые параметры лингвокультурной идентичности субъекта современной межкультурной коммуникации // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллективная монография / под ред. Е. Н. Азначеевой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 8-42
4. История английской литературы. Том I. Выпуск первый. Под редакцией проф. М. П. Алексеева и др. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/index.htm> (дата обращения 05.02.2023)
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.:Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
6. Леонтьев Д.А. Идентичность /Д. А. Леонтьев, О.О. Савельева. Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2000174> (дата обращения: 05.02.2023)
7. Лучшева Л.В. Современные концепты причин этнических конфликтов // ВЭПС. 2015. №1. С. 206-209
8. Манерко Л.А. Понятие идентичности и его развитие в межкультурном аспекте// Вопросы романо-германской и русской филологии: межвузовский сборник науч. статей. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 5-16.
9. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
10. Николаев В.Г. Идентичность. // Культурология. XX век: энциклопедия / под ред. С. Я. Левита. Т. 1. СПб.: Университет. кн., 1998. С. 238-239.
11. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. 124 с.
12. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. URL: http://ipkfp.nspu.ru/file.php/1/Stefanenko_ENtnopsikhologija.pdf (дата обращения: 05.02.2023)
13. Шахбанова М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современная концепция исследования // ИАЭК. 2013. №1 (33). С. 135-147.
14. Шарапов В.В. Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: дис. ... д-ра психол. наук. Самара, 2016. 495 с.
15. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
16. Barbour J. The Bruce / ed. from the best texts with literary and historical introduction, notes and appendices, and a glossary by W. M. Mackenzie. L.: Adam and Charles Black. 1909. URL: https://www.gutenberg.org/files/44292/44292-h/44292-h.htm#Page_519 (дата обращения: 05.02.2023)

17. Bone J. Scotland and England's colliding nationalism: neoliberalism and the fracturing of the United Kingdom // *British Politics*, 2021. P. 1-19.
18. Brief Analysis of the 2011 Census Results URL: <http://media.scotslanguage.com/library/document/SLC%20Analysis%20of%20Census%202011%20for%20Scots.pdf> (дата обращения: 05.02.2023)
19. Bruce S. *The SAGE Dictionary of Sociology* / Steve Bruce, Steve Yearley. SAGE Publications, 2006.
20. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 05.02.2023)
21. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder & Stoughton, 2014. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/Watching%20the%20English%20the%20Hidden%20Rules%20of%20English%20Behaviour.pdf> (дата обращения: 05.02.2023)
22. Harvie C. *Scotland and nationalism: Scottish society and politics, 1707 to the Present*. L.: Routledge, 2004. 292 p.
23. Horsbroch D. 1700-1750 Modern Scots 1 / Scots Language Centre (Centre for the Scots Leid) URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/741/type/referance> (дата обращения: 05.02.2023)
24. Horsbroch D. 1750-1800 Modern Scots 2 URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/742/type/referance> (дата обращения: 05.02.2023)
25. Horsbroch D. 1800-1850 Modern Scots 3 URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/743/type/referance> (дата обращения: 05.02.2023)
26. Keating M. *The Scottish Independence referendum and after* // REAF, 2015, Vol. 21. P.73-98.
27. Liinpää M. When the nation becomes louder: everyday nationalism and the Scottish independence referendum // *Sociology*, 2020, Vol. 54 (6). P. 1178-1193.
28. Liinpää M. *Nationalism from Above and Below: Interrogating 'race', 'ethnicity' and belonging in post-devolutionary Scotland*. PhD thesis, University of Glasgow, 2018. 293 p.
29. MacKenzie J.M. *Empire and national identities the case of Scotland* // *Transactions of the Royal Historical Society*, vol.8, Cambridge University Press, 1998. P. 215-231.
30. Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 05.02.2023)
31. Manerko L.A. *English Etymology through the History of the British People*. Ryazan: RGPU named after S.A. Essenin, 1998. 272 p.
32. Scottish Independence Referendum Bill URL: <https://www.gov.scot/publications/scottish-independence-referendum-bill> (дата обращения: 05.02.2023)
33. Oakland J. *British Civilization. An introduction*. L.: Routledge, 2002. 279 p.
34. Online Etymology Dictionary URL: <https://www.etymonline.com/word/identity> (дата обращения: 05.02.2023)
35. Scots language policy: English version URL: <https://www.gov.scot/publications/scots-language-policy-english> (дата обращения: 05.02.2023)
36. Storry M. *British cultural identities* / M. Storry, P. Childs. L.: Routledge, 2002. 352 p.
37. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing

Ltd. 5658 p.

38. The Declaration of Arbroath. 700th Anniversary Display. National Records of Scotland. URL: nrsotland.gov.uk/declaration (дата обращения: 05.02.2023)
39. The Oxford Dictionary and Thesaurus / ed. by Sara Tulloch. Oxford: Oxford University Press, 1997.
40. The Treaty of Edinburgh-Northampton, 1328 URL: <https://www.scottisharchivesforschools.org/WarsOfIndependence/Edinburgh-Northampton.asp> (дата обращения: 05.02.2023)
41. The Wallace: Selections / ed. by Anne MacKim. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications.2003. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/publication/mckim-the-wallace-selections> (дата обращения: 05.02.2023)
42. Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C. Self and collective: cognition and social context. Revised version of the paper presented to Conference on "The Self and the Collective", Department of Psychology, Princeton University, Princeton, NJ, 7-10 May URL: [1992https://psychology.anu.edu.au/files/Manuscripts-4-Self-and-Collective-Cognition-and-Social-Context.pdf](https://psychology.anu.edu.au/files/Manuscripts-4-Self-and-Collective-Cognition-and-Social-Context.pdf) (дата обращения: 05.02.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических и социальных событий», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса в наши дни к изучению идентичности и самобытности национальных культур после произошедшей мировой глобализации и доминирующей роли англосаксонской, в том числе Североамериканской культуры.

Актуальность исследования обусловлена, также интересом к вопросам идентичности в социо-гуманитарных науках, и попыткой рассмотреть процесс формирования и составить представление об этнической идентичности у шотландцев. Данное исследование также представляет интерес в связи с возможностью проведения второго референдума о независимости Шотландии в 2023 г., что обусловлено не только политическими факторами, но и ростом этнического самосознания шотландцев.

Изучение языков малых народностей является важным для отечественного языкознания ввиду большого количества народностей, населяющих нашу страну. В свете чего применяемый инструментарий вполне уместен и тиражируем в отношении другой культуры, а именно шотландской, как одного из народов, проживающих в Соединенном королевстве, но не являющихся титульной нацией.

В статье автор обращается к термину «идентичность» как принадлежности индивидуума к определенной социальной, этнической и прочим группам. Особо отметим внимание автора к различиям в толковании термина в отечественной и зарубежной науке.

В данной статье исследуется этническая идентичность, которую принято рассматривать как составную часть социальной идентичности, и под которой понимается «результат когнитивно-эмоционального процесса», «осознание своей принадлежности к этнической общности».

В данном исследовании проводится попытка формирования представления о развитии этнической идентичности и чувства патриотизма в Шотландии через призму исторических и социальных событий. Целью статьи является рассмотрение зарождения и развития

этнической идентичности как эмоционально-когнитивного процесса отнесения человека к определенному этнокультурному сообществу, в результате чего формируется определенное представление, концепт – «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира»

К сожалению, автор не указывает практический материал, послуживший в качестве базы для анализа. Также автор не приводит конкретных данных об объеме отобранного языкового корпуса и принципах организации выборки. Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно языкознания, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 42 источника, среди которых представлены труды как на русском языке, так и на английском. Считаем, что список литературы вполне релевантный. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они могут быть использованы при разработке авторских курсов по лингвостановедению и социолингвистике. Изучение исторических событий и текстов, имеющих отношение к формированию этнической идентичности как эмоционально-когнитивного процесса отнесения человека к определенному этнокультурному сообществу, позволяет сформировать представление о шотландской идентичности, что способствует миропониманию определенного этнокультурного сообщества на разных этапах его развития. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Формирование этнической идентичности шотландцев через призму исторических и социальных событий» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сидорова Е.Н. — Экспликация понятийного компонента концепта «gardening» в британских детективах XIX века // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40815 EDN: HPIODB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40815

Экспликация понятийного компонента концепта «gardening» в британских детективах XIX века

Сидорова Елизавета Николаевна

ORCID: 0000-0002-1550-1145

преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева

127422, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40815

EDN:

HPIODB

Дата направления статьи в редакцию:

23-05-2023

Аннотация: В рамках данной статьи автор подробно рассматривает структуру гиперконцепта "английскость", обращая особое внимание на входящий в него концепт «gardening», который наиболее широко представлен в британских детективах XIX века. Посредством метода сплошной выборки была проанализирована его понятийная составляющая. Отобранные примеры классифицированы по представлению фрейма «garden», который вербализуется при помощи таких гиперонимов как «flowers», «trees», а также посредством лексем «grass», «plants». Особую роль в детективах XIX века играет лексема «rose» как часть гиперонима «flowers». Материалом послужили следующие произведения: «Лунный камень» У. Коллинза, «Этюд в багровых тонах» А. К. Дойла, «Неведение отца Брауна» Г. К. Честертон. Основным вкладом автора в изучение гиперконцепта "английскость" можно считать анализ репрезентации вышеуказанного гиперконцепта посредством изучения одного из составляющего его концептов, в нашем случае концепта «gardening». Так как на настоящий день большинство исследователей изучают сложный концепт "английскость", руководствуясь приемами культурологического и литературного подходов, актуальность данного исследования состоит в том, что оно выполнено в лингвистическом ключе. В результате

был сделан вывод о том, что садоводство - неотъемлемая часть жизни англичан, которая вербализуется в британских детективах XIX века. Особую любовь английский народ питает к розам, что также находит свою репрезентацию в концепте «gardening».

Ключевые слова:

концепт, английскость, гиперконцепт, фрейм, садоводство, детектив, менталитет, английский язык, картина мира, репрезентация

В настоящее время большинство исследователей рассматривают сложный концепт «английскость» под призмой культурологического и литературного подходов, оставляя без внимания его лингвистическую составляющую. Данная статья представляет собой вклад в анализ языковой репрезентации гиперконцепта посредством изучения входящего в него концепта «gardening».

Концепт «английскость» рассматривается под призмой территориального деления Великобритании, где Англия – наибольшая часть страны юго-востоке острова, на которой проживает около 80% населения. Его можно представить в виде «матрешки идентичности» англичан, состоящей из национального, этнокультурного и регионального уровней. Исследователи определяют англичан и английскость как взаимодополняющие категории относительно нации и этнической культуре [\[2\]](#).

Концепты «британскость» и «английскость» разграничиваются тем, что первое используется в политическом контексте, тогда как второе относится к сохранению собственного замкнутого, островного мира, который включает в себя родной город, дом, сад [\[2\]](#).

Как отмечает Д. Н. Караваева, сложно говорить о единой английской самобытности, принимая во внимание ее глубокие исторические отношения с концептом «британскость», а также приобретение термином английскости политической окраски и регионального разнообразия его версий [\[2\]](#).

По словам исследователя, наиболее подходящим способом описания современного дискурса английскости является категоризация согласно времени и месту. С исторической точки зрения английская культура, считающаяся ядром британского общества, служила пространством взаимодействия и противоборства локальности (идентичность суши) и магистральности (идентичность моря). «Идентичность суши» использует понятие «остров» (страну, графство), «сельскую местность» в качестве обозначения почвенничества, локальности, оседлости, ориентации на провинцию, уютные английские деревеньки, пасторали, приходские церкви и местные сообщества [\[2\]](#).

М. И. Латынина и Н. Ф. Хренова отмечают, что менталитет англичан представляется другим народам сложным, поэтому существует целый ряд стереотипов, которые его отражают и имеют воздействие на коммуникативные обычаи и характеристики. Самыми распространенными стереотипами исследователи считают: консерватизм, сдержанность, вежливость, самообладание, уважение к личному пространству, английское чувство юмора, привязанность к дому, увлечение садоводством, заботу о домашних животных [\[6\]](#).

Совокупность вышеуказанных характеристик обуславливает национальную уникальность

и социально-историческую основу данной лингвокультуры, поэтому «английскость» можно считать гиперконцептом. Его вербализация представляет собой комплексный лингвокогнитивный элемент картины мира данного народа [4].

Изучив представленность концепта «английскость» в ряде исследовательских работ, где представлен анализ составляющих его концептов, мы отметили, что в современной отечественной лингвистике наиболее изученными являются концепт «дом», неразрывно связанный с концептом «личное пространство» [7]. Концепт «вежливость» рассматривается исследователями вместе с «консерватизмом», «сдержанностью» и «терпимостью» [5]. В то время как концептам «садоводство», «домашние питомцы», «английский юмор» уделяется недостаточно внимания.

Согласно В. И. Карасику, концепт включает в себя понятийный, образный и ценностный компоненты [3]. В рамках данной статьи мы проанализируем с понятийной точки зрения малоизученный концепт «gardening», входящий в гиперконцепт «английскость».

В данной статье представлен анализ репрезентации концепта «gardening», который наиболее часто встречается в детективных романах конца XIX века. Материалом служат следующие произведения: «Лунный камень» У. Коллинза, «Этюд в багровых тонах» А. К. Дойла, «Неведение отца Брауна» Г. К. Честертон.

Сад стал основой английской национальной идентичности, создаваемой на протяжении многих веков. Он выполняет функцию придуманной традиции, которая представляет собой набор практик, обычно открыто регулируемые и общепринятыми правилами, имеющих ритуальный или символический характер, которые стремятся привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым [11].

Английская любовь к садоводству подкрепляется климатом Великобритании: мягкие зимы и обильные дожди создают благоприятные условия для национального хобби.

Отобранные примеры можно классифицировать по представлению фрейма «garden», который находит свою вербальную репрезентацию посредством таких гиперонимов как «flowers», «trees», а также посредством лексем «grass», «plants». Особое внимание в детективах уделяется лексеме «rose» как составляющей гиперонима «flowers».

В детективе У. Коллинза «Лунный камень» лексема «rose» встречается 110 раз, включая в себя следующие сочетания: rose-garden (4), rosery (4), growing roses (2), growing of roses (5), white moss rose (7), white musk rose (2)

Существительное «rose» может использоваться в текстах самостоятельно.

1. "Ah, you've got the right exposure here to the south and sou'-west," says the Sergeant, with a wag of his grizzled head, and a streak of pleasure in his melancholy voice. "This is the shape for a **rosery**—nothing like a circle set in a square. Yes, yes; with walks between all the beds. But they oughtn't to be gravel walks like these. Grass, Mr. Gardener—grass walks between **your roses**; gravel's too hard for them. That's a sweet pretty bed of **white roses** and **blush roses**. They always mix well together, don't they? Here's **the white musk rose**, Mr. Betteredge – **our old English rose** holding up its head along with the best and the newest of them. Pretty dear!" says the Sergeant, fondling **the Musk Rose** with his lanky fingers, and speaking to it as if he was speaking to a child [13].

В данном случае употребление лексемы «rose» во множественном числе в составе

словосочетания «your roses» подчеркивают ту любовь, с которой их вырастил садовник, сделав их своими цветами, вложив в них всю душу. Также в примере мы можем видеть упоминание отдельного сорта мускусной розы – «the white musk rose», которую садовник называет «их старой английской розой», что демонстрирует многовековую историю данного хобби, которое население Англии считает по праву исконно своим.

Как об этом упоминалось выше, существительное «rose» может использоваться в виде части сложного слова «rose-garden». Например:

2. "I saw him take her away alone into **the rose-garden**," says Penelope. "And I waited behind the holly to see how they came back. They had gone out arm-in-arm, both laughing [\[13\]](#).

Согласно данному контексту, слово «rose» как часть сложного словосочетания репрезентирует не просто цветы, а розовый сад, причем сад играет важную роль, на что указывает определенный артикль, создавая благоприятные условия для совместного времяпрепровождения. Сад делает жизнь красивее.

Иногда вместо существительного «rose» в тексте может использоваться однокоренное слово «rosery».

3. Asking for my lady, and hearing that she was in one of the conservatories, we went round to the **gardens** at the back, and sent a servant to seek her. While we were waiting, Sergeant Cuff looked through the **evergreen arch** on our left, spied out **our rosery**, and walked straight in, with the first appearance of anything like interest that he had shown yet. To the gardener's astonishment, and to my disgust, this celebrated policeman proved to be quite a mine of learning on **the trumpery subject of rose-gardens** [\[13\]](#).

В данном примере приведено однокоренное лексеме «rose» слово «rosery», используемое для обозначения территории, приспособленной только под выращивание роз. Более того, особое отношение англичан к данному растению демонстрирует наличие притяжательного местоимения на английском языке «наш розарий». Говоря о розовом саде, автор отмечает его показную сторону, используя словосочетание «the trumpery subject of rose-gardens».

В детективе автор обращает особое внимание на сам процесс создания сада, в частности разведения роз, о чем свидетельствуют примеры под номером четыре и пять.

4. "I haven't much time to be fond of anything," says Sergeant Cuff. "But when I have a moment's fondness to bestow, most times, Mr. Betteredge, **the roses** get it. I began my life among them in my father's nursery garden, and I shall end my life among them, if I can. Yes. One of these days (please God) I shall retire from catching thieves, and try my hand at **growing roses**. There will be grass walks, Mr. Gardener, between my beds," says the Sergeant, on whose mind the gravel paths of our **rosery** seemed to dwell unpleasantly [\[13\]](#).

В вышеуказанном примере лексема «rose» употребляется с герундием «growing», что дает репрезентацию трудоемкого процесса выращивания роз, которые лелеет герой детективного романа.

В тексте лексема «rose» также может использоваться в качестве части сложного слова «dog-rose», означающего шиповник, растущий наряду с сортовыми розами в саду англичан.

5. "There has been an event, sir, in the police-circles, since you went away. The great Cuff has retired from business. He has got a little cottage at Dorking; and he's up to his eyes in **the growing of roses**. I have it in his own handwriting, Mr. Franklin. He has grown **the white moss rose**, without budding it on the **dog-rose** first. And Mr. Begbie the gardener is to go to Dorking, and own that the Sergeant has beaten him at last [\[13\]](#)."

В данном контексте слово «rose» представляет собой часть субстантивного словосочетания «the growing of roses», демонстрируя любовь героя к садоводству посредством выращивания роз, а особенно английского сорта моховой белой розы. Также, лексема «rose» может использоваться в виде части сложного слова «dog-rose», служащего для репрезентации процесса культивирования садовых роз через прививание их на собачий шиповник, что обеспечивает их такими качествами как неприхотливость, зимостойкость и устойчивость к болезням.

Проанализировав произведение «Этюд в багровых тонах» А. К. Дойла, был выявлен фрейм «garden», частота употребления которого составила 18 раз, включая выдуманное название дома Lauriston Gardens.

В тексте детектива присутствует лексема «plant», которая подчеркивает безликость неухоженного сада, не давая точных названий его растений.

6. Number 3, **Lauriston Gardens** wore an ill-omened and minatory look. It was one of four which stood back some little way from the street, two being occupied and two empty. The latter looked out with three tiers of vacant melancholy windows, which were blank and dreary, save that here and there a "To Let" card had developed like a cataract upon the bleared panes. **A small garden** sprinkled over with a scattered eruption of **sickly plants** separated each of these houses from the street, and was traversed by a narrow pathway, yellowish in colour, and consisting apparently of a mixture of clay and of gravel. The whole place was very sloppy from the rain which had fallen through the night. **The garden** was bounded by a three-foot brick wall with a fringe of wood rails upon the top, and against this wall was leaning a stalwart police constable, surrounded by a small knot of loafers, who craned their necks and strained their eyes in the vain hope of catching some glimpse of the proceedings within [\[10\]](#).

В данном примере автор использует лексему «plant» во множественном числе в словосочетании с прилагательным «sickly» с целью репрезентации неухоженного сада, продемонстрировать его скудность и увядание. Существительное «garden» употребляется как часть атрибутивного словосочетания, призванного показать небольшие размеры сада, который, несмотря на прискорбное состояние, является неотъемлемой частью английской культуры.

В произведении Г. К. Честертон «Неведение отца Брауна» употребляется целый ряд гиперонимов, составляющих фрейм «garden»: «flowers», «trees», лексемы «grass», «shrubs», «flowerbeds», «rose bush».

Обратимся к анализу примера, в котором встречается вербализация вышеуказанных гиперонимов.

7. They had moored their boat one night under a bank veiled in **high grasses** and **short pollarded trees**. Sleep, after heavy sculling, had come to them early, and by a corresponding accident they awoke before it was light. To speak more strictly, they awoke before it was daylight; for a large lemon moon was only just setting in the **forest of high grass** above their heads, and the sky was of a vivid violet-blue, nocturnal but bright. Both

men had simultaneously a reminiscence of childhood, of the elfin and adventurous time when tall weeds close over us like woods. Standing up thus against the large low moon, **the daisies** really seemed to be **giant daisies**, **the dandelions** to be **giant dandelions**. Somehow it reminded them of the dado of a nursery wall-paper. The drop of the river-bed sufficed to sink them under the roots of all **shrubs** and **flowers** and make them gaze upwards at the grass. "By Jove!" said Flambeau, "it's like being in fairyland [\[12\]](#)."

В данном примере лексема «grass» используется в словосочетании с прилагательным «high» для создания атмосферы волшебного сада, где всё его содержимое словно увеличено под увеличительным стеклом. Гипероним «flowers» находит свою репрезентацию посредством названия отдельных цветов – маргариток и одуванчиков, которые также кажутся героям огромными, что выражено в атрибутивных словосочетаниях «giant daisies» и «giant dandelions».

Следующий отрывок демонстрирует репрезентацию гиперконцепта «английскость» посредством островного менталитета англичан.

8. He gave his name and address as a witness, but declined their offer of a boat to the shore, and remained alone in **the island garden**, gazing at **the broken rose bush** and the whole green theatre of that swift and inexplicable tragedy [\[12\]](#).

В вышеуказанном примере лексема «garden» употреблена как часть сложного словосочетания «the island garden», с целью продемонстрировать изолированный сад, находящийся на отдельном острове. Словосочетание «rose bush» определено прилагательным «broken», создавая печальный, чисто английский фон для развернувшейся трагедии.

Рассмотрим вербализацию гиперонима «tree» в последнем примере.

9. The winter afternoon was reddening towards evening, and already a ruby light was rolled over the bloomless beds, filling them, as it were, with the ghosts of the dead roses. On one side of the house stood the stable, on the other an alley or cloister of **laurels** led to the larger **garden** behind. The young lady, having scattered bread for the birds (for the fourth or fifth time that day, because the dog ate it), passed unobtrusively down the lane of **laurels** and into a glimmering plantation of **evergreens** behind [\[12\]](#).

В данном примере гипероним «tree» представлен лексемами «evergreens» и «laurels», что служит репрезентацией популярных сортов вечнозеленых деревьев, высаживаемых англичанами для создания живой изгороди.

Таким образом, изученные примеры демонстрируют особое отношение англичан к розам, так как в детективах часто встречается лексема «rose» в качестве составляющей гиперонима «flowers». Также в текстах встречаются лексемы «grass», «plants», а гипероним «trees», которые обуславливают вербализацию фрейма «garden». «Gardening» вербализуется в англоязычных художественных текстах в виде следующих лексем: «the growing of roses», «the island garden». Следовательно, под садоводством как любимым занятием англичан в свободное время в детективах XIX века понимается забота и уход за растениями, чаще всего розами, растущими в непосредственной близости к дому, украшая собой пространство и радуя глаз английского народа.

Библиография

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов.— М.: Языки

- славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Караваева Д. Н. Английскость: дискурс идентичности: на материалах современной Северной Англии : диссертация... канд. филол. наук: 07.00.07 / Караваева Д. Н. – Екатеринбург, 2014. – 282 с.
 3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
 4. Клинцева Ю. В. Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта "Красота" : на материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Клинцева Ю. В. – Краснодар, 2007. – 208 с.
 5. Кононова И. В. Репрезентация британского морально-этического концепта «Reserve/restraint» в лексико-фразеологической системе современного английского языка [Электронный ресурс] / И. В. Кононова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-britanskogo-moralno-eticheskogo-kontsepta-reserve-restraint-v-leksiko-frazeologicheskoy-sisteme-sovremennogo>
 6. Латынина М. И., Хренова Н. Ф. Национальные аспекты менталитета англичан / М. И. Латынина, Н. Ф. Хренова [Электронный ресурс] // Инновации в науке. 2018. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan>
 7. Михайлова Е. М. Понятие «Дом»-“home”/ “house” в русской и английской картинах мира / Е. М. Михайлова [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dom-home-house-v-russkoy-i-angliyskoy-kartinah-mira>
 8. Седых А. П. Национальная литература и коммуникативная культура нации / А.П. Седых // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2012.– № 2 (10) 2012. – С. 16–20.
 9. Чупрына О. Г. Судьба как концепт в языке и культуре / О. Г. Чупрына, К. М. Баранова, М. Г. Меркулова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. № 3(56). – С. 120-125.
 10. A Study in Scarlet by A. Conan Doyle [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/244/pg244-images.html>
 11. Avarvarei S.-C. A diachronic insight into the Englishness of British gardens [Электронный ресурс] / S.-C. Avarvarei // Realizări și perspective în horticultură, viticultură, vinificație și silvicultură”. Vol. 15 (3), 2007. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/147-150_28.pdf
 12. The Innocence of Father Brown by G. K. Chesterton [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files/204/204-h/204-h.htm>
 13. The Moonstone by Wilkie Collins [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files/155/155-h/155-h.htm>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Работы, ориентированные на анализ концептов, в том или ином языковом пространстве

сейчас появляются достаточно часто. Думается, что данный вектор оценки подходит для верификации языковой системы, ситуативного и конструктивного понимания языка как некоей унифицированной данности. В рамках рецензируемой статьи автор анализирует с понятийной точки зрения малоизученный концепт «gardening», входящий в гиперконцепт «английскость». Выбор, на мой взгляд, вполне оправдан, тем более, что выбор этой магистрали далее конкретизирован. В работе представлен анализ репрезентации концепта «gardening», который наиболее часто встречается в детективных романах конца XIX века. Причем литературная классика не сводится, только к одному тексту, или двум, материалом служат следующие произведения: «Лунный камень» У. Коллинза, «Этюд в багровых тонах» А. К. Дойла, «Неведение отца Брауна» Г. К. Честертона. Основные положения работы объективны, серьезных разночтений нет: например, «сад стал основой английской национальной идентичности, создаваемой на протяжении многих веков. Он выполняет функцию придуманной традиции, которая представляет собой набор практик, обычно открыто регулируемые и общепринятыми правилами, имеющих ритуальный или символический характер, которые стремятся привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым. Английская любовь к садоводству подкрепляется климатом Великобритании: мягкие зимы и обильные дожди создают благоприятные условия для национального хобби». Анализ концепта «gardening» в сочинении имеет расширительный характер, это, на мой взгляд, положительно. Автор отмечает, что «отобранные примеры можно классифицировать по представлению фрейма «garden», который находит свою вербальную репрезентацию посредством таких гиперонимов как «flowers», «trees», а также посредством лексем «grass», «plants». Особое внимание в детективах уделяется лексеме «rose» как составляющей гиперонима «flowers». Иллюстративные примеры консолидированы; удачно, что в начале дается фрагмент оригинала (текст-источник), то есть прямая ситуация использования концепта, далее же осуществляется дешифровка мотивной сетки (объективация данных), около ядерная зона расширяет смысловое полотно, научный комментарий, в данном случае, играет важную роль. Стиль статьи соотносится с научным типом речи, терминологический ряд, используемый в работе правомерен и актуален: например, «в данном примере автор использует лексему «plant» во множественном числе в словосочетании с прилагательным «sickly» с целью репрезентации неухоженного сада, продемонстрировать его скудность и увядание. Существительное «garden» употребляется как часть атрибутивного словосочетания, призванного показать небольшие размеры сада, который, несмотря на прискорбное состояние, является неотъемлемой частью английской культуры». Наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы, достижения цели и решения исследовательских задач. Новизна данного труда в выборе проблемного маркера, который не так тривиален, но очевиден для детективных романов конца XIX века. Автору удалось сосредоточить внимание на правомерный принцип расширения зоны концепта «gardening», привести достаточное количество аргументов. В финале работы обозначено, что «изученные примеры демонстрируют особое отношение англичан к розам, так как в детективах часто встречается лексема «rose» в качестве составляющей гиперонима «flowers». Также в текстах встречаются лексемы «grass», «plants», а гипероним «trees», которые обуславливают вербализацию фрейма «garden». «Gardening» вербализуется в англоязычных художественных текстах в виде следующих лексем: «the growing of roses», «the island garden». Следовательно, под садоводством как любимым занятием англичан в свободное время в детективах XIX века понимается забота и уход за растениями, чаще всего розами, растущими в непосредственной близости к дому, украшая собой пространство и радуя глаз английского народа». Серьезных разночтений

и противоречий основной части и выводов нет, логика анализа поддерживается на протяжении всего сочинения. Требования издания учтены; работа может быть использована при изучении дисциплин лингвистического характера. Рекомендую статью «Экспликация понятийного компонента концепта «gardening» в британских детективах XIX века» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. — Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40622 EDN: HQJANA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40622

Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

Профессор, Кафедра региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com**Ефименко Николай Александрович**

ORCID: 0000-0002-4003-5887

Студент, Кафедра Региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40622

EDN:

HQJANA

Дата направления статьи в редакцию:

30-04-2023

Аннотация: В статье исследуется понятие «истина» в трех языковых картинах мира – русской, французской и китайской. Исследование является контрастивным, полученные результаты сопоставляются. Описание каждого понятия производится по четкому алгоритму: исследуется этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из сочетаемости вычленяется вещественная коннотация по В. А. Успенскому, производится сопоставление словарных дефиниций. Цель исследования – на материале семантического поля понятия «истина» в русском, французской и китайском языках выявить особенности представления этого понятия в разных

культурах. Сопоставление проводится с целью увидеть сходства и различия в мировоззренческой картине разных народов. Научными методами исследования являются такие методы, как: сравнительно-исторический метод, метод обобщения, метод семантического анализа. Данная тема является слабоизученной и актуальной, ведь ранее не наблюдалось лингвокультурологических исследований, анализирующих это понятие в русском, французском и китайском языках и культурах, что составляет научную новизну работы. Полученные результаты будут нести огромный вклад в содействии взаимопонимания между народами, образуя, своего рода, понятийный мост для представителей разных культур, а также будут использованы при чтении учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, в ходе преподавания соответствующих языков.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивное исследование, истина, лингвокультурология, семантический анализ, сравнительно-сопоставительная лингвистика, вещественная коннотация, китайский язык, русский язык, французский язык

Категории истины, истинного, как и ложного, по-разному трактуются на протяжении развития европейской цивилизации представителями различных философских течений [12], [15]: так или иначе, но истина есть знание, и вопрос лишь в том, кто может обладать ею и в какой форме – Бог, человек или природа. Идея познаваемости/непознаваемости мира, непосредственно примыкающая к представлениям о специфичности истины, со времен античности делит не только философов, но и обычных граждан на два лагеря: одни полагают, что они знают или могут знать истину в отношении чего-либо, другие уверены, что нет и истина является предметом специального знания. От этого последнего соображения возникла в современной цивилизации мифология, представляющая научное познание как процесс поиска истины, структурированный, пошагово описанный, как бы выверенный в веках и сверенный с когнитивными техниками, выдающими себя за когнитивные идеалы. Дедукция, индукция, эксперимент, статистика, экстраполяция и так далее – все это приемы современного научного метода, на сегодняшний день являющиеся догматами, не подлежащими обсуждению. Такой взгляд на вещи так или иначе связан с нашими (европейскими в широком смысле слова) представлениями о характере истины, закрытой, спрятанной и подлежащей выявлению только с помощью вот такого особенного скальпеля (или консервного ножа).

Мы не отыщем понятия «ложь» ни в одной философской или мифологической энциклопедии. Это весьма удивительно, ведь если представлено понятие истины, логично представить и понятие лжи. Этот пробел восполняют логические словари [13], где истина и ложность представляют противоположные категории, доводя эту пару до уровня бинарного противопоставления и возводя ее в ранг древней близнечной оппозиции. При этом очевидно, что эти понятия выступают в этой бинарной системе несамостоятельно, а так продолжение глобальных членов противопоставления – добра и зла. Так, истина явно лежит в плоскости добра, а ложь, даже на образном уровне ассоциируемая с искажением, кривым зеркалом, лежит в плоскости зла (вспомним, что зло нередко ассоциируется в культурах кривизной).

Рассмотрим русские понятия истина, правда/ложь, обман, описывающие понятийное гнездо, о котором мы говорим.

Истина – достоверное знание, объективное знание, доступное не человеку, но лишь высшему началу, связано со староставянской истиной, обозначающей правду, верность, законность. В «Судебнике» 1497 года, своде русского государства, слово истина встречается в значении «основной, без процентов капитал», производно от истый – подлинный, действенный, настоящий. Это суть, квинтэссенция русского понятия «истины»: истина это то, что есть, то, что можно предъявить, уже отмечено у Даля. Даль комментирует это значение так: истина – наличные деньги, то есть не мнимое, обратное или долговое богатство, а истинное, наличное.

Отмечает Даль еще один любопытный факт: истина, по его словам, – "все, что подлинно, точно справедливо, ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее под словом правда понимать правдивость". Истина, поясняет он, от земли, а правда с небес.

То есть, если сопоставлять реальность, описанную Далем, она принципиально не совпадает с сегодняшней, ведь сегодня именно истина – высшее, небесное знание, а правда, как мы увидим, это то, что видно и известно смертным людям.

Это в полной мере подтверждает современный исследователь, известный лингвист Н. Д. Арутюнова: «Концепт истины противопоставляет идеальный и материальный миры, используя следующие признаки: *вечное/временное* (пребывающее/преходящее), *неизменное/изменчивое* (твердь и хлябь), *ненаблюдаемое/наблюдаемое* (ноумен и феномен), *подлинное и мнимое* .

Первые – немаркированные члены этой оппозиции образуют концепт истины... Истина статична. Она существует в вечности. Она отвлечена от осей времени и пространства» [1]. По отношению к определению, данному Владимиром Далем, верна только последняя оппозиция (подлинное/мнимое), а все остальное вполне можно было отнести, если говорить о «его» реальности, к правде, на протяжении столетий считавшейся высшей и небесной сущностью, будучи результатом правильного, праведного Божьего суда.

В «Голубиной книге» (XII-XIII век) читаем: «Это не два зверя собиралися, не два лютые собегалися: Это Правда с Кривдой соходилися. Промежду собой они бились-дралися. Правда Кривду одолеть хочет. Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса... А Кривда пошла у нас вся по всей земле». Из этого текста мы видим, что на протяжении многих веков именно Правда была небожительницей, а отнюдь не истина.

Такая перемена в распределении коннотации «высшее/не высшее» кажется нам вполне понятным и связанным с представлением о высшем в предыдущие эпохи и в настоящее время. В дорационалистическую эпоху высшее ассоциировалось с сильным государством, во главе которого находился Государь-Бог [11], одна из основных функций которого – судить и карать (творить высший суд). В современную эпоху, представляющуюся как эклектическое смешение мистического и рационального, высшее ассоциируется как инвентарь абсолютов, статичных и неизменных, список непостижимых аксиом и законов, а отнюдь не как некое государство, возглавляемое царем-монархом-императором-богом.

Но определение правды осталось прерогативой суда (свидетель, как и подсудимый, клянутся «говорить правду и только правду»), высшая цель которого все-таки в определении истины. Этот последний употребленный контекст подводят к описанию различий между понятиями правды и истины в современной русской ментальности, которые убедительно описаны также в одной из замечательных статей Н. Д. Арутюновой «Истина: фон и коннотации» [2]. Мы присоединяемся в изложенному в работе анализу,

основные тезисы которого сводятся к следующему:

1. В русском языке понятие истины распределено между двумя словами - истина и правда.
2. Разделение истины и правды связано с принципиальным различием в природе соотносительных миров, один из которых принадлежит к реальному, другой - к идеальному плану.
3. Истина вечна и неизменна и это имплицитно ее тождественность самой себе.
4. Об истине говорят в терминах религии и в терминах права. Религиозная истина достигается откровением, эпистемическая - открытием, судебная - раскрытием. Существует два представления об истине - религиозное и эпистемическое.
5. Проекция божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей называется словом правда. Правда - это отраженная истина, преломившаяся в бесконечном количестве граней жизни. Мы говорим жизненная правда, правда жизни, но не * жизненная истина. Правда касается только одушевленного мира.
6. Истина едина, правда множественна и у каждого своя. К правде легко переходят характеристики человека (босая правда, наша правда пахнет водкой и пр.)
7. Правда ассоциирована со слабейшими, с обездоленными (можно, сказать правда народа, но не * правда дворянства). «За правду!» - девиз восставших, защитники устоев борются под другими лозунгами. Правда превращает «врагов против» во «врагов за». Истине служат жрецы религии и науки, правде - борцы и защитники угнетенных. Стихия истины - борения духа, стихия правды - социальная борьба.
8. Правда перетягивает на себя не только характеристики человека, но его жизни (солдатская правда, тягостная правда), но это возможно лишь в случае их негативных оценок.

В русском языке слово истина имеет следующую сочетаемость:

Найти, открыть, достичь, постичь, познать, знать, подтверждать, понимать истину; свет истины, истина озаряет, истина рождается в споре;

Докопаться до истины, проникнуться истиной; искания, поиски истины;

Истина скрыта, находится где-либо, открывается кому-либо; старая, прописная, избитая, азбучная, банальная, пошлая, надоедливая, навязшая в зубах, плоская, бездарная и пр. истина.

Из приведенной сочетаемости отчетливо видны две вещественные коннотации понятия «истина»:

1. Клад (искать, откопать, найти, открыть и так далее) - отсюда образ открытия
2. Книга, учебник, священное писание, учитель (старая, прописная, плоская) и пр.

Первая коннотация «клад» имеет богатый источник в индоевропейских мифологиях, связанный с мотивом сокрытости познания (Адам и Ева, царь Эдип и так далее узнавали то, что не должны были узнать, за что были наказаны). Мотив преследования человека за своевольное постижение истины связывается некоторыми исследователями с мотивом узурпации человеком неположенного ему в более широком контексте. Так, в своем

«Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковский отмечает связь слов со значением «истина» со словами, имеющими фаллическое значение, то есть с древнейшим пластом верований, уравнивающих сексуальное и сакральное.

Мы будем подробнее анализировать этот образ позднее в главе, посвященной основным мыслительным категориям, а сейчас отметим только тот факт, что в образном плане понятие истины коннотировано так же, как и многие слова из группы, описывающей когнитивное поле.

Вторая коннотация – книга, учебник, привязана к системе образования, тиражирования принятого набора установлений. Неизменность «практических истин» часто вызывает негативную оценку человека, повторение одно и того же связывается с образом пережевывания – действие монотонное и при чрезмерности неприятное: все навязшее в зубах – лишнее и надоевшее. «Избитая» в значении «изношенная» (ср. избитые каблуки), а также плоская истина подчеркивают присутствующую в языковом сознании идею старения, изнашиваемости истины со временем, что противоречит ее философской интерпретации. Негативно-оценочные прилагательные, сочетающиеся со словом «истина», открывают двойственное отношение человека к неизменяемому – привыкание, пресыщение, отвращение, но также и спокойствие, уверенность. Некоторые признаки истины «надоедливая, бездарная» явно перенесены на нее из образа учителя – это он бездарен, надоедлив, назойлив, плосок и так далее.

Свет истины означает расположение ее над, на небе, приписывание ей божественной сущности.

Выражение «истина рождается в споре», очевидно, является заимствованием из европейского словообращения, в свою очередь почерпнувшего эту сентенцию у античных авторов.

Слово «правда» этимологически связано со словом право (Фасмер, Даль), с отправлением суда, с честностью и справедливостью. Даль указывает на специальное значение слова «правда», обозначавшее «пошлина за призыв свидетеля к допросу», а также определял его как «истину на деле, ... в правосудии, в справедливости». Для нас важна близость слова «правда» со словом правый, исконно, в противоположность понятию левый, обозначавшее сильный (сравни – правая рука), правильный, прямой. Такие ассоциации имеют, как мы уже говорили, индоевропейские истоки, находя отклики в «Ригведе», в древнегреческом предправе в виде противопоставления двух правд – двух Дике, отразившихся в древнегреческой трагедии (*).

Слово «правда» в русском языке имеет следующую сочетаемость:

Правда жизни, жизненная правда;

У каждого своя правда; Сермяжная, солдатская, крестьянская, рабочая и пр. правда; Высшая, истинная правда; Правда пахнет потом, водкой, раскаяньем и пр. Голос правды, слышать голос правды; Сказать, открыть правду;

Чинить суд, издеваться над правдой, втоптывать правду в грязь, удушать правду и пр. Искать правду, жить со своей правдой;

Смотреть правде в глаза, правда глаза колет; Бороться за правду, отстаивать, защищать правду, жертвовать собой или чем-либо во имя правды; Правда торжествует, побеждает;

Горькая, тягостная, жестокая, трагическая, унылая, неутешительная и пр.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что правда в русском языке мыслиться как:

1. Девушка из низов. Это понятие персонифицируется в женском образе, она у каждого (не у каждой) - своя, каждый живет со своей правдой, она наделена голосом, слаба и нуждается в защите, в борьбе за нее, может приукрашиваться и рядиться. В сочетаемости этого слова есть множество контекстов, развивающее образ несправедливо угнетаемой девушки из низов, за которую борются, заступаются.

2. Вторая очевидная коннотация – жидкость, имеющая горький вкус. В этом смысле горькая правда часто описывается в языке как лекарство, которое надо принять с благотворной целью. В этот же стереотип ложится «откушать правды, откушать фундаментальных истин». Прилагательное «чистая» ассоциирует правду с веществами, в которых обычно присутствуют примеси.

3. Светило, которое, как правило, светит угнетенным – с нюансом, отличающим это понятие от понятия «истина», которое сияет вечным божественным светом.

Представление понятия «истина» во французском языке и культуре

Французское слово *la vérité* произошло от латинского *verita, veritatis*, означавшего «правда, реальность, законы права». Это старое заимствование, однако, современная форма этого слова установилась лишь в эпоху Возрождения. С конца X века этим словом обозначали мнение, соответствующее реальному положению вещей и противопоставляли *erreur*. Затем у слова развился более общий смысл: соответствие идеи объекту, рассказа факту, слова мысли. С конца XV века *vérité* употребляется с общим смыслом «реальность». С XVIII века к описанному смыслу добавляется еще один: искренний пересказ того, что человек видел, знает [6].

Слово *vérité* в современном языке означает правдивый пересказ реальности, или же мысль, соответствующую реальности. Таким образом, *vérité* – не сама реальность, пускай даже высшая, как это имеет место в русском языке, а человеческая функция, эквивалент правды [4].

Слово *vérité* так употребляется в современном французском языке [19]:

Chercher, prétendre, posséder, reveler, découvrir, démeler, égager, discerner, rétablir, confesser, avouer, reconnaître, traduire, défendre, illustrer, propager la vérité;

Voiler, farder, déguiser, cacher, saisir, aimer, craindre, avoir peur de, écouter, oublier la vérité;

Donner une contortion a la vérité, écorcher la vérité;

Du choc des idées jaillit la vérité; Etre epris, penetre de vérité;

La vérité apparait, eclate, offense, blesse, se trouve; dire ses quatre vérités;

Les vérités absolus supposent un Etre absolu comme elles; Amour, besoin, soucis de vérité;

Parcelle de vérité; La vérité imparfate et privisoire;

La vérité grosse, utile, profonde, incontestable, flagrante, patente, sencible, palpable, nue, vieille, connue.

Слово *la vérité* входит в такой синонимический ряд: *lumiere, verbe, lucidite, sincerité, exactitude, justesse, valeur, vrassemblance, certitude, conviction*.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *vérité* во французском языке имеет множество коннотаций. Среди них основные следующие:

1. *Vérité* как текст. Ее можно переводить, иллюстрировать, слушать, говорить.
2. *Vérité* как женщина и просто одушевленное существо. Ее можно приукрашивать (накладывать макияж), рядить, любить, заботиться о ней, оскорблять ее, бояться, прятать, она может быть толстой и полезной, разумной, осязаемой и пр.
3. *Vérité* как спрятанная или смешанная с инородным веществом субстанция: ее можно отделять, обнаруживать, у нее может быть частичка и пр.
4. *Vérité* как дерево: с нее можно сдирать кожу и скручивать.
5. *Vérité* как жидкость: она может брызгать как струя воды из столкновения идей, ею можно пропитаться.

Синонимический ряд, к который входит *vérité*, показывает нам, что она мыслится через субъективные ментальные характеристики человека и связана прежде всего с его разумом и желанием говорить искренне.

Сочетаемость слова *vérité* показывает нам, что это понятие имеет положительную коннотацию, часто встречается со сниженными глаголами и прилагательными (*grosse, farder*), характеризует мирскую человеческую ипостась (*vérité imparfaite et provisoire*), связана с общением, социальной жизнью, но не борьбой, воспринимается человеком как внешний предмет или персонаж, с которым, впрочем, никак не идентифицируется. Отметим также, что описанный у Чезаре Рипо образ по всей видимости характеризует высший философско-теологический взгляд на *vérité*, отражающий лишь фрагменты бытовой образной конкретизации. Контексты, персонифицирующие *vérité* в качестве агрессивной силы, немногочисленны, французская правда может ранить и оскорблять, но дальнейшего развития «воинствующего» образа *vérité* не произошло. Осталась также сочетаемость этого слова с глаголами, идентифицирующего его со светилем (появляется, озаряет), но это также скорее рудименты некогда существовавшего образа, нежели целостный, осмысливаемый как живой образ в рамках современного языкового сознания носителей французского языка.

Представление понятия «правды», через субъективное отражение реальности в противовес объективному во французском языке выражено смазанно. Русское выражение «у каждого своя правда» предпочтительно перевести как «Chacun a ses raisons» – у каждого свои причины. Можно сказать и «A chacun sa vérité», однако первый вариант перевода значительно частотнее и предпочтительнее.

Представление понятия «истина» в китайском языке и культуре

Ключевой лексемой семантического поля понятия «истина» является 理 *lǐ*. Для лучшего понимания темы мы обратимся к лингвокультурологическому методу, проводя семантический анализ лексем, выделенных из «Частотного словаря современного китайского языка» [20]. Примеры сочетаемости в основном взяты из различных словарных источников [21],[22],[23],[3], а также из системы языкового корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета [20].

理 *lǐ* является иероглифом фонетической категории, где ключ 王 *wáng* обозначал нефрит, а правая часть 里 *lǐ*, кроме фонетической функции, обозначала мастерскую; изначальным значением иероглифа было «переработка руды в нефрит» [27, с. 20].

Во время династий Северной Сун (960-1127) и Южной Сун (1128-1279) появилось течение неоконфуцианство, имеющее 3 названия: 宋学 *sòngxué* «учение Сун», 理学 *lǐxué* «учение Ли», 道学 *dàoxué* «учение Дао». Несмотря на то, что они подразумевали одно и то же, акцент в них делался на разное. В первом варианте название появилось благодаря времени возникновения данного философского направления и имело обобщающий характер. Во втором и третьем названиях уклон делается на разницу в содержании философского мнения: в «учении Ли» считали, что «理» *lǐ* — это вечная духовная сущность, существующая до Вселенной, и все в мире может быть выведено только из «理» *lǐ*; в «учении Дао» считали, что субъективное сознание есть источник всего в производном мире. Таким образом мы видим, что 理 *lǐ* всегда имело подвижность, это то, как изменяется изначальная форма, и только если найти это начало, то тогда можно познать истину в бесконечно изменяющемся мире. Данная точка зрения будет прослеживаться во всех лексемах, которые будут описаны ниже.

Для обозначения понятия «истина» можно выделить следующий синонимический ряд: 真理 *zhēnlǐ*, 道理 *dàolǐ*, 天理 *tiānlǐ*.

I. 真 *zhēn* является иероглифом идеографической категории, состоящим из трех элементов, где верхняя часть обозначает человека, средняя часть обозначает глаза, а нижняя часть обозначает инструмент, с помощью которого святой-бессмертный возносился на небо. Поэтому изначальным значением иероглифа было «человек, ставший небожителем» [25, с. 442], далее он стал значить «сущность, соответствующая объективным фактам» [26]. Из этимологии видна явная связь с даосской культурой: если судить по даосской философии, то у человека есть два способа усовершенствования и достижения бессмертия – внешняя алхимия и внутренняя алхимия, где в первом человек достигает вечной жизни с помощью принятия пилюли бессмертия, а во втором организм человека становится местом экстракции, где телесная сущность – Цзин, Ци и Шэнь играют главную роль. В этимологии данной лексемы как раз показан способ усовершенствования путем внутренней алхимии, где человек не только достигает бессмертия, но также познает сущность земную и приобщается к лику святых, становясь 真人 *zhēnrén* (дословно «настоящим человеком»).

Сочетание данных лексем 真 *zhēn* и 理 *lǐ* образует самое частотное слово для обозначения истины в китайском языке – 真理 *zhēnlǐ* [20]. Таким образом, изначально в китайской культуре истина представлялась как квинтэссенция методов тех, кто достиг абсолютного совершенствования через познание и стал святым. Данный мотив, где мысли мудрых старцев ассоциируются с истиной, уже давно укоренился в китайской культуре. Как пример можно взять понятие 秘籍 *mìjí*, которое часто встречается в китайской классической литературе. Это книга, в которой написаны все секреты какого-либо боевого искусства, и человек может познать истину боевого искусства только после прочтения таких книг, а самому её познать является практически невероятным. Данный мотив подтверждает важность и уважение китайцев к традициям и древней мудрости, что до сих пор актуально.

Важно отметить, что в китайском языке истина является измеряемым понятием, оно может сочетаться со счетным словом 条 *tiáo*, которое сочетается для обозначения продолжительных явлений. Это ещё раз указывает на две особенности представления

истины в китайской языковой картине мира:

1. Допускается более чем одна истина.
2. Познание истины для китайцев всегда является процессом.

Далее мы перейдем к сочетаемости этой лексемы, чтобы выявить ее вещественную коннотацию: 检验真理 *jiǎnyàn zhēnlǐ* «проверять истину», 传播真理 *chuánbō zhēnlǐ* «распространять истину», 追求真理 *zhuīqiú zhēnlǐ* «гнаться за истиной», 发现真理 *fāxiàn zhēnlǐ* «обнаружить истину», 接近真理 *jiējìn zhēnlǐ* «приблизиться к истине», 到达真理 *dàodá zhēnlǐ* «дойти до истины», 见到真理 *jiàndào zhēnlǐ* «встретить истину», 得到真理 *dédào zhēnlǐ* «получить истину», 尊重真理 *zūnzhòng zhēnlǐ* «уважать истину», 引出真理 *yǐnchū zhēnlǐ* «выводить истину», 表明真理 *biǎomíng zhēnlǐ* «выражать истину», 追寻真理 *zhuīxún zhēnlǐ* «следовать за истиной», 寻求真理 *xúnqiú zhēnlǐ* «изыскивать истину», 考验真理 *kǎoyàn zhēnlǐ* «испытывать истину», 判断真理 *pànduàn zhēnlǐ* «оценивать истину», 坚信真理 *jiānxìn zhēnlǐ* «верить в истину», 认识真理 *rènshí zhēnlǐ* «узнавать истину», 形容真理 *xíngróng zhēnlǐ* «описывать истину», 承认真理 *chéngrèn zhēnlǐ* «признавать истину», 献身于真理 *xiànshe yú zhēnlǐ* «посвящать себя истине», 坚持真理 *jiānchí zhēnlǐ* «придерживаться истины», 信仰真理 *xìnyǎng zhēnlǐ* «исповедовать истину», 求索真理 *qiúsuo zhēnlǐ* «искать истину», 爱真理 *ài zhēnlǐ* «любить истину», 找出真理 *zhǎochū zhēnlǐ* «обнаружить истину», 掌握真理 *zhǎngwò zhēnlǐ* «овладеть истиной», 讲真理 *jiǎng zhēnlǐ* «говорить об истине», 呈现真理 *chéngxiàn zhēnlǐ* «показывать истину», 求得真理 *qiúde zhēnlǐ* «добиваться истины», 探索真理 *tànsuǒ zhēnlǐ* «поиск истины», 争取真理 *zhēngqǔ zhēnlǐ* «бороться за истину», 恪守真理 *kèshǒu zhēnlǐ* «сохранять истину», 悟出真理 *wùchū zhēnlǐ* «понять истину», 认识真理 *rènshí zhēnlǐ* «знакомиться с истиной», 将生命 献给真理 *jiāng shēngmìng xiàngěi zhēnlǐ* «посвятить жизнь истине», 宣传真理 *xuānchuán zhēnlǐ* «распространять истину», 探求真理 *tànqiú zhēnlǐ* «доискиваться истины», 怀疑真理 *huáiyí zhēnlǐ* «сомневаться в истине», 捍卫真理 *hànwèi zhēnlǐ* «защищать истину», 寻找真理 *xúnzhǎo zhēnlǐ* «искать истину», 遵循真理 *zūnxún zhēnlǐ* «следовать истине», 讨论真理 *tǎolùn zhēnlǐ* «обсуждать истину», 宣扬真理 *xuānyáng zhēnlǐ* «пропагандировать истину», 遵从真理 *zhuīcóng zhēnlǐ* «идти по стопам истины», 领悟真理 *lǐngwù zhēnlǐ* «осознать истину», 证实真理 *zhèngshí zhēnlǐ* «удостоверять истину», 揭示真理 *jiēshì zhēnlǐ* «раскрывать истину», 崇尚真理 *chóngshàng zhēnlǐ* «поклоняться истине», 发展真理 *fāzhǎn zhēnlǐ* «развивать истину», 违反真理 *wéifǎn zhēnlǐ* «противоречить истине», 违背真理 *wéibèi zhēnlǐ* «пойти наперекор истины».

Из приведенной сочетаемости мы видим, что 真理 *zhēnlǐ* имеет следующую вещественную коннотацию:

1. Золото. Это предмет, так как его можно получить физически, люди часто говорят о нем, а когда узнают, то борются за владение им, что подчеркивает его драгоценность: 讨论真理 *tǎolùn zhēnlǐ* «обсуждать истину», 求得真理 *qiúde zhēnlǐ* «добиваться истины», 追求真理 *zhuīqiú zhēnlǐ* «гнаться за истиной», 掌握真理 *zhǎngwò zhēnlǐ* «овладеть истиной» и т. д. Однако данный предмет часто является подделкой, люди сомневаются в его чистоте и оригинальности. При обработке более чем 10 тыс. примеров из языкового корпуса было обнаружено, что чаще всего повторялось сочетание «проверять истину», также обнаружено большое количество синонимических рядов, которые показывают важность проверки предмета на аутентичность. В китайском языке есть фразеологизм 真金不怕火炼 *Zhēnjīn bùpà huǒ liàn* «настоящее золото огня не боится»: если расплавить золото, то его цвет и сущность никак не изменятся. В китайском мировоззрении истина по мотиву подлинности очень схожа с золотом, так как не важно, как доказывать неправоту истины: если она является действительной, то сможет выдержать любые испытания.

2. Утопия. Это место, так как человек может дойти до него, однако найти его непросто, ведь только единицы людей доходили и видели это место, но люди все равно верят в его существование и пробуют приблизиться к нему: 到达真理 *dàodá zhēnlǐ* «дойти до истины», 接近真理 *jiējìn zhēnlǐ* «приблизиться к истине» и т. д. В китайской культуре очень часто встречается мотив рая на земле, где все люди живут счастливо, что показано не только в литературных произведениях (например, в рассказе китайского поэта династии Восточная Цзинь Тао Юаньмина «桃花源记» *táohuāyuán jì* «Персиковый источник»), но и в китайской социальной философии, где начиная с древности люди пробовали добиться идеального общества – 大同 *dàtóng* «Великой гармонии». Истина по своему характеру также является высшей степенью познания, которую достичь фактически невозможно, что и привело к такой параллели в китайском сознании.

3. Экзотическое животное. Это существо, которое является очень редким, так как люди все время ищут его, а когда обнаружат, то гонятся, используют все способы, чтобы выманить его, для того чтобы овладеть и сделать собственным: 引出真理 *yǐnchū zhēnlǐ* «выводить истину», 寻找真理 *xúnzhǎo zhēnlǐ* «искать истину» и т. д. В данном случае истина представлена как редчайшее, практически мифическое животное, и сочетания подчеркивают именно сложность его обнаружения.

4. Великий лидер. Это величественный человек, люди часто говорят о нем, его все знают, народ любит, уважает и поклоняется ему, считает, что даже встреча с ним является честью: 爱真理 *ài zhēnlǐ* «любить истину», 崇尚真理 *chóngshàng zhēnlǐ* «поклоняться истине», 尊重真理 *zūnzhòng zhēnlǐ* «уважать истину», 追随真理 *zhuīcíng zhēnlǐ* «идти по стопам истины» и т. д. Если надо, то ради защиты его люди готовы посвятить жизнь, люди верны ему и следуют за ним без малейших колебаний. Конечно, есть и люди, которые идут против этого человека, но это является неправильным и описывается всегда только с отрицательной коннотацией. Здесь виден явный образ великого китайского императора, который считается сыном неба, его приказы и желания являются законом, и народ считает их истиной.

5. Идея. Это абстрактное понятие, так как оно появляется путем осознания и понимания; когда человек получил плод мыслей, то распространяет его, описывая и рассказывая его другим: 发展真理 *fāzhǎn zhēnlǐ* «развивать истину», 悟出真理 *wùchū zhēnlǐ* «понять истину», 判断真理 *pànduàn zhēnlǐ* «оценивать истину» и т. д. Если мнения людей не сходятся, то люди будут защищать свою точку зрения, дискутируя, и готовы ради своей мысли отдать жизнь. Но также её просто распространяют посреди народа, и со временем она развивается и принимает новый образ. Такое восприятие сильно связано с представлением о философии в китайской культуре. Как было выше сказано, истин в китайском мировоззрении может быть большое количество, и каждая философская школа придерживается своей идеи, которую считает за истину.

II. Иероглиф 道 *dào* появился в самой древней китайской письменности цзягувэнь и в изначальном варианте состоял из двух частей, где одна обозначала дорогу, а другая обозначала человека, поэтому изначальным значением иероглифа было «человек, идущий по дороге» [27, с. 133]. Дао является важнейшим понятием в китайской философии, обозначающим орбиту или траекторию всего, в том числе и нематериального. Философ Лао-цзы в основополагающем трактате даосского учения «Дао дэ цзин», используя дао, смог описать происхождение всего сущего и найти его закономерность: «道生一,一生二,二生三,三生万物.» *Dào shēng yī, yī shēng èr, èr shēng sān, sān shēng wànwù.* «Дао рождает Один, Один рождает Два, Два рождает Три, Три рождает все сущее» [28, с. 182]. Если говорить словами из трактата «И цзин», то под дао

подразумевается 无极 *wújí* «начало всех начал» [29], которое означает состояние первозданного хаоса, и 无极 *wújí* превращается в 太极 *tàijí* «великий предел» [29], а далее из 太极 *tàijí* выделяется две энергии – Инь и Ян. Как говорил другой представитель даосской философии 庄子 *zhuāng zǐ* Чжуан Цзи: «二与一为三» *Èr yǔ yī wéi sān* «Два с Один вместе становятся Три» [30], то есть энергия Инь и Ян не могут существовать друг без друга; если существует добро, то обязательно существует зло, и энергия, которая появляется при их столкновении, будет называться 冲气 *chōngqì*, и эти три энергии способны порождать все. Таким образом, видно, что дао является самым изначальным состоянием всего, что способствует бесконечному движению и изменениям всего. В таком случае в значении лексемы *истина* будет делаться уклон на субстанцию, на то, что было изначальным с предметом, а также подчеркиваться факт движения, где познание истины описывается как процесс.

В современном китайском языке, кроме истины, слово ещё может иметь значения «причина» или «подход», так как при использовании подразумевает сильную авторскую субъективность, которую можно даже понимать как точку зрения или мнение, которого придерживается кто-либо.

Если посмотреть на сочетаемость этой лексемы, то перед нами будет следующая картина: 讲透道理 *jiǎngtòu dàolǐ* «исчерпывающе изложить истину», 明白道理 *míngbái dàolǐ* «понять истину», 有道理 *yǒu dàolǐ* «иметь истину», 不懂道理 *bùdǒng dàolǐ* «не понимать истины», 悟出道理 *wùchū dàolǐ* «осознать истину», 说出道理 *shuōchū dàolǐ* «высказать истину», 体会道理 *tǐhuì dàolǐ* «почувствовать истину», 讲道理 *jiǎng dàolǐ* «толковать об истине», 懂道理 *dǒng dàolǐ* «понимать истину», 用道理 *yòng dàolǐ* «использовать истину», 得出道理 *déchū dàolǐ* «сделать истину», 求得道理 *qiúdé dàolǐ* «добиться истины», 相信道理 *xiāngxìn dàolǐ* «верить в истину», 证明道理 *zhèngmíng dàolǐ* «доказать истину».

Несложно заметить, что в данном случае важен мотив общения: если человек может убедить собеседника, то его истина будет считаться более правильной, и в данном случае истина уже не является тем, что реально правильно, а может быть тем, чему доверяет большинство.

III. Концепт 天 *tiān* «небо» является важной составляющей китайской культуры и конфуцианства. Этот концепт уже описывался в нашей статье «Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах», где подтверждается вера китайцев не в какого-либо особого бога, а в абстрактное «небо», приказы которого нельзя нарушать [5, с. 46]. В неоконфуцианстве 天理 *tiānlǐ* имело особое значение, о чем много говорил философ Чэн Хао, который первым предложил обозначить 天理 *tiānlǐ* как категорию неоконфуцианства. Если обратиться к трактату «Книга, оставленная в наследие господами Чэн из Хэнани», то сможем выделить следующие значения философской категории 天理 *tiānlǐ*:

1. 天理 *tiānlǐ* является источником всех вещей во Вселенной, где все произошло от одного единства [31, с. 133].
2. Иерархический порядок превосходства и подчиненности был установлен еще при рождении неба и земли, что нельзя изменять [31, с. 137].
3. 天理 *tiānlǐ* является закреплённой социальной этикой и моральными нормами, что также всегда является правильным [31, с. 138].
4. 天理 *tiānlǐ* имеет такое же значение как и 天命 *tiānmìng* «судьба»: если человек познал

свою судьбу, то он и познал всю истину [\[5, с. 45-46\], \[31, с. 48\]](#).

5. 天理 *tiānlǐ* является противоположным к 人欲 *rén yù* «человеческие страсти», и истина может быть только одна, которая является несомненной [\[31\]](#).

Тут мы видим, что конфуцианское представление об истине стало сильно отличаться от изначального даосского: речь стала идти не только о единстве природы и происхождении бытия, но иметь ещё и общественно-политический характер, связанный с иерархией и социальной этикой. Можно сказать, что даже все значение философии стало переходить от проблемы «небо-человек» к состоянию «человек-человек», что является не только важным, но фундаментальным для китайского общества.

Кроме вышеперечисленных лексем, в китайском языке имеется лексема 真谛 *zhēndì*. Это слово является семантическим заимствованием слова *paramārtha* из хинди, которое в буддизме обозначает высшую истину. Можно высказать предположение, что данное слово укоренилось благодаря буддийскому монаху Парамартха, китайское имя которого – 真谛 *zhēndì*. Он является одним из основоположников практики перевода буддийских текстов на китайский язык, так как, по данным языкового корпуса, именно с 6 века, когда этот монах начал свою деятельность в Китае, данное слово стало использоваться.

Если посмотреть на сочетаемость лексемы 真谛 *zhēndì*, можно заметить практическое отсутствие сочетаний с глаголами: в большинстве случаев слово употребляется в форме «истина чего-то», например, 管理的真谛 *guǎnlǐ de zhēndì* «истина менеджмента», 宇宙的真谛 *yǔzhòu de zhēndì* «истина вселенной», 人生的真谛 *rénshēng de zhēndì* «истина жизни» и т. д. Несмотря на весьма популярную используемость в современном китайском языке, слово ассоциируется все же только с изначальным буддийским значением, которое обозначает высшую правду какой-либо деятельности. Оно не смогло получить более глубокое развитие в китайской языковой картине мира.

В китайской наивной картине мира также существует представление о правде, отражаемое лексемой 真相 *zhēnxiàng*, однокоренной с 真理 *zhēnlǐ*.

相 *xiàng* является иероглифом идеографической категории, который начиная с письменности цзягувэнь до современного китайского языка состоит из двух однокомпонентных иероглифов: 木 *mù* и 目 *mù*, где 木 *mù* имело значение дерева, а 目 *mù* имело значение глаза. Данное сочетание связано с работой плотников в китайской культуре, где выбор древесины является важнейшим этапом. Поэтому до обработки дерева надо провести тщательное наблюдение, осмотреть его, чтобы найти лучшее сырье. Таким образом, изначальное значение слова было «тщательно наблюдать» [\[27, с. 280\]](#).

При сочетании в понятие 真相 *zhēnxiàng* оно также будет обозначать процесс, где человек через поиск находит материальную реальность, то, что является простым для сознания человека. Оно включает в себя все аспекты реальности, отражающие реальное положение вещей. Для выявления более конкретного характера обратимся к сочетаемости лексем: 歪曲真相 *wāiqū zhēnxiàng* «искажать правду», 揭示真相 *jiēshì zhēnxiàng* «выяснять правду», 掩盖真相 *yǎngài zhēnxiàng* «прикрывать правду», 遮蔽真相 *zhēbì zhēnxiàng* «загораживать правду», 明白真相 *míngbái zhēnxiàng* «понять правду», 了解真相 *liǎojiě zhēnxiàng* «выяснить правду», 说明真相 *shuōmíng zhēnxiàng* «объяснять правду», 知道真相 *zhīdào zhēnxiàng* «знать правду», 隐瞒真相 *yǐnmán zhēnxiàng* «скрывать правду», 洞察真相 *dòngchá zhēnxiàng* «проникнуть в суть правды», 看到真相 *kàndào zhēnxiàng* «увидеть правду», 寻找真相 *xúnzhǎo zhēnxiàng* «искать правду», 掌握真相

zhǎngwò zhēnxiàng «овладеть правдой», 得到真相 dédào zhēnxiàng «получить правду», 接近真相 jiējìn zhēnxiàng «приблизиться к правде», 发现真相 fāxiàn zhēnxiàng «найти правду», 远离真相 yuǎnlí zhēnxiàng «удаляться от правды», 追求真相 zhuīqiú zhēnxiàng «гнаться за правдой».

Несложно заметить, что сочетаемость с компонентом *правда* делится на 2 части: 1. Попытка скрыть правду и поставить ложь вместо неё. 2. Найти спрятанную правду. Также в языковом корпусе часто встречаются следующие сочетания: 所谓真相 suǒwèi zhēnxiàng «так называемая правда» или 虚假的真相 xūjiǎ de zhēnxiàng «ложная правда». Для выявления причин данного представления надо обратиться к концепту 权力 quánlì «власть», встречающемуся в разных контекстах, который доминирует над правдой.

Народ сомневается в правде, которая дается высшим сословием через бюрократическую систему, потому что чиновники могут ради своей выгоды заменить правду на ложь, и единственный способ нахождения реальной правды проходит через розыск и наблюдения самого человека, а не от слов других. Поэтому в китайской культуре принято считать, что правда, которую сказали другие люди, часто является ложью, и только то, что человек увидел своим глазами, может являться реальностью, что подтверждает следующая пословица: 耳听为虚, 眼见为实 ěrtīng wéi xū yǎnjiàn wéi shí «не верь чужим речам, а верь своим очам».

Посмотрим на название советской газеты «Правда», которая на китайский переведена как «真理报» Zhēnlǐ bào (прямой перевод должен был бы быть «газета "Истина"»). Если бы перевод использовал слово 真相 zhēnxiàng, то по содержанию газета должна была бы выявлять реальность чего-то, например, детектива, расследования, судебного дела и т. д., что абсолютно не подходило под значение, которое подразумевалось изначальным русским названием. Это подчеркивает, что «真理» zhēnlǐ и «真相» zhēnxiàng могут считаться синонимичными для русских понятий «истина» и «правда», но имеют отличия по культурному коду.

Выводы

Русская языковая картина в этой области отчетливо демонстрирует разделение понятийного поля на верх и низ, высшее и земное. Представление о небесной жизни, где орудует не пантеон богов, а добро и зло, показывает связанность русского сознания в этой области с христианской, а не языческой трактовкой мира. Однако языческие контексты – как славянские, так и общеевропейские присутствуют в образной структуре этого понятия. Разделение области знания на высшее и низшее, на истину и правду, идея слепоты человека перед высшим знанием, – все это трактовки библейских образов, отражение ее посылов.

Эволюция образа правды, которая дала нам феномен ее значения в XX веке, – это одно из последствий влияния на массовое сознание социо-культурного смысла, который мы в главе второй назвали «коммунизмом». Конструирование значения и аллегорий, его сопровождаемых, представляется прозрачным: правда в том, что народ угнетают, хотя «верхи» обманывают народ и унижают его, лживо убеждая его в том, что на самом деле они пекутся о его благе. Идея лживости власти, манипулятивности власти органично присутствует в русском сознании, располагая всю политическую конструкцию в системе координат «правда» и «ложь». Произведения Карла Маркса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого наполнены образами лживости власти и образами правды, которая и орудие в борьбе со старым порядком, и ее цель.

Проведя наше исследование, мы можем предположить, что эта модель оказалась

эффективной в рамках европейской смысловой и метафорической системы именно в силу связи лжи и зла, о которой мы говорили в этой главе. Единственный образный конфликт, который оказался присутствующим в этом образно-понятийном пространстве, – это именование революционеров, борющихся за правду, – левыми, то есть с точки зрения активного и актуального мифа – не-правыми. Многие знают объяснение этого факта, связанное с рассадкой членов парламента в соответствии со своими взглядами на заседании Национального собрания во Франции в 1789 году по правую и левую руку председателя. Анализировать этот факт можно разнообразно, мы отметим лишь в этой связи, что ассоциирование с левизной все же негативно и очевидно, что именование Ф. М. Достоевским своего романа о левых революционерах «Бесы» не случайно с точки зрения имеющих в языке и мышлении стереотипических подсказок.

Будучи по сути остатками старых мифов, старых мировоззренческих оппозиций, и русские, и французские понятия, описывающие эту бинарную оппозицию правдаложь, сохранили многое от древней символики. Образы светила, солнца, плохой воды, грязи, ткани, нити – все это универсальные метафоры, соединяющие индоевропейское образно-когнитивное поле в единый глобальный мировоззренческий фрагмент. Например, образ плетения интриг как паутины охватывает все поле, так сказать, речевого и событийного коварства: рассуждение, фраза, текст – плетутся, состоят из нитей, в которых можно запутаться (пути) или в которые запутать.

Метафора войны двух начал: *света и тьмы*, *правды и лжи* и так далее – также представлена в сочетаемости этих понятий в двух языках и также архаична. Война абстрактных, высших сил предшествует сотворению мира и разделению всего сущего на два противоположных пола, и все сущее часто в мифологических системах воспринимается как результат глобальных противостояний. Из сказанного здесь мы можем сделать вывод, что и русские, и французские понятия восходят к общим мифологическим прототипическим представлениям, связанным с исходным дуалистическим противопоставлением, частью которого является противопоставление в том числе и мужского и женского. Очевидно, что эти древнейшие мифы продолжают свою жизнь в современном сознании, отбросив в толще времени все то, что плохо согласовывалось с их логикой, в частности ассоциирование истины и наличных денег.

Китайская картина мира дает нам другой вектор, где идет четкий раздел понятия на две группы, которые сложно конкретно перевести на русский язык:

I. Первое представление основано на процессе уточнения предмета: как человек с помощью внутренних процессов познает то, что другие люди не способны познать, и мир, который его окружает, становится другим. Данная мысль появилась под влиянием даосизма, где процесс нахождения истины сопоставляется с внутренней алхимией.

В китайском языке понятие истины можно более точно выразить тремя лексемами: 真理 *zhēnlǐ*, 道理 *dàolǐ* и 天理 *tiānlǐ*. Первая лексема связана с изначальным состоянием предмета, в данном случае нахождение истины является нахождением исхода. Во второй лексеме истина является Дао, что тоже подразумевает исходное состояние. Однако лексема 真理 *zhēnlǐ* изначально была связана с возвещением святого к небесам, и в данном случае истина, которую можно познать, имеет особые рамки и является единственной, а лексема 道理 *dàolǐ* напрямую показывает черты даосской философии, где каждый человек может понимать Дао своеобразно и для каждого человека может существовать своя истина. Поэтому данная лексема является исчисляемой и на русский чаще переводится как *правда*. 天理 *tiānlǐ* связано с богоданным законом, который обязательно надо соблюдать; данное представление идет из конфуцианства и сильно

связано с представлением о судьбе, которая стала иметь социально-политический характер и действовать как обязательная моральная норма для людей тогдашнего общества. Также важно отметить лексику 真谛 *zhēndì*, которая пришла из санскрита под влиянием буддизма, однако она не смогла укорениться в китайской культуре и до сих пор используется именно как представление истины в буддизме.

II. Второе представление, которое передается лексемой 真相 *zhēnxiàng*, связано с другими реалиями. Чаще всего это скрытая правда, скрывающаяся ради своих интересов людьми, которые по иерархической системе находятся в более высоких классах. Для нахождения такой правды необходимо обращать внимание не на общие факты, а углубиться в детали, где человек сможет сделать свой вывод, а не слушать других и следовать ими. Данное представление имеет сильное влияние и в современности, что проявляется в слабом доверии народа к государственным извещениям.

Обобщение полученных результатов можно представить так:

Ключевой параметр	Русский менталитет	Французский менталитет	Китайский менталитет
Источник	1) правый, право 2) наличные деньги	1) реальность 2) закон	1) Переработка руды в нефрит 2) наблюдать
Актуальные взаимосвязи	1) недоступность 2) борьба	Ответственность	1) исход 2) процесс 3) реальность
Образ	Девушка из низов	Воинствующая красавица	1. Золото 2. Идеальное место 3. Редкое животное 4. Лидер
Членение ситуации	Два понятия, правда высшая и человеческая, разделение на верх и низ	Одно понятие	Два понятия: I. 1) 真理 <i>zhēnlǐ</i> - высшая истина, которую редко кто способен познать; 2) 道理 <i>dàolǐ</i> - истина, которой доверяет большинство; 3) 天理 <i>tiānlǐ</i> - богом данная истина (естественный закон). II. 真相 <i>zhēnxiàng</i> - реальность чего-либо, что обычно скрыто

Человек	Активен: истину ищет, за правду борется	Активен: делает действия с самой правдой (искажает, приукрашивает)	Активен: пробует овладеть ею (обнаружить, сохранить) Пассивен: слепо верит в истину (посвятить жизнь истине, следовать за истиной)
Влияние	Христианство, коммунизм,	Античность	Даосизм, конфуцианство, консервативная система власти

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 320 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ естественного языка: культурные концепты. М., 1991. С. 21-31.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 06.03.2023).
4. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1894. Т. XII. 495 с.
5. Головановская М. К., Ефименко Н. А. Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах // Философская мысль. 2022. № 10. С. 35–53.
6. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Москва: Языки славянских культур, 2009. 376 с.
7. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
8. Демьянков В. З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике: № 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 223-235.
9. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. № 1. С. 143-144.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. I. 671 с.
11. Одесский М. П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. 2000. № 1.
12. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. — Перевод с английского Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
13. Словарь логических терминов. М., 1998.
14. Степанова И. М. Доклад «Коли не ложь – так правда» Материалы научной конференции Филология в системе современного образования 22-23 июня 2004 года. № 7. М.: УРАО, 2004.
15. Стросон П. Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. 528 с.
16. Шейман М. М. Вера в дьявола в истории религий. М.: Наука, 1977.
17. Bouton C. L'histoire dont les événements sont des pensées. Hegel et l'histoire de la philosophie. In Revue philosophique de Louvain. Quatrième série, T. 98, no 2, 2000.
18. Jean Chauvineau. La logique moderne. Paris: P.U.F, 1980. 128 p.
19. «Centre Nationale de Ressources Textuelles et Lexicales» [Электронный ресурс] URL:

<https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 08.03.2023).

20. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
21. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
22. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
23. 汉语大词典编纂处. 上海: 上海辞书出版社, 2011年. 10080页.
24. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库 [Электронный ресурс] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 19.03.2023).
25. 李圃. 古文字诂林. 上海: 上海人民出版社, 2004年. 896页.
26. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典(第12版). 北京: 商务印书馆, 2020年. 699页.
27. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
28. 荣世伦. 今译今解《道德经》. 北京: 华龄出版社, 2022年. 357页.
29. 王志源. 易经讲义. 济南: 山东大学出版社, 2021年. 214页.
30. 内篇·齐物论 [Электронный ресурс] URL: <https://www.enruo.net/guwen/zhuangzi/3455.html> (дата обращения: 21.03.2023)
31. 朱熹. 河南程氏遗书. 上海: 商务印书馆, 1935年. 380页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «истина» в языковой картине мира носителей трех языков.

Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами. Кроме того, актуальным является сопоставительный характер исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылок к работам предшественников по данной тематике.

Библиография статьи насчитывает 27 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на китайском языках. Считаем, что работы на французском языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. К сожалению, в статье

отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в тексте статьи присутствуют неточности, опечатки и орфографические погрешности, например, «Идея познаваемости/непознаваемости», «правдаложь»

При наборе слов французским шрифтом упущены надстрочные знаки, являющиеся обязательными по правилам орфографии.

Тезисы 1-8 взяты из работы Арутюновой, не цитация не оформлена должным образом. Ссылка на работы Маковского отсутствует в тексте при его цитировании.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале только после внесения корректив: 1) уточнение практического языкового материала исследования для каждого из рассматриваемых языков; 2) уточнения ссылок на цитируемые работы; 3) исправление опечаток и орфографических неточностей; 4) актуализация библиографического списка.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема, которая поднимается в рецензируемой статье, является не новой, однако, актуальность разработки или систематизации данных в указанных пределах злободневна. Как отмечает в начале работы автор, «категории истины, истинного, как и ложного, по-разному трактуются на протяжении развития европейской цивилизации представителями различных философских течений». Бесспорно, «идея познаваемости/непознаваемости мира, непосредственно примыкающая к представлениям о специфичности истины, со времен античности делит не только философов, но и обычных граждан на два лагеря: одни полагают, что они знают или могут знать истину в отношении чего-либо, другие уверены, что нет и истина является предметом специального знания». Работа имеет признаки синкретического характера, что, на мой взгляд, продуктивно, концептуально, при этом анализ вопроса может быть сделан объективно и точно. Исследование включает исторические справки, отсылки к объективным данным: например, «истина – достоверное знание, объективное знание, доступное не человеку, но лишь высшему началу, связано со староставянской истиной, обозначавшей правду, верность, законность. В «Судебнике» 1497 года, своде русского государства, слово истина встречается в значении «основной, без процентов капитал», производно от истый – подлинный, действенный, настоящий. Это суть, квинтэссенция русского понятия «истины»: истина это то, что есть, то, что можно предъявить, уже отмечено у Даля. Даль комментирует это значение так: истина – наличные деньги, то есть не мнимое, оборотное или долговое богатство, а истинное, наличное». Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, терминологический состав используется унифицировано. Думается, что компаративный принцип анализа – русский язык, французский, китайский – наиболее выигрышен и удобен. Текст дифференцирован на части, они логически совместимы друг с другом. Работу отличает точность выражения авторской позиции, умение логически верно аргументировать тот или иной тезис. В

статье налицо достаточно количество иллюстраций и примеров: «сочетаемость слова *verité* показывает нам, что это понятие имеет положительную коннотацию, часто встречается со сниженными глаголами и прилагательными (*grosse, farder*), характеризует мирскую человеческую ипостась (*verité imparfaite et provisoire*), связана с общением, социальной жизнью, но не борьбой, воспринимается человеком как внешний предмет или персонаж, с которым, впрочем, никак не идентифицируется. Отметим также, что описанный у Чезаре Рипо образ по всей видимости характеризует высший философско-теологический взгляд на *verité*, отражающий лишь фрагменты бытовой образной конкретизации. Контексты, персонифицирующие *verité* в качестве агрессивной силы, немногочисленны, французская правда может ранить и оскорблять, но дальнейшего развития «воинствующего» образа *verité* не произошло», или «во время династий Северной Сун (960-1127) и Южной Сун (1128-1279) появилось течение неоконфуцианство, имеющее 3 названия: 宋学 *sòngxué* «учение Сун», 理学 *lǐxué* «учение Ли», 道学 *dàoxué* «учение Дао». Несмотря на то, что они подразумевали одно и то же, акцент в них делался на разное. В первом варианте название появилось благодаря времени возникновения данного философского направления и имело обобщающий характер. Во втором и третьем названиях уклон делается на разницу в содержании философского мнения: в «учении Ли» считали, что «理» ǐ — это вечная духовная сущность, существующая до Вселенной, и все в мире может быть выведено только из «理» ǐ; в «учении Дао» считали, что субъективное сознание есть источник всего в производном мире, или «если посмотреть на сочетаемость лексемы 真谛 *zhēndì*, можно заметить практическое отсутствие сочетаний с глаголами: в большинстве случаев слово употребляется в форме «истина чего-то», например, 管理的真谛 *guǎnlǐ de zhēndì* «истина менеджмента», 宇宙的真谛 *yǔzhòu de zhēndì* «истина вселенной», 人生的真谛 *rénshēng de zhēndì* «истина жизни» и т. д. Несмотря на весьма популярную используемость в современном китайском языке, слово ассоциируется все же только с изначальным буддийским значением, которое обозначает высшую правду какой-либо деятельности. Оно не смогло получить более глубокое развитие в китайской языковой картине мира» и т.д. Тема исследования раскрыта полновесно, целостно; заключительный блок работы ориентирован на обобщение полученных данных, при этом табличный вариант наиболее удачен. Цель работы достигнута, поставленный ряд задач решен. Считаю, что материал будет уместно использовать в режиме освоения ряд лингвистических дисциплин. Список источников объемов, формальные требования издания учтены. Рекомендую рецензируемую статью «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Попова Л.Г., Коваленко Д.В. — Структурная характеристика французских и русских терминов предметной области "космические искусственные спутники" (на материале глоссариев) // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40869 EDN: GJGSUT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40869

Структурная характеристика французских и русских терминов предметной области "космические искусственные спутники" (на материале глоссариев)

Попова Лариса Георгиевна

ORCID: 0000-0001-5721-9378

доктор филологических наук

профессор, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, Малый Казённый 5Б, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ larageorg5@gmail.com

Коваленко Дария Валерьевна

ORCID: 0009-0002-7192-5222

соискатель, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет; институт иностранных языков

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ dariya.gogol@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40869

EDN:

GJGSUT

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2023

Аннотация: Настоящая работа посвящена проведению сравнительного анализа деривационных элементов французских и русских терминов такой предметной области, как космические искусственные спутники. Понимание лингвистами особенностей компонентов префиксации и суффиксации, умение выявлять предпосылки их узуса, соотносить их морфологическую структуру с культурными и историческими языковыми реалиями позволят обеспечить грамотную и своевременную интерпретацию терминов

данной области в процессе взаимодействия экспертов. Актуальность работы обусловлена тем, что учеными не проводился сравнительный анализ француско-русских элементов терминообразования инновационной узкоспециальной предметной области "космические искусственные спутники". Предметом исследования являются языковые особенности способов образования французских и русских терминов области. Цель состоит в выявлении наиболее активного способа образования терминов области во французском и русском языках. Новизна исследования заключается в том, что нами был впервые выявлен наиболее активный способ образования терминов области космические искусственные спутники на материале двух рассматриваемых языков. Нами были использованы метод морфологического, семантического анализов, сплошной выборки и статистический метод. Результаты исследования демонстрируют, что суффиксация является основным способом образования терминов как во французском, так и в русском языках, в частности, суффиксы *-tion* и *-ement* во французском языке и *-ость* в русском наиболее активно участвуют в образовании терминов; что при образовании терминов космических искусственных спутников путем префиксации в большинстве случаев используются интернациональные префиксы, а количественная репрезентативность префиксов *télé-/теле-* и *auto-/авто-* составляет почти половину от общего числа единиц.

Ключевые слова:

специальный язык, термин, терминообразование, структура, префикс, суффикс, космические искусственные спутники, глоссарий, деривация, сравнительный анализ

Специальный язык является средством фиксации научных достижений человечества, носителем информации о развитии цивилизации, формирующими блоками которого выступают терминологические единицы. Выполняя функцию номинации высоких технологий и отражения новых производственных реалий, термины имеют решающее значение для осуществления эффективной профессиональной коммуникации в рамках освоения космоса. Область космических искусственных спутников предполагает разработку различных приборов и систем, технически сложной продукции, используемых для исследования космического пространства, что, в свою очередь, требует создания новых терминов. В этой связи возникает необходимость изучения способов терминообразования рассматриваемой предметной области.

В последние годы лингвисты активно посвящают свои труды проблемам терминообразования в терминологиях таких областей, как транспорт [6], юриспруденция [2], информационные технологии [5], авиация [9], грамматика [3], строительный бизнес [8], социология [1] и др., однако в области космического приборостроения данный вопрос является малоизученным [4], что определяет актуальность настоящей работы.

Известно, что в космической промышленности лидерами признаны такие государства, как Россия и Франция, чьи отношения являются первоосновой для формирования корпуса специальных терминов и отправным звеном в процессах генерации узко ориентированного терминологического пласта.

Распространенной практикой при формировании французских и русских терминов области космического приборостроения, в том числе искусственных спутников, является использование префиксов и суффиксов.

Префиксация и суффиксация как способы образования терминов области космические искусственные спутники

В рамках данной статьи нами рассмотрен аффиксальный способ образования терминов, который включает в себя префиксацию и суффиксацию.

Первый способ деривации – префиксация. Префикс не изменяет часть речи слова, однако именно он делает термин многогранным, придает ему разные значения. В качестве наблюдения, отметим, что при образовании терминов космических искусственных спутников в большинстве случаев используются интернациональные префиксы, имеющие идентичные форму, звуковой состав и значение в трех и более неродственных языках [\[7, с. 83\]](#).

Так, во французском языке приставка **micro-** используется для обозначения объекта, имеющего малый вес и размеры. Например, *microsatellite* (*m*) дает обозначение очень маленькому спутнику. В русском языке для этой же цели используется приставка **микро-** : *микроспутник* .

Часто встречающийся во французских технических глоссариях префикс **gé-** служит для номинации того, что связано с Землей. Термин *satellite* (*m*) *g éostationnaire* называет спутник, который находится в фиксированном положении относительно Земли; аналогом в русском языке выступает префикс **geo-** : *геостационарный спутник* .

Приставки **télé-** и **теле-** соответственно имеют следующую смысловую нагрузку – удаленное общение, связь на расстоянии: *télémessure* (*f*)/ *телеметрия*, *télécommunications* (*f*)/ *телекоммуникации* .

Следующей парой префиксов является **hyper-/гипер-** , с помощью которой акцент делается на превышении нормы/критичной ситуации/высокой производительности: *hypersonique*/ *гиперзвуковой* – термин для описания устройств, способных двигаться на скорости, намного превышающей скорость звука [\[10\]](#).

Méta-/мета- – часть сложных слов, обозначающая абстрагированность, переменность состояния, промежуточность. Примеры включают *métaphysique* (*f*)/ *метафизика* , *métagalaxie* (*f*)/ *метagalактика* , *méta-matériel* (*m*)/ *метаматериал* .

Отметим, что продуктивным компонентом терминотворчества в области космических искусственных спутников считается префикс **thermo-/термо-** , служащий для описания устройств или состояний, связанных с тепловым контролем или управлением. Например, *thermostat* (*m*)/ *термостат* – это термин, используемый для описания устройства, регулирующего температуру в космических спутниках; *choc* (*m*) *thermique*/ *термоудар* , т. е. одноразовое высокоскоростное и неоднородное изменение температуры физического тела [\[10\]](#).

Далее укажем на приставку **ultra-/ультра-** , играющую основную роль в формировании терминов с коннотацией «высокая производительность», «высшая степень какого-либо качества, состояния». В частности, *ultrasonique* / *ультразвуковой* – это термин, используемый для описания устройства, способного генерировать звуковые волны на частотах, выходящих за пределы диапазона человеческого слуха.

Префикс **auto-/авто-** используется для описания автоматизированных устройств; в русском языке зачастую эквивалентом будет префикс **«само-»** . В качестве примеров приведем следующие термины: *autopilote* (*m*)/ *автопилот* – устройство для

автоматического управления траекторией космического спутника; *autocicatrisation* (*f*)/самовосстановление ; *autodépannage* (*m*)/самоликвидация неисправности .

Узус префикса **mono-** , делающего отсылку на единственное число, совпадает в двух исследуемых языках, однако на русский язык он переводится префиксом «**одно-**» : *véhicule mono-étage* (*m*)/одноступенчатая ракета , *configuration monopulsée* (*f*)/одноимпульсная схема выведения , *monoergol* (*m*)/однокомпонентное ракетное топливо .

С целью проведения количественного сравнения префиксов, мы проанализировали большой корпус франкоязычных и русскоязычных терминов, связанных с космическими искусственными спутниками. Мы извлекли все уникальные термины, и, подсчитав репрезентативность каждого префикса, получили результаты, наглядно представленные на **Рис. 1**.

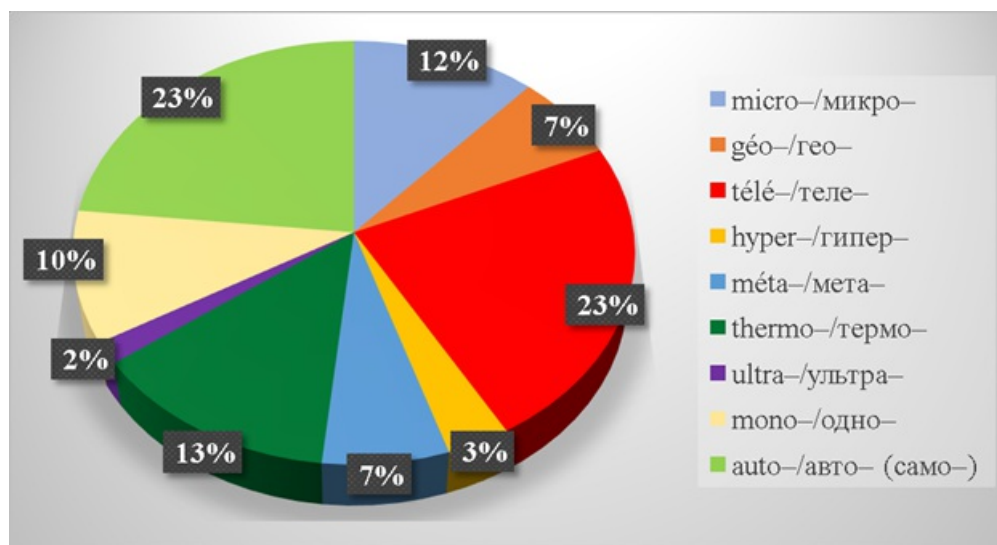

Рис. 1 – Количественная представленность французских и русских префиксов в космических глоссариях

Fig. 1 – Quantitative representativeness of French and Russian prefixes in space glossaries

Таким образом, диаграмма показывает, что именно **télé-/теле-** и **auto-/авто- (само-)** входят в состав большинства единиц (46% от общего числа префиксов). По нашему мнению, это объясняется прогрессивным развитием космических высоких технологий, в основу которых входят коммуникационные устройства, системы дистанционного управления, а также применение технических средств, экономико-математических методов, освобождающих человека частично или полностью от непосредственного участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов или информации.

Меньшая часть в процентном соотношении приходится на префикс **thermo-/термо-** и составляет 13%. Примерно одинаковым с ним терминообразующим потенциалом обладают префиксы **micro-/микро-** (12%) и **mono-/одно-** (10%). Остальные префиксы используются редко в составе терминов области космические искусственные спутники: на **géo-/ гео-** и **m éta-/мета-** приходится по 7%; в свою очередь, случаи фиксации приставок с обозначением превышения нормы, **hyper-/гипер-** и **ultra-/ультра-** , единичны (2–3%).

Несмотря на высокий потенциал префиксов, именно суффиксация является наиболее

распространенным способом морфологического образования терминов области космических искусственных спутников во французском и русском языках. Суффиксы взаимодействуют со словами или их частями, и это взаимодействие зависит от абстрагирующей роли суффикса. В космической терминологии существует широкий спектр суффиксов, включая и суффиксы общей речи, но их частотность использования различается. Одна из активных моделей формирования производных имен во французском языке основана на сочетании основы глагола и суффикса **-eur (-euse)**, обозначающая приборы для выполнения физических действий профессионального характера [4, с. 316]: *synchroniseur (m)* (синхронизатор), *propulseur (m)* (ракетный двигатель), *senseur (m) fin* (датчик точной ориентации), *porteuse (f)* (несущая частота). Терминологические единицы, созданные с применением данной модели, довольно распространены и остаются актуальными на протяжении длительного времени.

Формант **-age** во французском языке используется для обозначения действия или процесса, таких как *dégazage (m) azote* – дренажирование азота, *étalonnage (m)* – калибровка, *braquage (m)* – наведение.

-tion употребляется с целью упоминания состояния или условия, как то: *détection (f)* (обнаружение) или *exploitation (f) en vol* (летная эксплуатация), *modulation (f) de fréquence* (модуляция частоты).

В свою очередь, суффикс **-ement** является носителем данных о действии и свойствах: *lancement (m)* (запуск), *alignement (m) du satellite* (ориентация спутника в пространстве), *avitaillement (m)* (заправка) и т. д.

В русском языке наиболее употребительные общие суффиксы, используемые при образовании терминов для спутниковых приборов, включают:

-ир, -ова, -ни. Эти суффиксы служат для обозначения действия или процесса, как видно из терминов *маневрирование, кондиционирование, горизонтирование*.

-ость. Данный суффикс выражает состояние или качество: *надежность, отказоустойчивость, прочность, стабильность*.

Суффикс **-яци** иллюстрирует результат действия или процесса. Так, он образует *аккумуляцию, теплоизоляцию, вентиляцию*.

-чик заключает в себе следующий смысл: тот, кто связан с указанной в основе деятельностью, профессией, орудием или материалом труда – *датчик, ответчик, ракетчик*.

-тель идентифицирует в русском языке орудие; машину, производящую действие: *обтекатель, двигатель, усилитель, пиротолкатель*. Все термины, образованные по этой модели, сохраняют активную роль глагола.

Для проведения количественного сравнения мы проанализировали 4135 терминов, относящихся к области космических искусственных спутников, на наличие суффиксов. Количественная представленность суффиксов как элементов терминообразования во французских и русских космических глоссариях продемонстрирована в диаграммах **Рис. 2** и **Рис. 3** соответственно:

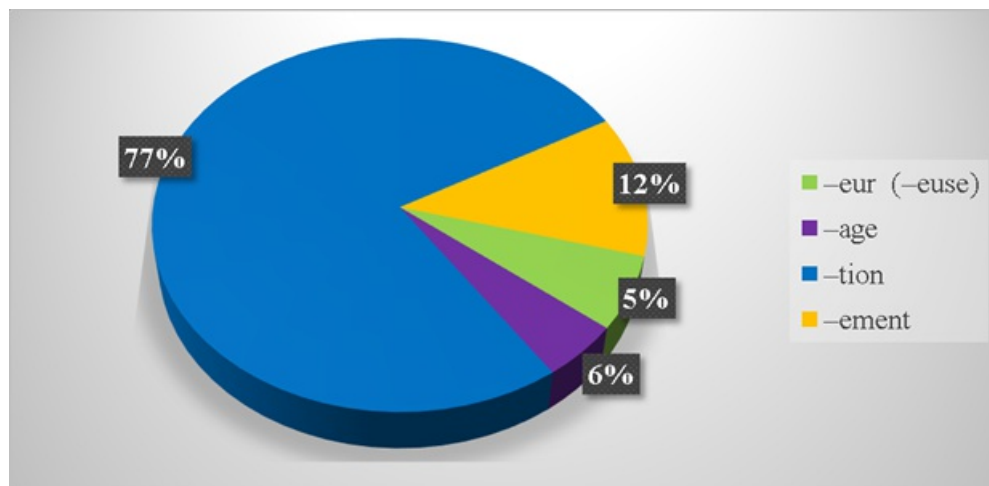

Рис. 2 – Количественная представленность французских суффиксов в космических глоссариях

Fig. 2 – Quantitative representativeness of French suffixes in space glossaries

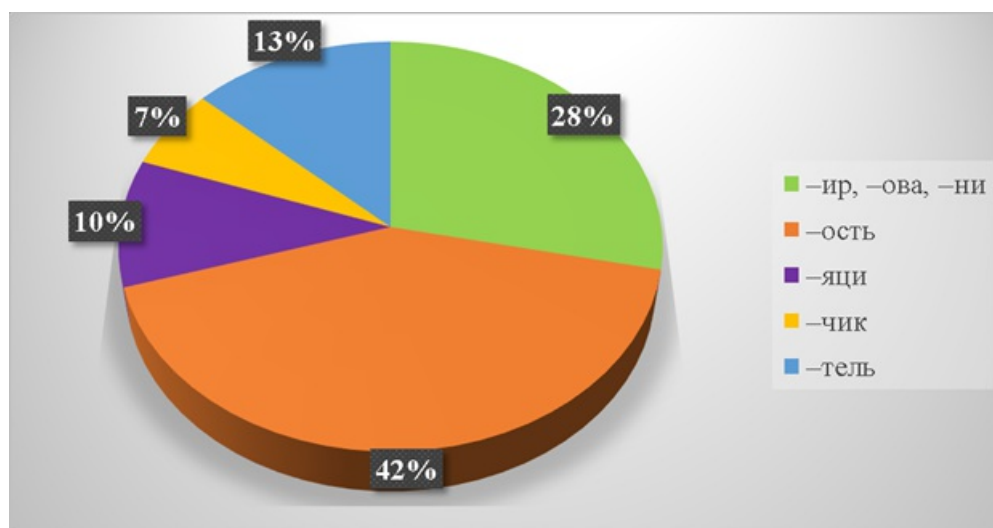

Рис. 3 – Количественная представленность русских суффиксов в космических глоссариях

Fig. 3 – Quantitative representativeness of Russian suffixes in space glossaries

Результаты показали, что наиболее активными суффиксами во французском языке являются **-tion** (77%) и **-ement** (12%). Минимальную инклюзивность имеют суффиксы **-age** и **-eur (-euse)**, находящиеся в процентном диапазоне 5–6%.

В русском самыми популярными суффиксами считаем **-ость** (42%) и **-ир, -ова, -ни** (28%). Многократно также использование суффикса **-тель** в качестве агента терминотворчества: его репрезентативность достигает 13%. Из диаграммы следует, что суффикс **-яци** занимает четвертое место, т. е. 10%, из проанализированных нами единиц. Наконец, относительно менее распространен суффикс **-чик**, что видно из его процентного выражения – 7%. Соответственно, исходя из семантики суффиксов, мы приходим к выводу, что главными аспектами, подлежащими частому описанию в технических текстах и обсуждению в процессе устных переговоров в области космических искусственных спутников, являются состояние, свойства, качество изготавливаемого и вводимого в эксплуатацию изделия.

Выводы

Таким образом, проведя сравнительный анализ структуры терминов области космические искусственные спутники на материале французских и русских глоссариев, мы делаем следующие заключения.

Сравнивая количественную представленность префиксов и суффиксов в образовании терминов области, мы выявили, что суффиксация является основным способом образования терминов как во французском, так и в русском языках. Согласно нашим подсчетам, суффиксация как метод деривации встречается в 25 раз чаще префиксации.

Более того, важно подчеркнуть, что оба языка имеют разные грамматические структуры, что влияет на способ образования терминов. Во французском языке более обширно употребление предлогов, в то время как русский язык имеет более сложные падежные формы, что позволяет точным и детальным образом определять термины.

С точки зрения структуры, русские термины в области космических искусственных спутников, как правило, представляют собой словосочетания, поскольку в русском языке используются более сложные конструкции и фразы для выражения концепции. Например, нижеприведенные французские термины-слова на русский язык переводятся терминами-словосочетаниями, выполняющими конкретизирующую, характеризующую функции во избежание неоднозначной интерпретации их специалистами узконаправленного профиля: *vernier (m) – рулевая машина* , *s atellite (m) – космический аппарат* , *s oiffe (f) – головной обтекатель* и др.

Как мы можем заметить, русский язык имеет тенденцию использовать более производные термины, комбинируя простые термины для создания новых. Зачастую термины-словосочетания области космические искусственные спутники в русском языке образуются на основе уже существующих терминов либо общеупотребительных слов, что можно объяснить транзитивной способностью лексики, ее межотраслевым характером. В то же время носители французского языка часто предпочитают употреблять в дискурсе более простые термины для описания аналогичных понятий. В целом, структуры простых и производных терминов в русском и французском языках отражают их соответствующие лингвистические традиции и исторические события в освоении космоса.

Несмотря на эти различия, специализированный словарь космических искусственных спутников постоянно развивается и пополняется за счет процесса терминообразования, что требует дальнейшего сотрудничества специалистов из разных стран для обеспечения взаимопонимания в этой области.

Библиография

1. Арутюнова Т. С. Терминологическая деривация как основной механизм формирования терминологии предметной области «социология семьи» в английском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2020. – № 3. – С. 76-83.
2. Бурлинова А. С. Структурные характеристики англоязычной юридической лексики. // Тенденции развития науки и образования, – 2021. – № 74–4. – С. 12-14.
3. Гоголь Д. В. Заимствованные лексические единицы во французской грамматической терминологии. Научное сообщество студентов XXI столетия: сборник статей по материалам LXII международной студенческой научно-практической конференции. – Новосибирск, 2018. – 2 (62). – С. 12-19.
4. Гоголь Д. В. Классификация терминов предметной области космическое приборостроение [Текст]. Научный старт–2021. Сборник статей магистрантов и

- аспирантов. Редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. – М., 2021. – С. 314-318.
5. Горколыцев Г. А. Процессы терминообразования в английском языке на примере сферы информационных технологий. Текст: непосредственный // Молодой ученый, 2018. – № 21 (207). – С. 204-206.
 6. Горохова Н. В. Номенклатурные единицы в терминологии трубопроводного транспорта // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, 2016. – №4. – С. 84-94.
 7. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
 8. Хакиева З. У., Маннанова Д. М., Кажарова Д. С. К вопросу о механизмах структурной и семантической терминодеривации (на материале медицинских и строительных терминов) // Вестник Пятигорского государственного университета, 2018. – № 2. – С. 252-262.
 9. Шпальченко Э. П. Актуальные вопросы возникновения акронимов и аббревиатур в парадигме глобализации языковых процессов (на примере военных авиационных терминов английского языка) / Отв. ред. В. Д. Калиущенко // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – Донецк: ДонГУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 1(47). – С. 25-43.
 10. Электронный словарь Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru>, свободный (дата обращения: 15.05.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращается к установлению структурной характеристики терминологического порядка. Предметная область, выбранная для анализа, не так часто попадает в поле научных изысканий – это космические искусственные спутники. Таким образом, магистраль исследования достаточно актуальна, нова конструктивна. В начале работы обозначено, что «специальный язык является средством фиксации научных достижений человечества, носителем информации о развитии цивилизации, формирующими блоками которого выступают терминологические единицы. Выполняя функцию номинации высоких технологий и отражения новых производственных реалий, термины имеют решающее значение для осуществления эффективной профессиональной коммуникации в рамках освоения космоса. Область космических искусственных спутников предполагает разработку различных приборов и систем, технически сложной продукции, используемых для исследования космического пространства, что, в свою очередь, требует создания новых терминов. В этой связи возникает необходимость изучения способов терминообразования рассматриваемой предметной области». Следовательно, аргументация выбора сделана, намечена и некая исследовательская проекция. Стиль работы соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «первый способ деривации – префиксация. Префикс не изменяет часть речи слова, однако именно он делает термин многогранным, придает ему разные значения. В качестве наблюдения, отметим, что при образовании терминов космических искусственных спутников в большинстве случаев используются интернациональные префиксы, имеющие идентичные форму, звуковой состав и значение в трех и более неродственных языках», или «продуктивным компонентом

терминотворчества в области космических искусственных спутников считается префикс *thermo-/термо-*, служащий для описания устройств или состояний, связанных с тепловым контролем или управлением. Например, *thermostat (m)/термостат* – это термин, используемый для описания устройства, регулирующего температуру в космических спутниках; *choc (m) thermique/термоудар*, т. е. «одноразовое высокоскоростное и неоднородное изменение температуры физического тела», или «узус префикса *mono-*, делающего отсылку на единственное число, совпадает в двух исследуемых языках, однако на русский язык он переводится префиксом «одно-»: *v éhicule mono-étage (m)/одноступенчатая ракета*, *configuration monopulsée (f)/одноимпульсная схема выведения*, *monoergol (m)/однокомпонентное ракетное топливо* и т.д. На мой взгляд, в работе достаточен т.н. иллюстративный фон, он дает возможность представить два основных процесса образования терминов – префиксацию и суффиксацию. Обобщение полученных данных осуществлено с помощью пиктограмм: «с целью проведения количественного сравнения префиксов, мы проанализировали большой корпус франкоязычных и русскоязычных терминов, связанных с космическими искусственными спутниками. Мы извлекли все уникальные термины, и, подсчитав репрезентативность каждого префикса, получили результаты, которые наглядно представили в следующих рисунках». Работа не лишена аналитики, статический уровень выдержан в рамках объективной оценки: «меньшая часть в процентном соотношении приходится на префикс *thermo-/термо-* и составляет 13%. Примерно одинаковым с ним терминообразующим потенциалом обладают префиксы *micro-/микро-* (12%) и *mono-/одно-* (10%). Остальные префиксы используются редко в составе терминов области космические искусственные спутники: на *géo-/ гео-* и *m éta-/мета-* приходится по 7%; в свою очередь, случаи фиксации приставок с обозначением превышения нормы, *hyper-/гипер-* и *ultra-/ультра-*, единичны (2–3%)». Впечатляет и объем проанализированных терминов, автор уточняет, что «для проведения количественного сравнения мы проанализировали 4135 терминов, относящихся к области космических искусственных спутников, на наличие суффиксов. Количественная представленность суффиксов как элементов терминообразования во французских и русских космических глоссариях продемонстрирована в диаграммах...». Выводы по тексту целесообразны и уместны: «важно подчеркнуть, что оба языка имеют разные грамматические структуры, что влияет на способ образования терминов. Во французском языке более обширно употребление предлогов, в то время как русский язык имеет более сложные падежные формы, что позволяет точным и детальным образом определять термины. С точки зрения структуры, русские термины в области космических искусственных спутников, как правило, представляют собой словосочетания, поскольку в русском языке используются более сложные конструкции и фразы для выражения концепции». Материал имеет законченный вид, тема работы раскрыта полно, серьезных замечаний к сочинению нет. Думаю, что проблема терминологии явно должна быть рассмотрена и далее, собственно на это ориентирует и автор данного труда: «несмотря на эти различия, специализированный словарь космических искусственных спутников постоянно развивается и пополняется за счет процесса терминообразования, что требует дальнейшего сотрудничества специалистов из разных стран для обеспечения взаимопонимания в этой области». Основные требования издания учтены, наличного объема достаточно, научный ценз достаточно высок. Статья «Структурная характеристика французских и русских терминов предметной области космические искусственные спутники (на материале глоссариев)» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зарубина Е.С. — Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты // Litera. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40692 EDN: GRWYKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40692

Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты

Зарубина Елена Сергеевна

преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета теоретической и прикладной филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

664025, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, оф. 304

✉ e.s.zarubina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40692

EDN:

GRWYKC

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2023

Аннотация: В данной статье рассматривается процесс грамматикализации в современном русском языке на примере перехода глагольного образования «исходя из» в предложное. Объектом исследования является грамматикализация, благодаря которой происходит переход из самостоятельных частей речи в служебные, предметом – единицы, которые подвергаются грамматикализации и имеют пограничный статус между полнозначной и функциональной единицей. Такие единицы образуют некий континуум разнородный по степени определенности/грамматикализации. Особое внимание в исследовании уделяется сочетаемости релятива в связи с тем, что только в контексте определяется значение и функция единицы, отражается степень ее грамматикализации и обозначаются новые свойства лексических единиц. В настоящее время значительное внимание уделяется производным отыменным предложным новообразованиям. За последние два десятилетия появилось большое количество исследований, в которых рассматриваются как отдельные предложные единицы, так и группы единиц. Целый ряд работ посвящен описанию отыменных предлогов. В то же время отглагольные предложные новообразования оказались на периферии внимания. Данная статья посвящена описанию отглагольного релятива «исходя из», семантические и

синтаксические особенности которого не были детально описаны, – в этом заключается новизна исследования. В исследовании используются количественный и описательный методы лингвистического анализа. В статье приводятся лексико-семантическая классификация глаголов, занимающих позицию левого компонента (главного) в сочетаниях с исследуемым предлогом, классификация существительных, занимающих позицию правого компонента (зависимого), а также лексико-семантическое соотношение компонентов.

Ключевые слова:

отглагольный релятив, производный предлог, предложная единица, служебные слова, полнозначные слова, левый компонент, правый компонент, лексико-семантическая классификация, грамматикализация, сочетаемость

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-22-329 «Описание семантики и функционирования производного предлога "исходя из"».

В современном русском языке происходит изменение состава служебных единиц благодаря процессу грамматикализации. Под грамматикализацией понимается переход единиц из самостоятельных частей речи в служебные. Дискуссионным остается вопрос об отнесенности единиц разной степени грамматикализации в ряд предлогов. М. В. Всеволодова предложила идею о функционально-грамматическом поле предлога, которое позволяет объединить и собственно предлоги, и те единицы, которые находятся в процессе грамматикализации [3, с. 11]. В ядре этого поля находятся непроизводные предлоги, на периферии – единицы, в определенных контекстах функционирующие в качестве предлогов. Как отмечает Е. Н. Виноградова, «процесс перехода существительных в предлоги идет, с одной стороны, пословно, а с другой – представляет собой некоторый континуум, в котором сложно провести четкие границы и однозначно определить окончательное «превращение» конструкции в предлог как часть речи» [2, с. 238]. В главе «К вопросу о грамматике вторичных предлогов» в словаре Чеслава Ляхура М. В. Всеволодова также в ядро поля предлогов включает собственно предлоги, а к периферии относит эквиваленты предлогов, которые представлены «аналогами предлогов – словоформами других частей речи, которые могут перейти и иногда уже воспринимаются авторами самых авторитетных грамматик и словарей как предлоги <...> и коррелятами предлогов – словоформами, выполняющими в определенных условиях функции предлога, не выходя из своей части речи» [13, с. 13]. Лексическое значение единиц периферии функционально-грамматического поля предлога, как отмечает Е. С. Шереметьева, «не обнаруживает такой степени абстрактности, чтобы новое служебное слово полностью отделилось от породившего его имени», однако данные единицы «оформляют и квалифицируют отношения между частями синтаксических структур», таким образом проявляя свои служебные свойства [11, с. 4]. В рамках исследования мы рассматриваем единицы, функционирующие как предлоги и образующие некий континуум, разнородный по степени грамматикализации [1, с. 38]. В этот континуум включается предложная единица «исходя из». Как отмечает Е. Т. Черкасова, при переходе полнозначных слов в предлоги ими утрачивается собственное категориальное значение и приобретает категориальное значение связующих слов, т. е. значение релевантности [9, с. 12]. Вслед за Е. С. Шереметьевой мы используем термин

«отглагольный релятив», в котором «релятив» указывает на оформление отношений между частями синтаксических структур и «позволяет охватить и факты, подходящие под определение «производный предлог», и факты, не вполне подходящие под это определение и именуемые «предложное новообразование» [10, с. 213-214], а «отглагольный» указывает на производящую базу – особую форму глагола (деепричастие) с предлогом.

При решении вопроса о значении и функции отглагольного релятива учитывается контекст. Внимание к сочетаемости производных предлогов объясняется тем, что она во многом может отражать степень грамматикализации производной единицы. Лексические единицы, подвергаясь грамматикализации, теряют некоторые семантические, морфосинтаксические и фонетические свойства, но обретают другие свойства в новых контекстах. Контекст является решающим фактором в формировании структуры грамматических форм – в той мере, в какой они могут выражать значения, которые не могут быть немедленно выведены из их исходных форм [12, с. 2].

В статье представлены лексико-семантическая классификация глаголов, занимающих позицию главного слова в сочетаниях с предлогом – левого компонента, классификация существительных, занимающих позицию зависимого слова – правого компонента, а также лексико-семантическое соотношение левого и правого компонентов.

Ниже представлена обобщенная классификация правого (зависимого) компонента в конструкции с релятивом «*исходя из*». Ее мы будем сопоставлять с классификацией левого (главного) компонента. В рамках классификации правого (зависимого) компонента были выделены 6 групп:

- 1 . Существительные, связанные с **мыслительной деятельностью** человека (*опыт, понимание, представление, соображение, знание, мысль, замысел, идея, цель* и др.).
2. Существительные – **номинации разного рода отношений**, выявляемых в результате ментальной деятельности (*отношение, соотношение, мотив, основа, посылка* (логическая), *предпосылка, причина, условие* и др.).
- 3 . Существительные, обозначающие понятия, связанные с **порядком, нормой, структурой окружающего мира** (*закон, законодательство, буква закона, декларация, дисциплина* (партии), *документ, кодекс, норматив, завет* и др.).
- 4 . Существительные, называющие **параметры и характеристики** (*величина, возраст, высота, дата, значение, платежеспособность, принадлежность, причастность, длительность, загруженность, загрязненность* и др.).
5. Существительные – обобщенные наименования **ситуаций, положений дел и фактов действительности** (*обстановка, обстоятельство, ситуация, событие. состояние, положение* (сложившиеся обстоятельства), *информация, данные, сведения, факт* и др.).
- 6 . Существительные – номинации явлений, связанных с **ценностями** человека и их критериями (*интерес, потребность, предпочтение, приоритет*).

Далее представлена классификация левого (главного) компонента, в ней отмечены соответствия между группами в классификациях левого и правого компонентов. Согласно дефиниции в Объяснительном словаре русского языка, «*исходя из*» используется при указании на обстоятельство, учет которого определяет характер действия, выступает для действия в качестве определяющего ориентира [4, с. 147].

Позицию такого действия называют позицией левого компонента предложной конструкции. Левый компонент – «компонент, немаркированный предлогом, в идеальной линейной последовательности находящийся слева от предлога, но в составе конкретного высказывания не обязательно стоящий в позиции слева; формально главный» [7, с. 78]. Классификация была составлена с использованием данных «Русского семантического словаря» Н. Ю. Шведовой [5]. Группы в классификации левого (главного) компонента выстроены по количеству входящих в них глаголов от большего к меньшему, внутри каждой группы слова ранжированы по частотности употребления в контекстах Национального корпуса русского языка с учетом постпозиции отглагольного релятива. Лексические значения глаголов взяты из Русского семантического словаря Н. Ю. Шведовой [5] и Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [6]. Данные представлены в виде таблиц, в которых наличествует информация о левом компоненте (пять самых частотных глаголов каждой группы), его значении, количестве употреблений и примеры существительных, выступающих в роли правого (зависимого) компонента с указанным номером одной из шести семантических групп данной выше классификации правого компонента.

1) **Первую группу** (18 единиц) составляют глаголы, указывающие на интеллектуальную деятельность («Мысль. Воображение. Сомнение. Суждение» [5, с. 232-240]).

Глаголы, обозначающие мыслительные операции на основе информации, вводимой релятивом «исходя из»: *оценить/выполнить оценку, считать ('думать'), ожидать, судить, думать, предположить/делать предположение, мыслить, посмотреть, делать вывод, рассуждать, вывести, доказать, критиковать, толковать, заботиться, делать заключение, поставить под сомнение*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *оценить, считать ('думать'), ожидать, судить, думать*.

Таблица 1

**Значение и количество употреблений частотных глаголов группы
«Интеллектуальная деятельность» в корреляции с правым компонентом**

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
<i>Оценить</i>	'установить качество кого-чего-н., степень, уровень чего-н.'	Более 90 раз	1) <i>Опыт, прогноз, предположение,</i>
<i>Считать</i>	'делать какое-н. заключение о ком-чем-н., признавать, полагать'	Более 50 раз	2) <i>условие, сравнение, посылка,</i>
<i>Ожидать</i>	'предполагать, что что-н. произойдет, случится, а также вообще предполагать, считать'	Более 40 раз	3) <i>норматив, план, закон,</i> 4) <i>число, рост, стоимость,</i> 5) <i>факт, ситуация, обстоятельство,</i>
<i>Судить</i>	'составлять,	Более 40 раз	

	высказывать какое-н. мнение, суждение'		6) <i>интерес, предпочтение, потребность.</i>
<i>Думать</i>	(1) 'направлять мысли на кого-что-н.', (2) 'полагать, держаться какого-н. мнения'	Более 30 раз	

Пример: При этом даже такую цену эксперт **считает** завышенной, **исходя из покупательной способности** в регионах. [lenta.ru]. В данном контексте правым компонентом выступает номинация параметрической характеристики.

В связи с тем, что глаголы данной группы связаны с ментальной деятельностью, которая предполагает подвержение осмыслению любые явления и факты окружающей действительности, они сочетаются с существительными всех групп правого компонента.

2) **Во вторую группу** (17 единиц) включены номинации **креативной деятельности** («Созидание, исполнение. Приготовление» [\[5, с. 159-161\]](#)).

Глаголы, обозначающие создание и приготовление чего-либо с опорой на данные, вводимые релятивом «исходя из»: *строить, делать, составить, формировать, разработать, создать, готовить, организовать, проектировать, доработать, придумать, моделировать, конструировать, сочинить, издать, писать* ('сочинять произведение'), *поставить*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *строить, делать, составить, формировать, разработать*.

Таблица 2

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Креативная деятельность» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
<i>Строить</i>	'возводить, создавать какое-н. сооружение, здание, а также конструкцию, машину', 'созидать, создавать, организовывать'	Более 260 раз	1) <i>Понимание, представление, опыт,</i> 2) <i>предпосылка, соотношение, отношение,</i> 3) <i>поправка,</i>
<i>Делать</i>	'трудиться, создавая что-н. своими руками, а также вообще производить какой-н. продукт'	Более 230 раз	<i>документ, кодекс,</i> 4) <i>значение, длительность,</i>
<i>Составить</i>	'собрать, соединив, объединив что-н., образовать нечто целое'	Более 120 раз	<i>высота,</i> 5) <i>ситуация, положение, обстановка,</i>
<i>Формировать</i>	'создавать, придавая	Более 90 раз	6) <i>приоритет,</i>

	определенную форму, законченность'		предпочтение, интерес.
Разработать	тщательно, всесторонне исследовать, подготовить, обработать во всех подробностях'	Более 60 раз	

Пример: При этом в заключении комиссии есть глубокомысленная фраза о том, что органы власти должны **формировать** свои бюджеты **исходя из** «объективно необходимых потребностей». [«Газета»]. В функции правого компонента в данном контексте выступает существительное, называющее явление, связанное с ценностями человека.

Глаголы данной группы также сочетаются с существительными всех выделенных нами семантических групп правого компонента – созидательная деятельность может осуществляться исходя из всех явлений, названных существительными – левым компонентом.

3) **Третью группу** (16 единиц) составляют глаголы, указывающие на **передачу сообщения, обмен информацией** («Информация, передача, получение сообщения. Обмен информацией», [\[5, с. 458-537\]](#)).

Глаголы, указывающие на коммуникацию с учетом информации, вводимой релятивом «исходя из» . предлагать, говорить, объяснить, назвать, ответить/строить ответ, писать, делать доклад, обосновать, советовать, констатировать, спрашивать/задавать вопрос/ставить вопрос, излагать, утверждать, отметить, подтвердить, произнести.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы предлагать, говорить, объяснить, назвать, ответить/строить ответ .

Таблица 3

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Передача сообщения, обмен информацией» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
Предлагать	высказать мысль о чем-н. как о возможном; представить на обсуждение как возможное'	Более 90 раз	1) Мнение, предположение, логика, 2) причина, соотношение, предпосылка,
Говорить	словесно выражать мысли, сообщать'	Более 70 раз	3) требование,
Объяснить	растолковать кому-н. или осмыслить для самого себя, сделать ясным, понятным'	Более 50 раз	закон, документ, 4) объем, размер, стоимость,

Назвать	‘определить, охарактеризовать’	Более 30 раз	5) ситуация, данные, обстановка,
Ответить	‘дать ответ, отозваться’	Более 20 раз	6) любовь, интерес, заинтересованность.

Пример: Я **говорил, исходя из** своей любви к подлинному языку, какой бы он ни был <...>. [С. Есин]. В роли правого компонента в данном контексте выступает существительное, называющее понятие, связанное с ценностями человека.

Глаголы данной группы также сочетаются с существительными всех выделенных нами семантических групп правого компонента, в связи с тем, что глаголы речи неразрывно связаны с глаголами, называющими ментальные процессы, и вербализируют когнитивную деятельность, которой свойственно охватывать все сферы действительности.

4) **Четвертую группу** (15 единиц) составляют глаголы, называющие **познание, изучение, осмысление действительности** («Познание. Осведомленность», [\[5, с. 240-246\]](#)).

Глаголы, обозначающие восприятие и осмысление действий, фактов, явлений с учетом информации, вводимой релятивом «исходя из» : *рассмотреть, понять, анализировать, знать, учиться, изучать, видеть, найти объяснение, читать, чувствовать, осознать, ощущать, осмыслить, познавать, постичь*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *рассмотреть, понять, анализировать, знать, учиться* .

Таблица 4

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Познание, изучение, осмысление действительности» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
<i>Рассмотреть</i>	‘вникнув, разобрав, обсудить’	Более 40 раз	1) Концепция, теория,
<i>Понять</i>	‘уяснить значение чего-н., смысл чьих-н. слов, поступков’, ‘познать, постигнуть’	Более 25 раз	<i>предположение,</i> 2) отношение, основа, причина,
<i>Анализировать</i>	‘познавать истинную сущность чего-л., опираясь на метод научного исследования, состоящий в расчленении целого на составные элементы’	Более 20 раз	3) принцип, требование, правило, 4) параметр, процент, масштаб, 5) положение, сведения, факт,
<i>Знать</i>	‘иметь сведения о ком-чем-н.’, ‘обладать какими-н.	Более 10 раз	6) нет.

	познаниями, иметь о ком-чем-н. понятие, представление'		
Учиться	'постигая что-л., приобретать (приобрести) теоретические знания и практические навыки, умение что-л. делать самостоятельно или под руководством педагога; син. заниматься, обучаться' [Бабенко, 1999, с. 572]	Более 10 раз	

Пример: **Рассмотрим** «принципы строителя коммунизма» **исходя из** взаимосвязи целей и норм <...>. [Н. Л. Захаров]. В данном контексте правым компонентом выступает номинации некоторых отношений, выявляемых в результате изучения и осмысления действительности.

В Корпусе не найдено примеров сочетаемости глаголов, называющих понятия, связанные с осмысленностью, осведомленностью, и существительных – номинаций явлений, связанных с ценностями человека и их критериями. Это может быть связано с тем, что ценности человека и их критерии сложнее поддаются осмысленному изучению, чем остальные понятия, представленные в классификации правого компонента.

5) **Пятую группу** (14 единиц) составляют глаголы, обозначающие понятия, связанные с **принятием решений, требованием, выбором – проявлением воли субъекта во взаимодействии с окружением** («Воля. Требование», [\[5, с. 294-309\]](#)).

Глаголы, называющие действия по контролю, влиянию, решению с опорой на ориентир, вводимый релятивом «исходя из»: *выбирать/делать выбор, принять решение/решить, установить, голосовать, утвердить, назначить, поддержать, определить* ('установить, назначить'), *запретить, принять закон, взыскать, постановить, предписать, отстаивать*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *выбирать/делать выбор, принять решение/решить, установить, голосовать, утвердить*.

Таблица 5

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Принятие решений» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
Выбрать	'взять, отобрать, определить для себя нужное, предпочитаемое'	Более 300 раз	1) гипотеза, прогноз, идея, 2) условие,

Решить	‘обдумав, прийти к какому-н. выводу, к необходимости каких-н. действий’, ‘сделать окончательное заключение, вывод; вынести постановление о чем-н.’	Более 280 раз	соотношение, мотив, 3) требование, принцип, положение, 4) значение, характеристика, длительность, 5) данные, ситуация, положение, 6) предпочтение, потребность, любовь.
Установить	‘назначить, утвердить, ввести в действие’	Более 150 раз	
Голосовать	‘подавать голос’, где голос – это ‘право заявлять свое мнение при решении государственных, общественных вопросов, а также само такое выраженное мнение’	Более 30 раз	
Утвердить	‘официально принять окончательное решение, признать окончательно установленным’	Более 20 раз	

Пример: *И я буду выступать и **голосовать**, исходя из политических соображений, а не из личных, тем менее – карьерных*. [А. Микоян]. Здесь правым компонентом является номинация процесса мыслительной действительности.

На основании информации о сочетаемости по данным Корпуса глаголы, называющие действия по контролю, влиянию, принятию решений могут сочетаться с существительными всех групп правого компонента в составе конструкции с «исходя из». Это связано с тем, что принятие решений может основываться на различных данных, названных существительными – правым компонентом, ограничений в употреблении нет.

6) **Шестую группу** (12 единиц) составляют глаголы, называющие **систематизацию фактов действительности** («Группировка. Регулирование. Упорядочивание», [\[5, с. 170-171\]](#)).

Глаголы, обозначающие рассмотрение и упорядочивание, доведение до нормы фактов и явлений действительности с учетом информации, вводимой релятивом «исходя из»: *планировать, распределить, корректировать, организовать, регулировать* (‘упорядочивать, налаживать’), *регламентировать* (‘упорядочить’), *обозначить, выделить, классифицировать, исправить, упорядочить, редактировать*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *планировать, распределить,*

корректировать, организовать, регулировать ('упорядочивать, налаживать').

Таблица 6

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Систематизация фактов действительности» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
Планировать	'устраивать, располагать в соответствии с заранее намеченной системой действий, предусматривающей порядок, последовательность и сроки выполнения'	Более 100 раз	1) прогноз, представление, 2) нет, 3) закон, порядок, принцип, 4) объем,
Распределить	'разделить между кем-н. на определенные части'	Более 40 раз	индекс, мощность, 5) данные, ситуация,
Корректировать	'вносить коррективы, исправления, поправки во что-л.'	Более 30 раз	6) приоритет, потребность,
Организовать	'упорядочить'	Более 20 раз	интерес.
Регулировать	'упорядочивать, налаживать'	Более 10 раз	

Пример: *Летнее расписание мы уже **планируем** исходя из отмены квотирования.* [«Вестник авиации и космонавтики»]. Правым компонентом в данном контексте является номинация существующего положения дел в финансовой сфере.

В Корпусе не нашлось употреблений глаголов этой группы с существительными, называющими разного рода отношения, выявляемые в результате ментальной деятельности человека. Вероятно, это связано с семантикой левого и правого компонентов: левый компонент связан с систематизацией фактов действительности, а правый, наоборот, отсылает к абстрактным логическим отношениям.

7) **Седьмую группу** (12 единиц) составляют глаголы, указывающие на **преобразование объектов** («**Собственно изменение, увеличение или уменьшение**», [\[5, с. 161-166\]](#)).

Глаголы, обозначающие действия по трансформации и реорганизации существующего положения вещей с опорой на данные, вводимые релятивом «исходя из»: *менять, развивать, перейти* ('изменить свое состояние'), *увеличить, ограничить* ('сделать меньше по размеру, количеству, времени, охвату'), *сократить, повысить, перестроить, улучшить, модернизировать, модифицировать, переделать*.

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *менять, развивать, перейти* ('изменить свое состояние'), *увеличить, ограничить* ('сделать меньше по размеру, количеству, времени, охвату').

Таблица 7

**Значение и количество употреблений частотных глаголов группы
«Преобразование объектов» в корреляции с правым компонентом**

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
<i>Менять</i>	'делать иным, изменять', 'замещать одно другим, брать одно вместо другого'	Более 50 раз	1) понимание, побуждение, исследование, 2) нет,
<i>Развить</i>	'довести до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднять уровень чего-н.'	Более 30 раз	3) принцип, план, требование, 4) величина, параметр, сумма,
<i>Перейти</i>	'изменить свое состояние, место пребывания, сферу деятельности'	Более 20 раз	5) ситуация, обстановка, факт,
<i>Увеличить</i>	'сделать больше по величине, размеру, количеству, весу, времени, интенсивности, охвату'	Более 20 раз	6) интерес, потребность, предпочтение.
<i>Ограничить</i>	'сделать меньше по размеру, количеству, времени, охвату'	Более 10 раз	

Пример: Банк России **перешел** к политике ежедневного определения параметров валютных интервенций, **исходя из** складывающейся ситуации. [«Эксперт»]. В данном контексте глагол с семантикой преобразования сочетается с существительным, называющим существующее положение дел.

Не найдено употреблений глаголов этой группы с существительными, называющими разного рода отношения, выявляемые в результате ментальной деятельности человека. Возможно, так же, как и в случае с предыдущей группой, это связано с семантикой левого и правого компонентов: левый компонент связан с некоторым преобразованием объектов действительности, с чем-то конкретным, а правый, наоборот, имеет очень абстрактное значение, указывает на логические отношения.

8) **Восьмую группу** (10 единиц) составляют глаголы, обозначающие измерение, вычисление, определение характеристик явлений («**Измерение, соотнесение. Счет, вес**», [5, с. 187-191]).

Глаголы, указывающие на определение параметрических характеристик с учетом информации, вводимой релятивом «исходя из» : *делать расчет/осуществить расчет/рассчитать, определить, делать прогноз/прогнозировать, предсказать, исчислять,*

найти, высчитать, делать подсчет, начислить, решить ('найти ответ к задаче, искомые числа и функции').

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *делать расчет/осуществить расчет/рассчитать, определить, делать прогноз/ прогнозировать, предсказать, исчислять.*

Таблица 8

Значение и количество употреблений частотных глаголов группы «Измерение, вычисление» в корреляции с правым компонентом

Левый компонент	Значение левого компонента	Количество употреблений	Правый компонент
<i>Рассчитать</i>	'произвести подсчет, исчисление чего-л.'	Более 470 раз	1) понимание, предположение, гипотеза,
<i>Определить</i>	'с точностью выяснить, установить'	Более 100 раз	2) условие, соотношение, посылка,
<i>Прогнозировать</i>	'установить прогноз', где прогноз – это предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-л.'	Более 30 раз	3) норматив, декларация, правило,
<i>Предсказать</i>	'заранее сказать, что произойдет в будущем'	Более 20 раз	4) масса, расстояние, стоимость,
<i>Исчислять</i>	'высчитать, вычислить'	Более 20 раз	5) положение, факт, ситуация,
			6) приоритет, потребность, интерес.

Пример: *Сумму оплаты услуг экспертных организаций **рассчитывают исходя из размера оплаты труда** каждого эксперта и их количества.* [Парламентская газета]. Правым компонентом в данном контексте является номинация параметрической характеристики в сфере финансов.

Глаголы группы счета не сочетаются с существительными, называющими ценности человека и их критерии. Вероятно, это связано с семантикой группы счета – предполагается некоторый точный расчет, измерение, и семантикой группы ценностей человека – нечто абстрактное, не связанное с возможностью точного измерения. А существительные, называющие параметры и характеристики, активно сочетаются с глаголами счета благодаря общности семантики. Данные сочетания представлены в корпусе обширно.

Все выделенные семантические группы связаны с разными аспектами интеллектуальной деятельности: мыслительные операции, создание чего-то нового, сообщение или получение информации, изучение и осмысление действительности, выражение воли субъекта, упорядочивание, преобразование и изменение явлений действительности. Релятив «исходя из» оформляет логические отношения в предложении. Это объясняется

лексическим значением производящего глагола *исходить* – 'основываться на чем-л., брать что-л. за основу' [6, с. 694], которое указывает на процесс осмысления явлений действительности. Правый компонент – то есть зависимый компонент – представлен в большинстве своем абстрактной лексикой, а небольшое количество конкретной лексики называет понятия, которые подвергаются осмыслению человеком. Препятствиями к сочетаемости глаголов с существительными выделенных нами групп служит семантика левого и правого компонентов в конструкции с «*исходя из*».

Библиография

1. Виноградова, Е. Н. О грамматикализации в русском языке (поле предлогов) / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. – СПб., Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы "МАПРЯЛ", 2015. – С. 37-41.
2. Виноградова, Е. Н. Русские предлоги в концепции М. В. Всеволодовой (на примере одного "из") // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-predlogi-v-kontseptsii-m-v-vsevolodovoy-na-primere-odnogo-iz> (дата обращения: 15.03.2023). 230-246 с.
3. Всеволодова, М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации / Вопросы языкознания // М. В. Всеволодова. – № 4 – М., РАН, 2010. – С. 3-26.
4. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина М.: Астрель : АСТ, 2003. – 421 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. IV / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: РАН Ин-т рус.яз., 2007. – 952 с.
6. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
7. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс] : монография : научное электронное издание / [Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева и др.] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный университет. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 377 с.
8. Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
9. Черкасова, Е. Т. Переход однозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
10. Шереметьева, Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. – 236 с.
11. Шереметьева, Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка [Текст]: дис. ... д. филол. наук: 10.02.01. – Владивосток, 2011. – 407 с.
12. Heine, B., Kuteva, T. World lexicon of grammaticalization, Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 389 p.
13. Lachur, C. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim), Opole: Wydawnictwo Nowik Sp.j. 2019. Tom 1: a conto – oprócz.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сочетаемость отглагольного релятива «исходя из»: левый и правый компоненты», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что в современном русском языке происходит изменение состава служебных единиц благодаря процессу грамматикализации. Кроме того, дискуссионным остается вопрос об отнесенности единиц разной степени грамматикализации в ряд предлогов.

Несмотря на некоторое количество исследований в данной области, в данной теории до сих пор встречаются не до конца изученные моменты.

В статье представлены лексико-семантическая классификация глаголов, занимающих позицию главного слова в сочетаниях с предлогом – левого компонента, классификация существительных, занимающих позицию зависимого слова – правого компонента, а также лексико-семантическое соотношение левого и правого компонентов.

В рамках исследования автор рассматривает единицы, функционирующие как предлоги и образующие некий континуум, разнородный по степени грамматикализации, в который включается предложная единица «исходя из».

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Материал представлен наглядно, автор использует табличный формат, который облегчает восприятие теоретического материала читателем. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. Считаем, что указанных источников вполне достаточно для написания статьи подобного уровня.

Технических ошибок в оформлении списка использованной литературы не выявлено.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практике русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сочетаемость отглагольного

релятива «исходя из»: левый и правый компоненты» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Semantic structure of the concept "patriotism" through the prism of linguocognitivism

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanities, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

625049, Russia, Tyumen region, Tyumen, Amurskaya str., 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

Abstract. The verbalization of the concept of "patriotism" is a fairly common phenomenon in the sociolinguistic space. In this regard, there is no doubt that the meaningful behavior of the structure of the sema patriotism and its derivatives is a subject of scientific interest. Being international in use, the lexeme representing the presented concept has semantic correlates in regions with different forms of government (for example, allegiance), historical and spiritual baggage. The author notes that the seme patriotism is predisposed to the explicative formation of a whole spectrum of meanings capable of accommodating lexemes within a specific context in the content space, both direct, primary meaning and secondary, projective meanings fixed in communicative practice. The author states that the semantic structure of the presented concept is characterized by a connotatively positive use, transmitting to the addressee not only a system of values, but also characterizing a class of people (patriots). The article states that the associative space of the presented unit of language and its derivatives is anthropocentric, and the implicitly present structural elements find expression in implicates that make the realization of the nuclear meaning in one of its many variants unique. The research is based on the methodological foundations and principles of the analysis of language as a mirror of national culture, developed in modern cognitive linguistics.

Keywords: content potential, interpretation, concept, patriot, patriotism, derivation, semantic structure, discursive meanings, semantics, cognitive linguistics

References (transliterated)

1. Glebkin V.V. Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskii podkhod. – M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. – 256 s.
2. Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. T. IV. Vooruzhennye sily Yuga Rossii. – Berlin: Slovo, 1925. – 248 s. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://rushist.com/index.php/denikin-4/800-9-tragediya-dona-i-ukhod-atamana-krasnova> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
3. Dobrokhoto A.L. Filosofiya kul'tury. – M.: ID VShE, 2016. – 560 s.
4. Kasevich V.B. Kognitivnaya lingvistika: v poiskakh identichnosti. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. – 185 s.
5. Kasevich V.B. Problemy semantiki. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. 304 s.
6. Kelle V.Zh. Intellektual'noe i dukhovnoe nachala v kul'ture. – M.: IF RAN, 2011. – 218 s.
7. Knyazeva M. Patriotizm v Rossii: kak privesti v poryadok svoi dushevnyi mir [Elektronnyi resurs]. 2023. 12 marta. – URL: <https://www.mk.ru/social/2023/03/12/patriotizm-v-rossii-kak-privesti-v-poryadok-svoy-dushevnyy-mir.html>

- ysclid=Ih09x7rhst367412516 (data obrashcheniya: 25.04.2023).
8. Krom M. Kak pravil'no Rodinu lyubit'? (interv'yu) [Elektronnyi resurs]. 2020. 5 oktyabrya. – URL: <https://eusp.org/news/kak-pravilno-rodinu-lyubit-istorik-mikhail-krom-rasskazal-o-patriotizme-v-rossii-i-ego-proyavleniyakh?ysclid=Ih0q4gfvjd766077696> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
 9. Kudishina A.A. Gumanizm – fenomen sovremennoi kul'tury. – M.: Akademicheskii Proekt, 2005. – 504 s.
 10. Kustova G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 472 s.
 11. Luidzhi A. Psikhologiya kul'tury. – Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr, 2016. – 480 s.
 12. Mikhailova O.A. Ogranicheniya v leksicheskoi semantike: Semasiologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1998. – 240 s.
 13. Neretina S.S., Ogurtsov A.P., Murzin N.N., Pavlov-Pinus K.A. Aporii diskursa. – M.: IF RAN, 2017. – 119 s.
 14. Nikitin V. Vremya sladkogo yantaka. – Khabarovsk: Izd-vo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2022. – 370 s.
 15. Nikitin M.V. Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii: Spetskurs po obshchei i angl. Leksikologii. – Vladimir: Vladimir. gos. ped. in-t im. P.I. Lebedeva-Polyanskogo, 1974. – 222 s.
 16. Popova E.P. Dopolnitel'naya obshcherazvivayushchaya programma «TERRA» [Elektronnyi resurs]. – Balashikha, 2014. – 33 s. – URL: https://dopobraz-karelia.ru/images/edu_programs_for_teachers/estestvennonauchnaya/popova_terra.pdf (data obrashcheniya: 25.04.2023).
 17. Shagbanova Kh.S. Kontsept «patriotizm» v ballade K. Simonova «Sekret pobedy» // Obrazovanie i pravo. 2022. № 2. – S. 348-352.
 18. Shilyaev K.S. Osnovnye kontseptsii kognitivnoi semantiki. – Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – 45 s.
 19. Shchetinina A.V. Ideograficheskii slovar' russkoi sotsial'noi leksiki: gosudarstvo, vlast', vnutrennyaya politika. – Ekaterinburg: Azhur, 2018. – 768 s.
 20. Evans V. Kontseptual'naya i mezhslovnaya polisemiya: analiz v terminakh teorii leksicheskikh kontseptov i kognitivnykh modelei (LKKM) // Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015. – C. 350-387.

The idea of eternal femininity in the poetry of A.M. Sharonov (based on the poem "Valentine")

Sharonova Elena Alexandrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University

430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, office 503

✉ sharon.ov@mail.ru

Savonina Nataliya Anatol'evna

Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University

Abstract. For centuries, world culture has been thinking about the essence of the idea of Eternal femininity, manifested in philosophy and art. The idea of Eternal femininity is formed from a set of concepts that define a Woman, beauty, love, motherhood, chastity, wisdom, harmony. The purpose of the work is to consider the idea of Eternal femininity in the work of a modern Russian poet – A.M. Sharonov. The goal is realized in the process of analyzing the poem "Valentine" dedicated to the poet's wife. The lyrical heroine is the embodiment of femininity for A.M. Sharonov. The research is based on the application of a set of methods – cultural-historical, comparative-historical, method of holistic analysis of a work of art. The scientific novelty of the research lies in the analysis of A. M. Sharonov's poem "Valentina" in the proposed context for the first time. The article proves that the image of Eternal femininity is formed by A.M. Sharonov through the mythological perception of femininity, which has demiurgic features peculiar to a woman by right of her birth as a woman. She is a demiurge because she was created to give birth (= create), for her this is not goal-setting, as for a man, but a given. A. M. Sharonov's woman is not secondary, not passive, not only an object of admiration and worship, but also a subject who energetically carries out life. According to A.M. Sharonov, a Woman contains wisdom, beauty, love, creative power that contributes to the transformation of the world and gives a person the opportunity to ascend to the heights he has chosen, which determines for him the idea of Eternal femininity.

Keywords: motherhood, chastity, harmony, antique code, lyrical heroine, beauty, Sharonov, poetry, the idea of eternal femininity, lyrical plot

References (transliterated)

1. Arzamazov A. A. Konteksty khudozhestvennogo obnovleniya natsional'noi literatury. Izhevsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Shelest» , 2018. 291 s.
2. Arzamazov A. A. Khudozhnik, sozdavshii epos. Otzyv na epos «Mastorava» A. M. Sharonova // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2020. T. 14. № 3. S. 557–559.
3. Berdyaev N. A. Samopoznanie: Sochineniya. M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press; Khar'kov: Izd-vo Folio, 1998. 624 s.
4. Gagaev A. A., Gagaev P. A., Bochkareva O. V. Filosofiya erzyanskogo eposa «Mastorava» A. M. Sharonova // Nauka i kul'tura Rossii. 2014. T. 1. S. 88–90.
5. Gagaev A. A., Gagaev P. A. «Mastorava» A. M. Sharonova v lingvisticheskoi teorii diskursa i teksta // Russkii yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy. Maikop, 2017. S. 140–145.
6. Gorlanov G. E. «Mastorava» – unikal'noe yavlenie v kul'ture Rossii // Mastorava. – 5-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Saransk : Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya «Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa», 2022. S. 495–496.
7. Gudkova S. P. Khudozhestvennoe osmyslenie erzya-mokshanskoi mifologii i fol'klora v geroicheskoi poeme Mordovii (na materiale poemy A. Sharonova «Kudadei» //

- Polietnichnyi mir Evrazii: problemy vzaimovospriyatiya. Izhevsk, 2016. S. 415–422.
8. Gudkova S. P. Obraz Erzyanii v poeticheskom osmyslenii A. M. Sharonova // *Finno-ugorskii mir*. 2020. T. 12. № 1. S. 107–109.
 9. Gudkova S. P., Khozyaikina A. V. Osobennosti razvitiya knigi stikhov v sovremennoi russkoyazychnoi poezii Mordovii (na materiale poeticheskikh knig A. M. Sharonova «Monologi» i S. Yu. Senicheva «Vinogradvshokolade, ili Slovoslozhenie») // *Vestnik ugrovedeniya*. 2021. T. 11. № 1. S. 16–24.
 10. Gudkova S. P. «Itogovaya» kniga stikhov kak metazhanrovoe obrazovanie v russkoyazychnoi poezii Mordovii (A. Sharonov «Planeta Era» i V. Gadaev «Pozdnie otkroveniya») // *Filologicheskaya regionalistika*. 2016. № 2(18). S. 40–46.
 11. Ingl O. P. Problema krizisa patriarkhal'nogo pravleniya v epose «Mastorava» // *Finno-ugorskii mir*. 2016. № 3. S. 40–43.
 12. Kudryavtseva R. A., Kuznetsova M. N. Mordovskii epos «Mastorava» A. Sharonova (k voprosu o tipologicheskikh chertakh knizhnoi formy eposa finno-ugorskih narodov) // *Vestnik ugrovedeniya*. 2020. T. 10. № 3. S. 479–488.
 13. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. M.: NPK «Intelvak», 2001. 1600 s.
 14. Mazina E. I. Vechnaya zhenstvennost' kak glavnyaya ideya russkoi sofiologii // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009. № 1–4. S. 130–132.
 15. Minichkina V. P., Rus'kina E. S. Epos kak faktor formirovaniya etnicheskoi identichnosti lichnosti (na primere respubliki Mordoviya) // *Finno-ugorskii mir*. 2019. T. 11. № 1. S. 93–106.
 16. Naumkin V. V., Sharonova E. A. «Mastorava»-kosmos i sotsium // *Mastorava*. – 5-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Saransk : Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya «Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa», 2022. S. 3–15.
 17. Khozyaikina A. V. Osobennosti reprezentatsii natsional'nogo fol'klora i mifologii v poezii A. M. Sharonova // *Russkii fol'klor Mordovii v kontekste otechestvennoi kul'tury : sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2022. S. 180–183.
 18. Sharonov A. M. *Monologi*. Saransk [B.i.], 2019. 512 s.
 19. Sharonov A. M. *Mastorava* / A. M. Sharonov. – 5-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Saransk : Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya «Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa», 2022. 512 s.
 20. Sharonova E. A., Ingl O. P. «Kalevala», «Kalevipoeg», «Mastorava»: epiko-istoricheskii dialog. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2017. 148 s.

Structural and semantic features of verbs of interpersonal relations in Russian and Chinese

Li Xiuyu

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukh-Maklaya str., 6

✉ lixiuyu0525@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the structural and semantic features of verbs expressing interpersonal relationships in two different-structured Russian and Chinese languages. The

purpose of the work is to provide a comparative description of the structure of verbs and their semantic features, as well as to identify the specifics of grammatical categories and compare the word-formation types of verbs in two languages. The following methods were used in this article: descriptive method, comparative method and component analysis method. From the point of view of the structural-semantic approach, the verbal vocabulary of the Russian and Chinese languages expressing interpersonal relations still remains insufficiently studied, so research in the field of verb semantics is relevant. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time the common and unique features of the analyzed verbs are considered in comparison. It is shown that an important feature of Russian verbs is that they have many forms of word change with different meanings, whereas in Chinese the verb has no forms of word change and semantic diversity. The results of the research can be used in the process of teaching lecture courses on comparative lexicology of Russian and Chinese languages; when reading special courses in cognitive linguistics, linguoculturology, intercultural communication. The conclusion of this research is that compared with Russian verbs, which are characterized by a wealth and variety of affixes, Chinese verbs do not have possibilities of word formation for expressing different grammatical meanings. These various structural and semantic features of Russian and Chinese verbs complicate the understanding of the text and create significant difficulties in translation, as well as in the practice of teaching these languages as foreign.

Keywords: comparative analysis, Chinese, Russian, interpersonal relations, verb, semantic features, semantics, structure, word formation, lexicology

References (transliterated)

1. Akimova T. P. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti glagolov mezhlichnostnykh otnoshenii. Dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2003. 272 s.
2. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dabkrs.com>. Data obrashcheniya: 24.03.2023.
3. Gogulina N. A. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov mezhlichnostnykh otnoshenii (na materiale russkogo literaturnogo yazyka XIX-XX vv.). Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – L., 1986. – 16 s.
4. Denisenko V. N. Semanticheskoe pole "izmenenie" v russkoi yazykovoi kartine mira : Strukturnyi, funktsional'nyi, kognitivnyi aspekty : avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk. – M.: RUDN, 2005.
5. Dun Tszyun'fei. Emotivnye glagoly v russkom i kitaiskom yazykakh: lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Minsk, 2021. – 27 s.
6. Dun Tszyun'fei. Emotsional'nye glagoly kitaiskogo yazyka: strukturno-semanticheskie osobennosti // Variativnost' v yazyke i rechi. – Minsk, 2019. S. 78–80.
7. Il'ish B. A. Stroi sovremennogo angliiskogo yazyka. – L., 1971.
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru>. Data obrashcheniya: 23.04.2023.
9. Nebera M. V. Aksiologicheskaya dominanta «sem'ya»: spetsifika predstavleniya v lingvodidakticheskom diskurse (na materiale uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomu) // Vestnik TGPU. 2023. №1 (225).
10. Rumyantseva M. V. Semantika i funktsii glagol'nykh predikatov mezhlichnostnykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb, 1997. – 17 s.

11. Suleibanova M. U. Slovoobrazovanie i ego rol' v obogashchenii leksiki russkogo yazyka // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2019. №4. S. 149–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovanie-i-ego-rol-v-obogaschenii-leksiki-russkogo-yazyka> (data obrashcheniya: 01.05.2023).
12. Frolova M. V. Funktsionirovanie glagolov mezhlichnostnykh i sotsial'nykh otnoshenii v proizvedeniyakh russkoi literatury 20-kh godov KhKh veka (na materiale tekstov A. P. Platonova i M. A. Bulgakova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2008. – 18 S.
13. Shvedova N. Yu. Glagol kak dominanta russkoi leksiki // Filologicheskii sbornik: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V. V. Vinogradova. – M.: IRYa, 1995. S. 409–414.
14. Shelyakin M. A. russkii yazyk. Spravochnik. – Tallinn : Izdatel'stvo «Koolibri», 2002.
15. Yakhontov S. E. Kategoriya glagola v kitaiskom yazyke / Otv. red. N. A. Petrov. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1957.

Referential Expression Type and Definiteness as Factors in Asymmetrical Object Marking in Modern Hebrew

Alexeeva Maria

Senior Lecturer, Department of Semitic and Hebrew Studies, St Petersburg University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Nab., 7-9

✉ maria-alexeeva@inbox.ru

Abstract. The subject of this study are the referential expressions that encode the O-participant in a transitive clause in the Modern Hebrew language. The goal of this study is to establish the significance of “definiteness” as a factor in asymmetric object marking for different types of referential expressions used by the Modern Hebrew speakers. For this purpose, the author considers the ways of expressing the category “definiteness” in various Modern Hebrew referential expressions that encode the O-participant in a transitive clause, and carries out a quantitative and comparative analysis of the ways of formalizing these expressions, using two research corpuses with a total volume of about 101 000 words. As a result of the analysis, it is concluded that, despite the clear correlation between the “definiteness” and the way noun phrases in the direct object role are constructed, “definiteness” is the only factor licensing asymmetric object marking for only one category out of the four considered, for proper names that are obligatorily marked. The remaining categories (definite noun phrases with other indicators of determination, indefinite noun phrases and pronouns) are all optionally marked within one or more types of referential expressions within each category. Of particular importance are the conclusions about the optional marking of referents encoded with the *kol* quantifier (55% of referential expressions with a quantifier and a relative pronoun are marked), partitive constructions (75% are marked), demonstrative and relative pronouns (48% and 66-85% are marked, respectively). It is proposed that for these types of referential expressions, there are additional factors that license asymmetric object marking in Modern Hebrew and that to determine them it would require further study of the discourse-pragmatic characteristics of referent-encoding expressions, including their referential status, status of animation, activity in discourse and degree of topicality.

Keywords: comparative analysis, definiteness, quantitative analysis, referential expression,

referent, discourse-pragmatic motivations, corpus analysis, accusative, Modern Hebrew, object marking

References (transliterated)

1. Voeikova M. D. Vvedenie. Peterburgskaya shkola funktsional'noi grammatiki: istoriya, sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2015. №1. S. 3-17.
2. Kibrik A. A., Plungyan V. A. Funktsionalizm // A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina (red.). *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika. Fundamental'nye napravleniya*. 4-e izd. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010. S. 276-339.
3. Ron'ko R. V. Nominativnyi ob'ekt v drevnerusskom yazyke i severnorusskikh dialektakh v areal'noi i tipologicheskoi perspektive: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.20 / Ron'ko Roman Vital'evich; [Mesto zashchity: In-t yazykoznaniya RAN]. M., 2018. 136 s.
4. Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh // *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 59-142.
5. Serbol'skaya N. V. Odushevlennost' i markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskom korpuse // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2019. №2. S. 205-215.
6. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3), 2003. Pp. 435-483.
7. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 2012. 287 p.
8. Bhat D. N. S. Interrogative-Indefinite Puzzle // *Pronouns, Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford, 2007. Pp. 226-249.
9. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
10. Dalrymple, M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 247 p.
11. Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type // *Proceedings of IATL 17*, Falk, Yehuda (ed.), 2002. 19 c. <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/17/Danon.pdf> [data obrashcheniya: 22.04.2023]
12. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar. Part 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 433 p.
13. Falk Y. N. Case: Abstract and Morphological // *Linguistics* 29(2), 1991. Pp. 197-230.
14. Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 432 p.
15. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
16. Hacohen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity // *Glossa: a journal of general linguistics*. 6(1): 148. 2021, Pp. 1-34.
17. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1994. 434 p.

18. Haspelmath M. Ditransitive alignment splits and inverse alignment // *Functions of Language* 14(1), 2007. Pp. 79-102.
19. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // *Linguistics*. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
20. Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. Vol. 83. No. 1. 2007. P. 74-109.
21. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press. 2009. Pp. 339-355.
22. Siloni T. Construct states at the PF interface // *Linguistic Variation Yearbook*, vol. 1. Ed. By Pica P., Rooryck J. John Benjamins, Amsterdam. 2001. Pp. 229-266.
23. Wintner S. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics* 36(2), 2000. Pp. 319-363.
24. SketchEngine [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sketchengine.eu/>, svobodnyi.

Author's strategies and tactics of Catherine II in the comedy "Seduced"

Akimova Taiana Ivanovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ogarev Mordovia State University

430034, Russia, Saransk, Metallurgov str., 11-8

✉ akimova_ti@mail.ru

Maskinskova Irina Anatol'evna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of German Philology, Mordovian State University named after N.P. Ogaryova

430005, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, office 722

✉ amaskinskova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the poetics of drama by Catherine II, the purpose of the work is to consider the author's strategies and tactics in the comedy "Seduced." Research interest in this play increased at the beginning of our century, which is confirmed by relevant publications, as well as attention to the terms "author's strategy" and "author's tactics." The concept of the author's strategy was substantiated by us in the work "Author's strategy as a literary category: methodological aspect" (2015). Three author's strategies were identified: bringing ideological opponents to clean water; protecting the younger generation from being seduced by Freemasons; the return of the owner of the house to the bosom of the family, his recognition of his ideological delusion, which, in turn, imply the use of author's tactics: A look at events from the outside - through the vision of what is happening by servants, Illogical behavior, Self-exposure, the Open Noble House, built on the rules of sincere communication, Trusting communication with the servant, Obedience of young heroines to the elders, Image of the head of the noble family as smart due to leaving the noble circle and neglect of noble duties, Showing the result of reading incorrect books, Showing the result of reading wrong books.

Keywords: image of hero-madman, familial harmony, specificity of noble communication, corporate culture of nobles, hero-resonator, Freemasonry, educational orientation of comedy, anti-Masonic drama cycle, author's tactics, author's strategy

References (transliterated)

1. Akimova T. I. Avtorskaya strategiya kak literaturovedcheskaya kategoriya: metodologicheskii aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 2 (44) 2015, chast' 1. S. 13-16.
2. Akimova T. I. Masonstvo kak «antiprosveshchenie» v komediyakh Ekateriny II // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 2012. t. 14. №2(4). S. 984-989.
3. Alpatova T. A. «Imei serdtse, imei dushu, i budesh' chelovek vo vsyakoe vremya...» (k analizu komedii D.I. Fonvizina «Nedorosl'») // Literatura v shkole. 2020. №4. S. 9-19.
4. Belykh A. Ya., Globa T. N. Lingvosinergeticheskie mekhanizmy modelirovaniya etnokul'turnogo ironicheskogo diskursivnogo prostranstva v postkolonial'nom afrikanskom frankoyazychnom diskurse // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. №2 (54). S. 236-244.
5. Vlasov S. V. O frantsuzskikh versiyakh p'esy Ekateriny II «Obol'shchennyi» iz sobraniya rukopisei ermitazhnoi biblioteki // Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. SPb. : Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Filologicheskii fakul'tet, 2011. S. 205-215.
6. Ekaterina II. Obol'shchennyi // Sochineniya Ekateriny II. M. : Sov. Rossiya, 1990. S. 300-338.
7. Ivinskii A. D. Ekaterina II, E. R. Dashkova i Markiza Ferte-Embo: o frantsuzskikh kontekstakh «Obshchestva neznayushchikh ezhednevnoi zapiski» // Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. №3. T. 79. S. 99-106.
8. Kukushkina E.D. Satiricheskie stikhotvoreniya Sumarokova kak konteksty ego komedii // XVIII vek. Sbornik 30. A. P. Sumarokov i russkaya literatura ego vremeni. SPb., 2020. S. 102-111.
9. Lebedeva O. B. Poetika russkoi vysokoi komedii XVIII – pervoi treti XIX vekov. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 471 s.
10. Prikazchikova E. E. Masony i Ekaterina II: literaturnyi dialog vlasti i obshchestva // E. R. Dashkova i razvitie kul'tury v epokhu Prosveshcheniya. M. : Moskovskii humanitarnyi institut im. E. R. Dashkovoi, 2016. S. 24-42.
11. Prozorov V. V. Avtorskie strategii v slovesno-khudozhestvennoi real'nosti // Russkii yazyk v tsentre Evropy. 2021. №1 (21). S. 5-14.
12. Proskurina V. Yu. Imperiya pera Ekateriny II: literatura kak politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 256 s.
13. Ryzhova N. R. Stilevye priemy dramaturgii Ekateriny Velikoi // Natsional'nyi stil' russkoi literaturnoi klassiki. : M., 2022. S. 6-16.
14. Shevchenko Yu. V. Avtorskie strategii populyarizatsii v raznozhanrovnykh nauchno-populyarnykh tekstakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 15. Vypusk 3. S. 947-953.
15. Shrubu M. Antimasonskie komedii Ekateriny II kak dramaticheskii tsikl // Verenitsa liter. M. : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006. S. 413-426
16. Shukurov D. L. Avtorskie strategii v proze K.K. Vaginova: «eidos okhoty» // Litera. 2022. № 9. S. 33-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.9.38784.

Motivation factors in learning Azerbaijani and Turkish languages in Moscow

Hasanov Mammadali Magsad Ogly

PhD Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 15

✉ mamedali.hasan.96@gmail.com

Kambak Burak

PhD in Philology

Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ buragkambak@hotmail.com

Abstract. Learning foreign languages is an important component of personal and professional development. There are a large number of national communities in Moscow, including Azerbaijani and Turkish, and more and more people are paying attention to learning the languages of these countries. In this article, we will study the motivation for studying Azerbaijani and Turkish in Moscow. Let's look at how learning these languages can help when communicating with native speakers, traveling, in professional activities and how this can help expand cultural horizons. We will also consider the most popular motives for learning these languages among students in Moscow. The object of this article is the motivation of students and students living in Moscow when studying Azerbaijani and Turkish languages. The subject of the article is an analysis of the motivation factors that inspire people to study Azerbaijani and Turkish in Moscow, such as cultural interest, employment opportunities, study, communication and other factors that can be identified in the research process. The article will also describe the different motivations of each language learner, their personal experiences and opinions about it, as well as general preferences in language learning.

Keywords: migration, linguistics, Turkic languages, representation, motivation, Turkish language, language environment, Azerbaijani language, sociolinguistics, foreign language

References (transliterated)

1. Afandieva, Ch. Russkii yazyk v sovremennom mire / Ch. Afandieva // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. Materialy XI Kongressa Mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury. T. 3. – Sofiya. 2007. 108 s.
2. Gasanov R. B. Istoricheskaya leksikologiya azerbaidzhanskogo i turetskogo yazykov. Makhachkala, 2001. 439 s.
3. Danilova, O.A. Rol' motivatsii v izuchenii inostrannykh yazykov / O.A. Danilova, R.A. Dukin, D.V. Konova. URL: <http://study-english.info/article018.php>
4. Orlov, Yu.M. Potrebnostno-motivatsionnye faktory effektivnoi uchebnoi deyatel'nosti studentov vuza / Yu.M. Orlov. – M., 1984. 98 s.
5. Seven, M.A. (2020). Motivation in language learning and teaching. African Educational Research Journal. Special issues 8 (2). 562-571. DOI: 10.30918/AERJ.8S2.20.033. ISSN: 2354-2160.
6. Van Lier, L. (1996). Interaction in the Language Curriculum: Awareness, Autonomy and

- Authenticity. Applied Linguistics and Language Study. ISBN-13: 978-0582248793. ISBN-10: 0582248795. 1st Edition. London: Longman. 260 p
7. Dornyei, Z. (2001). Motivational Strategies in the Language Classroom. England: Cambridge University Press. 155 p.
 8. Gardner, R.C., & Smythe, P.C. (2003). On the development of the Attitude-Motivation Test Battery. Canadian Modern Language Review. Volume 37. 2003. 510-525 pp.
 9. Skehan, P. (1991) Individual differences in Second Language Learning. Studies in Second Language Acquisition №13(02). 392 p. DOI:10.1017/S0272263100009979
 10. Masgoret, A.M., & Gardner, R.C. (2002). Attitudes, motivation, and second language learning: A meta analysis of studies conducted by Gardner and associates. In Z. Dornyei (Ed.). Attitudes, Orientations, and Motivations in Language Learning. 167-210 pp.
 11. Oxford, R., & Shearin, J. (1994). Language learning motivation: expanding the theoretical framework. Modern Language Journal 78(1). 12-28 pp. Retrieved <https://doi.org/10.2307/329249>

Creolized text as an object of study in linguistics

Pishcherskaia Elena Nikolaevna

PhD in Philology

Associate professor, Foreign Languages department, Chita Institute of Baikal State University

672000, Russia, Zabaikal'skii kraj, g. Chita, ul. Anokhina, 56, aud. 47

 kishana@inbox.ru

Abstract. Linguistics as a science is constantly developing and expanding its boundaries, including in its competence all new objects of research. One of such objects is a creolized text, which is a special kind of communicative phenomenon consisting of signs of different semiotic systems. Creolized text is actively used in various spheres of public life, including advertising, media, art, education, etc. The article is devoted to the creolized text as an object of study in linguistics. The object of research in this article is a creolized text. The purpose of this article is to consider the creolized text as an object of study in linguistics through the analysis of published studies. The methodological basis and material of the study were the classical works of domestic and foreign scientists on the problems of text theory, paralinguistics, semiotics, communicative linguistics and linguoculturology, as well as recent studies, the object of study of which were creolized or polycode texts. The author defines the concept of a creolized text, highlights the specific characteristics of a creolized text compared to a single-code text, describes the main scientific approaches to the analysis of a creolized text and research methods. The article presents an overview of classical scientific works devoted to the analysis of creolized text, as well as studies published in recent years. The author concludes that the creolized text is a complex and multifaceted object of study in linguistics, which reflects the trends in the development of modern society and culture and allows expanding the boundaries of linguistic knowledge and understanding of language as a means of communication.

Keywords: creolization, discourse, advertising, semiotics, text structure, nonverbal code, verbal code, polycode text, creolized text, multimodality

References (transliterated)

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). – M.: Akademiya, 2003.
2. Balakina I. A. Lingvokul'turnyi tipazh v angloyazychnom kreolizovannom tekste kak instrument realizatsii strategii diskreditatsii v politicheskom diskurse / I. A. Balakina, Yu. V. Kuzina // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 2(98). S. 38-47.
3. Barova A.G. Osobennosti perevoda kreolizovannykh nemetskoyazychnykh tekstov (na materiale nemetskikh molodezhno-satiricheskikh onlain-zhurnalov "Eulenspiegel" i "Titanic") // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2022. №(4). S. 18-27.
4. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma // Semiotika. —M.: Akademicheskii proekt, 2008.
5. Bernatskaya A.A. Kreolizovannye teksty: problemy teorii i praktiki // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2009. № 14 (597). S. 104-113.
6. Bogdanovskaya P. Yu. Kinotekst kak osobyi vid kreolizovannogo teksta // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. 2016. № 1. S. 14.
7. Boiko B. L. Teksty voinskikh ustavov i nastavlenii kak kreolizovannye teksty // Nauchno-metodicheskii byulleten' Voennogo universiteta MO RF. 2022. № 2(18). S. 57-65.
8. Bol'shakova L. S. O sodержanii ponyatiya "polikodovyi tekst" // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 49. S. 48-51.
9. Bol'shiyanova L. M. Vneshnyaya organizatsiya gazetnogo teksta polikodovogo kharaktera // Tipy kommunikatsii i sodержatel'nyi aspekt yazyka. M., 1987. S. 50–56.
10. Vashunina I. V. Kreolizatsiya inoyazychnogo teksta kak sposob izmeneniya ego vospriyatiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. № 7(862). S. 25-30. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_25. – EDN WCXCXO.
11. Vashunina I. V. Kreolizovannyi tekst: obzor eksperimental'nykh issledovaniy / I. V. Vashunina, A. A. Nistratov // Voprosy psikholingvistiki. 2020. № 2(44). S. 28-39. DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39.
12. Vashunina I. V. Logotip vuza kak kreolizovannyi tekst // Organizatsionnaya psikholingvistika. 2020. № 4(12). S. 49-70.
13. Voloskovich A. M. Ikonotekst kak raznovidnost' polimodal'noi gibridizatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. № 611. S. 25-35.
14. Voroshilova M.B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu: monogr. / M.B. Voroshilova; Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2013. 194 s.
15. Voroshilova M.B. Kreolizovannyi tekst: kinotekst // Politicheskaya lingvistika.-Vypusk (2) 22. Ekaterinburg, 2007. S. 106-110.
16. Gorshkova N. E. Vizual'naya intertekstual'nost' kak sposob smysloporozhdeniya / N. E. Gorshkova, V. E. Chernyavskaya // Kommunikativnye issledovaniya. 2021. T. 8, № 4. S. 689-700. – DOI 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700.
17. Grishenkova T. F. Reklamnyi tekst kak vid kreolizovannogo teksta v obuchenii kreativnomu myshleniyu / T. F. Grishenkova, E. A. Ivanova // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2018. № 5. S. 92-97.
18. Dubovitskaya L. V. Fenomen kreolizovannogo teksta (na materiale kreolizovannykh tekstov pis'mennoi kommunikatsii) : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.19 / Dubovitskaya Lyubov' Vladimirovna; [Mesto zashchity: Mosk. gos. obl. un-t].-Moskva, 2013.

19. Eiger G.V., Yukht V.L. Tekst: struktura i svoistva // Tekst: struktura i svoistva / Pod red. G.V. Eigera. M.: Nauka, 1974. S. 107-124.
20. Elina E. A. Semiotika reklamy / E. A. Elina. – 2-e izdanie, stereotipnoe. – Moskva : Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K", 2016. – 136 s.
21. Zharina O. A. Kreolizovannyye teksty kak sredstvo formirovaniya lingvisticheskoi kompetentsii u studentov neyazykovykh spetsial'nostei / O. A. Zharina, A. A. Gicheva // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2022. № 5. S. 62-73. DOI 10.24412/2304-120X-2022-11034.
22. Kosenko V. S. Issledovanie vliyaniya izobrazheniya i verbal'nogo teksta na vospriyatie kreolizovannogo teksta (eksperimental'noe issledovanie) / V. S. Kosenko // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2019. T. 16, № 3. S. 310-321. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-310-321.
23. Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. I.V. Vashunina. Red. koll.: E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev. – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2020.
24. Kuzina Yu. V. Reprezentatsiya lingvokul'turnogo tipazha v politicheskom kreolizovannom tekste / Yu. V. Kuzina // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. 2017. № 1. S. 102-107.
25. Moiseeva I. Yu. Psikholingvisticheskie osobennosti vospriyatiya kreolizovannykh tekstov (na primere reklamnogo teksta) / I. Yu. Moiseeva, E. P. Arguneev // Filologicheskie chteniya : Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 38-43.
26. Novospasskaya N. V. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov / N. V. Novospasskaya, N. M. Dugalich // Rusistika. 2022. T. 20, № 3. S. 298-311. DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311.
27. Petrova A. V. Kognitivno-diskursivnaya metodika analiza amerikanskogo kreolizovannogo teksta / A. V. Petrova, M. V. Petrov, E. V. Shustrova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2020. № 4. S. 75-86. DOI 10.17308/lic.2020.4/3082.
28. Pirs Ch.S. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya / Perevod s angliiskogo pod red. Rusanova A.Yu., M.: Logos, 2000.
29. Pishcherskaya E. N. Strategicheskii potentsial teksta bannernoi reklamy : spetsial'nost' 10.02.19 "Teoriya yazyka" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk, 2011. 198 s.
30. Poimanova O.V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / O.V. Poimanova. Moskva, 1995. 254 s.
31. Protchenko A. V. Tipologicheskie i funktsional'no-stilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo putevoditelya : spetsial'nost' 10.02.04 "Germanskyye yazyki" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 2006. 229 s.
32. Saidova Z. E. Fenomen kreolizatsii teksta v setevom diskurse / Z. E. Saidova. Tekst : neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. 2016. № 10 (114). S. 1490-1493.
33. Selemeneva O. A. Metodika raboty s kreolizovannymi tekstami pechatnoi reklamy na zanyatiyakh po distsipline "Praktikum po kreativnomu pis'mu" // Prepodavatel' XXI vek. – 2020. № 2-1. S. 117-128. DOI 10.31862/2073-9613-2020-2-117-128.
34. Sovremennoe sostoyanie razrabotok v oblasti metodiki sudebno-lingvisticheskogo analiza polikodovykh tekstov: "Druz'ya, menyaite metodichku" / A. V. Gorbacheva, A. A.

- Berlin Khenis, A. N. Puchkova, M. A. Osadchii // *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa : Kollektivnaya monografiya*. – Moskva : Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2021. S. 274-292.
35. Sokolova N.A. Funktsii kreolizovannykh tekstov v sovremennom obshchestve // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. № 48. S. 176-189.
 36. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. — M.: Vysshaya shkola, 1990.
 37. Udod D. A. Funktsionirovanie leksicheskikh sredstv khudozhestvennoi vyrazitel'nosti v kreolizovannom tekste (na primere bukleta muzykal'nogo al'boma) // *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2017. № 1. S. 82-84.
 38. Chigaev D. P. *Sposoby kreolizatsii sovremennogo reklamnogo teksta : spetsial'nost' 10.02.01 "Russkii yazyk" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Chigaev Denis Petrovich*. Moskva, 2010. 223 s.
 39. Shvetsova M. G. Reklamnyi tekst kak odin iz vidov kreolizovannykh tekstov / M. G. Shvetsova, M. Yu. Podlevskikh // *Al'manakh mirovoi nauki*. 2016. № 5-1(8). S. 137-142.
 40. Shikina D.S. O terminakh «polikodovost'» i «kreolizatsiya» v opisani rekamnogo teksta glyantsevykh zhurnalov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2018. №(2). S. 351-363. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-883>
 41. Yakobson R.O. *Lingvistika i poetika*// *Izbrannye raboty po lingvistike i poetike*. M.: Progress, 1987.
 42. Yakovleva E. S. "Kinotekst" kak osobaya raznovidnost' kreolizovannogo teksta / E. S. Yakovleva, I. V. Ignatova // *Nauka sredi nas*. 2017. № 3(3). S. 190-197.
 43. Yakubovskaya A. A. Otbor kreolizovannykh tekstov s tsel'yu formirovaniya inoyazychnoi rechevoi kompetentsii studentov-bakalavrov, obuchayushchikhsya po napravleniyu "arkhitektura" // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 9-3(63). S. 213-218.
 44. Annenkova A. V. Psycholinguistic Research of Creolized Advertising Texts: Age Factor / A. V. Annenkova, S. V. Lebedeva // *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAH-2018)*, Volgograd, 23–28 aprelya 2018 goda. Volgograd: EDP Sciences, 2018. P. 01027. DOI 10.1051/shsconf/20185001027.
 45. Devyatkov M. I. Methods applied for analysis of creolized texts // *Pedagogical Education in Russia*. 2016. No. 4. P. 31-34. DOI 10.26170/po16-04-06.
 46. El-Dali Hosni. (2019). The Language of Consumer Advertising: Linguistic and Psychological Perspectives. *Studies in Linguistics and Literature*. 3. 95. 10.22158/sll.v3n2p95
 47. Ghedeir Brahim Mohammed. (2022). The Linguistic Features of Advertising English. *Society and Sports Journal*. Vol. 5, Issue 1. Pp.545-553
 48. Lenkova, T. (2019). Three Steps To Understanding The Creolized Text. In N. I. Almazova, A. V. Rubtsova, & D. S. Bylieva (Eds.), *Professional Sulture of the Specialist of the Future*, vol 73. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 517-523). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.55>
 49. Oprishch, N. S. (2020) Functioning of English Language Social Advertising Creolized Texts. *Russian Linguistic Bulletin*, No. 2(22), pp. 41-44. DOI 10.18454/RULB.2020.22.2.20.
 50. Oprishch N. S. Teaching English by means of advertising creolized texts / N. S. Oprishch, O. Ogareva // *Inted2020 14th international technology, education and*

development conference : Conference proceedings. – Valencia: IATED, 2020. – P. 8014-8018.

51. Schurik N., Tyurneva T., Nevolina K., Podkamennaya E., & Fetisova S. (2019). Difficulties In Translating Creolized Advertising Text in The Field of Electronic Entertainment // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, vol 76. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 948-953). <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.126>
52. Shuraeva A. S. Wordplay in English comic creolized text (on the example of Internet memes) / A. S. Shuraeva, Yu. V. Kuzina // Languages in professional communication, 2019, pp. 197-202.

A childhood dream that can be a memory: Magical Realism and Memory in the "Ocean at the End of the Lane"

Boulberhane Mouna

Postgraduate student, the faculty of Philology, the department of Russian and Foreign Literature, People's Friendship University of Russia

117190, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ boulberhanemouna@gmail.com

Aouati Somia

Postgraduate, Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, People's Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ aouati.somia@gmail.com

Saad Haider Luaibi

Postgraduate student, Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, People's Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

✉ halzamily@uowasit.edu.iq

Ahmad Mahmood Mahmood

Postgraduate student, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ ab.mahmood55@gmail.com

Hezla Mohammed

Postgraduate student, Department of Architecture, Peoples Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ mohcsbv@gmail.com

Abstract. The novel "The Ocean at the end of the Lane" sheds light on the children's view of the world and the unique perception of reality, which is completely different from the perception of adults. The object of the study is the manifestations of memory impairment in the novel. The subject is the analysis of changes in memory with age, as well as its role in overcoming stress caused by trauma. The purpose of the article is to understand, in the light of personality psychology and memory research, how and why the memories of the child

protagonist change and merge with the imagination as the narrative changes. This helps to identify oppositions of imagination and reality in the novel, which echoes the perception of the world by the main character—a child in parallel with the perception of the world by adults. The novelty of the research lies in the fact that psychological research is used in the article in order to show how magical realism reflects the problem of memory changes in the novel "Ocean at the End of the Lane", and, therefore, provides a basis for further opportunities to study children's magical perception, realistic memory in postmodern novels. The results of the study demonstrate to what extent the style of magical realism expresses the transformation of mental abilities and perception of reality during the transition from childhood to adulthood in the novel. In this sense, "The Ocean at the end of the Lane" is an image of the world seen both from the point of view of adult life and from the point of view of childhood.

Keywords: childhood, adulthood, magical realism, imagination, psychology, supernatural, visualisation, unconsciousness, memory, autobiographical memory

References (transliterated)

1. Postrak M. Magical Realism in A Monster Calls and The Ocean at the End of the Lane. Master diss. Maribor. 2018. 45 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/161409665.pdf>.
2. Hasanah S., Kuncara S. D., Astuti A. D. Magical Realism in Neil Gaiman's The Ocean at the End of the Lane Novel // Jurnal Bahasa. 2021. Vol. 5. no 2. pp. 404-420.
3. Flores Á. Magic Realism in Spanish American Literature // Hispania. 1955. Vol. 38. no. 2. pp.187-192. URL: <https://doi.org/10.2307/335812>
4. Faris W. B. Sheherazade's Children: Magical Realism and Postmodern Fiction // L. P. Zamora, W. B. Faris (Eds.); Magical Realism: Theory, History, Community, University Press, 1995. pp. 163-190. URL: <https://doi.org/10.1515/9780822397212-011>.
5. Gaiman N. The Ocean at the End of the Lane. London: Headline Publishing Group, 2013, pp. 5-151.
6. Wyver K. 'It's going to be bigger, stranger': Neil Gaiman on the return of The Ocean at the End of the Lane // The Guardian. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2021/oct/21/its-going-to-be-bigger-stranger-neil-gaiman-on-the-return-of-the-ocean-at-the-end-of-the-lane>.
7. Bahrick H. P. Two-phase model for prompted recall // Psychological Review. 1970. Vol. 77 (3). pp. 215-222. URL: <https://doi.org/10.1037/h0029099>
8. McDermott K. B., Roediger H. L. Memory (encoding, storage, retrieval) // R. Biswas-Diener, E. Diener (Eds.); Washington University. Noba textbook series: Psychology. Champaign, IL: DEF publishers, 2021, 21 p.
9. Tulving E. Interview // Journal of Cognitive Neuroscience. 1991. Vol. 3. no 1. pp. 89-94. URL: <https://alicekim.ca/Interview.pdf>.
10. Manu A., Dunne D., Matthews Ch. The Imagination Challenge: Strategic Foresight and Innovation in the Global Economy. New Riders. Print, 2006, 172 p.
11. Ofengenden T. Memory and Imagination: Epistemological Perspectives from British Empiricists to Neuroscience. Ph.D. diss. 2016. 47 p. URL: doi: 10.15496/publikation-13826.
12. Zamora L. P., Faris W. B. Magical Realism: Theory, History, Community. Duke University Press, 1995.
13. Thomas A. K., Loftus E. F. Creating bizarre false memories through imagination // Memory & Cognition. 2002. Vol. 30. no. 3. pp. 423-431. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.3758/BF03194942.pdf>.

14. Bowers M. A. Magic(al) Realism: The New Critical Idiom. Routledge, 2009, pp. 423-430.
15. Howe M. L. Children's Memory for Traumatic Experience // Memorial University of Newfoundland Canada. 1997. Vol. 9. no. 2. pp. 153-174. URL: [https://doi.org/10.1016/S1041-6080\(97\)90004-2](https://doi.org/10.1016/S1041-6080(97)90004-2).
16. Schacter D. L. Reviews of Making Monsters: False Memories, Psychotherapy, and Sexual Hysteria, by R. Ofshe and E. Watters; The Myth of Repressed Memory: False Memories and Allegations of Sexual Abuse, by E. F. Loftus and K. Ketcham; Victims of Memory: Incest Accusations and Shattered Lives, by M. Pendergrast // Scientific American. 1995. pp. 135-139. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/schacterlab/files/schacter1995.pdf>.
17. Bel D. Is truth an illusion? Psychoanalysis and postmodernism // Int J Psychoanal. 2009. Vol. 90. no. 2. pp. 331-345. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1745-8315.2009.00136.x>.
18. Faris W. B. Ordinary enchantments: magical realism and the remystification of narrative. Vanderbilt University Press, 2004, 280 p.

The specifics of lexicographic representation of phraseological units in the "Russian-English Phraseological Dictionary" edited by S. Lubenskaya

Ren Jialu

Postgraduate at the Russian Language Department, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Lebedeva str., E, sq. 834

 rjialu@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the specifics of the lexicographic representation of the dictionary "Russian-English phraseological Dictionary" edited by S. Lubenskaya. Its comparative analysis with similar Russian-English phraseological dictionaries is carried out in the aspects of 1) the volume of the dictionary and 2) the lexicographic description of the phraseological units included in their dictionary entries. Russian phraseological units are considered, their English equivalents are identified, with an emphasis on the comparative analysis of the subject nouns of Russian phraseological units and their analogues in English equivalents. Special attention is paid to the structure of the dictionary article and the lexicographic representation of phraseological units in the dictionary of S. Lubenskaya, the parameters of Russian phraseological units are considered, their English equivalents are identified with an emphasis on the comparative analysis of the subject nouns of Russian phraseological units and their analogues in English equivalents. The purpose of the study is to compare the dictionary of S. Lubenskaya with other Russian-English phraseological dictionaries and to identify the specifics of the lexicographic description of phraseological units in the dictionary of S. Lubenskaya. The novelty of the research lies in the fact that in the article the author draws attention to the most complete and innovative, but little-studied Russian-English phraseological dictionary edited by S. Lubenskaya, published in 2013. The article fully demonstrates the advantages of S. Lubenskaya's dictionary over other bilingual phraseological dictionaries not only in terms of the range of coverage of materials, that is, the volume of the dictionary, but also in the completeness of the structure of the dictionary entry and a high degree of accuracy and detail of the presentation of the material. The article also notes the importance of S. Lubenskaya's dictionary for further and comprehensive research of

Russian and English phraseological lexicography.

Keywords: lexicographic representation, vocabulary volume, phraseological dictionary, phraseological unit, accuracy, detail, Russian language, completeness, dictionary entry, English language

References (transliterated)

1. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii. M.: LEKSUS, 2015. 1168 s.
2. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. Osnovy frazeologii (kratkii kurs): Ucheb. posobie. M.: FLINTA, 2019. 312 s.
3. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik. SPb.: Folio-Press, 1998. 700 s.
4. Bokrovskii P., The great Russian-English dictionary of idioms and set expressions. London: Borkowski, 1973. 384 s.
5. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke // V.V. Vinogradov. Leksikologiya i leksikografiya: izbrannye trudy. M.: Nauka, 1977. S. 140-161.
6. Vinogradov V.V. Osnovnye ponyatiya russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny // Trudy yubileinoi nauchnoi sessii Leningradskogo gos. Un-ta. L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1946. S. 45-69.
7. Vinogradov V.V. Problemy russkoi stilistiki. M.: Vyssh. shk., 1981. 319 s.
8. Vitek A. Russian-English idioms dictionary. Detroit: Wayne State Univ. Press., 1973. 328 s.
9. Gurevich V.V., Dozorets Zh.A. Kratkii rusko-angliiskii frazeologicheskii slovar'. M.: Rus. yaz., 1988. 542 s.
10. Dobrovol'skii D.O. Grammatika konstruktivnoi i frazeologii // Voprosy yazykoznanii, 2016, № 3. S. 7-21.
11. Iordvinskaya L.N., Mel'chuk I.A. Smysl i sochetnost' v slovare. M.: Izd-vo Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 665 s.
12. Kunin A.V. Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar': ok. 20000 frazeol. Edinits. M.: Zhivoi yazyk, 2005. 942 s.
13. Lubenskaya S. Russian-English dictionary of idioms. N. Y.: Yale Univ. Press., 2013. 955 s.
14. Mel'chuk I.A. Mestoimennye vyrazheniya s imenem chertykhatel'nogo tipa // Russkii yazyk v nauchnom osvещenii. 2012, № 2 (24), S. 5-22.
15. Mokienko V.M., Felitsyna. V.P. Russkie frazeologizmy. Lingvostranovedcheskii slovar'. M.: Russkii yazyk, 1990. 220 s.
16. Molotkov A.I. Osnovy frazeologii russkogo yazyka. L.: Nauka, 1977. 283 s.
17. Molotkov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 543 s.
18. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru>. Data obrashcheniya: 10.05.2023.
19. Teliya V.N. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Znachenie, upotreblenie, kul'turologicheskii kommentarii. M.: AST-PRESS, 2006. 784 s.
20. Fedrov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000

frazeologicheskikh edinits. M.: AST : Astrel', 2008. 878 s.

21. Shanskii N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. M.: Lenand, 2015. 271 s

Transformation of Yuri Kazakov's Prose translated by Fei Qin into Chinese

Liu Yun

Ph. D. Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119421, Россия, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ liuyun0209@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the features of the reception of Yu. P. Kazakov's prose in China.

Translations of Kazakov's prose into Chinese have not yet been discussed in science, which determines the novelty of the proposed study. In general, the transformation of the Russian literary text, which takes place when translated into Chinese, has been the subject of active study in recent years, and the relevance of the subject of the article is connected with this. The object of the study is translations of Kazakov's works made by Fei Qin, who most consistently turned to his texts in China.

The article draws on the data of Fei Qin's biography, uses historical and literary approaches, as well as elements of linguopoetic analysis to solve comparative problems. Russian writer Fei Qin (1927-1994)'s analysis of the creative path makes it possible to understand the internal reasons for the appeal to this Russian writer of the Chinese writer, who since the 1950s was fond of Russian lyrical prose, the same age as Kazakov. A comparison of Kazakov's story "The Night" and the translation of this story by Fei Qin demonstrates the inevitable differences between them, despite the translator's declared desire to accurately convey the meaning of the original text.

Some of the most expressive differences are due to the fact that the Chinese translator, interpreting modern Russian prose written by his peer, includes elements peculiar to classical Chinese poetry (onomatopoeia with doubling of hieroglyphs, some traditional images), introduces personifications that are absent in the original work.

It is also shown why the literal translation, which in some cases is resorted to by Fei Qin, does not allow to convey the semantic complexity of the original.

Keywords: literary translation, sound imitations, Russian-Chinese literary relations, lyrical prose, Fei Qin, M. Prishvin, I. Turgenev, K. Paustovsky, Y. Kasakov, classical Chinese poetry

References (transliterated)

1. Boiko M. Peresudy v bumazhnom nekropole // Nezavisimaya gazeta: Ex Libris. 2007, 9 avgusta.
2. Golubeva E. V. Universal'nye i natsional'no-kul'turnye osobennosti zvukopodrazhanii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. V 2 chastyakh. Ch. II. № 9. Tambov: Gramota, 2015. S. 77–80.
3. Droga M. A., Yurchenko N. V., Funikova S. V. Yazykovaya priroda onomatopei // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2020. №4. S. 67–73.
4. Ivchenkov V.I. Lingvostilistika tropov Yuriya Kazakova. – Minsk: Pachatkovaya shk., 2002. 111 s.

5. Kazakov Yu. P. Rasskazy. M.: «Izvestiya», 1983. S. 21-33.
6. Kazakov Yu. P. Poedemte v Lopshen'gu // Kazakov Yu.P. Dve nochi: Proza. Zametki. Nabroski. – M.: Sovremennik, 1986. S. 284–296.
7. Chen' Yan'syu. Roman I. S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo» v Kitae: vospriyatie, interpretatsii, vliyanie. Diss. ... kand. filol. nauk. M.: MGU imeni M. V. Lomonosova, 2019.
8. Yan Yan'. K voprosu o vliyanii Konstantina Paustovskogo na kitaiskuyu literaturu // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016, № 11 (65): V 3kh ch. Ch. 1. S. 62–67.
9. Kazakov Yu. P. Osen' v dubovykh lesakh / Per. Fei Tsin'. – Khebei: Obrazovatel'noe izdatel'stvo, 2018. (卡扎科夫, 橡树林里的秋天, 非琴译, 河北: 商务印书馆, 2018)
10. Kazakov Yu. P. Sbornik prozaicheskikh tekstov / Per. Fei Tsin'. – Tyan'tszin': Baikhua, 1992. (卡扎科夫, 橡树林里的秋天, 非琴译, 天津: 百花文艺出版社, 1992)
11. Li Tsinyun'. Literaturnye trudy Fei Tsinya. – Tyan'tszin': Baikhua, 2014. (李庆云, 非琴文艺杂谈, 天津: 百花文艺出版社, 2014). S.113–121.
12. Kitaisko-russkii slovar'. Gruppya sostavleniya kitaisko-russkikh slovarei Shankhaikogo instituta inostrannykh yazykov. – Pekin: Kommercheskaya pechat', 2004.
13. Sovremennyi slovar' kitaiskogo yazyka (现代汉语词典(第7版)/ Redaktsiya slovarei, Institut lingvistiki, Kitaiskaya akademiya obshchestvennykh nauk (中国社会科学院语言研究所词典编辑室). Pekin: Kommercheskaya pechat' (北京: 商务印书馆), 2016

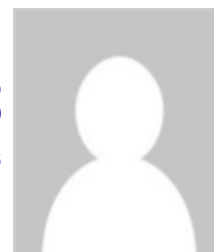
The development of Internet memes as a form of online folklore in the era of the pandemic

Van Tinyan'

Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

117198, Russia, Moscow, ul. miklukho-Maklaya, 6, 6

✉ 1042218032@rudn.ru

Abstract. With the development of the information society, all social institutions have undergone changes. Folklore, as a sociolinguistic phenomenon, has also undergone a transformation of the concept of network folklore, the structure of which includes Internet memes. The aim of the work is to consider the development of Internet memes as a form of network folklore during a pandemic. The subject of the study is Internet memes as a new form of network folklore.

The secondary analysis of the research and data collection from Yandex Wordstat for 2023 were used to achieve the goal. The content analysis of memes on the platform Reddit was also carried out.

The results showed that memes during the pandemic period have gained their actuality as a new form of network folklore, which has a feature of mass psychotherapeutic impact through the possibility of escaping reality, as well as a more positive view of the situation. In the context of total digital communication during the coronavirus period, the Internet environment was saturated with content, making it difficult to identify the most popular Internet meme. The results of the work can be used as a theoretical base containing a systematized range of works on the topic of network folklore and digital communication, as well as a base for practical application in the field of sociolinguistics and journalism. The novelty of the work lies

in the detection of a new form of digital communication.

The development of language is closely linked to the development of society and its processes. The conclusions of the work confirm the importance of memes as a form of network folklore in a period of mass isolation due to the spread of coronavirus infection digital communication.

Keywords: isolation, content, social network, network folklore, digital communication, sociolinguistics, network creativity, pandemic, memes, COVID-19

References (transliterated)

1. Abdullaeva M. M. Vozmozhnosti yumora kak regul'yatora stressa // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2009. №4. S. 117–128.
2. Alekseevskii M.D. Internet i fol'klor: materialy k bibliografii 1996–2011 gg. // Traditsionnaya kul'tura: Al'manakh. 2012. №3. S. 183–185.
3. Artem'eva T. V. Yumor kak psikhologicheskii resurs preodoleniya stressa u meditsinskogo personala // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2. S. 1–9.
4. Archakova M. A. Feiki i memy Kovid-19: neumestnaya smekhoterapiya ili tselitel'nyi optimizm? // Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2020. Tom 6. №4. S. 61–68.
5. Asmus N.G. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 2005. 24 s.
6. Veshnyakova A. V. Lingvokreativnyi aspekt intenet-memov // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. №6-4. S. 1-6.
7. Lysenko S.A. Vzaimodeistvie ustnoi i pis'mennoi formy sushchestvovaniya yazyka v internet-kommunikatsii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 2010. 24 s.
8. Putilov B.N. Fol'klor i narodnaya kul'tura // Nauka. 1994. 239 s.
9. Ryzhkov K. L. Klassifikatsiya internet-memov v realiyakh 2021 goda // Kul'tura i iskusstvo. 2021. №9. S. 18–27.
10. Shomova S. A. Mem-letopisets: reprezentatsiya novostnoi povestki dnya pandemii v memeticheskoy kontente runeta // Monitoring. 2021. №5. S. 399–424.
11. Akram U. Irvine, K., Allen, S.F. et al. Internet memes related to the COVID-19 pandemic as a potential coping mechanism for anxiety // Scientific Reports. 2021. No. 11. Pp. 1-8. doi: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-00857-8>
12. Gadi A. Smile! It's only Covid: Analyzing COVID-19 internet memes // Journal of Creativity. 2023. No. 33. Pp. 35. doi: 10.1016/j.yjoc.2023.100049
13. Myrick J. G. Nabi, R. L., & Eng, N. J. Consuming memes during the COVID pandemic: Effects of memes and meme type on COVID — related stress and coping efficacy // Psychology of Popular Media. 2021. No. 11(3). Pp. 316–323.
14. Pauliks K. Memes of the virus: social criticism of the corona pandemic on the internet // TeleviZlon. 2020. No. 33. Pp. 46–49. doi: <https://doi.org/10.25969/mediarep/13875>
15. Schwab K. Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva // Forum Publishing. 2020. P. 213.
16. Skorka P. Grzywacz B, Moron D, Lenda M. COVID-19 in Memes: The Adaptive Response of Societies to the Pandemic? // International Journal of Enviromental Research and Public Healh. 2022. No. 19. Pp. 1–24. doi: 10.3390/ijerph191912969
17. Wilms, P.; Schröder, J.; Reer, R.; Scheit, L. The Impact of "Home Office" Work on

Physical Activity and Sedentary Behavior during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. No.19. Pp. 1-24. doi: 10.3390/ijerph19191234

Features of educational discourse in the system of institutional discourses

Chen Xi

Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10-2A

✉ 1042218129.@pfur.ru

Ma Xuchen

Master of education, Yunnan Minzu University (China)

650504, China, Chenggong District, Yunnan Province, Kunming City, Yuehua Str., Wujiang, Chenggong Campus, No. 2929

✉ 545881743@qq.com

Abstract. The purpose of the study is to determine the place of educational discourse in the system of institutional discourses and to actualize modern approaches and methods of educational discourse. Unlike some other types of discourse, educational discourse is subject to changes under the influence of extralinguistic factors, including the development of scientific thought and technological progress, achievements of psychology and sociology, transformation of the methodology of the educational process, and others. The article presents the main characteristics of the educational discourse, describes the participants of the discourse and their status roles, postulates the importance of the educational text as a center of communication in educational discourse, and identifies new formats of information transmission in the structure of educational discourse. The variability of the content side of the educational discourse requires the attention of linguistic researchers at each time stage, this determines the scientific novelty of the work. As a result, certain conclusions have been formulated, including that the educational text has such features as factual, conciseness, brevity and others. The texts of educational discourse exist at the levels of teacher—student, teacher—teacher and student—student relations. They are associated with various communication situations within the framework of education. Educational discourse is always purposeful, includes methods of information transmission, is based on an educational text, has a number of precedent texts of certain genres in its structure. The opinion of some linguists on the prospects for the development of this area of scientific thought is given/

Keywords: information transfer formats, educational text, institutional discourse, pedagogical discourse, educational discourse, discourse, MOOCs, Longlife Learning, education, vocational education

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Diskurs. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva.-M.: Sov. entsiklopediya, 1989.-S. 136-137.
2. Bagiyana A. Yu., Shiryayeva T. A., Chernousova Yu. A. Osnovnye tendentsii razvitiya

- sovremennogo pedagogicheskogo diskursa (na materiale angliiskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.-2020.-№11. – S. 151-156.
3. Evstifeeva A. A. Spetsifika pedagogicheskogo diskursa: raznovidnosti i uchastniki // Molodoi uchenyi. 2021. № 20 (362). S. 299-301.-URL: <https://moluch.ru/archive/362/80884/> (data obrashcheniya: 07.04.2023).
 4. Zharov S. N. Obrazovatel'nyi diskurs kak edinstvo obucheniya i formirovaniya lichnosti (istoriya i sovremennost') // Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya.- 2019.-№4.-S. 12-19.
 5. Karasik V. I. Diskurs // Diskurs-Pi.-2015.-№3-4.-S. 147-148.
 6. Karasik V. I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Sbornik nauchnykh trudov. Pod red. V.I. Karasika, G.G. Slyshkina.-Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2000.
 7. Kashkin V. B. Diskurs: uch. posobie.-Voronezh, 2004.-76 s.
 8. Kiuru K. V., Popova E. E., Agapov A. I. Kontseptsiya Longlife Learning kak problema sovremennogo obrazovaniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.-2019. №64-1.-S. 152-154.
 9. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
 10. Pen'kov B. V. Priznaki institutsional'nogo diskursa: obrazovatel'nyi diskurs // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika.-2010.-№3.-S. 15-22.
 11. Pospelova Yu. Yu. Pedagogicheskii diskurs i ego kharakteristiki // Vestnik KGU.- 2009.-№1.-S. 307-310.
 12. Samkova M. A. Osobennosti strukturnoi organizatsii uchebno-pedagogicheskogo diskursa // Vestnik ChelGU.-2013. №24 (315).-S. 143-147.
 13. Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa.-M., 1999.-S. 12-53.
 14. Ushakova O. P. Obrazovatel'nyi diskurs v mezhkul'turnom dialoge // Nauka i sovremennost'.-2010.-№5-3.-S. 68-73

Lyrical miniatures by Grigory Petnikov: historical and cultural context

Tsaregorodtseva Svetlana Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow State University named after A. S. Griboyedov.

111024, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, shosse Entuziastov, 21

✉ alatas@mail.ru

Pogodina Yuliya Yur'evna

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation

125167, Russia, Moscow region, Moscow, Leningradsky Ave., 49/2

✉ yypogodina@fa.ru

Abstract. Grigory Nikolaevich Petnikov (1894-1971) was a Russian and Ukrainian poet, translator, publisher. He actively published as a poet during the futuristic period (1913-1922),

when he joined the literary avant-garde, was the Second Chairman of the Globe and one of the founders of the Kharkov publishing house "Liren".

Since the mid-20s, Grigory Petnikov has been mainly engaged in translations and is still better known as a translator of myths of Ancient Greece, fairy tales of the brothers Grimm, Ukrainian and Belarusian folk tales, poems by Taras Shevchenko, prose by Ivan Franko, Marko Vovchok, German poetry.

The second period of Grigory Petnikov's poetic creativity began with the time of the thaw and lasted until the last years of the poet's life. In 1958, Petnikov moved to the Crimea, wrote a lot and actively published as a poet. The article attempts to analyze the late poems-miniatures of Grigory Petnikov from his last lifetime collection "Lyrics", published in 1969. Special attention is paid to the genre and style features of Petnikov's lyrical miniatures, the cultural and historical context of the poems; an attempt is made to determine whether the poems from the collection "Lyrics" belong to the poetic trends and trends in the lyrics of the Silver Age.

Keywords: concept sphere, Lyric Miniatures, haiku, futurism, cubo-futurism, word creation, Grigory Petnikov, Silver Age, Crimean lyrics, historical and cultural context

References (transliterated)

1. Timirgazin A.D. «Uzornik vetrovykh sobytii». Feodosiya-Moskva:Koktebel', 2019.–384 s.
2. Babak G. Valerian Polishchuk i ukrainskii "avangard" 1920-kh godov. Rhema. 2020. № 4.-S. 191-213.
3. Vysheslavskaya I. Predsedateli Zemnogo shara ili Velikoe pravitel'stvo vremeni. / Irina Vysheslavskaya // Soty. 2004. № 9.-S.12-17.
4. Azadovskii K., D'yakonova E. Bal'mont i Yaponiya. M., 1991. – 304 s.
5. Globa, A. Tsvety chuzhogo sada (yaponskaya stikhotvornaya miniatyura na russkoi pochve) // Arion. 1998. № 2. - S. 72-79.
6. Aston V. Istoriya yaponskoi literatury. Vladivostok, 1904. – 366 s.
7. Petnikov G. Zavetnaya kniga. Simferopol': Krymizdat, 1961.-150 s.
8. Petnikov G. Lirika. Simferopol': Krym, 1969.–94 s.
9. Sil'man T. I., Zametki o lirike. L.: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie, 1977.-223 s.
10. Timirgazin, A.D. «Chervonnyi zapev» Grigoriya Petnikova. // Russkaya literatura Kryma: epokha likholet'ya: monografiya / redkollegiya: Lyulikova A.V. i [dr.]; otvetstvennyi redaktor S.S. Tsaregorodtseva. — Simferopol': Arial, 2021.-S. 93-111.
11. Uspenskii P.F. Mekhanizmy russkogo futurizma: «Teplo» Benedikta Livshitsa // Voprosy literatury. 2012. №3. -S. 166-191.

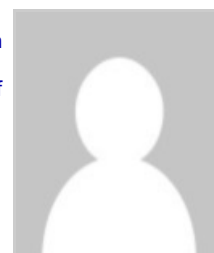
The polemic of F. M. Dostoevsky with Catholicism: towards the formulation of the problem.

Iudakhin Artem Aleksandrovich

Postgraduate Student, Department of History of Journalism and Literature, A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics

111024, Russia, Moskva oblast', g. Moscow, ul. Shosse Entuziastov, 21

✉ Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the journalistic work of F. M. Dostoevsky in the aspect of his religious and confessional problems, which includes a complex of specific motives, among which the anti-Catholic question stands out. The author points out that the Catholic theme, the genesis of which dates back to the early 1860s, will become one of the leading ones for all subsequent publicistic and artistic creativity of Dostoevsky. Criticism of Catholicism as a sum of ideas, denunciation of the Catholic Church, correspondence polemics with the anti-Christian and even "anti-Christ" principle of papal Catholicism - all these topics are implicit or explicit in the novels of the Great Pentateuch and publicistic articles by F. M. Dostoevsky, influencing the conceptual design and architectonics of the works. It is based on this fact that the problem of the genesis and evolution of the writer's anti-Catholic views acquires a relevant significance in literary studies and Dostoevistics. The author demonstrates that the Catholic theme appears in Dostoevsky's field of vision in the first half of the 1860s in connection with the events unfolding in the west of the Russian Empire and on the Apennine Peninsula - the Polish uprising of 1863-1864 and the Italian Risorgimento. Catholic problems initially arise in Dostoevsky's field of view as a journalistic fact — various eventful incidents, everyday episodes captured by foreign and domestic press. The author of the article believes that it was the factology of the "Polish question" and the "Roman question", along with the anti-Catholic rhetoric of Slavophiles and soil scientists, that had a decisive influence on the formation of Dostoevsky's steady rejection of Catholicism, with which the writer will confidently and convincingly polemicize until the end of his days.

Keywords: The Roman Question, The Polish question, Reporter search, Journalistic fact, Soil scientists, Slavophiles, Papacy, Catholicism, Dostoevsky, Controversy

References (transliterated)

1. Handbuch der Kirchengeschichte. Bd. 6: Die Kirche in der Gegenwart.. Freiburg i.Br.etc.: Herder, 1971. 623 s.
2. Airapetov O. R. Tsarstvo Pol'skoe v politike Imperii v 1863-1864 gg. // Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. T. 15. M.: Modest Kolerov, 2013 g. S. 7-139.
3. Aksakov I. S. Sochineniya.SPb.: tipografiya A. S. Suvorina, 1891-1903.T. 3. Pol'skii vopros i zapadno-russkoe delo. 570 s.
4. Belevitina T.M., Dmitrovskii A.L. Fakt v zhurnalistike: k definitsii ponyatiya // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 2. S. 162-171.
5. Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie. SPb.: Nauka, 2005. 338 s.
6. Valitskii A. Rossiya, katolichestvo i pol'skii vopros. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2012. 624 s.
7. Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii. — 1861 — T.3-4— № 2.
8. Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii. — 1862 — № 8.
9. Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii. — 1862 — T. 10 — № 5-6.
10. Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii. — 1862. — № 5.
11. Vremya. Zhurnal literaturnyi i politicheskii. — 1864 — № 164.
12. Gacheva A. Roman "Brat'ya Karamazovy" v krugu idei i problem russkoi religiozno-filosofskoi mysli XIX veka // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. 2007. № 22. S. 27-84.
13. Golovanov S., svyashch. Katolicheskaya tserkov' i Rossiya: [Elektronnyi resurs]. URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/ol/ovanov_07.htm. (Data obrashcheniya: 03.04.2018).
14. Golos // Russkaya periodicheskaya pechat' (1702—1894): Spravochnik / Pod redaktsiei

- A. G. Dement'eva, A. V. Zapadova, M. S. Cherepakhova. M., 1959.
15. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1861 — T. 5 — № 9-10.
 16. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 15.
 17. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 19.
 18. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 2.
 19. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 21.
 20. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 44.
 21. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 5.
 22. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1863 — № 74.
 23. Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. — 1864 — № 127.
 24. Danilov V., svyashch. Istoriya rasprostraneniya katolichestva v russkikh zemlyakh do 1917 goda: [Elektronnyi resurs]. URL: http://veritas.katolik.ru/books/hist_katol_rus.htm#7. (Data obrashcheniya: 03.04.2018).
 25. Dmitrovskii A.L. Zhanry zhurnalistiki // Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 4. S. 147-159.
 26. Kozlov-Strutinskii S., Parfent'ev P. Istoriya Katolicheskoi Tserkvi v Rossii. Tsarskoe Selo.: Belyi kamen', 2014. 740 s.
 27. Kratkaya istoriya Pol'shi. M.: Nauka, 1993. 528 s.
 28. Kruzhalina A.A. Pol'skii vopros v diskussiyakh rossiiskoi obshchestvennosti XIX v. // Vestnik BGU. 2013. №7. S. 142-146.
 29. Kunil'skii D.A. Dukhovnoe znachenie Dostoevskogo v otsenke I. S. Aksakova i arkhiepiskopa Nikanora // Problemy istoricheskoi poetiki. 2012. №10. S. 114-124.
 30. Losskii N.O. Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie. N.-Y.: Izd-vo imeni Chekhova, 1953. 408 s.
 31. Moskovskie vedomosti — 1863 — № 151.
 32. Moskovskie vedomosti — 1863 — № 153.
 33. Moskovskie vedomosti — 1863 — № 174.
 34. Moskovskie vedomosti — 1863 — № 183.
 35. Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Vremya». 1861—1863. M.: Nauka, 1972. 316 s.
 36. Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh «Epokha». 1864—1865. M.: Naka, 1975. 302 s.
 37. Saimon K. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v pervoi polovine XIX v. Glazami katolicheskikh avtorov // Filaretovskii al'manakh. 2011. № 7. S. 214-230.
 38. Samarin Yu. Pravoslavie i narodnost'. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. 720 s.
 39. Slozberg G.B. Dela minuvshikh dnei. Zapiski russkogo evreya: v 2-kh tomakh. T. 1. P., 1933. 326 s.
 40. Tokareva E., Gorelov A. Risordzhimento // Katolicheskaya entsiklopediya. M.: Izd-vo frantsiskantsev, 2011. T. IV. S. 219-223.
 41. Tymovskii M., Kenevich Ya., Khol'tser E. Istoriya Pol'shi. M.: Izd-vo «Ves' mir», 2004. 544 s.
 42. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma. V 6-ti tomakh. T. 2./ Sost. V. N. Kasatkina.-M.: Izdatel'skii Tsentr «Klassika», 2003. 640 s.
 43. Khetso G. Prinadlezhnost' Dostoevskomu: K voprosu ob atributsii F. M. Dostoevskomu anonimnykh statei v zhurnalakh «Vremya» i «Epokha». Oslo, 1986. 82 s.

44. Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. 640 s.
45. Shilova N.L. Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya»: [Elektronnyi resurs]. URL: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/vremja/vremja.html> (Data obrashcheniya: 25.04.2022).
46. Shcheglov G.E. Stradaniya pravoslavnogo dukhovenstva v dni pol'skogo vosstaniya 1863-1864 gg. // Al'manakh «KhRONOS». 2013. №1. S. 33-48.
47. Shchegolev S.I. Katolicheskaya tserkov' i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Pol'she 1860-1864 gg. : polozhenie pol'skoi katolicheskoi tserkvi nakanune perioda manifestatsii // Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya. 2010. №4. S. 71-76.

Linguistic aspect of information wars in mass media discourse

Lobanova Tatiana Nikolaevna

Doctor of Philology

Associate Professor, Moscow State Regional University

141031, Russia, Moskovskaya oblast', g. Mytishchi, ul. Malaya Borodinskaya, 1, kv. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Sivova Daria

PhD in Philology

Postgraduate Student, Department of English and Language Theory, Moscow State Regional University

115172, Russia, Moscow, ul. Bol'shie Kamenshchiki, 21

✉ sivulya@icloud.com

Abstract. Recently the process of active informatization of society and globalization of the world information space has been observed. The consequence of this process is different kinds of Information Wars, where the mass media plays the main and the most important role. The immersion of an increasing part of humanity into the virtual world of media in the age of digitalization generates a high demand for the creation of information and cyber warfare. If the main tool of the information war is the media, then the main tool of the media is language. The subject of the study is the language functioning in the mechanisms of information wars. The main content of the research is the analysis of the concept of "information war" from a linguistic point of view. Theoretical analysis of literature, media linguistic analysis, methods of critical linguistics, etc. are used as research methods. The novelty of the research lies in the fact that it is a media linguistic study involving foreign scientific concepts (English), untranslated and unpublished in Russian. The article provides a number of clarifications and additions to the existing theories of information warfare with the involvement of linguistic and political science textures. A systematic, versatile and detailed description of the current state and changes that have occurred in linguistics over the past ten years in the light of the conceptualization of the phenomenon of "information war" is presented. Based on the results of the study, the concept of information warfare in mass media discourse is revealed, and a comprehensive method for studying this phenomenon is proposed.

Keywords: media text, information and psychological warfare, critical discourse analysis, information vaccine wars, Mass media, media linguistics, media discourse, mass media

discourse, discourse analysis, information warfare

References (transliterated)

1. Belova N.E. Osobennosti diskursa informatsionnoi voyny // Privolzhskii nauchnyi vestnik. 2015. S. 75–78.
2. Bernatskaya A. A. , Gornostaeva Yu. A. , Evseeva I. V. [i dr.] Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny. Kniga III: monografiya; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova.-Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2020. 340 s
3. Borisov A. B. Bol'shoi yuridicheskii slovar'. — M. : Knizhnyi mir, 2012. S. 216-217.
4. Vasil'ev A.D., Podsokhin F.E. Informatsionnaya voyna: lingvisticheskie aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2016. No 2 (56). S. 10–16.
5. Grinyaev S.N. Informatsionnaya voyna: istoriya, den' segodnyashnii i perspektiva. — SPb.: Arlit, 2000 S. 14-17.
6. Dobrosklonskaya T. G. Mediadiskurs kak ob"ekt lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii. // Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 10. — No 2, 2006. S. 20-21.
7. Kozhemyakin E.A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. — No2 (73). — 2010. S. 16.
8. Lobanova T.N. Vneshnepoliticheskaya problematika v kitaiskom politicheskom mediadiskurse: lingvisticheskie analiz (na primere analiza vypuskov kanala "CCTV中文国际") // Litera. — 2019. — № 2. — S. 236-250.
9. G.G. Pocheptsov, Informatsionnye voyny, Seriya: Obrazovatel'naya biblioteka. Izdatel'stvo: Refl-buk, 2001 g. 576 s
10. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny [Tekst]/ I.N. Panarin. — M: Pokolenie, 2012. — S. 55-56.
11. Sokolova, A.M. Ispolzovanie informatsionnykh voyn kak opravdanie globalizatsii / A.M.Sokolova//Upravlenie i ekonomika: teoriya i praktika: Sb. nauch. trudov. Krasnoyarsk: OOO «Izdatel'skii tsentr «Platina», 2006. — Vyp. 2.-S. 98-104.
12. Libicki M. C. What is Information Warfare? — Washington: National defense univ., 1995. P. 30-49.
13. Van Dijk Ideology: multidisciplinary approach, SAGE. — 1998. P. 22-49.
14. Van Dijk, T. Discourse and manipulation. Discourse & Society. 2006, 17 (2), P. 359—383.
15. Van Dijk, T.A. News as Discourse, New York: Erlbaum. — 1998. P. 22-23.
16. Van Dijk, T.A. Discourse and the denial of racism, Discourse & Society. — 1992. P. 87–118.
17. Van Dijk, T.A. Critical review of framing studies in social movement research, unpublished paper, Barcelona: Centre of Discourse Studies. — 2020 P. 14-15
18. Wodak, R. Normalization to the right: analyzing the micro-politics of the far right, in S.D. Ashe, J. Busher, G. Macklin and A. Winter (eds) Researching the Far Right: Theory, Method and Practice, London: Routledge. — 2020. 17 p
19. Wodak, R. The Politics of Fear. The Shameless Normalization of Far-right Discourses (2nd revised and extended edition), London: Sage — 2021. 337 p
20. Wodak, R. Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs, Volume 11, Crisis communication and crisis management during COVID-19, University of Lancaster, UK. — 2021.

V. N. Berdinsky's novel "You are for me, I am for you": the poetics of psychologism

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University

424002, Russia, respublika Respublika Marii El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the poetics of the modern Mari novel in the aspect of the poetics of psychologism. The purpose of this work is to identify the main techniques of psychologism and their artistic functions in V. N. Berdinsky's novel "You are to me, I am to you". The research material was the text of V. N. Berdinsky's novel "You are for me, I am for you", as well as research about him in modern Mari literary science. The methodology of the research is determined by the structural and semantic analysis of the work, which made it possible to identify and describe in detail the conceptual, semantic and typological components of the psychological level of this novel text. The article proves that psychologism in the novel of the Mari writer manifests itself at the plot (internal plot) and character (techniques of internal characterization of characters) levels of the text, and it is also important in the context of the author's assessments of the depicted events and phenomena (improper-direct speech). Among the means of psychological characterization in Berdinsky's novel, the psychological detail plays a dominant role (external in the role of psychological and actually psychological). It is concluded that psychologism is the dominant style of V. N. Berdinsky's novel "You are to me, I am to you" and plays an important role in the formation of the author's artistic concept.

Keywords: artistic detail, non-direct speech, internal monologue, techniques of psychology, internal plot, artistic psychology, Valery Berdinsky, poetics, novel, mari literature

References (transliterated)

1. Berdinskii V. N. Vse my lyudi: rasskazy. – Ioshkar-Ola: Izdatel'skii dom «Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2018. – 384 s.
2. Berdinskii V. N. Gost': rasskazy. – Sernur: 000 «Format», 2009. – 143 s.
3. Berdinskii V. N. Evdokiya: rasskazy / per. na rus. N. Berdinskoi, A. Spiridonova. – Kirov, 2008. – 256 s.
4. Berdinskii V. N. Igem-shamych: oilymash-vlak. – Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2010. – 432 s.
5. Berdinskii V. N. Kolcha: oilymash-vlak. – Sovetsk: «Vesti trekhrech'ya» izdatel'skii dom, 2004. – 144 s.
6. Berdinskii V. N. Kresava: oilymash-vlak. – Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2008. – 128 s.
7. Berdinskii V. N. Mardezh shÿshka: oilymash-vlak. – Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stvo, 1987. – 192 s.
8. Berdinskii V. N. Ovi: oilymash-vlak. – Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2001. – 80 s.
9. Berdinskii V. N. Tyi – mylam, myi – tylat: roman. Ikymyshe kniga. – Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 1994. – 286 s.

10. Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie / L.V. Chernets, V.E. Khalizev, A.Ya. Esalnek i dr.; pod red. L.V. Chernets. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 680 s.
11. Esin A. B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 176 s.
12. Kalashnikova L. V. Tipologicheskie raznovidnosti mariiskogo rasskaza vtoroi poloviny KhKh veka (poetika kompozitsii): monografiya / Mar. gos. un-t. – Ioshkar-Ola, 2022. – 180 s.
13. Kudryavtseva R. A. Genezis i dinamika mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya: monografiya / Mar. gos. un-t. – Ioshkar-Ola, 2011. – 324 s.
14. Kudryavtseva R. A. Detal' kak priem psikhologizatsii povestvovaniya v mariiskom rasskaze kontsa KhKh veka (na primere rasskaza Gennadiya Alekseeva «Zharkii den'») // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchnyi zhurnal. – 2009. – № 5. – S. 61–66.
15. Mikhailov V. T. V. Berdinskiyn «Tyi – mylam, myi – tylat» romanzhe: teme, problematike, obraz siteme // Etnokul'turnye tsennosti v sovremennom informatsionnom obshchestve: materialy VII respub. nauch.-prakt. konferentsii «Iyvan Kyrila ludmash», posv. 100-letiyu Respubliki Marii El i Sernurskogo raiona (p. Sernur, 9 aprelya 2021 g.) / MarNIYaLI; otv. red. S. K. Svechnikov. – Ioshkar-Ola, 2021. – S. 219–227.
16. Mikhailov V. T. Kzytse marii prozo: monografii ocherk. – Ioshkar-Ola: «Marii kniga izdatel'stve» savyktysh pört, 2022. – 479 s.
17. Ryabinina M. V. Mariiskaya povest' vtoroi poloviny KhKh veka: poetika psikhologizma: monografiya / Mar. gos. un-t. – Ioshkar-Ola, 2016. – 183 s.
18. Skaftymov A. P. Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya / sost. V. V. Prozorov, Yu.N. Borisov. – M.: Vyssh. shk., 2007. – 535 s.
19. Yandulova N. «Knigam vozymash – myiyn khobbi gai», – oila «Tyi – mylam, myi – tylat» romanyn avtorzho Valerii Berdinskii // Kugarnya. – 1994. – 11 noyab.

Concept of the journalist in online-media and its reflection in the newest V. Pelevin's prose

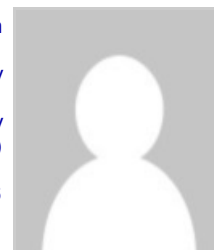
Karpov Ernest Sergeevich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Journalism and Television Technologies, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

115561, Russia, Moscow region, Moscow, Kashirskoe Shosse str., 132/1, sq. 46

✉ calib_mr_stolz@rambler.ru

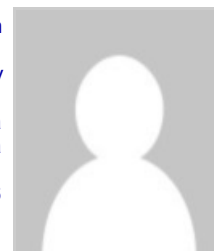
Grabel'nikov Aleksandr Anatol'evich

Doctor of History

Professor, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after V.I. Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ grab@mail.ru

Cegelova Natal'ya Sergeevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia
named after V.I. Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ mikhail0001@mail.ru

Murzina Ol'ga Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Journalism and Television Technologies, AN. Kosygin Russian State
University

119071, Russia, Moscow region, Moscow, Malaya Kaluzhskaya str., 1

✉ murzina-ov@rguk.ru

Abstract. Digitalization, the development of the Internet and media technologies lead to transformation not only of functions of journalism, but also to the analysis of the conceptual model of a journalist, which also gives a result in a literary text. Viktor Pelevin subtly captures emanations of this kind and, at least allegorically, but quite accurately represents them in postmodernist artistic text. In the article we will focus on the study of the image of a journalist as the author of a media text and his role in shaping reality, presented in Pelevin's works. The material of the study was the novels "The Sacred Book of the Werewolf" (2004) and "Empire V" (2006). The paper presents the results of the analysis of media space, implemented in the works of V. Pelevin, which is the subject of the study. The novelty of the work is due to the fact that for the first time the role of journalism in the formation of the chronotope of a postmodernist work is analyzed on the example of V. Pelevin's novels. A successful attempt has been made to apply the knowledge of online news journalism to media texts in the structure of a work of art. Cultural-historical, structural-typological methods and structural analysis were used. The article is devoted to the study of the media space, which is considered as a simulacrum of reality, in the structure of the artistic world of a postmodern work. It is proved that the media space created by journalists is mosaic, its boundaries are conditional, blurred or completely absent, in the organization of space at different levels we see a rhizomatic structure, the author often uses the mirror principle.

Keywords: modern domestic prose, postmodernism, Viktor Pelevin, modern journalist, media space, news production model, new media, online media, youth journalism, virtual space

References (transliterated)

1. Avdonina N. S., Bogatyreva V. N. Aktual'nye tendentsii tsifrovoi zhurnalistiki i novykh media // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema». 2020. № 2(39). S. 9-18.
2. Yuan' E. Vliyanie sovremennykh onlain media na deyatel'nost' zhurnalista // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. № 10. S. 232-236.
3. Gavrikova O. A. Pragmatika klikbeitinga v intertekstual'nom prostranstve mediadiskursa: avtoref. ... dis. kan. filolog. n. Ufa, 2020. 24 s.
4. Golovin A. Yu. Zhurnalistika robotov: budushchee, kotoroe nastupilo ran'she, chem ozhidali uchenye // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: tsifrovaya transformatsiya obshchestva: novye vozmozhnosti i novye vyzovy: XVI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy: v 2 ch.. Tom Chast' II. M., 2020. S. 32-35.

5. Dmitriev A.V. Neomifologizm v strukture romanov V. Pelevina: diss. ... k. filol. n.: 10.01.01. Volgograd, 2002. 174 s.
6. Kikhnei L.G., Gavrikov V.A. Proza L'va Naumova v kontekste «misticheskogo realizma» v russkoi literature XX-XXI vekov. M.: Amsterdam: Tardis, 2020.
7. Kolchina N. O. Marketing of educational services // Integration of education. 2013. №4 (73). P. 48–51.
8. Mel'nikova A. Yu. Virtual'noe prostranstvo v vremya v postmodernistskom tekste (V. Pelevin «Svyashchennaya kniga oborotnya») // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2009. № 3. S. 123–125.
9. Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya. M.: Eksmo-Press, 2011.
10. Pronina E.E. Psikhologiya zhurnalistskogo tvorchestva. M.: KDU, 2006.
11. Kodanina A. L. Zhurnalistika kak chetvertaya vlast': transformatsiya professii v perekhodnuyu epokhu // Transformatsii obshchestvennogo soznaniya v perekhodnuyu epokhu: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 21–22 aprelya 2021 g. T. 2. Sotsial'nye izmeneniya v teoriyakh srednego urovnya / pod. red. I.A. Savchenko, Yu.V. Kozlovoi, N.A. Ageevoi. N. Novgorod: NGLU, 2022. S. 92–96.
12. Gradyushko A. A. Platformizatsiya v tsifrovoi zhurnalistike: novye strategii mediaproizvodstva // Trudy BGTU. 2023. Seriya 4, № 1. S. 34–40.
13. Radugin A. A., Gurina E. M. Osnovnye kharakteristiki epokhi postmoderna // Filosofskie nauki. Omskii nauchnyi vestnik. 2014. № 5 (132). S. 88–91.
14. Chemodanova A. A. Infoteinment kak televizionnoe napravlenie // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Slovo v nauke». 2022. № 4. S. 24–27.
15. Brandt G. A. Glamur kak diskurs: ochevidnye nablyudeniya // Diskurs-Pi. 2010. V. 9, I. S. 131–133
16. Pelevin V. O. Empire V. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021.
17. Bobyleva A. L. Manipulyativnye tekhnologii mass-media kak predmet literaturnoi refleksii v proze V. Pelevina 2010-kh godov // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2016. T. 16, vyp. 4. S. 443–446.
18. Pelevin V. O. Generation "P". M.: AST, 2022.
19. Bazylev O. S. Khudozhestvennyi mir proizvedeniya kak metod samovyrazheniya avtora // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2007. № 2 (12). S. 92–96.

Cognitive mechanisms of the formation of new words in German media

Kofanova Galina Petrovna

PhD in Philology

head of the Department of Foreign Languages at Kaliningrad State Technical University

236022, Russia, Kaliningradskaya oblast', g. Kaliningrad, ul. Sovetskii Prospekt, 1

✉ galina.kofanova@klgtu.ru

Баганова Екатерина Юрьевна

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kaliningrad State Technical University
236022, Russia, Kaliningradskaya oblast', g. Kaliningradskaya, ul. Sovetskii Prospekt, 1

✉ Wagner17@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the discourse of the German mass media, addressed to the topic of the coronavirus pandemic. Using the examples of magazine articles, television broadcasts and blogs in social networks, a conceptual analysis of the ways of word-formation activity of the German language in the era of coronavirus restrictions is carried out. The subject of the study is the cognitive mechanisms of word formation of the German language and their pragmatic features. The object of the study was the coronavirus discourse of the German-speaking language space. The aim of the work was to reconstruct some concepts of the discursive field "Coronavirus infection", as well as to describe the cognitive mechanisms underlying their formation on the basis of linguistic data. The methods of conceptual and prototypical analysis, as well as cognitive modeling and contextual analysis were used in the study of cognitive mechanisms of word formation. The relevance and novelty of the research lies in the study and description of the latest word-formation phenomena and trends in German-speaking social discourse. As a result of the research, the regularities of the functioning of the main cognitive mechanisms of concept formation were deduced and formulated. The analysis of the German media discourse during the coronavirus pandemic revealed new basic concepts and concepts-components that form conceptual fields. The basic concepts we attributed, for example, such as "Corona", "Mundnasenschutz", "Distanz", "Lockdown", "Panick". As a result of the study, it was concluded that the basic concepts form conceptual fields, including component concepts, the methods of language verbalization of which imply the presence of emotive and evaluative components. The studied and described language material allows us to conclude that the main cognitive mechanisms of concept formation are profiling, conceptual metaphor, conceptual metonymy and contamination.

Keywords: coronavirus infection, pandemic, irony, neologism, integration of concepts, conceptual field, conceptual analysis, prototype, the discursive field, word formation

References (transliterated)

1. Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi / sostaviteli: Kh. Val'ter [i dr.] ; redaktery: E. S. Gromenko [i dr.]; Rossiiskaya akademiya nauk, Institut lingvisticheskikh issledovaniy. – Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2021.
2. Zavadskaya A. V. Slovoobrazovatel'nye neologizmy epokhi pandemii koronavirusa v mediinom prostranstve // Neofilologiya. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-neologizmy-epokhi-pandemii-koronavirusa-v-mediynom-prostranstve> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
3. Lanovaya T.V. Aktivnye slovoobrazovatel'nye modeli russkogo yazyka na materiale "koronaleksiki" // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2021. № 3. S. 51—63.
4. Akkuratova I. B. Osobennosti neologizatsii v period pandemii v nemetskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-neologizatsii-v-period-pandemii-v-nemetskom-yazyke> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
5. Gataullin R.G. KORONA/SORONA v derivatsionnoi sisteme sovremennykh yazykov //

- Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korona-sorona-v-derivatsionnoy-sisteme-sovremennyh-yazykov> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
6. Ignatova E. M., Pivovarova E. V. Orfograficheskie osobennosti, semanticheskie svyazi i sposoby perevoda kompozitoobrazovaniy kontseptosfery "CORONA" (na materiale nemetskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orfograficheskie-osobennosti-semanticheskie-svyazi-i-sposoby-perevoda-kompozitoobrazovaniy-kontseptosfery-corona-na-materiale> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
 7. Nagumanova V. A. Neologizmy v sfere obrazovaniya v period pandemii koronavirusa (na primere nemetskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-sfere-obrazovaniya-v-period-pandemii-koronavirusa-na-primere-nemetskogo-yazyka> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
 8. Nefedova L. A. O diskursivnoi markirovannosti leksiki pandemii koronavirusa (na materiale nemetskogo yazyka) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. №3 (845). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-diskursivnoy-markirovannosti-leksiki-pandemii-koronavirusa-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
 9. Maier V.S. Pandemiya koronavirusa kak yazykovoi marker sovremennosti (na materiale nemetskogo yazyka) // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-yazykovoy-marker-sovremennosti-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (data obrashcheniya: 20.06.2022).
 10. Petrenko D. A., Likhachev E. V., Chernyshova M. V. Sredstva yazykovoi vyrazitel'nosti v obraze COVID-19 (na materiale nemetskogo politicheskogo diskursa SMI) // Nauchnyi dialog. 2020. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-yazykovoy-vyrazitelnosti-v-obraze-covid-19-na-materiale-nemetskogo-politicheskogo-diskursa-smi> (data obrashcheniya: 19.06.2022).
 11. Kubryakova E.S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. M.: In-t yazykoznaniya RAN, 1997.
 12. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika: kurs lektsii po angliiskoi filologii // Tambov: Izd-vo Tamb. un-ta, 2000.
 13. Sal'kova D.A. Kontseptualizatsiya i slovoobrazovatel'nye kharakteristiki derivatov // Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy. Sb. nauch. statei. Kal-d. 1999.
 14. Zabotkina V.I. Kognitivno-pragmaticheskii podkhod k neologii // Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy. Sb. nauch. trudov. Kaliningrad, 1999.
 15. Mirko Smiljanic Folgen der Pandemie. Wie Corona die deutsche Sprache beeinflusst // Deutschlandfunk.[Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/folgen-der-pandemie-wie-corona-die-deutsche-sprache-100.html>(data obrashcheniya: 21.06.22).
 16. Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (data obrashcheniya: 11.01.2021).
 17. Chistyakova E.V. Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyi potentsial landshaftnoi leksiki v sovremennom angliiskom yazyke: Dis. ...kand. filol.nauk: 10.02.04. – germanskies yazyki / Chistyakova Elena Vladimirovna. – Tambov, 2015. – 221 s. 143.

In the wrecks of Kingdoms, in the self-immolations of evil ... (behind the pages of Maximilian Voloshin's book "Demons of the Deaf and Dumb")

Tsaregorodtseva Svetlana Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow State University named
after A. S. Griboyedov.

111024, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, shosse Entuziastov, 21

✉ alatas@mail.ru

Pinaev Sergei Mikhailovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

125009, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moskova, per. Bol'shoi Kislovskii, 5-7, stroenie 2, kv. 18

✉ serpinaev@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the historiosophical foundations of Maximilian Voloshin's book "Demons of the Deaf and Dumb". The article examines the historical concept of M. Voloshin, who tries to bring the reader to the dramatic events of the present and predict the future through an assessment of Russia's past. Voloshin, focusing on the revolutionary events of Russia and France, writes a tragedy book, which was published in January 1919. The main hypothesis is that "Demons of the deaf and dumb" occupies a special place in the creative biography of the poet, while it is necessary to keep in mind several important points. This is Voloshin's last collection, released during his lifetime in Russia, prepared by the author himself (with drawings by the author). The poems written in 1919 are organically adjacent to it: "The Burning Bush", "The Russian Revolution", "Kitezh", "The Civil War". Poems that dramatically translate history into modernity and reveal the future. The book "Demons of the Deaf and Dumb" includes works written at different times and related to different historical epochs. However, Voloshin had the ability to feel the flow of history "flowing into "today", to perceive history in its one-time form. The moment of history for him is the whole story, just as time is all time. Such a feeling was characteristic of the poet throughout his creative career. The troubles, the Uprising of Stenka Razin, the Petrine era, Thermidor in France, the revolution in Russia all coexist for him as if in a single time frame. One is perceived through the other.

The paper offers an innovative approach to the study of M. Voloshin's last lifetime collection; a way of considering the reception of creativity in the unity of historical, cultural and biographical contexts is proposed, which is an organic combination of historical, cultural, biographical and comparative methods that form the basis of classical philological science.

Keywords: semantic inversion, association, reminiscence, intestine war, hard times, time frame, split, Christian anarchism, Slavophilism, historiosophy

References (transliterated)

1. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.12. Pis'ma 1918-1924. – M.: Ellis Lak, 2013. 992 s.
2. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.11. Pis'ma 1913-1917. – M., 2011. 832 s.

3. Mify narodov mira. T.1. – M., 1991. 671 s.
4. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.5. – M., 2007. 345s.
5. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.11. Kn.2. Perepiska S Margaritoy Sabashnikovoi. 1906-1924. – M., 1915. 990 s.
6. Voloshin M.A. Liki tvorchestva. – L.: Nauka, 1988. 848 s.
7. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.9. Pis'ma 1903-1912. – M., 2010. 785 s.
8. Voloshin M.A. Sobr. soch. T.11. Kn.1. Perepiska s Margaritoy Sabashnikovoi 1903-1905. – M., 2013. 458 s.
9. Voloshin M.A. Rossiya raspyataya: sbornik statei i stikhov. – M., 1992. 248 s.
10. Iz glubiny: Sb. statei o russkoi revolyutsii. – M., 1991. 298 s.

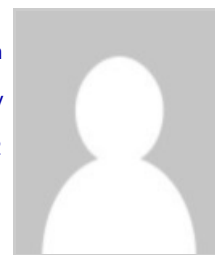
Dynamics of the Point of View in B. Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"

Molodtsov Aleksey Borisovich

Assistant of Department on Russian and World Literature, Lugansk State Pedagogical University

91011, Russia, Luhansk People's Republic, Lugansk, Oboronnaya str., 2

✉ homosapien34@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the peculiarities of the functioning of the point of view in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago", which implies an analysis of his composition at the macro and micro levels. The field of research also includes the author's word and other forms of author's expression, as well as the correlation of the author's point of view with the point of view of the characters of the work. The purpose of the study is to identify the formative value of the point of view as a compositional device in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". In the course of the study, the comparative method and methods of theoretical poetics were used to establish the compositional patterns of the work. This article clarifies the established opinion that Yuri Zhivago is the alter ego of B. Pasternak, the lyrical hero of a lyrical novel. During the study of the composition of the novel, we found that it is based on the installation of constantly changing points of view, and the author's word and presence tends to obscurity. As a result, most episodes of the novel "Doctor Zhivago" acquire dramatic dynamics, and the narrative is always indirect, fragmentary and limited by the point of view of one or another character, who together are equal not only with each other, but also with the author's word. A special compositional form are counterpoint episodes, in which several points of view stereoscopically illuminate either different spaces of the same time interval, or the same space at different times, as well as a conditional impersonal point of view located inside the event, as opposed to the author's word, external to it. The results obtained indicate a different degree of authorial expression in the novel "Doctor Zhivago" and other forms of this expression than the lyrical novel suggests. In fact, the drama of "Doctor Zhivago" remains formative, but little studied, which may become the subject of further research.

Keywords: impersonal point of view, counterpoint, indirect narration, montage, point of view, hero, author, novel, drama, composition

References (transliterated)

1. Bondarchuk, E. M. Avtor i geroi v romane Borisa Pasternaka «Doktor Zhivago»

- (svoeobrazie sub"ektnykh i vnesub"ektnykh form vyrazheniya avtorskogo soznaniya): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk; 10.01.01 / E. M. Bondarchuk. Samara, 1999. 20 s.
2. Gasparov, B. M. Vremennoi kontrapunkt kak formoobrazuyushchii printsip romana Pasternaka «Doktor Zhivago» / B. M. Gasparov // Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature KhKh veka. M.: Nauka, 1993. S. 241–273.
 3. Griftsov, B. A. Teoriya romana / B. A. Griftsov. M.: Gos. akad. khudozhestvennykh nauk, 1927. – 150 s.
 4. Il'ev, S. P. Roman «Doktor Zhivago» B. Pasternaka v svete poetiki simvolizma / S. P. Il'ev // Studia Rossica Posnaniensia. 1993. № 24. S. 41–46.
 5. Likhachev, D. S. Razmyshleniya nad romanom B.L. Pasternaka / D. S. Likhachev // S raznykh tochek zreniya: «Doktor Zhivago» B. Pasternaka. M.: Sovetskii pisatel', 1990. S. 170–183.
 6. Pasternak, B. L. Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 3. Doktor Zhivago: Roman / B. L. Pasternak. M.: Khudozh. lit., 1990. 734 s.
 7. Pyatigorskii, A. M. Pasternak i doktor Zhivago. Sub"ektivnoe izlozhenie filosofii doktora Zhivago. Vremya i my. 1978. № 25. S. 167.
 8. Rzhetskii, L. Yazyk i stil' romana B.L. Pasternaka «Doktor Zhivago» / L. Rzhetskii // Sbornik statei, posvyashchennykh tvorchestvu B.L. Pasternaka. – Myunkhen: Institut po izucheniyu SSSR: Issledovaniya i materialy (seriya 1-ya, vypusk 65), 1962. S. 115–189.
 9. Smirnov, I. P. Roman tain «Doktor Zhivago» / I. P. Smirnov. M.: «Novoe literaturnoe obozrenie», 1996. – URL: <https://unotices.com/book.php?id=127489&page=30> (data obrashcheniya: 15.12.22).
 10. Sukhikh, I. N. Zhivago Zhizn': stikhi i stikhii (1945–1955. «Doktor Zhivago» B. Pasternaka) // Russkii kanon: Knigi KhKh veka. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. S. 466–508.
 11. Uspenskii, B. A. Poetika kompozitsii / B. A. Uspenskii. SPb.: Azbuka, 2000. 348 s. S. 9–280.
 12. Yakobson, R. O. Zametki o proze poeta Pasternaka / R. O. Yakobson // Roman Yakobson. Raboty po poetike. M.: Progress, 1987. S. 324–338.
 13. Doctor Zhivago: A Critical Companion / Ed. by Edith W. Clowes. Evanston (Ill.): Northwestern univ. press, 1995. VIII, 169 p.
 14. Livingstone A. Boris Pasternak. Doctor Zhivago / Angela Livingstone. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1989. IX, 118 p.

Features of the narrative structure of the novel of the postmodern era on the example of Barry Unsworth's novel "Moralite"

Sadovnikova Yuliya Mikhailovna

Postgraduate student of the Literature Department of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

248000, Russia, Kaluzhskaya Oblast' oblast', g. Kaluga, per. Voskresenskii, 4

✉ OrangeLioness@yandex.ru

Abstract. The author examines the features of the narrative structure of the novel of English postmodernism "Morality Play" (Unsworth "Morality Play"). The purpose of this article is to identify the features of the construction of the novel of postmodernism. Postmodern writers

tend to transform genres of high literature, making them accessible to mass reading. *Moralite* is a special kind of dramatic performance in the Middle Ages and in the Renaissance. A detective novel is a phenomenon of mass literature. The detective genre is based on three main elements that form the plot: crime, investigation and solution. In the article, these three elements are considered on the example of the novel "Moralite". Despite the fact that the plot-forming element is a detective component, the author does not fulfill all the genre strategies of the detective. In the presented work, the detective influence of the construction of a postmodern novel will be considered, in which readers are involved in the active process of reconstructing the incident, and the main character finds a solution to all the mysteries and riddles. The relevance of the work is due to the lack of full-fledged Russian-language research on the designated topic - dissertations, collections of articles, monographs. In the novel *moralita*, the identity of the murderer is not important, the victims are not important. The author is interested in the effect produced by the "performance" played out on the stage. Barry Unsworth demonstrates his vision of creating a new Medieval genre, he shows how this transition to everyday themes took place. One person can change the usual way of life by taking a risk and leading. Wandering comedians, who are the main characters, appear to readers as naive amateur detectives. They are passionate about the process and improve their "Thomas Wells Game", but not for the sake of punishing and exposing the killer. In the process of research, it can be concluded that two main genre layers can be distinguished in the novel – detective and historical. In addition to these genres of features, it can be argued that this is a novel about the genre.

Keywords: author, narration, secret, the solution, investigation, crime, postmodernism, detective, *Morality Play*, Unsworth

References (transliterated)

1. Akimtseva, Yu. V., Isaeva A. Yu. Analiz lingvostilisticheskikh osobennostei angloyazychnogo postmodernistskogo romana // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2020. № 1. S. 82– 86.
2. Ansvort, B. *Moralite: roman* / per. s angl. I. Gurovoi. M.: AST; Tranzitkniga, 2004. 239 s.
3. Bakhtin, M.M. *Epos i roman*. SPb.: Azbuka, 2000. 304 s.
4. Grois B. Vechnoe vozvrashchenie novogo//Iskusstvo, 1989, №10. – S.1-2
5. Il'in I.P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya M.: Intrada, 1998. 255s.
6. Kazanova, P. Mirovaya respublika literatury / P. Kazanova; per. s fr. M. Kozhevnikovoi i M. Letarovoi-Gister. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. 413 s.
7. Kireeva, N.V. Postmodernizm v zarubezhnoi literature: Uchebnyi kompleks dlya studentov-filologov/ N. V Kireeva.-M.: Flinta: Nauka, 2004. – 216 s.
8. Minina, V.G. Postmodernizm i realizm britanskogo romana rubezha XX-XXI vekov//Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya. 2019 №3 – s. 141-148
9. Saburova, N.V. Realizatsiya zagolovka romana kak element sinteza zhanrov v khudozhestvennom tekste (na primere romana B.Ansvorta «Morality play» / N.V Saburova, E.V. Petrova. – T.: Gramota, № 9(63), 2016. – s. 31-35.
10. Solov'eva, N. A. Angliiskii roman v epokhu postmoderna // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2006. №1.– 134–154
11. Tan, Sh. Teatralizatsiya v postmodernistskom romane «Kvest» B. Akunina // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.

2019. T. 24. № 3. S. 390–403.

12. Teben'kova, N. G. Osobennosti povestvovaniya v postmodernistskoi literature (na materiale romana M. Kanningema "Chasy") / N. G. Teben'kova // Yazyk. Kul'tura. Obrazovanie: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu fakul'teta inostrannykh yazykov Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Omsk, 24 dekabrya 2018 goda. – Omsk: federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet", 2018. – S. 120-126.
13. Ustinov, A.Yu. Igrovoi tekst kak kategoriya igrovoi poetiki // Nauka i sovremennost'. 2010. № 4-2. S. 158-161.
14. Boccardi M. Barry Unsworth's Morality Play: Narrative, detection, history, Postmedieval: a journal of medieval cultural studies, 2016, iss. 7 (2), pp. 204–213.
15. Martínez Alfaro M.J. Mystery and Performance in Barry Unsworth's Morality Play, Miscelánea: A Journal of English and American Studies, 2001, iss. 24, pp. 79–92.
16. Moore J.C. 'The Shadow of this Crime ...Is over Me Yet': Narrative Discourse and the Knowledge of Evil in Barry Unsworth's Morality Play, Renaissance, 2012, iss. 64.4, pp. 321–340.
17. Russell R.R. The Dramatic Conversion of Nicholas Barber in Barry Unsworth's Morality Play, Renaissance, 2006, iss. 58.3, pp. 221–239.

Formation of Scottish Ethnic Identity through the Historical and Social Events

Tarasova Kira Eduardovna

Postgraduate student, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ tarasova.kira@gmail.com

Abstract. The present article represents the process of formation and development of the Scottish identity through the events that have been occurring since IIIrd century. The aim of the research is the study of the ethnic identity development as emotional and cognitive process of identification with the ethnos. The article is based on the foreign and Russian researchers' studies covering issues about Scottish history, ethnic identities, text pertaining to the important historic events that influenced the ethnic identity formation and articles written by Scottish sociologists as members of the ethnic group. On the basis of definitional, conceptual and event history analyses sphere of concepts SCOTTISH IDENTITY is formulated. The conclusion about the existence of two types of identity (ethnic and national) in the Scots consciousness is formulated. Event history analysis shows the emergence of the ethnic identity, that is changes in the identifications in the course of historical events and life conditions. The relevance in the research is in the formation of the ethnic identity representation in the Scots consciousness in the frame of its long period of formation and development. This article is of interest because of the second referendum on Scottish independence that is planned to be held in autumn 2023.

Keywords: ethnic conflict, Scottish nationalism, nationalism, ethnic consciousness, conceptual worldview, Scotland, ethnic identity, conceptual analysis, concept, Cognitive

References (transliterated)

1. Arakin V.D. Istoriya angliiskogo yazyka. M.: FIZMATLIT, 2003. 272 s.
2. Achkasov V.A. Etnicheskaya i natsional'naya identichnosti v sovremennom mire // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. №1. S. 85-91
3. German N.F. Yazykovye parametry lingvokul'turnoi identichnosti sub'ekta sovremennoi mezhkul'turnoi kommunikatsii // Lingvisticheskie aspekty issledovaniya identichnosti lichnosti v izmenyayushchemsya mire: kollektivnaya monografiya / pod red. E. N. Aznacheevoi. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2012. S. 8-42
4. Istoriya angliiskoi literatury. Tom I. Vypusk pervyi. Pod redaktsiei prof. M. P. Alekseeva i dr. M.-L., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1943. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/istoriya-anglijskoj-literatury/index.htm> (data obrashcheniya 05.02.2023)
5. Kubryakova E.S. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. M.:Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997.
6. Leont'ev D.A. Identichnost' /D. A. Leont'ev, O.O. Savel'eva. Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2000174> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
7. Luchsheva L.V. Sovremennye kontsepty prichin etnicheskikh konfliktov // VEPS. 2015. №1. S. 206-209
8. Manerko L.A. Ponyatie identichnosti i ego razvitie v mezhkul'turnom aspekte// Voprosy romano-germanskoi i russkoi filologii: mezhvuzovskii sbornik nauch. statei. Pyatigorsk: PGU, 2023. S. 5-16.
9. Mikhail'chenko V.Yu. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. M., 2006. 312 s.
10. Nikolaev V.G. Identichnost'. // Kul'turologiya. KhKh vek: entsiklopediya / pod red. S. Ya. Levita. T. 1. SPb.: Universitet. kn., 1998. S. 238-239.
11. Khotinets V.Yu. Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2002. 124 s.
12. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya. M.: Institut psikhologii RAN, «Akademicheskii proekt», 1999. URL: http://ipkfp.nspu.ru/file.php/1/Stefanenko_EHtnopsikhologija.pdf (data obrashcheniya: 05.02 2023)
13. Shakhbanova M.M. Etnicheskoe samosoznanie i etnicheskaya identichnost': sovremennaya kontseptsiya issledovaniya // IAEK. 2013. №1 (33). S. 135-147.
14. Sharapov V.V. Natsional'noe soznanie i sotsial'no-psikhologicheskie fenomeny etnicheskogo samosoznaniya naseleniya Srednego Povolzh'ya: dis. ... d-ra psikhol. nauk. Samara, 2016. 495 s.
15. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Nazran': OOO «Piligrim», 2010. 486 s.
16. Barbour J. The Bruce / ed. from the best texts with literary and historical introduction, notes and appendices, and a glossary by W. M. Mackenzie. L.: Adam and Charles Black. 1909. URL: https://www.gutenberg.org/files/44292/44292-h/44292-h.htm#Page_519 (data obrashcheniya: 05.02.2023)
17. Bone J. Scotland and England's colliding nationalism: neoliberalism and the fracturing of the United Kingdom // British Politics, 2021. P. 1-19.
18. Brief Analysis of the 2011 Census Results URL: <http://media.scotslanguage.com/library/document/SLC%20Analysis%20of%20Census%202011%20for%20Scots.pdf> (data obrashcheniya: 05.02.2023)

19. Bruce S. The SAGE Dictionary of Sociology / Steve Bruce, Steve Yearley. SAGE Publications, 2006.
20. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
21. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder & Stoughton, 2014. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/Watching%20the%20English%20the%20Hidden%20Rules%20of%20English%20Behaviour.pdf> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
22. Harvie C. Scotland and nationalism: Scottish society and politics, 1707 to the Present. L.: Routledge, 2004. 292 p.
23. Horsbroch D. 1700-1750 Modern Scots 1 / Scots Language Centre (Centre for the Scots Leid) URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/741/type/referance> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
24. Horsbroch D. 1750-1800 Modern Scots 2 URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/742/type/referance> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
25. Horsbroch D. 1800-1850 Modern Scots 3 URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/743/type/referance> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
26. Keating M. The Scottish Independence referendum and after // REAF, 2015, Vol. 21. P.73-98.
27. Liinpää M. When the nation becomes louder: everyday nationalism and the Scottish independence referendum // Sociology, 2020, Vol. 54 (6). P. 1178-1193.
28. Liinpää M. Nationalism from Above and Below: Interrogating 'race', 'ethnicity' and belonging in post-devolutionary Scotland. PhD thesis, University of Glasgow, 2018. 293 p.
29. MacKenzie J.M. Empire and national identities the case of Scotland// Transactions of the Royal Historical Society, vol.8, Cambridge University Press, 1998. P. 215-231.
30. Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
31. Manerko L.A. English Etymology through the History of the British People. Ryazan: RGPU named after S.A. Essenin, 1998. 272 p.
32. Scottish Independence Referendum Bill URL: <https://www.gov.scot/publications/scottish-independence-referendum-bill> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
33. Oakland J. British Civilization. An introduction. L.: Routledge, 2002. 279 p.
34. Online Etymology Dictionary URL: <https://www.etymonline.com/word/identity> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
35. Scots language policy: English version URL: <https://www.gov.scot/publications/scots-language-policy-english> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
36. Storry M. British cultural identities / M. Storry, P. Childs. L.: Routledge, 2002. 352 p.
37. The Blackwell Encyclopedia of Sociology / ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing Ltd. 5658 p.
38. The Declaration of Arbroath. 700th Anniversary Display. National Records of Scotland. URL: nrsotland.gov.uk/declaration (data obrashcheniya: 05.02.2023)
39. The Oxford Dictionary and Thesaurus / ed. by Sara Tulloch. Oxford: Oxford University Press, 1997.

40. The Treaty of Edinburgh-Northampton, 1328 URL:
<https://www.scottisharchivesforschools.org/WarsOfIndependence/Edinburgh-Northampton.asp> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
41. The Wallace: Selections / ed. by Anne MacKim. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications. 2003. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/publication/mckim-the-wallace-selections> (data obrashcheniya: 05.02.2023)
42. Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C. Self and collective: cognition and social context. Revised version of the paper presented to Conference on "The Self and the Collective", Department of Psychology, Princeton University, Princeton, NJ, 7-10 May URL: 1992<https://psychology.anu.edu.au/files/Manuscripts-4-Self-and-Collective-Cognition-and-Social-Context.pdf> (data obrashcheniya: 05.02.2023)

The explication of the notional part of the concept "gardening" in the British detectives of the XIX century

Sidorova Elizaveta Nikolaevna

Educator, Department of Foreign and Russian Languages, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

127422, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com

Abstract. Within the framework of this article, the author examines in detail the structure of the hyperconcept "Englishness", paying special attention to the concept of "gardening" included in it, which is most widely represented in British detectives of the XIX century. Using the continuous sampling method, its conceptual component was analyzed. The selected examples are classified according to the representation of the "garden" frame, which is verbalized using such hyperonyms as "flowers", "trees", as well as through the lexemes "grass", "plants". A special role in the detectives of the XIX century is played by the lexeme "rose" as part of the hyperonym "flowers". The following works served as material: "Moonstone" by W. Collins, "A Study in crimson tones" by A. K. Doyle, "Ignorance of Father Brown" by G. K. Chesterton. The author's main contribution to the study of the hyperconcept "Englishness" can be considered an analysis of the representation of the hyperconcept by studying one of its constituent concepts, in our case, the concept of "gardening". Since today most researchers study the complex concept of "Englishness", guided by the techniques of cultural and literary approaches, the relevance of this study is that it is carried out in a linguistic way. As a result, it was concluded that gardening is an integral part of English life, which is verbalized in British detectives of the XIX century. The English people have a special love for roses, which are also represented in the concept of "gardening".

Keywords: world view, English language, mentality, detective, gardening, frame, hyperconcept, Englishness, concept, representation

References (transliterated)

1. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov.— M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. – 288 c.
2. Karavaeva D. N. Angliiskost': diskurs identichnosti: na materialakh sovremennoi Severnoi Anglii : dissertatsiya... kand. filol. nauk: 07.00.07 / Karavaeva D. N. – Ekaterinburg, 2014. – 282 s.

3. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Tekst] / V.I. Karasik. — M.: Gnozis, 2004. — 390 s.
4. Klintsova Yu. V. Leksiko-semanticheskie i kognitivno-derivatsionnye aspekty giperkontsepta "Krasota" : na materiale angliiskogo i russkogo yazykov : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.19 / Klintsova Yu. V. — Krasnodar, 2007. — 208 s.
5. Kononova I. V. Reprezentatsiya britanskogo moral'no-eticheskogo kontsepta «Reserve/restraint» v leksiko-frazeologicheskoi sisteme sovremennogo angliiskogo yazyka [Elektronnyi resurs] / I. V. Kononova // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-britanskogo-moralno-eticheskogo-kontsepta-reserve-restraint-v-leksiko-frazeologicheskoy-sisteme-sovremennogo>
6. Latynina M. I., Khrenova N. F. Natsional'nye aspekty mentaliteta anglichan / M. I. Latynina, N. F. Khrenova [Elektronnyi resurs] // Innovatsii v nauke. 2018. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan>
7. Mikhailova E. M. Ponyatie «Dom»-"home"/ "house" v russkoi i angliiskoi kartinakh mira / E. M. Mikhailova [Elektronnyi resurs] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-dom-home-house-v-russkoy-i-angliyskoy-kartinah-mira>
8. Sedykh A. P. Natsional'naya literatura i kommunikativnaya kul'tura natsii / A.P. Sedykh // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie». — 2012.— № 2 (10) 2012. — S. 16–20.
9. Chupryna O. G. Cud'ba kak kontsept v yazyke i kul'ture / O. G. Chupryna, K. M. Baranova, M. G. Merkulova // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. — 2018. № 3(56). — S. 120-125.
10. A Study in Scarlet by A. Conan Doyle [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/244/pg244-images.html>
11. Avarvarei S.-C. A diachronic insight into the Englishness of British gardens [Elektronnyi resurs] / S.-C. Avarvarei // Realizări și perspective în horticultură, viticultură, vinificație și silvicultură". Vol. 15 (3), 2007. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/147-150_28.pdf
12. The Innocence of Father Brown by G. K. Chesterton [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gutenberg.org/files/204/204-h/204-h.htm>
13. The Moonstone by Wilkie Collins [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gutenberg.org/files/155/155-h/155-h.htm>

The idea of truth in Russian, French and Chinese languages and cultures

Golovanivskaya Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Efimenko Nikolai Aleksandrovich

Student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

Abstract. The article examines the idea of "truth" in three linguistic pictures of the world - Russian, French and Chinese. The study is contrastive, the results are compared. The description of each idea is made according to a clear algorithm: the etymology of the word, the mythological roots of the concept, its compatibility, from the compatibility is distinguished real connotation according to V. A. Uspensky, a comparison of dictionary definitions is made. The aim of the study is to identify the peculiarities of the idea of "truth" in the Russian, French and Chinese languages. The purpose of the comparison is to see the similarities and differences in the worldview of different peoples. Scientific methods of research are: comparative-historical method, method of generalization, method of semantic analysis. This topic is understudied, no linguocultural studies analyzing this idea in Russian, French and Chinese culture have been observed earlier, which constitutes the scientific novelty of the work. The results will contribute to mutual understanding between peoples, forming a kind of conceptual bridge, and will also be used in courses on regional studies, comparative studies of cultures, and in the teaching of the respective languages.

Keywords: French language, Russian language, real connotations, Chinese language, comparative linguistics, semantic analysis, truth, linguoculturology, contrastive research, national worldviews

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Istina i sud'ba // Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. M.: Nauka, 1994. 320 s.
2. Arutyunova N. D. Istina: fon i konnotatsii // Logicheskii analiz estestvennogo yazyka: kul'turnye kontsepty. M., 1991. C. 21-31.
3. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' [Elektronnyi resurs] URL: <https://bkrs.info/> (data obrashcheniya: 06.03.2023).
4. Brokgauz F. A., Efron I. A. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Sankt-Peterburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efron), 1894. T. XII. 495 s.
5. Golovanivskaya M. K., Efimenko N. A. Predstavlenie o sud'be v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh // Filosofskaya mysl'. 2022. № 10. S. 35-53.
6. Golovanivskaya M. K. Mental'nost' v zerkale yazyka. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 376 s.
7. Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. M., 1972.
8. Dem'yankov V. Z. Teoriya rechevykh aktov v kontekste sovremennoi lingvisticheskoi literatury: (Obzor napravlenii) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike: № 17. Teoriya rechevykh aktov. M., 1986. C. 223-235.
9. Lyubker F. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei. M., 2001. № 1. S. 143-144.
10. Mify narodov mira. Entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. T. I. 671 s.
11. Odesskii M. P. Poetika vlasti na Drevnei Rusi // Drevnyaya Rus'. 2000. № 1.
12. Popper K. Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod. — Perevod s angliiskogo D. G. Lakhuti. M.: Editorial URSS, 2002. 384 s.

13. Slovar' logicheskikh terminov. M., 1998.
14. Stepanova I. M. Doklad «Koli ne lozh' – tak pravda» Materialy nauchnoi konferentsii Filologiya v sisteme sovremennogo obrazovaniya 22-23 iyunya 2004 goda. № 7. M.: URAO, 2004.
15. Strosen P. Znachenie i istina //Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie. M., 1998. 528 s.
16. Sheiman M. M. Vera v d'yavola v istorii religii. M.: Nauka, 1977.
17. Bouton C. L'histoire dont les événements sont des pensées. Hegel et l'histoire de la philosophie. In Revue philosophique de Louvain. Quatrième série, T. 98, no 2, 2000.
18. Jean Chauvineau. La logique moderne. Paris: P.U.F, 1980. 128 p.
19. «Centre Nationale de Ressources Textuelles et Lexicales» [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.cnrtl.fr> (data obrashcheniya: 08.03.2023).
20. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
21. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
22. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
23. 汉语大词典编纂处. 上海: 上海辞书出版社, 2011年. 10080页.
24. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库 [Elektronnyi resurs] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (data obrashcheniya: 19.03.2023).
25. 李圃. 古文字诂林. 上海: 上海人民出版社, 2004年. 896页.
26. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典(第12版). 北京: 商务印书馆, 2020年. 699页.
27. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
28. 荣世伦. 今译今解《道德经》. 北京: 华龄出版社, 2022年. 357页.
29. 王志源. 易经讲义. 济南: 山东大学出版社, 2021年. 214页.
30. 内篇·齐物论 [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.enruo.net/guwen/zhuangzi/3455.html> (data obrashcheniya: 21.03.2023)
31. 朱熹. 河南程氏遗书. 上海: 商务印书馆, 1935年. 380页.

Structural characteristics of French and Russian terms of the subject area "space artificial satellites" (based on glossaries)

Popova Larisa Georgievna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Germanistics and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Maly Kazenny 5B, Moscow, lane. Small State-owned, 5B

✉ larageorg5@gmail.com

Kovalenko Daria

Postgraduate, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow, lane. Small State-owned, 5B

✉ dariya.gogol@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the comparative analysis of the derivational elements of French and Russian terms of space artificial satellites area. Linguists' understanding of prefixation and suffixation components features, the ability to identify the prerequisites of their usage, correlate their morphological structure with cultural and historical linguistic

realities will ensure a competent and timely interpretation of terms in this field in the process of experts' interaction.

The relevance of the work is due to the fact that scientists have not conducted a comparative analysis of the French-Russian elements of the term formation of such a highly specialized and innovative subject area as space artificial satellites.

The subject of the study is the linguistic features of French and Russian terms formation methods in the space artificial satellites area.

The novelty of the research lies in the fact that for the first time we have identified the most active method of the terms' derivation based on the material of the two languages under consideration.

The results of the study demonstrate that suffixation is the main way of forming terms in both French and Russian languages, in particular, the suffixes *-tion* and *-ement* in French and *-ость* in Russian are most actively involved in the formation of terms; that international prefixes are used in most cases of formation of space artificial satellites terms and the quantitative representativeness of the prefixes *télé-/теле-* and *auto-/авто-* accounts for half of the total number of units.

Keywords: glossary, suffix, artificial space satellites, prefix, structure, term formation, term, special language, derivation, comparative analysis

References (transliterated)

1. Arutyunova T. S. Terminologicheskaya derivatsiya kak osnovnoi mekhanizm formirovaniya terminologii predmetnoi oblasti «sotsiologiya sem'i» v angliiskom yazyke // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2020. – № 3. – S. 76-83.
2. Burlinova A. S. Strukturnye kharakteristiki angloyazychnoi yuridicheskoi leksiki. // *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, – 2021. – № 74-4. – S. 12-14.
3. Gogol' D. V. Zaimstvovannye leksicheskie edinitsey vo frantsuzskoi grammaticheskoi terminologii. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya: sbornik statei po materialam LXII mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. – Novosibirsk, 2018. – 2 (62). – S. 12-19.
4. Gogol' D. V. Klassifikatsiya terminov predmetnoi oblasti kosmicheskoe priborostroenie [Tekst]. *Nauchnyi start-2021. Sbornik statei magistrantov i aspirantov. Redkollegiya: L. G. Vikulova (otv. red.) [i dr.]*. – M., 2021. – S. 314-318.
5. Gorkol'tsev G. A. Protsessy terminoobrazovaniya v angliiskom yazyke na primere sfery informatsionnykh tekhnologii. *Tekst: neposredstvennyi* // *Molodoi uchenyi*, 2018. – № 21 (207). – S. 204-206.
6. Gorokhova N. V. Nomenklturnye edinitsey v terminologii truboprovodnogo transporta // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 2016. – №4. – S. 84-94.
7. Lotte D. S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii. *Voprosy teorii i metodiki*. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 160 s.
8. Khakieva Z. U., Mannanova D. M., Kazharova D. S. K voprosu o mekhanizmkh strukturnoi i semanticheskoi terminoderivatsii (na materiale meditsinskikh i stroitel'nykh terminov) // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018. – № 2. – S. 252-262.
9. Shpal'chenko E. P. Aktual'nye voprosy vozniknoveniya akronimov i abbreviatur v paradigme globalizatsii yazykovykh protsessov (na primere voennykh aviatsionnykh

terminov angliiskogo yazyka) / Otv. red. V. D. Kaliushchenko // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: nauchnyi zhurnal. – Donetsk: DonNU, 2020. – T. 16. – Vyp. 1(47). – S. 25-43.

10. Elektronnyi slovar' Akademik [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dic.academic.ru>, svobodnyi (data obrashcheniya: 15.05.2023).

Combinability of the verbal relative «исходя из»: left and right components

Zarubina Elena

Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University

664025, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Lenin str., 8, office 304

✉ e.s.zarubina@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the process of grammaticalization in Russian on the example of the transition of the verbal unit «исходя из» into the prepositional one. Object of study is grammaticalization, due to which there is a transition from content words to function, the subject – the units that are grammaticalized and have a frontier status between content and functional units. The study focuses on combinability because only in the context the meaning and function of a unit is determined, the level of its grammaticalization is reflected and new features of lexical units are denoted. At present considerable attention is paid to derivative nominative prepositional neologisms. In the last two decades, a large number of studies have appeared which consider both single prepositional units and groups of units. A number of works are devoted to the description of nominative prepositions. At the same time, verbal prepositional neologisms have been neglected. The present paper is devoted to the description of the verbal relative «исходя из», the semantic and syntactic features of which have not been described in detail - this is the originality of the research. The study uses quantitative and descriptive methods of linguistic analysis. In the article lexico-semantic classification of verbs, which take position of the left component (main) in the combinations with the studied preposition, classification of nouns, which take position of the right component (dependent), as well as lexico-semantic correlation of components are given.

Keywords: lexical-semantic classification, right position component, left position component, content words, function words, prepositional unit, derived preposition, verbal relative, grammaticalization, combinability

References (transliterated)

1. Vinogradova, E. N. O grammatikalizatsii v russkom yazyke (pole predlogov) / Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury // Materialy XIII Kongressa MAPRYaL: v 15 tomakh. – Spb., Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury "MAPRYaL", 2015. – S. 37-41.
2. Vinogradova, E. N. Russkie predlogi v kontseptsii M. V. Vsevolodovoi (na primere odnogo "iz") // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-predlogi-v-kontseptsii-m-v-vsevolodovoy-na-primere-odnogo-iz> (data obrashcheniya: 15.03.2023). 230-246 s.
3. Vsevolodova, M. V. Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinit: tipologiya, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii / Voprosy

- yazykoznaniiya // M. V. Vsevolodova. – № 4 – M., RAN, 2010. – S. 3-26.
4. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly / Pod red. V.V. Morkovkina M.: Astrel' : AST, 2003. – 421 s.
 5. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. T. IV / pod obshch. red. N. Yu. Shvedovoi. M.: RAN In-t rus.yaz., 2007. – 952 s.
 6. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. / Pod red. A. P. Evgen'evoi. T. 1. M.: Rus. yaz.: Poligrafresursy, 1999. – 702 s.
 7. Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte [Elektronnyi resurs] : monografiya : nauchnoe elektronnoe izdanie / [E. A. Starodumova, V. N. Zav'yalov, E. S. Sheremet'eva i dr.] ; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet. – Vladivostok : Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, 2017. – 377 s.
 8. Tolkovyi slovar' russkikh glagolov : Ideograficheskoe opisaniye. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy / Pod. red. prof. L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS, 1999. – 704 s.
 9. Cherkasova, E. T. Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi / E.T. Cherkasova. – M.: Nauka, 1967. – 280 s.
 10. Sheremet'eva, E. S. Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy. Vladivostok: izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2008. – 236 s.
 11. Sheremet'eva, E. S. Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka [Tekst]: dis. ... d. filol. nauk: 10.02.01. – Vladivostok, 2011. – 407 s.
 12. Heine, B., Kuteva, T. World lexicon of grammaticalization, Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 389 p.
 13. Lachur, C. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim), Opole: Wydawnictwo Nowik Sp.j. 2019. Tom 1: a conto – oprócz.